

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 29, № 5*

Тематический выпуск
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Вологда • 2025

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (Экономические)
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (Экономические)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)
- 5.2.4. Финансы (Экономические)
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (Социологические)
- 5.4.2. Экономическая социология (Социологические)
- 5.4.3. Демография (Социологические)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)
- 5.4.5. Политическая социология (Социологические)
- 5.4.6. Социология культуры (Социологические)
- 5.4.7. Социология управления (Социологические)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Кожевников С.А., заместитель главного редактора, к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (ООО «Марфино», Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Агентство мониторинга и социологических исследований, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ускова Т.В.</i> К читателям	7
<i>Ускова Т.В., Кожевников С.А.</i> Пространственное развитие социально-экономических систем – приоритетное направление исследований Вологодского научного центра Российской академии наук.....	8
<i>Бухвальд Е.М.</i> Российский федерализм и новая стратегия пространственного развития.....	32
<i>Кузнецова О.В.</i> Стимулирование межрегионального сотрудничества в федеральной пространственной политике: проблемы и возможности	44
<i>Краснопольский Б.Х.</i> Институты управления и устойчивость геостратегического и хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока в современных условиях	58
<i>Дружинин А.Г.</i> Об «этнической определенности» пространственного развития современной России ...	71
<i>Исаев А.Г.</i> Проблемы структурной трансформации экономики Дальнего Востока в контексте поляризации пространственного развития России	87
<i>Пилясов А.Н., Котов А.В.</i> Технологическое развитие городов России в столетней ретроспективе	102
<i>Антипин И.А., Шишкина Е.А.</i> Пространственная неоднородность развития городов в контексте формирования экономического благополучия территорий	142
<i>Гайнанов Д.А., Кириллова С.А.</i> Реинтеграция сельских территорий Российской Федерации и инструментарий ее реализации	159

Дружинин П.В.

Влияние динамики населения периферии регионов на экономический рост: пространственные особенности	177
--	-----

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: июль 2025 года	194
Правила для авторов	210
Информация о подписке.....	211

CONTENTS

<i>Uskova T.V.</i>	
To the readers	7
<i>Uskova T.V., Kozhevnikov S.A.</i>	
Spatial Development of Socio-Economic Systems in VolRC RAS Research	8
<i>Bukhvald E.M.</i>	
Russian Federalism and a New Spatial Development Strategy	32
<i>Kuznetsova O.V.</i>	
Incentives for Interregional Cooperation in Federal Spatial Policy: Challenges and Opportunities	44
<i>Krasnopolski B.Kh.</i>	
Management Institutions and the Sustainability of Geostrategic and Economic Development of the Arctic Territories of the Far East in the Modern Context.....	58
<i>Druzhinin A.G.</i>	
On the “Ethnic Certainty” of the Spatial Development of Modern Russia.....	71
<i>Isaev A.G.</i>	
Problems of Structural Transformation of the Far East Economy in the Context of Russia’s Spatial Development Polarization.....	87
<i>Pilyasov A.N., Kotov A.V.</i>	
Technological Development of the Russian Cities in a Hundred-Year Retrospective	102
<i>Antipin I.A., Shishkina E.A.</i>	
Spatial Heterogeneity of Urban Development in the Context of the Formation of Economic Well-Being of Territories	142
<i>Gainanov D.A., Kirillova S.A.</i>	
Rural Reintegration in the Russian Federation and Its Implementation Tools	159

Druzhinin P.V.

Influence of Population Dynamics in the Regions' Periphery on Economic Growth: Spatial Features	177
--	-----

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the Economy: July 2025	194
Author guidelines	210
Subscription Information	211

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
заслуженный деятель науки РФ
ФГБУН ВолНЦ РАН

Уважаемые читатели!

Журнал «Проблемы развития территории» публикует статьи по кругу вопросов, требующих поиска их решения на уровне страны, региона или муниципалитета. Перечень вопросов весьма широк, поэтому журнал является привлекательным как для молодых авторов, так и уже состоявшихся ученых, что позволяет ему занимать высокие позиции среди российских экономических изданий. В настоящее время журналу присвоена категория К1 в Перечне ВАК, он входит в Единый государственный перечень научных изданий («Белый список») и ядро РИНЦ.

Стараясь идти в ногу со временем и учитывая современные тенденции в мировой, национальной и региональной экономике, редакция журнала работает над совершенствованием издания. В настоящее время актуализируется концепция журнала, основные положения которой будут представлены в ближайшем выпуске. Одним из новшеств является выпуск тематических номеров по наиболее острым проблемам территориального развития. На наш взгляд, это позволит более концентрированно, глубоко и с разных аспектов подойти к поиску решения той или иной проблемы территории, привлечь в качестве авторов ведущих отечественных и, возможно, зарубежных ученых, а также повысить интерес читателей, в том числе практиков.

Не откладывая реализацию этого новшества, редколлегией журнала принято решение данный выпуск посвятить вопросам пространственного развития. Выбор тематики неслучаен, так как в настоящее время вопросы пространственного развития активно обсуждаются не только научным сообществом, но и органами власти всех уровней.

Данная идея была поддержана наиболее известными отечественными учеными в этой области. Их статьи представлены в выпуске. За это мы им весьма признательны.

Полагаем, что поднятые вопросы будут с интересом восприняты и читателями журнала.

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В., Кожевников С.А.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ – ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: tvu@volnc.ru

ORCID: 0000-0001-9416-1136; ResearcherID: O-2232-2017

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЖЕВНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

Россия как самая большая по площади территории страна в мире обладает огромным, однако, к сожалению, в настоящее время недостаточно эффективно используемым пространственным потенциалом, который в условиях обострения геополитических и иных вызовов внешней и внутренней среды может выступить в качестве одного из ключевых эндогенных факторов развития страны. Это актуализирует необходимость разработки и реализации научно обоснованной государственной политики пространственного развития на федеральном, макро- и региональном уровнях, ориентированной на раскрытие потенциала урбанизированных и неурбанизированных территорий, в том числе на базе сетевых форм их взаимодействия. В статье рассмотрены основные этапы эволюции и направления исследований, осуществляемых в Вологодском научном центре Российской академии наук по проблематике пространственного развития социально-экономических систем различного уровня иерархии, фактически являющейся сквозной с самого момента его основания в 1990 году. Показано, что спектр изучаемых вопросов,

Для цитирования: Ускова Т.В., Кожевников С.А. (2025). Пространственное развитие социально-экономических систем – приоритетное направление исследований Вологодского научного центра Российской академии наук // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 8–31. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.1

For citation: Uskova T.V., Kozhevnikov S.A. (2025). Spatial development of socio-economic systems in VolRC RAS research. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 8–31. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.1

методология, а также используемый инструментарий постоянно развивались. В частности, в рамках исследований пространственного развития произошел переход от регионального (Вологодская область) к макрорегиональному (Европейский Север России, Северо-Западный федеральный округ) и федеральному уровням. Сотрудники освоили новые перспективные методы и инструменты проведения исследований (геоинформационные системы, методы анализа больших данных, пространственной эконометрики и др.), расширилась информационная база: активно использовались сервисы агрегации данных («Контур.Фокус», «List-Org», «Авито», «ЦИАН» и др.), данные Федеральной налоговой службы, а также полученные из запросов авторов в Росстат, опросов жителей, глав муниципальных образований, хозяйствующих субъектов, большие данные социальной сети «ВКонтакте» и др. Представлены ключевые результаты, их научная и практическая значимость, обоснованы перспективные направления дальнейших исследований в указанном проблемном поле. Статья позволяет оценить вклад вологодских ученых в развитие теории, методологии, а также институционально-инструментальное обеспечение пространственного развития России и ее регионов в условиях обострения современных вызовов.

Пространственное развитие, государственная политика, большие данные, ГИС, микроуровень, стратегия пространственного развития.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме № FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Введение

Особая актуальность проведения комплексных фундаментальных и прикладных научных исследований по проблематике пространственного развития социально-экономических систем различного уровня иерархии обусловлена сложившимися или в настоящее время активно набирающими силу глобальными, национальными и отраслевыми трендами, формирующими как ограничения (вызовы), так и новые возможности для социально-экономического и пространственного развития России и ее регионов¹ (Квинт, 2022; Ускова, Устинова, 2025; Россия 2035..., 2025).

К числу ключевых глобальных политических трендов, на наш взгляд, следует отнести усиление геополитического противостояния в мире, взаимного санкционного

давления, приведших к активизации процессов деглобализации, распада мира на зоны влияния («панрегионы») и усиления интеграционных процессов внутри этих зон. Для России это проявилось в фактически полном разрыве сложившихся в постсоветский период прямых хозяйственных связей с западными странами, переориентации экономической деятельности на Восток, а также внутреннего рынка, стимулировании развития экономики предложения.

Поскольку социально-экономическое пространство является производным от сложившейся на том или ином историческом этапе экономической модели развития страны, определяющей в т. ч. закономерности размещения производительных сил, направления и характер использования

¹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством Российской Федерации 13.02.2025). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411156963> (дата обращения 09.09.2025); Аналитическая записка «Горизонт 2040. Белая книга» / Агентство стратегических инициатив. URL: https://ruef.ru/assets/files/editions/Block_Gorizont_web_p_0208.pdf (дата обращения 09.09.2025); О контурах долгосрочного прогноза и что это значит для Арктики / ЦМАКП. Март 2025 г. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2025_03_03_RosArct.pdf (дата обращения 09.09.2025).

в хозяйственной деятельности достижений научно-технологического прогресса (НТП), то целесообразным видится обратить внимание на ряд активно развивающихся на современном этапе технологических и экономических трендов, а именно: переход мировой экономики к VI технологическому укладу, внедрение цифровых и платформенных технологий, развитие ИКТ. Это изменяет традиционную модель добычи и переработки сырья, размещения производительных сил: снижаются территориальные диспропорции между центрами добычи и переработки, роль и значение железнодорожного транспорта, повышается роль морской логистики; сокращается потребность в рабочей силе за счет автоматизации производств. Происходит активное формирование новых отраслей экономики (робототехника, 5G, «синяя», лесная биоэкономика, распределенная биопереработка, биотехнологии, разработка материалов для химической промышленности, промышленный интернет вещей, фотоника) (Кожевников, 2025b). В такой ситуации очевидным является исчерпание возможностей роста отечественной экономики исключительно за счет сырьевой модели развития.

Наряду с этим обостряются глобальные экологические проблемы: на фоне экстенсивной модели ведения хозяйственной деятельности в большинстве развивающихся стран растет антропогенная нагрузка на окружающую среду, наблюдается истощение природных ресурсов. Отмечаются довольно активно происходящие в мире в последние десятилетия климатические изменения, что проявляется в таянии вечной мерзлоты, росте влияния данных процессов на ведение хозяйственной деятельности, особенно в зоне Севера и Арктики. В связи с этим для государственного регулирования в мире актуальна климатическая повестка, обуславливающая снижение спроса на традиционные товары российского экспорта –

нефть и уголь; потребность в эффективной системе обращения с твердыми бытовыми отходами.

Все вышеперечисленное происходит на фоне форсированной урбанизации и деградации периферии, ярко выраженного снижения рождаемости, старения населения в России и большинстве развитых стран мира, депопуляции за счет естественной и миграционной убыли; роста численности населения в странах Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона.

При этом объективной тенденцией становится повышение требований населения к комфорту и безопасности среды проживания, что проявляется в запросе на повышение качества, комфортности и доступности жилья, городской, культурной и досуговой среды². Данные процессы протекают, как правило, на фоне усиливающихся территориальных различий в уровне жизни, связанных с пространственным изменением экономической активности. Эти обстоятельства повышают требования к пространственной связности страны, мобильности ресурсов, обеспечению достаточности инфраструктуры, появлению и развитию новых центров экономического роста.

Следует отметить, что указанные закономерности в настоящее время обозначены в ключевых верхнеуровневых стратегических документах России как вызовы, которые необходимо учитывать при разработке долгосрочных приоритетов социально-экономического и пространственного развития. В частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 400 от 02 июля 2021 года) приоритетом в контексте обеспечения экономической безопасности в условиях глобальной турбулентности названа необходимость укрепления единства экономического пространства, развития кооперации и хозяйственных связей между субъектами РФ.

² Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством Российской Федерации 13.02.2025). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411156963> (дата обращения 09.09.2025).

Фокус на необходимость преодоления диспропорций в социально-экономическом развитии территорий, вызванных форсированной урбанизацией и локационным сжатием освоенного пространства, закреплён в Стратегии научно-технологического развития России (утв. Указом Президента РФ № 145 от 28 февраля 2024 года). О масштабе существующих проблем свидетельствуют следующие цифры: отношение среднего ВРП на душу населения 10 регионов-лидеров к 10 регионам-аутсайдерам только в 2000–2023 гг. увеличилось с 6,6 до 13,5 раза. При этом различия между регионом-лидером и регионом-аутсайдером по уровню подушевого ВРП существенно выше: в 2023 году 65,8 раза (Ненецкий автономный округ / Республика Ингушетия)³. Несколько лучше ситуация складывается по социальным показателями за счет проведения государством «перераспределительной» политики. Так, в 2000–2023 гг. дифференциация 10 регионов-лидеров и 10 регионов-аутсайдеров по среднедушевым доходам населения снизилась с 4,8 до 3,5 раза. Однако существующая несбалансированность пространства РФ, усиление различий в условиях ведения хозяйственной деятельности являются вызовом для обеспечения национальной безопасности страны.

В новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства РФ № 4146-р от 28 декабря 2024 года) обозначен приоритет на формирование сбалансированной территориальной организации экономики, направленной на увеличение производства товаров и услуг для внутреннего рынка и добавленной стоимости, создаваемой в национальной экономике, в т. ч. путем раскрытия потенциала различных типов территорий. Предполагается создание условий для обеспечения устойчивости системы расселения за счет прекращения оттока насе-

ния из регионов Сибири, Дальнего Востока и Арктики, малых и средних городов, сельских территорий. Важную роль здесь должны сыграть опорные населенные пункты (ОНП; 2160 ед., более половины которых – малые города, поселки городского типа, села) как организующие центры субрегионального уровня, в т. ч. предоставляющие социальные услуги для жителей прилегающих территорий⁴.

Следует отметить, что политика пространственного развития в России на современном этапе направлена на достижение национальных целей за счет реализации ряда государственных программ и проектов. Вместе с тем одной из ключевых проблем, снижающих ее эффективность, на наш взгляд, является *слабая проработка институционально-инструментального обеспечения реализации стратегических приоритетов пространственного развития*. В связи с этим существует насущная необходимость в научно-методическом обеспечении данных процессов.

В настоящее время проблематика пространственных исследований в России развивается преимущественно в рамках следующих ведущих научных школ:

а) *московской* (А.Г. Гранберг, А.Г. Аганбегян, О.В. Кузнецова, Н.Н. Михеева, А.Н. Пиласов, С.С. Артоболевский, Т.Г. Нефедова, А.Г. Дружинин, Л.Б. Вардомский, А.И. Тревиш, Е.М. Бухвальд, А.В. Одинцова, С.Н. Растворцева, И.В. Манаева, Н.Ю. Замятина, А.В. Котов, С.П. Земцов и др.);

б) *петербургской* (В.В. Окрепилов, С.В. Кузнецов, Л.Э. Лимонов, Б.С. Жихаревич, Н.М. Межевич, С.В. Федосеев, А.М. Фадеев, П.В. Дружинин, О.В. Толстогузов, С.С. Лачининский и др.);

в) *уральской* (А.И. Татаркин, В.Н. Лаженцев, Ю.Г. Лаврикова, Е.Г. Анимича, В.В. Акбердина, И.А. Антипин, С.Г. Пьянкова, Т.Е. Дмитриева, И.В. Наумов, А.В. Суворова и др.);

³ Для справки: различия в подушевом ВРП между регионом-лидером и регионом-аутсайдером в Индии составляли 10 раз, Бразилии – 5,7 раза, КНР – 4,5 раза, США – 2,2 и 5,3 раза (без учета и с учетом округа Колумбия/DC) (Бахтизин, 2024).

⁴ Единый перечень опорных населенных пунктов РФ (утв. президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол № 143пр от 16 декабря 2024 года)).

з) *сибирской* (А.Г. Гранберг, А.Г. Аганбегян, В.А. Крюков, В.И. Сулов, С.А. Суспицын, В.Е. Селиверстов, В.В. Кулешов, Н.М. Ибрагимов, В.М. Гильмундинов, К.П. Глущенко, Е.А. Коломак, Л.В. Мельникова, В.И. Блануца, Ю.С. Ершов и др.);

д) *дальневосточной* (П.А. Минакир, А.Г. Исаев, А.Н. Демьяненко, Б.Х. Краснопольский, О.М. Прокапало, С.Н. Леонов, Д.А. Изотов и др.).

Вклад в развитие теоретико-методологических основ, инструментария пространственного развития России и ее регионов внесли и научные сотрудники Вологодского научного центра Российской академии наук (ВолНЦ РАН), который в этом году отмечает 35-летие. Представленная статья посвящена основным этапам и специфике становления проблематики пространственного развития социально-экономических систем в исследованиях сотрудников ВолНЦ РАН, в ходе которых методология непрерывно развивалась и дополнялась, расширялись инструментарий исследования, информационная база, охватывались все новые аспекты, в результате чего в настоящее время пространственная тематика находится в числе магистральных в проблемном поле исследований сотрудников ВолНЦ РАН.

Этап становления пространственных исследований в ВолНЦ РАН (1990 – первая половина 2017 года)

В Вологодском научном центре РАН (ранее – ВНКЦ ЦЭМИ РАН, ИСЭРТ РАН) в этот период проводился ряд научно-исследовательских и прикладных работ по проблематике социально-экономического, пространственного развития России и ее регионов. При этом расширение и углубление таких исследований обеспечивалось в значительной мере за счет укрепления связей и сотрудничества с ведущими экономическими институтами РАН (Институт проблем региональной экономики РАН, Институт экономики

УрО РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Институт экономики КарНЦ РАН, Центральный экономико-математический институт РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН и др.). Это позволило обогатить имеющееся методологическое и инструментальное обеспечение пространственных исследований.

Одной из первых и, на наш взгляд, знаковых работ данного периода является монография «Вологодская область: движение к рынку», где внимание авторов было сосредоточено главным образом на исследовании тенденций социально-экономического развития региона в ходе рыночных реформ 90-х гг. XX века, их противоречивости и сложности, влиянии на повседневную жизнь населения региона (Ильин и др., 1995).

При этом следует отметить, что на начальном этапе фокус был направлен прежде всего на исследования, связанные с территориальными аспектами развития и поиском резервов повышения эффективности отраслевых комплексов (сельского хозяйства и лесопромышленного комплекса), составляющих экономический базис большинства муниципальных образований региона.

Так, с 1992 года был организован и в настоящее время реализуется мониторинг функционирования и развития сельскохозяйственных организаций Вологодской области⁵ (Пашко и др., 1994). Он осуществляется на основе анкет, которые рассылаются в адрес руководителей крупных и средних организаций агросектора региона. Такой мониторинг, включающий в себя также анализ официальной статистики, позволяет выявить ключевые проблемы и территориальные особенности развития данной сферы.

В эти годы исследователями (В.А. Ильин, А.А. Пашко, М.Ф. Сычев, П.М. Советов, Т.В. Ускова, А.Н. Чекавинский, А.А. Ани-

⁵ Вологодская область: ход аграрной реформы в 1993–1995 гг. (по материалам опросов руководителей предприятий АПК и экспертов в 1993–1995 гг.): информ.-аналит. записка по итогам НИР / исполн. А.А. Пашко, И.Л. Браузе. Вологда, 1996. 9 с.

щенко и др.) были реализованы проекты, в том числе направленные на анализ пространственной организации отрасли сельского хозяйства региона, в результате чего обоснована необходимость стимулирования интеграционных связей аграрной науки и производства, развития сети снабженческих, сбытовых, перерабатывающих, кредитных кооперативов (Пашко и др., 1997; Ильин и др., 2007а; Ускова и др., 2013с).

Наряду с этим были исследованы сущность территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства, факторы, ее формирующие, а также формы, методы и инструменты государственной аграрной политики, направленной на снижение такой дифференциации. На материалах Вологодской области была обоснована специализация зон сельхозпроизводства (типизация территорий) и изучены особенности финансово-хозяйственной деятельности «модельных» хозяйств региона в выявленных зонах. Разработаны и научно обоснованы меры, инструменты государственного управления сельскохозяйственным производством для сглаживания территориальной дифференциации⁶ (Анищенко, 2018).

Другой широкий пласт исследований связан с мониторингом состояния и проблем развития *лесного комплекса региона*. Реализованные учеными проекты были посвящены разработке программы развития и реструктуризации лесопромышленных предприятий Сокольского промышленного узла на период 1998–2005 гг. (А.С. Шулев)⁷;

оценке пределов экономической доступности освоения расчетной лесосеки гослесфонда Вологодской области (А.С. Шулев, М.А. Куковеров, З.С. Миронова, Е.С. Трунов)⁸; разработке рекомендаций по внедрению в лесопромышленном комплексе индикативного прогнозирования (Миронова и др., 2000). Основные выводы и предложения исследований легли в основу Концепции стабилизации работы и развития лесопромышленного комплекса (ЛПК) на период 1998–2005 гг., принятой Правительством Вологодской области.

В 2000–2005 гг. исследователи стали участниками работ по подготовке проектов стратегий, планов и программ развития ЛПК, в числе которых «Разработка программных мероприятий по первоочередному строительству лесовозно-хозяйственных дорог, финансируемых за счет областного дорожного фонда» (А.С. Шулев, М.А. Куковеров, А.А. Седов)⁹; «Региональная программа комплексного использования древесных отходов и низкосортной древесины в Вологодской области на период до 2010 года» (М.М. Поляков, А.С. Шулев, М.А. Куковеров, З.С. Миронова, Е.С. Трунов)¹⁰.

В этот период был разработан комплекс мер по обеспечению устойчивости лесопромышленного комплекса Вологодской области в условиях рыночной стратегии его развития (Т.В. Ускова, Т.Н. Трунова, З.С. Миронова, К.А. Задумкин); разработаны проекты Стратегии развития лесопромышленного комплекса Вологодской области до 2020 года (З.С. Миронова, М.А. Куковеров),

⁶ Направления и инструменты сглаживания последствий территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства: информ.-аналит. записка о третьем этапе НИР / исполн. А.Н. Анищенко. Вологда, 2017. 46 с.

⁷ Разработка программы развития и реструктуризации лесопромышленных предприятий Сокольского промышленного узла (с учетом повышения экологической безопасности) на период 1998–2005 гг.: отчет о НИР / исполн. А.С. Шулев. Вологда, 1998. 114 с.

⁸ Оценка пределов экономической доступности освоения расчетной лесосеки Вологодской области. 1 этап. Государственный лесной фонд: отчет о I этапе НИР / исполн. М.Ф. Сычев, М.М. Поляков, А.С. Шулев, А.В. Козлов, М.А. Куковеров, З.С. Миронова. Вологда, 2002. 117 с.

⁹ Теоретические основы и практический опыт развития сети лесных дорог многоцелевого назначения: информ.-аналит. записка о первом этапе НИР / исполн. А.С. Шулев, Н.Н. Васильева. Вологда, 2003. 53 с.

¹⁰ Апробация типовых направлений развития переработки древесины на основе безотходных технологий в условиях рыночной экономики (на примере АО «Семигородный леспромхоз»): отчет о НИР / исполн. М.М. Поляков, А.С. Шулев, А.В. Белый, Н.Ю. Манойлова. Вологда, 1994. 88 с.

Лесного плана Вологодской области (З.С. Миронова), Программы повышения устойчивости и инновационности развития лесного комплекса Вологодской области, в том числе на основе формирования лесного кластера (Р.Ю. Селименков) и др. Рекомендации и предложения по развитию лесного комплекса нашли отражение в ряде плановых документов по устойчивому развитию сектора, принятых на уровне Правительства Вологодской области¹¹ (Сычев и др., 2011; Селименков, Советов, 2012).

Непосредственно комплексному исследованию особенностей и проблем пространственного развития региона был посвящен целый ряд работ, основные результаты которых представлены в монографиях (Ильин и др., 2007b; Ильин и др., 2008; Ильин и др., 2009; Ускова и др., 2010 и др.). Кроме того, были выполнены НИР в интересах Правительства Вологодской области: разработаны стратегии и программы развития туристического (2014 год) и молочного (2015 год) кластеров Вологодской области.

В рамках работ были выявлены факторы дифференциации территорий и концептуализированы пути ее снижения (В.А. Ильин, Т.В. Ускова, С.А. Селякова, Р.Ю. Малышев)¹². В дальнейшем данное направление было развито в работах Т.В. Усковой и Н.В. Ворошилова: исследованы сущность, содержание, факторы, причины и механизмы управления внутрирегиональной социально-экономической дифференциацией, предложен методический инструментарий оценки дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований и разработан механизм преодоления ее последствий (Ускова, Ворошилов, 2015).

В этот период были реализованы первые комплексные исследования, посвященные изучению особенностей и проблем развития *узловых* (крупные города и городские агломерации) и *неузловых* (средние/малые города, сельские территории) элементов пространственного каркаса региона. В частности, была сформирована система мониторинга условий проживания населения крупного города, которая базируется на данных опросов жителей и позволяет провести комплексную оценку качества городской среды. С 1994 года такая оценка на системной основе (раз в 1–2 года) проводится для Вологды и Череповца¹³ (Ильин и др., 1997; Ускова, Кожевников, 2013).

Наряду с этим был разработан и апробирован методический инструментарий оценки уровня конкурентоспособности крупных городов России (Ускова и др., 2013b), комплекс мер по модернизации их экономики и социальной сферы (Ускова, Нестеров, 2010; Ускова и др., 2013d). Реализован комплекс проектов по разработке стратегий развития важных сфер Вологды: социальной ответственности бизнеса до 2025 года, жилищной строительной индустрии до 2025 года, промышленности до 2030 года, потребительского рынка до 2020 года. В данный период начались первые исследования по проблематике формирования и развития городских агломераций в регионах страны¹⁴.

Ряд исследований был посвящен проблемам развития малых и средних городов. В первую очередь здесь следует отметить работу, включающую анализ ключевых проблем и обоснование перспективных направлений модернизации экономики моногорода Сокол (Ускова и др., 2012).

¹¹ Разработка основных стратегических направлений развития лесопромышленного комплекса Вологодской области до 2020 года: заключительный отчет о НИР / исполн. З.С. Миронова, Р.Ю. Селименков. Вологда, 2007. 117 с.

¹² Дифференциация социально-экономического развития районов Вологодской области и формирование эффективных территориальных агломераций: заключительный отчет о НИР / исполн. В.А. Ильин, Т.В. Ускова, С.А. Селякова, Р.Ю. Малышев. Вологда, 2006. 133 с.

¹³ Мониторинг условий проживания в г. Вологде (по оценкам населения): информ.-аналит. записка по НИР / исполн. Т.В. Ускова, Д.П. Жаравин. Вологда, 2004. 82 с.

¹⁴ Ильин В.А., Селякова С.А., Малышев Р.Ю. [и др.] (2006). Формирование городской агломерации: учебное пособие. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 126 с.: ил.

В данный период довольно активно проводились исследования развития муниципальных образований региона, значительная часть которых являются сельскими территориями. В частности, был сформирован научно-методологический комплекс исследования и управления их развитием (типология, методический инструментарий оценки и организационно-экономический механизм развития потенциала) (Ускова, 2009; Ускова и др., 2013а; Ворошилов, Губанова, 2014; Чекавинский и др., 2017). Сформирована система мониторинга реформирования института местного самоуправления, базирующаяся на опросах глав муниципальных образований, стартовавшего с 2007 года, и данных официальной статистики. Опрос глав муниципальных образований региона позволяет также выявить проблемы развития различных типов муниципальных образований (сельские и городские поселения, муниципальные районы). С 2014 года стартовал выпуск ежегодного бюллетеня «Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области», где нашли отражение результаты этих исследований.

В данный период был разработан ряд документов стратегического планирования Вологодской области и муниципальных районов (стратегии социально-экономического развития Бабаевского, Вашкинского, Вологодского, Грязовецкого, Сокольского, Череповецкого и других муниципальных районов, а также города Вологды).

Рассматривая развитие внешнеэкономического и межрегионального взаимодействия в качестве факторов интенсификации экономического роста территории, сотрудники ВолНЦ РАН в 2010 году начали исследовательские работы по данной тематике. Совместно с Центром системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси был выполнен ряд научно-исследовательских работ по проблемам торгово-экономической интеграции (Ускова, Селименков, 2013; Селименков, Кашинцев, 2014). Реализованы проекты по проблемам

активизации межрегионального экономического взаимодействия (Лукин, Ускова, 2016).

Таким образом, в методологическом и инструментальном плане в данный период сформировался определенный научный задел, который выступил базой для дальнейшего расширения и углубления исследований по пространственной тематике не только на региональном, но и макрорегиональном и федеральном уровнях.

Этап развития и углубления пространственных исследований в ВолНЦ РАН (2017–2025 гг.)

Комплексное и системное проведение пространственных исследований в ВолНЦ РАН началось с 2017 года, когда на базе отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах была создана лаборатория пространственного развития и размещения производительных сил. В 2017–2022 гг. ее возглавлял Сергей Александрович Кожевников. В апреле 2023 года приказом директора ФГБУН ВолНЦ РАН лаборатория была преобразована в Центр исследования пространственного развития социально-экономических систем (далее – Центр, руководитель – канд. экон. наук С.А. Кожевников), включающий два подразделения: лабораторию пространственного развития территориальных систем и межотраслевых комплексов, а также лабораторию исследования проблем управления пространственными социально-экономическими системами. В состав Центра в настоящее время входит 6 человек: канд. экон. наук Сергей Александрович Кожевников, канд. экон. наук Николай Владимирович Ворошилов, канд. экон. наук Светлана Сергеевна Патракова, канд. экон. наук Екатерина Дмитриевна Копытова, младший научный сотрудник Марина Анатольевна Лебедева, лаборант-исследователь Михаил Юрьевич Покутний. Доля высококвалифицированных кадров – 67%.

Основные направления исследований Центра соответствуют ключевым направлениям Программы фундаменталь-

Таблица 1. Основные направления исследований Центра с учетом приоритетов развития фундаментальной науки и пространственного развития России

Документ	Научное направление
1. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (утв. Распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2020 года № 3684-р)	5.6.3. «Пространственная экономика»: – исследование закономерностей трансформации социально-экономического пространства Российской Федерации; системный анализ развития российских регионов и их взаимодействий; – механизмы формирования новой модели пространственного развития экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие и связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века; – разработка стратегии долговременного развития российских макрорегионов; исследование проблем долговременного развития Крыма, Северного Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Севера и Арктики с учетом государственной политики, глобальных и национальных вызовов
2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 года № 4146-р)	Приоритеты пространственного развития России: – формирование сбалансированной территориальной организации экономики, способствующей развитию экономики предложения, направленной на увеличение производства товаров и услуг для внутреннего рынка и рост добавленной стоимости, в т. ч. путем раскрытия потенциала территорий; – создание условий для обеспечения устойчивости системы расселения на территории РФ, включая условия для прекращения оттока постоянно проживающего населения из регионов Сибири, Дальнего Востока и Арктики, малых и средних городов, сельских территорий; – сокращение уровня меж- и внутрирегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ
Источник: составлено авторами.	

ных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (утв. Распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р) и приоритетам новой Стратегии пространственного развития РФ до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 года № 4146-р, *табл. 1*).

В рамках данного методологического подхода в течение 2017–2025 гг. коллективом был реализован ряд научно-исследовательских проектов в рамках государственного задания, грантов научных фондов (РФФИ, РНФ, Президента РФ), работ в интересах органов власти.

Научной платформой исследований выступают теории опорного каркаса (Н.Н. Баранский, Г.М. Лаппо, П.М. Полян и др.), полицентризма (P. Schmitt, K. Volgmann, A. Münter и др.), близости («proximity»: A. Торре, Р. Бошма), теории центральных мест (В. Кристаллер, А. Леш), сетевого взаимодействия (М. Кастельс, Б. Уэлман, Д. Ноук, Н. Смородинская и др.). С учетом их поло-

жений обосновывается позиция о том, что сбалансированное пространственное развитие страны и ее регионов обеспечивается на основе развития устойчивых социально-экономических связей между регионами, а также по линии «крупный город – средний/малый город – село» внутри одного региона на основе использования и развития потенциала различных типов территорий. Иными словами, в отличие от предыдущего этапа становления исследований сейчас в Центре изучаются проблемы не только непосредственно развития узловых и не узловых элементов пространства, но и обеспечения их социально-экономической связности между собой, поскольку именно системно-сетевая парадигма социально-экономического пространства на данном этапе развития производительных сил видится более релевантной действительности (Пилясов, 2025).

В свою очередь развитие пространственных исследований в ВолНИЦ РАН в данный период осуществлялось по следующим ключевым направлениям (*рис. 1*).

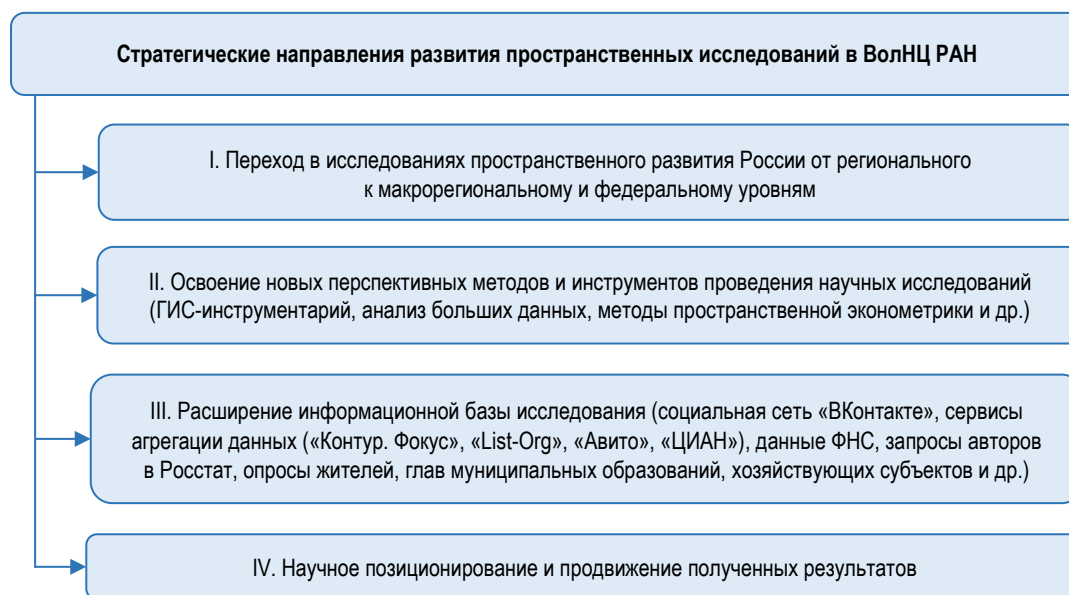

Рис. 1. Направления развития пространственных исследований в ВолНЦ РАН в 2017–2025 гг.

Источник: составлено авторами.

Остановимся более подробно на каждом из направлений.

I. Переход в исследованиях пространственного развития России от регионального к макрорегиональному и федеральному уровням.

В 2017–2025 гг. в Центре произошел постепенный переход к исследованию пространственного развития России на макро-региональном (Европейский Север России, СЗФО) и федеральном уровнях (другие федеральные округа), а также развивались методологические подходы к проведению таких исследований.

а) Федеральный уровень исследований

Совместно с другими подразделениями ВолНЦ РАН в 2024 году была подготовлена и вышла в свет монография по национальным проектам, в которой исследовались в т. ч. инфраструктурные аспекты пространственного развития регионов страны (Национальные проекты России..., 2024). Издание было разослано по регионам и получило порядка 20 отзывов от федеральных, региональных органов власти и научных организаций.

Кроме того, в 2023–2025 гг. сотрудниками Центра был реализован крупный грант Российского научного фонда

«Агломерирование или анклавизация: о чем свидетельствует опыт развития крупных городов России?» (руководитель – канд. экон. наук С.А. Кожевников). Объектом исследования выступили 8 формирующихся городских агломераций (из различных федеральных округов России) с населением менее 500 тыс. чел., ядрами которых являются крупные и большие города. В рамках реализации гранта разработаны теоретико-методологический подход и инструментарий комплексной диагностики городских агломераций «второго эшелона» (Кожевников и др., 2024а; Voroshilov, Kozhevnikov, 2024). Выявлено, что данные агломерации имеют потенциал для превращения в точки роста макро- и регионального уровней, однако ключевыми их проблемами являются слабая внутренняя интегрированность (Кожевников, Ворошилов, 2024; Кожевников и др., 2024а; Секушина, 2024b) и неэффективная структура экономики, в которой преобладают виды деятельности, не подверженные эффекту масштаба (Копытова, Ворошилов, 2025; Кожевников, 2025а). В марте 2025 года была подготовлена и в настоящее время находится в издательстве монография по результатам исследования.

б) Межрегиональный (окружной) уровень исследований

В 2017 году сотрудники (Т.В. Ускова, С.А. Кожевников, Н.В. Ворошилов) совместно с коллегами из других подразделений ВолНЦ РАН в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие» реализовали крупный научно-исследовательский проект, посвященный экономической и социальной трансформации сельских территорий Северо-Западного федерального округа в постсоветский период, исследованию ключевых особенностей и проблем их развития, по итогам которого была подготовлена коллективная монография (Ускова и др., 2021а).

В 2018–2019 гг. Т.В. Ускова, С.А. Кожевников и Н.В. Ворошилов в партнерстве с коллегами из Института географии РАН (г. Москва) в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов» реализовывали научно-исследовательский проект «Проблемы пространственной реструктуризации на примере формирования и развития городских агломераций как точек роста территории в контексте решения стратегических проблем развития Европейского Севера и Арктической зоны России»¹⁵. В нем на основе использования монографического, исторического методов, инструментария экономической географии и проведенных социологических опросов населения были выявлены особенности и проблемы формирования и развития городских агломераций в регионах Европейского Севера России.

В результате исследований в 2020 году была подготовлена краткая информаци-

онно-аналитическая записка «Механизм управления формированием и развитием городских агломераций Европейского Севера России»¹⁶, где обоснована возможность формирования и развития 10 потенциальных агломераций на территории Европейского Севера России. В апреле 2021 года она была разослана в федеральные органы власти (Государственная Дума, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, министерства), высшим должностным лицам субъектов РФ, в муниципалитеты агломераций, научные организации. Получено 36 отзывов, в которых поддержана необходимость развития городских агломераций, в т. ч. с численностью населения менее 500 тыс. жителей; нашли одобрение концептуальные предложения авторов по формированию механизма управления развитием таких агломераций.

В этот период также продолжились исследования по проблемам и перспективам развития лесопромышленного (Ускова и др., 2021b) и агропромышленного (Анищенко и др., 2019) комплексов в регионах Европейского Севера России.

В 2024 году коллективом впервые было проведено исследование пространственного развития Северо-Западного федерального округа в постсоветский период. Для этого авторы разработали концептуальный подход к исследованию пространственного развития на макрорегиональном уровне, который базируется на *каркасном и центр-периферийном* подходах и рассматривает пространственную организацию макрорегиона через призму трансформации расселенческого, производственно-экономического, инфраструктурного и экологического каркасов. Были выявлены процессы деградации потенциала северных и северо-восточных территорий, низкой связности

¹⁵ Проблемы пространственной реструктуризации на примере формирования и развития городских агломераций как точек роста территории в контексте решения стратегических проблем развития Европейского Севера и Арктической зоны России: заключительный отчет о НИР / исполн. С.А. Кожевников, Н.В. Ворошилов. Вологда, 2018. 155 с.

¹⁶ Механизм управления формированием и развитием городских агломераций Европейского Севера России: информ.-аналит. записка / руководитель Т.В. Ускова; исполн. Н.В. Ворошилов. Вологда, 2020. 32 с.

пространства, что ведет к дальнейшему смещению «центра тяжести» макрорегиона в Санкт-Петербург, Ленинградскую и Калининградскую области на фоне периферизации социально-экономического пространства округа. Обоснована необходимость формирования иерархически-полицентричной модели организации пространства региона, узлами которого являются городские агломерации различного уровня иерархии и ряд опорных населенных пунктов за пределами их влияния (Ускова и др., 2024).

По результатам исследования подготовлен пилотный выпуск бюллетеня «Социально-экономическое пространство регионов СЗФО: состояние и тенденции развития. 1990–2023 гг.»¹⁷ (коллектив авторов под общей редакцией Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова), который совместно с краткой аналитической запиской и обзором изменения рангов регионов в январе 2025 года был разослан в государственные органы власти субъектов РФ, научным организациям. В качестве обратной связи получено 56 отзывов, где были поддержаны полученные выводы и высказаны ценные предложения по дальнейшему развитию материалов, заинтересованность в получении аналогичных бюллетеней по Центральному и Уральскому федеральным округам.

Ряд исследований сотрудников в данный период был посвящен вопросам развития малых и средних городов макрорегиона (Т.В. Ускова, И.А. Секушина, С.А. Кожевников), в итоге получены следующие ключевые научные результаты: разработан методический подход к типологизации городов на основе их специализации и положения в системе расселения с целью обоснования приоритетов госполитики по их развитию; разработан методический подход к оценке сформированности и направленности хозяйственных связей малых городов

(Кожевников, 2025с; Ускова, Секушина, 2021). На основе его использования выявлены зависимости текущего состояния и потенциала модернизации города со сложностью экономики, его встроенностью в национальные и региональные цепочки создания стоимости (Кожевников, 2023а; Кожевников, 2023b; Секушина, 2024а). Определены тенденции, барьеры и перспективы цифровизации малых и средних городов Европейского Севера России (Секушина, 2022).

Значительное внимание исследователи уделяют вопросам обеспечения производственно-экономической (Кожевников, Патракова, 2022; Патракова, 2025b), транспортной (Кожевников, Патракова, 2024; Ускова и др., 2025), социальной (Кожевников, 2023а; Крюков, Кожевников, 2024), институциональной (Кожевников, Секушина, 2021) и иной связности социально-экономического пространств макрорегиона, развития научных основ и институционально-инструментального обеспечения пространственной интеграции на меж- и внутрирегиональном уровнях (Кожевников, 2025b; Кожевников, Патракова, 2022), сбалансированности социально-экономического пространства по линии «город – село» (Ворошилов, Губанова, 2018; Ворошилов, 2021; Ускова, Патракова, 2022).

С 2025 года сотрудники Центра в рамках государственного задания реализуют новую тему НИР «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов». Объектом исследования являются глубинные территории регионов СЗФО (сельские территории и малые города), а предметом – организационно-экономические и управленческие отношения, связанные с поиском источников модернизации данных территорий в рамках перехода на неозндогенную модель развития.

¹⁷ Социально-экономическое пространство регионов Северо-Запада России: состояние и тенденции развития. 1990–2023 гг.: аналитический бюллетень. Вып. 1 / под общ. ред. Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 139 с. URL: http://www.vscs.ac.ru/uploads/activity_files/2025/04/28945.pdf (дата обращения 10.09.2025).

в) Региональный уровень исследований

В рамках расширения системы мониторинга развития муниципальных образований Вологодской области, который реализуется в ВолНЦ РАН уже более 10 лет, в 2024 году был предложен методический подход к исследованию пространственного развития региона, включающий в себя формирование типологии муниципалитетов области как по критерию периферийности (т. е. удаленности от крупных городов: городские агломерации, ближняя, средняя и дальняя периферия), так и по доле сельского населения в общей численности жителей области (типы: полностью сельские, преимущественно сельские, преимущественно городские территории). В результате апробации этого подхода выявлены ключевые тенденции и проблемы социально-экономического развития каждой группы территорий, которые могут лечь в основу дифференцированной политики по их развитию. На длинных рядах данных (с 1990-х гг.) показаны процессы форсированного локационного сжатия освоенного пространства вокруг двух крупных городов региона (Вологда, Череповец); при этом выявлено, что ряд малых городов региона в настоящее время имеет потенциал для превращения в реальные организующие центры субрегионального уровня за счет сохранения в них экономического ядра с довольно диверсифицированной структурой производств.

По итогам проведенного исследования в 2024 году был подготовлен очередной выпуск бюллетеня «Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. Выпуск 11» (Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов)¹⁸. Данный бюллетень, краткая записка в феврале 2025 года разосланы по государственным органам власти субъектов РФ, научным организациям. В качестве обратной связи получен 21 отзыв. Кроме того, результаты исследования обсуждались на заседании Российской муниципальной академии в феврале 2025 года и получили поддержку.

II. Освоение новых перспективных методов и инструментов проведения научных исследований (ГИС-инструментарий, анализ больших данных, методы пространственной эконометрики и др.).

Пространственные исследования предполагают использование гибкого инструментария под стоящие научные задачи. В частности, в настоящее время активно применяется ГИС-инструментарий (программное обеспечение QGIS и др.), в первую очередь при построении картограмм, которые отражают различные аспекты пространственного развития регионов страны (плотность населения, транспортная доступность административного центра муниципального образования и т. п.) и использовались при подготовке авторами бюллетеня по пространственному развитию СЗФО. Кроме того, ГИС применялись при построении изохрон транспортной доступности, использовании спутниковых снимков, что позволило провести делимитацию ряда городских агломераций России (Кожевников и др., 2024b), оценить транспортную связность северных территорий России и др. (Кожевников, Патракова, 2024).

В настоящее время сотрудниками Центра активно применяется инструментарий пространственной эконометрики, который используется в ведущих зарубежных и отечественных исследованиях в данном проблемном поле: оценка пространственной автокорреляции, построение традиционных и пространственных регрессионных моделей на временных, пространственных, панельных данных со случайными и фиксированными эффектами (в программной среде STATA, Gretl, R-Studio, MS Excel) (Патракова, 2025a; Копытова, Патракова, 2024). Все это позволяет обеспечить большую научную обоснованность и достоверность проведенных исследований, их соответствие фронтальным направлениям развития мировой пространственной науки.

¹⁸ Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. 2000–2023 гг.: информационно-аналитический бюллетень. Вып. 11 / под общ. ред. Т.В. Усковой, Н.В. Ворошилова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 132 с.

III. Расширение информационной базы исследования (данные социальной сети «ВКонтакте», сервисов агрегации данных («Контур. Фокус», «List-Org», «Авито», «ЦИАН»), Федеральной налоговой службы, запросы авторов в Росстат, опросы жителей, глав муниципальных образований, хозяйствующих субъектов и др.).

Одной из главных трудностей в проведении пространственных исследований является слабое информационное обеспечение в российской статистике. В связи с этим возникает насущная необходимость в расширении информационной базы.

Для изучения пространственных взаимодействий (прежде всего социальных связей населения) сотрудниками Центра активно использовались большие данные социальной сети «ВКонтакте». В частности, с использованием сервиса TargetHunter были собраны большие данные пользователей населенных пунктов Европейского Севера России, которые позволяют оценить пространственное распределение их социальных связей (родственных, дружеских), миграционные установки населения (Кожевников, 2023b), в том числе в пространстве городских агломераций (Крюков, Кожевников, 2024); активность населения в государственных пабликах, оценку гражданского участия и др. (Секушина, Лебедева, 2024).

При этом в последние годы в исследованиях Центра активно используются данные микроуровня (хозяйствующих субъектов). Так, на основе сплошного парсинга с сервиса «Контур.Фокус» информации о финансово-экономической деятельности хозяйствующих субъектов была исследована специфика проявления агломерационных эффектов на микроуровне (Кожевников и др., 2024с; Копытова, Патракова, 2024); проведена оценка экономической специализации исследуемых городских агломераций по подробным ВЭД (что не позволяет текущая статистика Росстата в целом, тем более для муниципального уровня), обоснованы перспективные проекты вертикальной интеграции и кластерно-сетевые, что позво-

ляет консолидировать потенциал города-ядра и спутниковой зоны агломерации (Кожевников, 2025а; Копытова, Ворошилов, 2025). В настоящее время аналогичное исследование проводится для малых городов, что позволит обосновать перспективные специализации и приоритеты модернизации их экономики, в т. ч. во взаимосвязи с крупными городами и сельскими территориями.

Для исследования рынка жилья городских агломераций России были собраны большие данные (106,6 тыс. объявлений с Авито), характеризующие в динамике изменение стоимости предложений о продаже жилья (1-комнатные квартиры) в ядре и муниципальных образованиях спутниковой зоны за период 2018–2022 гг. Их обработка позволяла оценить степень интегрированности рынка жилья по линии «ядро – спутниковая зона» как одного из проявлений агломерационных эффектов (Кожевников и др., 2024а).

Наряду с этим активно используются данные экспертных и социологических опросов. Так, с 2007 года проводится ежегодный опрос глав муниципальных образований Вологодской области; с 2023 года – глав муниципалитетов регионов СЗФО. С 1992 года ежегодно осуществляется опрос руководителей сельхозорганизаций области; в 2024 году в рамках инициативного проекта был проведен опрос председателей советов союзов потребителей Вологодской области. С 1994 года организуются социологические опросы населения крупных городов области (Вологда, Череповец) относительно качества городской среды. Все это позволяет преодолеть ограничения существующей отечественной статистики и более комплексно исследовать особенности пространственного развития социально-экономических систем различного уровня иерархии.

IV. Научное позиционирование и продвижение полученных результатов.

Наука развивается в тесном сотрудничестве исследователей, поэтому значительные усилия сотрудников Центра на данном этапе были направлены на научное позиционирование и продвижение полученных

результатов, их популяризацию в СМИ и на профильных мероприятиях¹⁹.

Наряду с этим ВолНЦ РАН выступал в качестве площадки при проведении «якорных» тематических конференций/секций с активным привлечением ведущих исследователей. Так, 23 апреля 2025 года на базе ВолНЦ РАН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов», в рамках которой прошло обсуждение актуальных вопросов теории, методологии и практики развития городских агломераций в регионах России. В мероприятии приняли участие авторитетные ученые, молодые специалисты и работники органов государственной власти из 14 регионов России, а также Республики Беларусь и Республики Азербайджан. К работе конференции присоединились порядка 80 исследователей, среди которых в качестве докладчиков выступили 7 докторов наук, 27 кандидатов наук (71% выступающих с ученой степенью).

Представленный вашему вниманию выпуск журнала «Проблемы развития территорий» является тематическим. В нем опубликованы статьи ведущих отечественных исследователей по проблематике пространственного развития России и ее регионов. Несомненно, такие выпуски позволяют обмениваться передовыми знаниями в данном проблемном поле и обогащать отечественную науку в целом. Эту практику, на наш взгляд, целесообразно всячески поддерживать и развивать.

Перспективы развития исследований

Перед ВолНЦ РАН стоят амбициозные задачи как в развитии фундаментальных, так и прикладных пространственных исследований. Для их решения в настоящее время разработана и реализуется Стратегия развития Центра исследования пространственного развития социально-экономических систем до 2030 года и на период до 2040 года.

В части развития фундаментальных исследований важным и перспективным направлением видится актуализация энергопроизводственных циклов Н.Н. Колосовского в условиях перехода экономики к новому технологическому укладу и новых вызовов; дальнейшее развитие методологии и методического инструментария проектирования перспективных специализаций локальных территорий с учетом их потенциала (в т. ч. сетевого взаимодействия), традиционных и новых факторов размещения, что предполагает необходимость усиления отраслевых исследований. Отдельные аспекты этой проблематики будут реализовываться в рамках темы НИР FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов» (2025–2027 гг.). Решение указанных задач видится возможным за счет активного использования в исследованиях данных микроуровня (хозяйствующих субъектов), освоения методов ГИС-анализа и моделирования, пространственного моделирования социально-экономических систем, в т. ч. с учетом пространственно-временных компонент.

Другой важной задачей является дальнейшее развитие системы мониторинга в рамках деятельности Центра, обеспечение его комплементарности с формирующейся в ВолНЦ РАН системой мониторинга на макрорегиональном уровне. Это позволит сформировать комплексный взгляд на особенности, проблемы социально-экономического и пространственного развития Северо-Западного федерального округа.

При этом нужно стремиться к тому, чтобы исследования Центра выступали в качестве научно-методического и инструментального обеспечения реализации приоритетов новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Потенциал видится в реализации проектов, направленных на научное обоснование приоритетов

¹⁹ Некоторые из публикаций в СМИ: 1. Научный подход // Аргументы и факты. 2024. № 16. 2. В поиске эффективных инструментов развития малых городов севера России – от ученых Вологодского научного центра // Научная Россия. 2021. 28 ноября. 3. Матерая не прощается: на какие нужды выделяют деньги селам // Известия. 2024. 26 мая и др.

и проектов развития городов различного уровня иерархии и городских агломераций (например, при разработке мастер-планов, программ развития опорных населенных пунктов); перспективных специализаций и проектов модернизации экономики неурбанизированных территорий с учетом консолидации их потенциала.

Успешное решение этих задач возможно на основе дальнейшего развития кадрового потенциала Центра, освоения новых компетенций, в том числе за счет налаживания тесного сетевого сотрудничества с другими ведущими научными организациями и учеными, занимающимися исследованиями в данном проблемном поле.

ЛИТЕРАТУРА

- Анищенко А.Н. (2018). Территориальная дифференциация сельскохозяйственного производства: региональный аспект // *АгроЗооТехника*. Т. 1. № 4. DOI: 10.15838/alt.2018.1.4.6
- Анищенко А.Н., Кожевников С.А., Фриева Н.А. (2019). Потенциал сельского хозяйства северных территорий: проблемы реализации: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 152 с.
- Бахтизин А.Р. (2024). Урбанизация и вопросы пространственного развития // *Научные труды Вольного экономического общества России*. С. 69–88. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-69-88
- Ворошилов Н.В. (2021). К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.7
- Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. (2014). Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 6 (36). С. 54–69.
- Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. (2018). Дифференциация территорий и механизм ее снижения // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 11. № 6. С. 57–72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4
- Ильин В.А., Гордеев А.В., Ускова Т.В. [и др.] (2007а). Экономика сельского района: состояние и перспективы. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 270 с.
- Ильин В.А., Гулин К.А., Сычев М.Ф. (2009). Проблемы регионального развития: 2009–2012 / под ред. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 216 с.
- Ильин В.А., Гулин К.А., Сычев М.Ф. [и др.] (2007b). Проблемы регионального развития: 2007–2010 / под ред. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 184 с.
- Ильин В.А., Жирнов Е.М., Якуничев А.С. (1997). Условия проживания населения: оценка и проблемы управления. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 75 с.
- Ильин В.А., Пашко А.А., Сычев М.Ф. (1995). Вологодская область: движение к рынку. Вологда: ВНКЦ РАН. 132 с.
- Ильин В.А., Сычев М.Ф., Гулин К.А. (2008). Пространственные аспекты развития региона / под ред. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 298 с.
- Квинт В.Л. (2022). Концепция стратегирования. Т. I. Санкт-Петербург: СЗИУ РАНХиГС. 132 с.: ил. (Библиотека стратега).
- Кожевников С.А. (2023а). «Мягкие» факторы обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // *Регионоведение*. Т. 31. № 1. С. 87–106. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.087-106
- Кожевников С.А. (2023b). Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. Т. 26. № 3 (81). С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010

- Кожевников С.А. (2025a). Концепция стратегии развития российских городских агломераций с численностью менее 500 тысяч человек // Экономика промышленности. Т. 18. № 2. С. 182–198. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-2-1410
- Кожевников С.А. (2025b). Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. Т. 5. № 1. С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74
- Кожевников С.А. (2025c). Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. № 4. С. 9–23.
- Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. (2024). Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.5
- Кожевников С.А., Ворошилов Н.В., Крюков И.А. (2024a). Методический подход к исследованию рынка жилья городских агломераций «второго эшелона» // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 15. № 2. С. 315–330. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.2.315-330
- Кожевников С.А., Патракова С.С. (2022). Приоритеты и инструменты обеспечения внутрирегиональной интеграции пространства по линии «город – село» // Вопросы управления. № 2. С. 76–90. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-2-76-90
- Кожевников С.А., Патракова С.С. (2024). Транспортная связность северных регионов России: проблемы и инструменты обеспечения // Проблемы развития территории. Т. 28. № 3. С. 50–66.
- Кожевников С.А., Патракова С.С., Ворошилов Н.В. (2024b). Проблемы и подходы к выявлению границ агломераций Севера и Арктики России // Экономика региона. Т. 20. № 2. С. 429–445. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-6
- Кожевников С.А., Патракова С.С., Копытова Е.Д. (2024c). Перспективные центры экономического роста регионов России и агломерационные эффекты: эмпирический анализ // Креативная экономика. Т. 18. № 5. С. 1075–1090.
- Кожевников С.А., Секушина И.А. (2021). Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5
- Копытова Е.Д., Ворошилов Н.В. (2025). Городские агломерации российских регионов: развитие с учетом их экономической специализации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. С. 241–269. URL: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-11>
- Копытова Е.Д., Патракова С.С. (2024). Агломерационные эффекты крупных городов: оценка на микро-данных // Проблемы развития территории. Т. 28. № 2. С. 10–23. DOI: 10.15838/ptd.2024.2.130.2
- Крюков И.А., Кожевников С.А. (2024). Социальные связи жителей городских агломераций России: анализ на основе данных «ВКонтакте» // Актуальные вопросы современной экономики. № 5. С. 75–83.
- Лукин Е.В., Ускова Т.В. (2016). Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 148 с. (Проблемы эффективности государственного управления).
- Миронова З.С., Статеева Т.Н., Шулев А.С. (2000). Индикативное прогнозирование развития регионального лесопромышленного комплекса: препринт / под ред. М.М. Полякова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 59 с.
- Национальные проекты России: особенности, эффективность реализации: монография (2024) / под научным руководством В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, Т.В. Усковой; Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 453 с. (Проблемы эффективности государственного управления).
- Патракова С.С. (2025a). Влияние автотранспортной связности на экономический рост регионов: эконометрическое моделирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 89–105. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.5

- Патракова С.С. (2025b). Роль потребительской кооперации в укреплении связности социально-экономического пространства Вологодской области: экспертные оценки // Вопросы управления. Т. 19. № 1. С. 25–41. DOI: 10.22394/2304-3369-2025-1-25-41.
- Пашко А.А., Жирнов Е.М., Быстрова Н.А. (1994). Вологодская область: ход аграрной реформы в 1992–1993 гг. (по материалам экспертного опроса): препринт. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 46 с.
- Пашко А.А., Ильин В.А., Сычев М.Ф. (1997). Агропромышленный комплекс района: реформа и развитие. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 97 с.
- Пилясов А.Н. (2025). Пространство, которое мы потеряли (о новой стратегии пространственного развития России – 2036) // ЭКО. № 3 (603). С. 7–39. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-3-7-39
- Россия 2035: пространство развития (2025): научный доклад / под редакцией члена-корреспондента РАН А.А. Широга. М.: Динамик Принт. 364 с.
- Секушина И.А. (2022). Цифровизация малых и средних городов Европейского Севера России: тенденции и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 124–138. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.7
- Секушина И.А. (2024a). Монопрофильные малые и средние города Европейского Севера России в условиях социально-экономических вызовов 2020–2023 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 74–94. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.4
- Секушина И.А. (2024b). Рынок труда городских агломераций: состояние и проблемы развития // Экономика труда. Т. 11. № 4. С. 525–548. DOI: 10.18334/et.11.4.120814
- Секушина И.А., Лебедева М.А. (2024). Неформальное гражданское участие населения в развитии малых и средних городов Европейского Севера России (на примере некоммерческих организаций и городских интернет-сообществ) // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3. С. 60–76. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2024.85.004
- Селименков Р.Ю., Кашинцев Н.П. (2014). Оценка развития регионов в условиях экономической интеграции // Вестник Череповецкого государственного университета. № 2 (55). С. 54–58.
- Селименков Р.Ю., Советов П.М. (2012). Лесной комплекс: управление инновационным развитием. Вологда: ИСЭРТ РАН. 215 с.
- Сычев М.Ф., Селименков Р.Ю., Миронова З.С., Тукмачева А.И. (2011). Экономика воспроизводства лесов: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 146 с.
- Ускова Т.В. (2009). Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 355 с.
- Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. (2015). Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 156 с. (Проблемы эффективности государственного управления).
- Ускова Т.В., Ворошилов Н.В., Гутникова Е.А., Кожевников С.А. (2013a). Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 196 с.
- Ускова Т.В., Гутникова Е.А., Кожевников С.А. (2013b). Конкурентоспособность города: методологические основы и инструментальный аппарат обеспечения: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН. 60 с.
- Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Чекавинский А.Н. (2013c). Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 136 с.
- Ускова Т.В., Чекавинский А.Н., Лукин Е.В. (2013d). Экономическое развитие крупного города: состояние, проблемы, перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 128 с.
- Ускова Т.В., Ильин В.А., Барабанов А.С., Попова О.И., Иогман Л.Г. (2010). Производственные кластеры как инструмент повышения конкурентоспособности региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 232 с.

- Ускова Т.В., Иогман Л.Г., Ткачук С.Н., Нестеров А.Н., Литвинова Н.Ю. (2012). Моногород: управление развитием / под ред. д.э.н. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН. 220 с.
- Ускова Т.В., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В. [и др.] (2021a). Постсоветские трансформации и перспективы развития сельских территорий: монография / под общ. ред. А.А. Шабуновой. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 334 с.
- Ускова Т.В., Кожевников С.А., Мазилев Е.А., Секушина И.А. (2021b). Потенциал и перспективы развития лесопромышленного комплекса северного региона: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 185 с.
- Ускова Т.В., Кожевников С.А. (2013). Проблемы повышения комфортности проживания населения города // Вопросы территориального развития. № 9 (9).
- Ускова Т.В., Кожевников С.А., Патракова С.С. (2024). Тенденции пространственного развития регионов Северо-Запада России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15
- Ускова Т.В., Кожевников С.А., Патракова С.С., Секушина И.А., Ворошилов Н.В. (2025). Транспортная связность Европейского Севера России: оценка и инструменты обеспечения: монография / под общ. ред. Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 174 с. (Проблемы эффективности государственного управления).
- Ускова Т.В., Нестеров А.Н. (2010). Управление современным городом: направленная модернизация / под ред. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН. 196 с.
- Ускова Т.В., Патракова С.С. (2024). Сбалансированность регионального экономического пространства по линии «город – село» // Проблемы прогнозирования. № 1 (202). С. 196–207. DOI: 10.47711/0868-6351-202-196-207
- Ускова Т.В., Секушина И.А. (2021). Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5
- Ускова Т.В., Селименков Р.Ю. (2013). Прогнозирование торгово-экономических отношений регионов СЗФО РФ с Республикой Беларусь // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3 (27). С. 97–105.
- Ускова Т.В., Устинова К.А. (2025). Рейтинг научно-технологического потенциала российских регионов // *Ars Administrandi* (Искусство управления). Т. 17. № 1. С. 133–157. DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-133-157
- Чекавинский А.Н., Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. (2017). Институты развития на местном уровне: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 200 с.
- Voroshilov N., Kozhevnikov S. (2024). Assessing agglomeration processes in Russian second-tier urban agglomerations. *National Accounting Review*, 6(2), 148–171. DOI: 10.3934/nar.2024007

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@volnc.ru)

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий центром исследования пространственного развития социально-экономических систем, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Uskova T.V., Kozhevnikov S.A.

SPATIAL DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS IN VOLRC RAS RESEARCH

Russia, as the largest country in the world by area, has enormous, but unfortunately, currently insufficiently effectively used spatial potential, which, in the context of exacerbation of geopolitical and other challenges of the external and internal environment, can act as one of the key endogenous factors in the development of the country. This actualizes the need to develop and implement a scientifically sound state policy of spatial development at the federal, macro- and regional levels, aimed at revealing the potential of urbanized and non-urbanized territories, including on the basis of network forms of their interaction. The article considers the main stages of evolution and directions of research in Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences on the problems of spatial development of socio-economic systems of various levels of hierarchy, which has actually been end-to-end since its foundation in 1990. The paper shows that the range of issues studied, the methodology, as well as the tools used have been constantly evolving. In particular, in the studies of spatial development there was a transition from the regional (Vologda Region) to the macroregional (European North of Russia, Northwestern Federal District) and federal levels. The staff mastered new promising methods and tools for conducting research (GIS, methods of analyzing big data, spatial econometrics, etc.), the information base expanded: data aggregation services were actively used (Kontur.Fokus, List-Org, AVITO, CIAN, etc.), data from the Federal Tax Service, as well as data obtained from our requests to Rosstat, surveys of residents, heads of municipalities, business entities, big data from the social media VKontakte, etc. The key results obtained, their scientific and practical significance are presented, promising areas for further research in this problematic field are substantiated. The article allows assessing the contribution of Vologda scientists to the development of theory, methodology, as well as institutional and instrumental support for the spatial development of Russia and its regions in the context of exacerbating modern challenges.

Spatial development, public policy, big data, GIS, micro level, spatial development strategy.

REFERENCES

- Anishchenko A.N. (2018). Territorial differentiation of agricultural production: Regional aspect. *AgroZooTekhnika=Agricultural and Livestock Technology*, 1(4). DOI: 10.15838/alt.2018.1.4.6 (in Russian).
- Anishchenko A.N., Kozhevnikov S.A., Frieва N.A. (2019). *Potentsial sel'skogo khozyaistva severnykh territorii: problemy realizatsii: monografiya* [The Potential of Agriculture in the Northern Territories: Problems of Implementation: Monograph]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN.
- Bakhtizin A.R. (2024). Urbanization and spatial development issues. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 69–88. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-69-88 (in Russian).
- Chekavinskii A.N., Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. (2017). *Instituty razvitiya na mestnom urovne: monografiya* [Institutions of Development at the Local Level: Monograph]. Vologda: ISERT RAN.
- Ilyin V.A., Gordeev A.V., Uskova T.V. et al. (2007a). *Ekonomika sel'skogo raiona: sostoyanie i perspektivy* [Rural Economy: Current State and Prospects]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN.
- Ilyin V.A., Gulin K.A., Sychev M.F. (2009). *Problemy regional'nogo razvitiya: 2009–2012* [Problems of Regional Development: 2009–2012]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN.
- Ilyin V.A., Gulin K.A., Sychev M.F. et al. (2007b). *Problemy regional'nogo razvitiya: 2007–2010* [Problems of Regional Development: 2007–2010]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN.
- Ilyin V.A., Pashko A.A., Sychev M.F. (1995). *Vologodskaya oblast': dvizhenie k rynku* [Vologda Region: Moving towards the Market]. Vologda: VNKTs RAN.

- Ilyin V.A., Shabunova A.A., Uskova T.V. (Eds). (2024). *Natsional'nye proekty Rossii: osobennosti, effektivnost' realizatsii: monografiya Vologda: VolNTs RAN* [National Projects of Russia: Features, Effectiveness of Implementation: Monograph]. Vologda: VolNTs RAN.
- Ilyin V.A., Sychev M.F., Gulin K.A. (2008). *Prostranstvennye aspekty razvitiya regiona* [Spatial Aspects of the Region's Development]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN.
- Ilyin V.A., Zhirnov E.M., Yakunichev A.S. (1997). *Usloviya prozhivaniya naseleniya: otsenka i problemy upravleniya* [Living Conditions of the Population: Assessment and Management Problems]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN.
- Kopytova E.D., Patrakova S.S. (2024). Agglomeration effects of large cities: Assessment based on micro-data. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 28(2), 10–23. DOI: 10.15838/ptd.2024.2.130.2 (in Russian).
- Kopytova E.D., Voroshilov N.V. (2025). Urban agglomerations of Russian regions: Development through the lens of their economic specialization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika=Moscow University Economics Bulletin*, 3, 241–269. Available at: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-11> (in Russian).
- Kozhevnikov C.A. (2023a). “Soft” factors for ensuring spatial integration of Russia’s northern regions. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*, 31(1), 87–106. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.087-106 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A. (2023b). Modernization of the economy of small towns in the Russian North based on the intensification of inter-municipal economic ties. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka*, 26, 3(81), 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A. (2025b). Strategic priorities and tools for spatial integration of Russia’s European north. *Strategirovanie: teoriya i praktika=Strategizing: Theory and Practice*, 5(1), 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A. (2025c). Strategic priorities for the development of small towns as supporting nodes of the spatial framework of the country. *Upravlenskoe konsul'tirovanie*, 4, 9–23 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A. (2025a). The concept of the strategy for the development of Russian urban agglomerations with a population under 500 thousand people. *Ekonomika promyshlennosti=Russian Journal of Industrial Economics*, 18(2), 182–198. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-2-1410 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. (2022). Priorities and tools for ensuring intra-regional space integration along the “urban-rural” line. *Voprosy upravleniya=Management Issues*, 2, 76–90. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-2-76-90 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. (2024). Transport connectivity of Russia’s northern regions: Problems and tools for ensuring it. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 28(3), 50–66 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S., Kopytova E.D. (2024c). Promising centers of economic growth in Russian regions and agglomeration effects: An empirical analysis. *Kreativnaya ekonomika=Creative Economy*, 18(5), 1075–1090 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S., Voroshilov N.V. (2024b). Problems and approaches to identifying agglomeration boundaries in the Russian North and Arctic. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 20(2), 429–445. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-6 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Sekushina I.A. (2021). Interregional cooperation: Experience of the regions of the European North of Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika=Journal of Volgograd State University. Economics*, 23(4), 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. (2024). Agglomeration processes in Russian regions: Specifics and challenges to the intensification positive effects. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty,*

- tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 91–109. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.5 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V., Kryukov I.A. (2024a). The methodical approach to the study of the housing market of urban agglomerations of the “second-tier”. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)=MIR (Modernization, Innovation, Research*, 15(2), 315–330. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.2.315-330 (in Russian).
- Kryukov I.A., Kozhevnikov S.A. (2024). Social relations of residents of urban agglomerations of Russia: Analysis based on VKontakte data. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki*, 5, 75–83 (in Russian).
- Kvint V.L. (2022). *Kontseptsiya strategirovaniya. T. I.* [The Concept of Strategizing. Volume I.]. Saint Petersburg: SZIU RANKhiGS. 132 s.: il. (Biblioteka stratega).
- Lukin E.V., Uskova T.V. (2016). *Mezhregional'noe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: sostoyanie, problemy, perspektivy: monografiya* [Interregional Economic Cooperation: Status, Problems, Prospects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN.
- Mironova Z.S., Stateeva T.N., Shulev A.S. (2000). *Indikativnoe prognozirovanie razvitiya regional'nogo lesopromyshlennogo kompleksa: preprint* [Indicative Forecasting of the Development of the Regional Timber Industry: Preprint]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN.
- Pashko A.A., Ilyin V.A., Sychev M.F. (1997). *Agropromyshlennyy kompleks raiona: reforma i razvitie* [Agro-Industrial Complex of the District: Reform and Development]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN.
- Pashko A.A., Zhirnov E.M., Bystrova N.A. (1994). *Vologodskaya oblast': khod agrarnoi reformy v 1992–1993 gg. (po materialam ekspertnogo oprosa): preprint* [Vologda Region: The course of agrarian reform in 1992–1993 (based on the materials of an expert survey): preprint]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN.
- Patrakova S.S. (2025a). The impact of road transport connectivity on economic growth of regions: Econometric modeling. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 89–105. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.5 (in Russian).
- Patrakova S.S. (2025b). The role of consumer cooperation in strengthening the connectivity of the socio-economic space of the Vologda Region: Expert assessments. *Voprosy upravleniya=Management Issues*, 19(1), 25–41. DOI: 10.22394/2304-3369-2025-1-25-41 (in Russian).
- Pilyasov A.N. (2025). The space we have lost (on the new spatial development strategy of Russia – 2036). *EKO=ECO Journal*, 3(603), 7–39. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-3-7-39 (in Russian).
- Sekushina I.A. (2022). Digitalization of small and medium-sized cities in the European North of Russia: Trends and prospects. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 124–138. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.7 (in Russian).
- Sekushina I.A. (2024a). Single-industry small and medium-sized cities of the European North of Russia in the context of socio-economic challenges of 2020–2023. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 74–94. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.4 (in Russian).
- Sekushina I.A. (2024b). The labor market of urban agglomerations: The state of the art and problems of development. *Ekonomika truda=Russian Journal of Labour Economics*, 11(4), 525–548. DOI: 10.18334/et.11.4.120814 (in Russian).
- Sekushina I.A., Lebedeva M.A. (2024). Informal civic participation of the population in the development of small and medium-sized cities in the European North of Russia (using the example of non-profit organizations and urban online communities). *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 3, 60–76. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2024.85.004 (in Russian).
- Selimenkov R.Yu., Kashintsev N.P. (2014). Assessment of regional development in the context of economic integration. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(55), 54–58 (in Russian).
- Selimenkov R.Yu., Sovetov P.M. (2012). *Lesnoi kompleks: upravlenie innovatsionnym razvitiem* [Forest Complex: Management of Innovative Development]. Vologda: ISERT RAN.

- Shirov A.A. (Ed.). (2035). *Rossiya 2035: prostranstvo razvitiya: nauchnyi doklad* [Russia 2035: Development Space: Scientific Report]. Moscow: Dinamik Print.
- Sychev M.F., Selimenkov R.Yu., Mironova Z.S., Tukmacheva A.I. (2011). *Ekonomika vosproizvodstva lesov: monografiya* [Economics of Forest Reproduction: Monograph]. Vologda: ISERT RAN.
- Uskova T.V. (2009). *Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona: monografiya* [Managing the Sustainable Development of the Region: Monograph]. Vologda: ISERT RAN.
- Uskova T.V., Chekavinskii A.N., Lukin E.V. (2013d). *Ekonomicheskoe razvitie krupnogo goroda: sostoyanie, problemy, perspektivy: monografiya* [Economic Development of a Large City: State, Problems, Prospects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN.
- Uskova T.V., Gutnikova E.A., Kozhevnikov S.A. (2013b). *Konkurentosposobnost' goroda: metodologicheskie osnovy i instrumental'nyi apparat obespecheniya: preprint* [Competitiveness of the City: Methodological Foundations and Instrumental Support Apparatus: Preprint]. Vologda: ISERT RAN.
- Uskova T.V., Ilyin V.A., Barabanov A.S., Popova O.I., Iogman L.G. (2010). *Proizvodstvennye klasteri kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti regiona: monografiya* [Production Clusters as a Tool to Increase the Competitiveness of the Region: Monograph]. Vologda: ISERT RAN.
- Uskova T.V., Iogman L.G., Tkachuk S.N., Nesterov A.N., Litvinova N.Yu. (2012). *Monogorod: upravlenie razvitiem* [Single-Industry Town: Development Management]. Vologda: ISERT RAN.
- Uskova T.V., Kalachikova O.N., Leonidova G.V. et al. (2021a). *Postsovetskie transformatsii i perspektivy razvitiya sel'skikh territorii: monografiya* [Post-Soviet Transformations and Prospects for Rural Development: Monograph]. Vologda: Vologodskii nauchnyi tsentr RAN.
- Uskova T.V., Kozhevnikov S.A. (2013). Problems of improving the living comfort of the city's population. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 9(9) (in Russian).
- Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Mazilov E.A., Sekushina I.A. (2021b). *Potentsial i perspektivy razvitiya lesopromyshlennogo kompleksa severnogo regiona: monografiya* [Potential and Prospects for the Development of the Timber Industry in the Northern Region: Monograph]. Vologda: VolRS RAS.
- Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. (2024). Trends in the spatial development of the regions of the Northwest of Russia in the 21st century. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15 (in Russian).
- Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S., Sekushina I.A., Voroshilov N.V. (2025). *Transportnaya svyaznost' Evropeiskogo Severa Rossii: otsenka i instrumenty obespecheniya: monografiya* [Transport Connectivity of the European North of Russia: Assessment and Support Tools: Monograph]. Vologda: VolRC RAS.
- Uskova T.V., Nesterov A.N. (2010). *Upravlenie sovremennym gorodom: napravleniya modernizatsiya* [Modern City Management: Targeted Modernization]. Vologda: ISERT RAN.
- Uskova T.V., Patrakova S.S. (2024). The balance the regional economic space along the urban-rural line. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1(202), 196–207. DOI: 10.47711/0868-6351-202-196-207 (in Russian).
- Uskova T.V., Sekushina I.A. (2021). Strategic priorities for the development of small and medium-sized cities. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), 56–70. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5 (in Russian).
- Uskova T.V., Selimenkov R.Yu. (2013). Forecasting of trade and economic relations between the regions of the Northwestern Federal District of the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 3(27), 97–105 (in Russian).

- Uskova T.V., Selimenkov R.Yu., Chekavinskii A.N. (2013c). *Agropromyshlennyy kompleks regiona: sostoyanie, tendentsii, perspektivy: monografiya* [Agro-Industrial Complex of the Region: State, Trends, Prospects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN.
- Uskova T.V., Ustinova K.A. (2025). Rating of scientific and technological potential of Russian regions. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, 17(1), 133–157. DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-133-157 (in Russian).
- Uskova T.V., Voroshilov N.V. (2015). *Regional'naya politika territorial'nogo razvitiya: monografiya* [Regional Policy of Territorial Development: Monograph]. Vologda: ISERT RAN.
- Uskova T.V., Voroshilov N.V., Gutnikova E.A., Kozhevnikov S.A. (2013a). *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy lokal'nykh territorii: monografiya* [Socio-Economic Problems of Local Territories: Monograph]. Vologda: ISERT RAN.
- Voroshilov N., Kozhevnikov S. (2024). Assessing agglomeration processes in Russian second-tier urban agglomerations. *National Accounting Review*, 6(2), 148–171. DOI: 10.3934/nar.2024007
- Voroshilov N.V. (2021). On the issue of assessing the socio-economic potential of rural areas. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), 91–109. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.7 (in Russian).
- Voroshilov N.V., Gubanova E.S. (2014). Assessment of the level of socio-economic development in municipal formation of the Vologda Oblast. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 6(36), 54–69 (in Russian).
- Voroshilov N.V., Gubanova E.S. (2018). Differentiation of territories and the mechanism of its reduction. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11. № 6, 57–72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, honored scientist of the Russian Federation, deputy director for science, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@volnc.ru)

Sergei A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of center for spatial development research of socio-economic systems, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.2
УДК 332.14; 342.24 | ББК 65.050.23

© Бухвальд Е.М.

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

ЕВГЕНИЙ МОИСЕЕВИЧ БУХВАЛЬД

Институт экономики РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: buchvald@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9892-5930; ResearcherID: Q-7131-2017

Принятие в конце 2024 года новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации (СПР-2024) не оправдало надежд на то, что эта разработка в достаточно полной мере восполнит отсутствие в стране документа, определяющего стратегическое видение перспектив ее федеративного устройства. СПР-2024 содержит ряд интересных и важных инициатив в этом направлении, но они носят недостаточно конкретный характер и не формируют системное видение будущего российского федерализма. В статье анализируются некоторые актуальные проблемы, связанные с федеративными отношениями в России, и возможные варианты совершенствования федеративных отношений в ходе экономических, социально-политических и институциональных реформ. Исследование опирается на критический анализ документов стратегического планирования федерального уровня, институционально-инструментального обеспечения реализации федеральной политики пространственного развития. Обосновано, что существующая в настоящее время формально позиционированная совокупность институтов и инструментов пространственного развития (макрорегионы, геостратегические территории, перспективные центры экономического роста и др.) лишена достаточной внутренней согласованности и системности; не определено окончательно их место в экономико-правовом механизме федеративных отношений и управлении региональным развитием, а также целевые установки и механизмы их реализации. В свою очередь потенциал опорных населенных пунктов реализуем лишь при разработке адекватных форм и механизмов их интеграции в агломерацион-

Для цитирования: Бухвальд Е.М. (2025). Российский федерализм и новая стратегия пространственного развития // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 32–43. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.2

For citation: Bukhvald E.M. (2025). Russian federalism and a new spatial development strategy. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 32–43. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.2

ные процессы в регионах России, наличия условий и источников обеспечения их саморазвития как экономических центров для прилегающих территорий. Показано, что достижение баланса приоритетов выравнивания и экономического роста регионов России возможно только на основе разработки и реализации долговременной стратегии российского федерализма и его пространственных характеристик. Научная новизна исследования связана не только с проведенным анализом, но и с разработанными автором приоритетами реализации данной стратегии с учетом стоящих перед страной вызовов.

Федеративные отношения, пространственное развитие, регулирование и его институты, развитие территорий, местное самоуправление.

Федеративные отношения – ключевой элемент политики пространственного регулирования и развития территорий

В последнюю четверть века, несмотря на существенное усложнение внутренних и внешних факторов развития российской государственности, устойчиво сохраняется представление о том, что именно система федеративных отношений остается ведущим условием сохранения целостности, поддержания экономической и социальной стабильности. Такая позиция сохраняет доминирующее положение даже на фоне заметного сокращения числа публикаций на эту тему в научной литературе (Валентей, 2025; Корольков, 2025). Можно заметить, что в настоящее время практически выпали из поля зрения многие вопросы, ранее активно привлекавшие внимание российских и зарубежных исследователей: соотношение симметрии и асимметрии федеративных отношений (противоречие между формальной симметрией и глубокой экономической асимметрией отношений), особая роль в составе федерации национально-государственных и административно-территориальных образований, соотношение конституционно-законодательных и договорных основ российского федерализма; соотношение трендов федералистского централизма и децентрализации и пр. Такая ситуация, действительно, создает впечатление, что круг наиболее острых проблем развития российского федерализма в основном уже исчерпан и конструктивно отрегулирован. Более того, складывается мнение, что многое в трактовке российского федерализма

сейчас вообще склонилось к чисто формальной стороне дела, не имеющей прямой проекции на актуальные процессы в обществе и государстве. Особенно это касается периодического обновления институциональной и правовой основы федеративных отношений (Коротина, 2021; Одинцова, 2022; Институциональные основы..., 2023; Буз, 2025; Кузнецова, 2025; Уваров, 2023; Швецов, 2024).

Но, конечно, это далеко не так. Российский федерализм по-прежнему содержит в себе многие элементы традиционных формально-правовых конструкций. Однако новые условия политического и социально-экономического развития страны закономерно порождают новые проблемы, и они также должны находиться в поле зрения науки с точки зрения осмысления их сути и поиска путей их решения. Как здесь не вспомнить замечание В.И. Ленина в его статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма»: «Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции – это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее» (Ленин, 1921, с. 221).

Таким образом, несмотря на существенное усложнение внутренних и внешних факторов развития Российской Федерации, устойчиво сохраняется представление о том, что именно система федеративных отношений на деле остается ведущим условием сохранения целостности российского государства, поддержания его экономической и социальной стабильности. Однако сегодня говорить об исчерпывающем решении этих задач развития начал российского федера-

лизма явно преждевременно. Конечно, круг наиболее злободневных проблем российского федерализма не остается неизменным и многие из них все еще не решены или с течением времени наполняются новым содержанием. В статье предпринята попытка выделить проблемные аспекты дальнейшей эволюции федеративных отношений в России, которые по-прежнему значимы для устойчивого социально-экономического развития страны, ее регионов и отдельных территорий, прежде всего на основе использования методов стратегического планирования и управления.

Федеративные отношения как объект регулирования

В российских условиях федеративные отношения – основа формирования и функционирования всей системы институтов публичной власти, а также «вертикали» стратегического планирования, в том числе пространственного стратегирования. Проблемы федеративных отношений, а в более узком смысле – сферы практической актуализации экономико-правового механизма федеративных отношений в целом – закономерно оказываются в центре широкого круга реформационных процессов в стране, определяют их последовательность и итоговую результативность (Валентей, 2025). Многими зарубежными исследователями также рассматриваются различные аспекты и проблемы трансформации федеративных отношений в разных странах мира, в том числе с точки зрения развития институциональных структур (Lockner, 2013; Sosar, 2018; Chauhan, Mohanty, 2024; Demerev et al., 2025), влияния данных трансформаций на региональное и пространственное развитие (Hoffman, 1981; Dudek, Zademach, 2023).

Однако, как нам представляется, к настоящему времени сформировать стратегическое видение путей решения наиболее значимых проблем российского федерализма не удалось, нерешенных задач в этом направлении остается немало. С целью преодоления подобной ситуации за последнюю четверть века неоднократно делались попытки сформировать некую долгосрочную концепцию или стратегию российского федерализма, даже в рамках различных международных проектов. Неоднократно принимались программы развития бюджетного федерализма. В настоящее время действует такой документ, как «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»¹, уже, конечно, устаревший и во многом совпадающий со Стратегией пространственного развития России до 2025 года (СПР 2019 года). Некоторые аспекты пространственного развития отражены в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (Указ № 309)². Наконец, в конце 2024 года была принята новая Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (СПР-2024)³, а в августе 2025 года утвержден план ее реализации.

Однако в случае с СПР 2019 года принятый документ едва ли мог в полной мере рассматриваться именно как «план реализации». Скорее, он представлял собой план подготовки нормативно-правовых, методических программных и иных документов, отвечающих за реализацию СПР 2019 года. Конкретные ожидаемые результаты этой работы в плане не отра-

¹ Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13. URL: <http://government.ru/docs/all/110051>

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986?erid=2SDnjc45hpG>

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-п). URL: <http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQa8SYR91B.pdf>

жались. Примерно та же ситуация видится сегодня с планом реализации СПР-2024. Примечательно, что в обоих случаях документами предусматривалось проведение ежегодного мониторинга выполнения как самой стратегии, так и плана ее реализации. Тем не менее на деле исчерпывающие итоги такого мониторинга если и готовились, то не обнародовались.

Эти и иные документы как бы с разных сторон «рисуют» картину развития российского федерализма, его перспектив, но целостного видения проблемы, ее правовых, институциональных и экономических составляющих все же не дают. Результатами являются сохраняющаяся нечеткость в изложении принципиальных основ и задач государственной политики регионального развития, слабая аргументированность в определении основных институтов и инструментов этой политики, а также их специфических задач. Федеральную политику регионального развития и пространственного регулирования – квинтэссенцию экономико-правового механизма – по-прежнему характеризуют недостаточная институциональная и даже просто слабая понятийная проработанность и весьма трафаретно сформулированная целевая ориентированность. Это заметно даже при определении целевой функции самой СПР-2024, а именно – «формирование сбалансированной территориальной организации экономики». Но что значит «территориальная организация экономики»? Это ее административно-территориальная структура в разрезе субъектов федеративной государственности? Или нечто иное? Какую структуру экономики в данном случае нужно считать «пространственно сбалансированной»; как и за счет чего она достигается? Есть ли прямая взаимосвязь сбалансированности территориальной (пространственной) организации экономики с эволюцией федеративной структуры российской государственности?

Ситуация неопределенности в этой сфере неизбежно проецируется на ключевые институты и инструменты политики регионального развития. Взять хотя бы

такой принципиально важный институт, как геостратегическая территория – территория (по определению, данному в СПР), имеющая существенное значение для обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности, развитие которой требует дополнительных ресурсов в связи со специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности (Распоряжение № 4146). Однако практически «уловить» и измерить смысл этого «существенного значения» весьма непросто. Справедливо задаться вопросом: а есть ли у нас вообще территории, не отвечающие этим признакам, т. е. территории, не имеющие существенного значения для обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности, развитие которых не требует дополнительных ресурсов и пр.? На деле такие определения-пустышки крайне затрудняют разработку и реализацию государственной политики в сфере федеративных отношений и пространственного развития.

В связи с этим хотелось бы остановиться на ряде проблем системы федеративных отношений, которые сегодня нуждаются в последовательном решении. Прежде всего, в настоящее время постоянно обращается внимание на неразрывную связь процессов пространственного развития и системы управления ими на всех уровнях публичной власти с развитием экономико-правового механизма федерализма, с возможностью и даже необходимостью нового этапа федеративной реформы. При этом речь идет не о реформе в виде череды значимых, но разовых преобразований, а о системе концептуально осмысленных, логически взаимосвязанных преобразований, имеющих вполне определенные количественные и качественные критерии. Только такая реформа может сформировать надежную основу государственной политики пространственного развития. По сути, это определяется тем, что федерализм, федеративные отношения представляют собой основную институционально-правовую «оболочку» политики пространственного развития и регулирова-

ния. Федерализм как бы формализует пространственно-управленческую структуру государства и управления, включая, конечно, и систему местного самоуправления (Бухвальд и др., 2023). На сегодня эта структура, по нашему мнению, представляется чрезмерно усложненной, трудно управляемой ввиду отсутствия четкой определенности относительно каждого из звеньев, в частности с точки зрения их особого места и целевой функции в экономическом механизме федеративных отношений.

В настоящее время пространственная структура российской экономики представлена различными территориальными образованиями, в той или иной мере выступающими в качестве объектов государственного регулирования, а именно макрорегионами, федеральными округами, геостратегическими территориям (субъекты Федерации и отдельные муниципальные образования). Также обозначена целая палитра «перспективных центров экономического роста»; имеются агломерации, в том числе около 40 крупных и крупнейших (Манаева, Мельников, 2025). Правительством РФ обозначено около 2 тыс. (2160 ед.) так называемых опорных населенных пунктов; действует 321 моногород; 14 федеральных наукоградов; имеется примерно 800 малых городов. Действуют 53 федеральные особые экономические зоны (ОЭЗ), из них 34 промышленно-производственных, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 2 портовые, также имеется несколько десятков региональных ОЭЗ. Есть несколько «свободных» экономических зон (в новых субъектах РФ), один свободный порт (в составе двух муниципальных районов – Ванино и Совгавань). Создано почти 100 ТОСЭР, причем примерно половина из них – в моногородах.

При этом, однако, хорошо заметно, что эта формально позиционированная совокупность институтов пространственного развития лишена достаточной внутренней согласованности и системности. Ее отдельные элементы не отмечены четкостью целевых установок и своими особыми механиз-

мами их практической реализации. Это ставит задачу оценки адекватности системы управления пространственным развитием в условиях государства федеративного типа, главный вопрос которой заключен в том, является ли эта система отношений сама по себе объектом централизованного регулирования – как с формальной точки зрения, так и с экономической. Мы полагаем такое регулирование не только возможным, но и необходимым, и оно должно осуществляться с позиции целостности этих отношений, их реальной симметрии, системности, прозрачности, эффективной управляемости, баланса централизации и децентрализации. Другими словами, социально-экономическое пространство должно быть реально управляемым на основе четкой определенности относительно функциональной роли всех его составляющих институтов, безальтернативности их места в системе федеративных отношений в целом.

Пока это удастся далеко не всегда. Вот, например, застарелая проблема. Документы по проблематике федеративных отношений и политике регионального развития постоянно делают акцент (я почти цитирую) на «дифференцированный подход к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей». Наверное, это правильный и даже единственно возможный подход к политике регионального развития. Но остается неясным, как этот подход комбинируется с конституционно установленной нормой о равноправии всех субъектов Федерации во взаимоотношении с федеральным центром? В чем тогда принципиальный смысл этого равноправия? Где та грань, за которой это равноправие превращается в формалитет?

Тут, можно сказать, «роковое» противоречие политики пространственного регулирования. Если обеспечивается равномерность развития регионов, значит, консервируются разрывы в их социально-экономическом развитии. Если темпы дифференцируются, значит, есть опасность, что в

дальнейшем разрывы в социально-экономическом развитии регионов могут как сократиться, так и увеличиться (Ворошилов, 2023; Ускова, 2025).

Другой пример: в СПР-2019 заявлялась система так называемых «макрорегионов» и «геостратегических территорий» нескольких типов, а также перспективных центров экономического роста. Однако конкретный смысл и функциональная роль этих институций, их место в экономико-правовом механизме федеративных отношений и управления региональным развитием практически не конкретизировались. В частности, в СПР-2024 институт макрорегионов вообще оказался практически без внимания. В ней в качестве федеральных округов и в состав макрорегионов страны без всяких мотиваций просто добавляются Арктическая зона Российской Федерации и ее новые субъекты.

Еще один пример, может быть, не самый яркий, но вполне характерный, это запуск в 2020 году института так называемых «федеральных территорий» (Пичканин, 2023). При создании федеральной территории «Сириус» декларировалось, что это очень перспективное начинание, которое ждут многократные продуктивные повторения в различных регионах России. Однако этого не случилось, федеральная территория так и осталась единственной, хотя сам этот институт получил конституционный статус, чего не имеют ни федеральные округа, ни макрорегионы, ни геостратегические территории. Но главное, нет ответа на самый простой вопрос: зачем вся эта суэта с федеральной территорией? По нашему мнению, в сложившихся условиях те важные задачи, которые поставлены перед территорией «Сириус», вполне могли бы быть решены в рамках уже действующих структур территориального управления, в частности на основе уже апробированной в российских реалиях модели особой экономической зоны.

Самым последним примером институциональных новаций, вводимых вне серьезной социально-экономической мотивации, следует считать систему опорных населенных пунктов (ОНП). Позитив этой

практики заключен в актуальных попытках восстановить, учитывая опыт прошлых лет, принцип опорности или приоритетности в качестве одного важных регуляторов формирования институтов пространственного развития, прежде всего на региональном и субрегиональном уровне. В свою очередь негативный контекст видится в отсутствии на данный момент детальной проработки условий и механизмов практической реализации принципа опорности в рамках тех или иных ситуаций пространственного развития, в том числе с учетом многообразия регионов и территорий России.

Действительно, в новой Стратегии система ОНП отнесена к числу двух наиболее значимых приоритетов для определения долговременных ориентиров пространственных изменений в российской экономике. Однако ряд имеющихся здесь постановок вызывают некоторые сомнения. Так, современный зарубежный и отечественный опыт свидетельствует о том, что ключевую роль в пространственном развитии в современном мире по-прежнему играют крупные поселения, агломерации, мегаполисы и пр., а не те населенные пункты, которые в нашем представлении могут быть отнесены к «опорным» в городской или сельской местности. В этом смысле «аванс», выданный СПР в адрес института ОНП, реализуем лишь при разработке адекватных форм и механизмов интеграции ОНП в агломерационные процессы в регионах России, в том числе в качестве «опорных» по отношению к малым населенным пунктам. Далее, нельзя не заметить, что в трактовке воспроизводственной роли ОНП СПР явно делает избыточный упор на решение социальных проблем поселений. Эта мотивация так или иначе адресуется 1548 из 2160 общего количества ОНП в рамках пунктов Единого списка.

В результате из задач, решаемых на уровне ОНП, неоправданно «вымывается» приоритет достижения условий и источников обеспечения предпосылок «саморазвития» соответствующего круга муниципальных образований. Вне активной инвестиционно-

экономической работы функция таких поселений как «опорных» приобретает формально-трансфертный характер передачи финансовых ресурсов на нужды «опекаемых» муниципалитетов, в том числе социального характера. Сегодня очевидно, что решение всего комплекса задач пространственного развития экономики невозможно без дальнейшего уточнения стратегических перспектив и задач российского местного самоуправления и последующей доработки федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Федерализм и проблема единства экономического пространства

Исключительно важной представляется та мера воздействия, которую модель российского федерализма оказывает на общее пространственное развитие страны и производительных сил в ее регионах. По нашему мнению, эта мера определяется как общими темпами роста национальной экономики, так и трендом межрегиональной экономической дифференциации. Наши исследования, о которых мы уже писали ранее, показывают, что тренда постоянного усиления или сокращения межрегиональной дифференциации в России не существует (рис.).

Данные рисунка свидетельствуют о том, что за последнюю четверть века показатели рассматриваемой дифференциации остаются относительно стабильными: межрегиональные разрывы не сокращаются, но и значительно не увеличиваются. При этом примерно до 2018–2019 гг. просматривался тренд волнообразного изменения этой дифференциации (нарастание разрывов в период роста экономики; уменьшение – в период стагнации и спада). Однако в последующем этот тренд был существенно деформирован условиями пандемии COVID-19, а затем и санкций в отношении России ввиду их специфического воздействия на экономику отдельных регионов страны. Но в целом уровень пространственной дифференциации в экономике страны по-прежнему не только высок, но и продолжает расти.

Так, по данным СПР-2024, доля девяти экономически ведущих субъектов РФ (включая Московскую и Санкт-Петербургскую городские агломерации) в совокупном ВРП России увеличилась с 50,2% в 2016 году до 53,2% в 2022 году. Такая дифференциация остается барьером интеграционных процессов в национальной экономике, в том числе ее развития как единого инновационного пространства. Складывается картина, что дифференциация нарастает за счет ускоренного продвижения ограниченной группы регионов-лидеров. А это, несомненно,

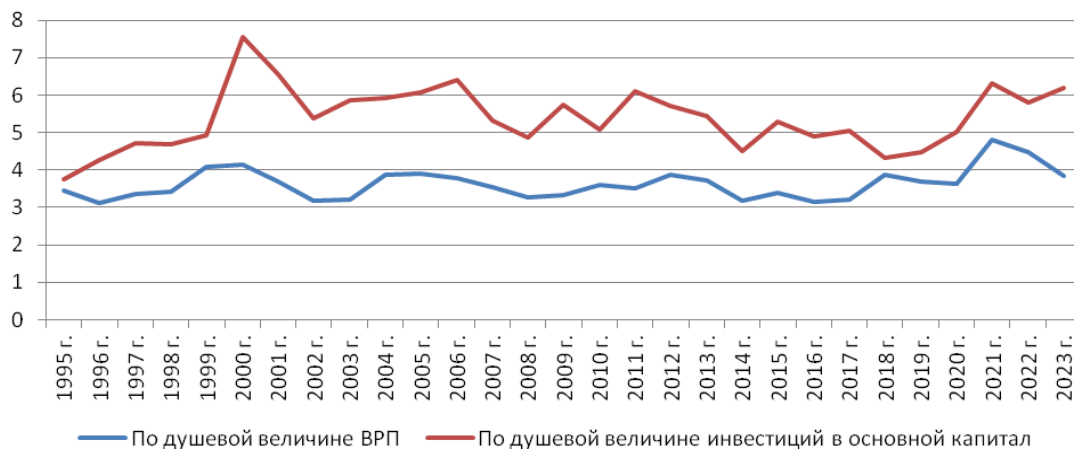

Рис. Децильные коэффициенты экономической дифференциации регионов России по ВРП и инвестициям на душу населения

Источник: расчеты сделаны к.э.н. А.В. Кольчугиной.

угроза для устойчивых темпов экономического роста страны на основе утверждения высокой национальной конкурентоспособности.

Строго говоря, нет достаточных доказательств, что сокращение межрегиональной дифференциации – обязательное следствие и индикатор продуктивной работы экономического механизма федеративных отношений, хотя прямая связь с решением проблемы поддержания единого экономического пространства здесь явно просматривается. Единое пространство не является исключительным свойством экономики федеративных государств, но в этих государствах достижение и поддержание такого пространства связано с целым рядом дополнительных условий как экономического, так и внеэкономического характера. Можно сделать вывод о том, что достижение целей позитивного экономического выравнивания выступает одним из наиболее важных критериев эффективности функционирования всего экономико-правового механизма федеративных отношений – как на федеральном, так и на субфедеральном уровне.

Но при этом есть очевидное противоречие для государственной политики пространственного развития. Так, при нацеленности государственной региональной политики на равномерное развитие субъектов Федерации и, соответственно, при неизбежном «сжатии» соответствующих стимулов их «саморазвития» последовательное сокращение межрегиональных разрывов невозможно. Если же это развитие складывается неравномерно, то межрегиональные разрывы могут как сокращаться, так и увеличиваться. Значит, в разработке государственной политики регионального развития необходимо опираться на принцип баланса ее основных целевых установок – ставки на дальнейшее опережающее развитие регионов-лидеров и особых мер, нацеленных на «подтягивание» регионов, устойчиво отстающих по темпам социально-экономического развития (Катонин, 2024). Пока в этой стратегической партии явно наблюдается «ничейный исход», поскольку в последние два десятилетия тренда постоянного усиления или сокращения

межрегиональной экономической дифференциации в России не существует.

Сложность этой проблемы заключается в том, что истоки подобной дифференциации носят объективный характер, а возможности ее преодоления (nivelирования), очевидно, имеют экономически осмысленные границы. Как отмечалось одним из исследователей, межрегиональная экономическая дифференциация есть во всех странах как федеративного, так и унитарного типа. И вопрос не в том, как ее полностью ликвидировать, потому что это, по-видимому, невозможно, да и неправильно, а в том, в каких рамках и какими средствами эта дифференциация регулируема.

При этом достижение баланса приоритетов выравнивания и экономического роста регионов возможно только на основе разработки и реализации долговременной стратегии российского федерализма и его пространственных характеристик. Ранее и я, и многие коллеги высказывали мысль, что эту роль может выполнить система дополнений к СПР. Но сейчас приходится признать эту позицию ошибочной. Настоятельно необходима самостоятельная целевая стратегия развития экономико-правовых и институциональных основ российского федерализма. Наряду со стратегическими документами по местному самоуправлению это сформирует институционально-правовую основу политики пространственного развития России, позволит более четко структурировать институты публичной власти и определить наиболее целесообразные рамки политики социально-экономического выравнивания на межрегиональном и внутрирегиональном уровне. Как мы полагаем, эти документы должны сосредоточиться на следующих ключевых вопросах, системно отражающих все стороны современной практики публичного управления в условиях современной России.

1. Уточнение институционально-правовой структуры российской государственности с конкретизацией функций каждого из действующих в этой системе институтов на основе практики институционального стратегирования. Все округа, особые территории и прочие институты должны быть

«вписаны» в структуру российской федеративной государственности, а не числиться где-то «сбоку» от нее.

2. Уточнение статуса и роли субфедеральных институтов территориальной организации и управления.

3. Уточнение рамок и процедур государственного регулирования системы местного самоуправления с более четким и развернутым изложением регулятивных полномочий федерации и ее субъектов.

4. Новая модель российского бюджетного федерализма с акцентом на самостоятельность регионов и самообеспеченность муниципальных образований.

5. Включение основных слагаемых федеративных отношений в круг объектов практики стратегического планирования (институциональное стратегирование). Обоснование федеративных отношений и их слагаемых одновременно как объекта и инструмента стратегического планирования.

6. Определение и постоянное поддержание предпосылок эффективного функционирования «вертикали» стратегического планирования на основе согласования стратегий развития всех входящих в регион территорий.

7. Особое внимание должно быть уделено территориальным образованиям, в той или иной мере выступающим на местах субъектами централизованного регулирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства, социального обслуживания населения и пр.

Заключение

Можно надеяться, что в настоящее время внимание экономической науки к сфере федеративных отношений восстанавливается, в том числе в контексте проблематики пространственного развития. Результатом такой работы должен стать документ или, точнее сказать, система документов, отражающих долговременные цели этого направления государственной политики и средства их достижения. Формально такой блок документов присутствует и сегодня (СПР; Основы государственной политики регионального развития). Однако на данный момент его составляющие не согласованы содержательно даже относительно таких понятий, как пространственное развитие и регулирование; не имеют единой методологии целеполагания, единой инструментальной базы.

Полагаем, что требуемая система документов стратегического планирования на уровне субъектов Российской Федерации должна содержать такие блоки, как стратегии социально-экономического и пространственного развития региона, включая основные направления развития местного самоуправления, а также роль субфедеральных институтов территориальной организации и управления на данной территории; стратегия региональной безопасности (включая ее пространственный аспект).

ЛИТЕРАТУРА

- Буз Д.С. (2025). Особенности правовой системы Российской Федерации // *Евромен. Global*. № 57. С. 30–35.
- Бухвальд Е.М. (2023). Институциональные основы политики пространственного развития: российский федерализм и местное самоуправление: научный доклад. Москва: ИЭ РАН. 48 с.
- Валентей С.Д. (2025). Экономика федеративных отношений. Казнить нельзя помиловать // *Федерализм*. Т. 30. № 1 (117). С. 5–31. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-1-5-31
- Ворошилов Н.В. (2023). Предпосылки и перспективы реформирования местного самоуправления в России // *Федерализм*. Т. 28. № 4 (112). С. 53–75. DOI: 10.21686/2073-1051-2023-4-53-75
- Институциональные основы новой стратегии пространственного развития российской экономики (2023): монография / отв. ред. д.э.н., проф. Е.М. Бухвальд, д.э.н. проф. А.В. Виленский. Москва: Институт экономики РАН. 340 с
- Катонин С.А. (2024). Дифференциация регионов по уровню экономического развития // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации*:

- сборник статей LXIX Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». С. 32–36.
- Корольков В. (2025). Муниципальная реформа в России в контексте мировых моделей организации местного самоуправления в федеративных системах // Сравнительное конституционное обозрение. Т. 34. № 1 (162). С. 95–119. DOI: 10.21128/1812-7126-2025-1-95-119
- Коротина Н.Ю. (2021). Институциональное оформление отношений экономического федерализма // Социум и власть. № 1 (87). С. 32–40. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-32-40
- Кузнецова О.В. (2025). Ключевые вопросы реализации Стратегии пространственного развития России – 2030 // Вестник Российской академии наук. № 4. С. 53–57. DOI: 10.31857/S0869587325040101
- Ленин В.И. (1970). О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. Москва: Изд-во политической литературы.
- Манаева И.В., Мельников В.В. (2025). Оценка потенциала агломерационных процессов в регионах Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 90–106. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.5
- Одинцова А.В. (2022). Реформирование институционального пространства развития муниципальных образований // Федерализм. Т. 27. № 2 (106). С. 82–97. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2022-2-82-97>
- Пичканин В.Я. (2023). Федеральная территория в Российской Федерации как новый элемент в системе налогового федерализма // Налоги и финансовое право. № 2. С. 147–152.
- Уваров А.А. (2023). Вопросы формирования системы федеративных отношений в России // Российский юридический журнал. № 5. С. 72–80.
- Ускова Т.В. (2025). Методическое обеспечение наиболее острых вопросов регионального развития // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.1
- Швецов А.Н. (2024). Системные основания пространственной организации социо-экономического развития // Труды Института системного анализа Российской академии наук. Т. 74. № 4. С. 56–63. DOI: 10.14357/20790279240407
- Chauhan K.S., Mohanty A. (2024). Cooperative federalism: The Indian way. *Indian Journal of Law and Society*, II(VI), 42–62. DOI: 10.5281/zenodo.14285143%EF%BF%BC
- Demerew K., Faboye S., Edodi S. (2025). Towards polycentric federalism: Assessing federal institutional design in multiethnic African states. *Journal of Institutional Economics*, 21(e9), 1–16. DOI: 10.1017/S1744137425000037
- Dudek S., Zademach H-A. (2023). Territorial development in Bavaria between spatial justice and austere federalism: A historical-materialist policy analysis of Bavarian regional development politics and policies, 2008–2018. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 55(4), 890–904. DOI: <https://doi.org/10.1177/0308518X221140893>
- Hoffman G.W. (1981). *Federalism and Regional Development: Case Studies on the Experience in the United States and the Federal Republic of Germany*. New York: University of Texas Press. DOI: <https://doi.org/10.7560/738256>
- Lockner A.O. (2013). *Steps to Local Government Reform: A Guide to Tailoring Local Government Reforms to Fit Regional Governance Communities in Democracies*. Bloomington: iUniverse.
- Sosar D.P. (2018). Local government and the effects of modern federalism. *Journal of Political Sciences & Public Affairs*, 6(3). DOI: 10.4172/2332-0761.1000329

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Моисеевич Бухвальд – доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: buchvald@mail.ru)

Bukhvald E.M.

RUSSIAN FEDERALISM AND A NEW SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY

The adoption of a new Spatial Development Strategy of the Russian Federation (SDS-2024) at the end of 2024 did not justify the hopes that this development would fully compensate for the lack of a national document defining a strategic vision for the prospects of its federal structure. SDS-2024 contains a number of interesting and important initiatives in this area, but they are not specific enough and do not form a system-wide vision of the future of Russian federalism. The article analyzes some current issues related to federal relations in Russia and possible options for improving federal relations in the course of economic, socio-political and institutional reforms. The study is based on a critical analysis of documents of strategic planning at the federal level, institutional and instrumental support for the implementation of the federal spatial development policy. It is justified that the currently formally positioned set of institutions and instruments of spatial development (macro regions, geostrategic territories, promising centers of economic growth, etc.) lacks sufficient internal consistency and comprehensiveness; their place in the economic and legal mechanism of federal relations and regional development management has not been definitively determined, as well as targets and mechanisms for their implementation. In turn, we can realize the potential of key settlements only if we develop adequate forms and mechanisms for their integration into agglomeration processes in Russia's regions, and if there are conditions and sources for ensuring their self-development as economic centers for the adjacent territories. It is shown that achieving a balance of priorities for the leveling and economic growth of Russian regions is possible only on the basis of the development and implementation of a long-term strategy of Russian federalism and its spatial characteristics. Scientific novelty of the research is related not only to the analysis carried out, but also to the priorities developed by the author for the implementation of this strategy, taking into account the challenges facing the country.

Federal relations, spatial development, regulation and its institutions, territorial development, local self-government.

REFERENCES

- Bukhvald E.M. (2023). *Institutsional'nye osnovy politiki prostranstvennogo razvitiya: rossiiskoi federalizm i mestnoe samoupravlenie: nauchnyi doklad* [Institutional foundations of spatial development policy: Russian Federalism and Local Self-government: Scientific report]. Moscow: IE RAN.
- Bukhvald E.M., Vilenskii A.V. (Eds). (2023). *Institutsional'nye osnovy novoi strategii prostranstvennogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki: monografiya* [Institutional foundations of the new spatial development strategy of the Russian economy: Monograph]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Buz D.S. (2025). Features of the legal system of the Russian Federation. *Epomen. Global*, 57, 30–35 (in Russian).
- Chauhan K.S., Mohanty A. (2024). Cooperative federalism: The Indian way. *Indian Journal of Law and Society*, II(VI), 42–62. DOI: 10.5281/zenodo.14285143%EF%BF%BC
- Demerew K., Faboye S., Edodi S. (2025). Towards polycentric federalism: Assessing federal institutional design in multiethnic African states. *Journal of Institution-al Economics*, 21(e9), 1–16. DOI: 10.1017/S1744137425000037
- Dudek S., Zademach H.-A. (2023). Territorial development in Bavaria between spatial justice and austere federalism: A historical-materialist policy analysis of Bavarian regional development politics and policies, 2008–2018. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 55(4), 890–904. DOI: <https://doi.org/10.1177/0308518X221140893>

- Hoffman G.W. (1981). *Federalism and Regional Development: Case Studies on the Experience in the United States and the Federal Republic of Germany*. New York: University of Texas Press. DOI: <https://doi.org/10.7560/738256>
- Katonin S.A. (2024). Differentiation of regions by level of economic development. In: *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statei LXIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Fundamental and applied scientific research: Current issues, achievements and innovations: Proceedings of the LXIX International Scientific and Practical Conference]. Penza: MTsNS "Nauka i Prosveshchenie" (in Russian).
- Korolkov V. (2025). Municipal reform in Russia in the context of global models of local government organization in federal systems. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 34(1)(162), 95–119. DOI: 10.21128/1812-7126-2025-1-95-119 (in Russian).
- Korotina N.Yu. (2021). The institutional design of the relations of economic federalism. *Sotsium i vlast'*, 1(87), 32–40. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-32-40 (in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2025). Key issues of the implementation of the Spatial Development Strategy of Russia – 2030. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 4, 53–57. DOI: 10.31857/S0869587325040101 (in Russian).
- Lenin V.I. (1970). On the significance of gold now and after the complete victory of Socialism. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izd. T. 44*. [Complete works. 5th ed. Vol. 44]. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury (in Russian).
- Lockner A.O. (2013). *Steps to Local Government Reform: A Guide to Tailoring Local Government Reforms to Fit Regional Governance Communities in Democracies*. Bloomington: iUniverse.
- Manaeva I.V., Melnikov V.V. (2025). Assessing the potential of agglomeration processes in the regions of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 90–106. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.5 (in Russian).
- Odintsova A.V. (2022). Reforming the institutional space for the development of municipalities. *Federalizm=Federalism*, 27(2)(106), 82–97. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2022-2-82-97> (in Russian).
- Pichkanin V.Ya. (2023). The federal territory in the Russian Federation as a new element in the system of tax federalism. *Nalogi i finansovoe parvo*, 2, 147–152 (in Russian).
- Shvetsov A.N. (2024). The systemic foundations of the spatial organization of socio-economic development. *Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossiiskoi akademii nauk*, 74(4), 56–63. DOI: 10.14357/20790279240407 (in Russian).
- Sosar D.P. (2018). Local government and the effects of modern federalism. *Journal of Political Sciences & Public Affairs*, 6(3). DOI: 10.4172/2332-0761.1000329
- Uskova T.V. (2025). Methodological support for the most pressing issues of regional development. *Problems of Territory's Development*, 29(3), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.1 (in Russian).
- Uvarov A.A. (2023) Issues of formation of the system of federal relations in Russia. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 5, 72–80 (in Russian).
- Valentei S.D. (2025). Valentey S.D. Economics of federal relations. Execution cannot be pardoned. *Federalizm=Federalism*, 30(1)(117), 5–31. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-1-5-31
- Voroshilov N.V. (2023). Prerequisites and prospects for the reform of local self-government in Russia. *Federalizm=Federalism*, 28(4)(112), 53–75. DOI: 10.21686/2073-1051-2023-4-53-75 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy M. Bukhvald – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: buchvald@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.3

УДК 332.14 | ББК У050.22

© Кузнецова О.В.

СТИМУЛИРОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА КУЗНЕЦОВА

Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук
Москва, Российская Федерация

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4341-0934; ResearcherID: L-9327-2015

Утверждение в конце 2024 года российским правительством новой стратегии пространственного развития России, не содержащей, в отличие от аналогичного документа 2019 года, тезиса о необходимости усиления межрегионального сотрудничества в макрорегионах и собственно состава таких макрорегионов, актуализирует вопросы о современном состоянии межрегионального сотрудничества как объекта федеральной пространственной политики и значимости макрорегионов для его укрепления. На основе анализа научной литературы, федеральных нормативно-правовых актов, накопленного опыта в сфере межрегионального сотрудничества показывается, что для его развития существуют как предпосылки, так и ограничения, прежде всего в части финансово-хозяйственного взаимодействия. Для смягчения последних предлагаются следующие направления совершенствования федеральной политики в сфере межрегионального сотрудничества: четкое артикулирование вопросов финансово-хозяйственного взаимодействия региональных органов власти как объекта деятельности отвечающих за пространственное развитие департаментов Минэкономразвития России, организация в министерстве работы по обобщению и распространению лучших практик межрегионального сотрудничества, мониторинга и координации деятельности иных федеральных министерств и ведомств в данной сфере; расширение практики федерального участия в проектах, связанных с сотрудничеством региональных органов власти, разработка дополнительных мер финансовой поддержки таких проектов; проработка вопроса распределения налога на доходы физических лиц между бюджетами

Для цитирования: Кузнецова О.В. (2025). Стимулирование межрегионального сотрудничества в федеральной пространственной политике: проблемы и возможности // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 44–57. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.3

For citation: Kuznetsova O.V. (2025). Incentives for interregional cooperation in federal spatial policy: Challenges and opportunities. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 44–57. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.3

территорий как необходимого условия развития межрегионального сотрудничества, особенно в городских агломерациях. Выделяются этапы трансформации федеральной политики в отношении макрорегионов в широком их понимании (как объединений субъектов Федерации независимо от их названия). Признается корректность принятого решения об отказе от унифицированной сетки макрорегионов и предлагается гибкий подход к формированию объединений регионов для сотрудничества региональных органов власти – объединение регионов в разных составах, оптимальных для решения конкретных задач межрегионального сотрудничества.

Межрегиональное сотрудничество, конкуренция, региональные органы власти, стратегия пространственного развития, макрорегионы, налогово-бюджетное законодательство.

Введение

Утверждение в конце 2024 года новой Стратегии пространственного развития России¹, являясь важной вехой в развитии федеральной пространственной политики, требует осмысления и обсуждения предложенных в документе новаций. Одной из них является отказ от присутствовавшей в прежней стратегии² сетки макрорегионов, которая появилась в связи с тем, что сокращение межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ предполагалось в том числе «за счет усиления межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов РФ в рамках макрорегионов РФ». Содействие развитию межрегионального и межмуниципального сотрудничества было названо одним из принципов пространственного развития России. В новой стратегии пространственного развития межрегиональное сотрудничество, взаимодействие, кооперация, связи упоминаются, но уже далеко не в столь сфокусированном виде. Поскольку значимость межрегионального сотрудничества (МРС) и сохранения потенциала его дальнейшего развития является довольно очевидным, то возникает необходимость понять, почему эта тема не получила должного отражения в ключевом с точки зрения формирования федеральной пространственной политики документе и что в принципе представляет из себя

федеральная политика поддержки МРС на современном этапе, каковы ее основные особенности, проблемы и перспективы. Сопряженный с этим вопрос – насколько оправдан был отказ в новой стратегии пространственного развития от предложенной ранее сетки макрорегионов. Поиск ответа на эти вопросы и является целью данной статьи. Конкретные решаемые при этом задачи – оценка сложившейся практики надления федеральных органов власти полномочиями в сфере МРС, выявление предпосылок и препятствий его развития, анализ роли макрорегионов в становлении МРС и, в конечном итоге, формулировка предложений по совершенствованию федеральной политики поддержки сотрудничества региональных органов власти.

Статья основывается на анализе сложившейся федеральной нормативно-правовой базы в сфере МРС, существующего опыта МРС, а также научных публикаций по данной тематике. Наибольшее внимание ей было уделено, как представляется, в Институте экономики Уральского отделения РАН (циклы статей Ю.Г. Лавриковой, И.С. Важениной, С.Г. Важенина и др.), Вологодском научном центре РАН (работы Т.В. Усковой, Е.В. Лукина, С.А. Кожевникова и др.), Институте региональных экономических исследований (публикации П.И. Бурака, В.Г. Ростанца и др.).

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р.

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р.

Межрегиональное сотрудничество как объект федеральной пространственной политики

Базовый вопрос, имеющий значение для формирования федеральной пространственной политики, это определение (понимание сути) МРС. Многообразие проявлений МРС подробно рассмотрено в (Лукин, Ускова, 2016; Никитюк, 2023), и в самом широком понимании к МРС можно отнести львиную долю происходящих в экономике регионов процессов, включая всю межрегиональную торговлю, межрегиональные туристические потоки, строительство транспортной инфраструктуры для межрегиональных связей, обучение в вузах студентов из разных регионов и т. д. Одной из составляющих МРС традиционно признается взаимодействие органов власти субъектов РФ. На наш взгляд, такой подход к пониманию МРС является, с одной стороны, корректным, с другой стороны, малопригодным для принятия управленческих решений, поскольку разнообразие проявлений МРС уводит от конкретизации целей, задач, ответственных органов власти, инструментов федеральной поддержки развития МРС. Так, создание условий для промышленной кооперации предприятий – это задача скорее промышленной, нежели пространственной политики (и, соответственно, Минпрома России), раз-

витие транспортной инфраструктуры – сфера ответственности Минтранса России, обеспечение взаимодействия научно-исследовательских и образовательных организаций в разных регионах – Минобрнауки России и т. д. Безусловно, в рамках разных направлений федеральной политики должно уделяться внимание вопросам развития межрегиональных взаимодействий, тогда как объектом федеральной пространственной политики должна являться, на наш взгляд, поддержка сотрудничества региональных органов власти (связанного в том числе с вкладом региональных властей в МРС хозяйствующих субъектов). Схематично эта логика представлена на рис. 1. В данной статье речь пойдет именно о сотрудничестве органов власти субъектов РФ, причем преимущественно финансово-хозяйственном, поскольку именно оно сталкивается с наибольшими сложностями.

На практике ситуацию с формированием федеральной политики в отношении МРС сложно назвать приемлемой. Соответствующие полномочия, как и общие вопросы пространственной политики, возложены на Минэкономразвития России, которое «является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулиро-

Рис. 1. Составляющие межрегионального сотрудничества

Источник: составлено автором.

ванию в сфере... социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований, районов Крайнего Севера, осуществления приграничного и межрегионального сотрудничества, территориального планирования, разработки и реализации комплексных проектов социально-экономического развития федеральных округов...»³. Среди полномочий Минэкономразвития России – реализация госполитики в области межрегиональных связей субъектов РФ и муниципальных образований; межрегиональная, межмуниципальная и межведомственная координация деятельности по развитию субъектов РФ и муниципальных образований. Отметим, что в принятом документе МРС в деятельности министерства совершенно однозначно связывается с региональной проблематикой.

Однако если посмотреть на структуру Минэкономразвития России, то оказывается, что работающие над вопросами пространственного развития департаменты (планирования территориального развития; регионального развития; региональной политики) МРС не занимают (исключением является только Департамент социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа, в деятельности которого упоминается поддержка межрегиональных инвестиционных проектов). Зато департамент развития и регулирования внешнеэкономической деятельности отвечает за выработку «государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере внешнеэкономической деятельности (за исключением внешней торговли), а также в сферах приграничного и межрегионального сотрудничества». Иначе говоря, МРС в деятельности министерства понимается как сотрудничество регионов России с другими странами.

Более того, именно в таком смысле МРС фигурирует и в новой Стратегии пространственного развития, где предлагается «обеспечение эффективного использования морских акваторий, увязанного с развитием прибрежных территорий, в том числе за счет... развития межрегионального (межмуниципального) и трансграничного сотрудничества с дружественными странами в части рационального использования морских ресурсов». Во всех остальных случаях «межрегиональный» используется в сочетании с «кооперацией», «связями», «взаимодействием», но не «сотрудничеством».

Подобное понимание МРС (как развития внешнеэкономических связей регионов) в научной литературе встречается не так уж редко, но у него совсем иной смысл, не соответствующий ни стоящим в сфере регионального развития задачам, ни формальному положению о Минэкономразвития России. На наш взгляд, МРС должно стать четко артикулированным объектом деятельности одного из «региональных» департаментов министерства. Его задачи в этом направлении должны быть связаны с обобщением и распространением лучших практик финансово-хозяйственного сотрудничества органов власти субъектов РФ (в работе (Ростанец и др., 2018) предлагалось даже разработать стандарт развития межрегиональных экономических связей); разработкой мер по устранению барьеров для МРС и, возможно, его дополнительной поддержке; мониторингом и, по мере возможности, координацией деятельности других федеральных министерств и ведомств по развитию МРС по отдельным его направлениям, спектр которых показан в (Котов, 2020). На сегодняшний день, к сожалению, какая-либо официальная отчетность о развитии МРС отсутствует⁴.

³ О Министерстве экономического развития РФ: Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 437 (ред. от 25.01.2025).

⁴ Ранее подобного рода информация приводилась, как ни парадоксально, только по муниципальным образованиям (о числе муниципальных образований регионов, участвующих на добровольной основе в объединениях муниципальных образований, в межмуниципальных некоммерческих и коммерческих организациях), но выпуск соответствующего статистического бюллетеня («Формирование местного самоуправления в Российской Федерации в ... году») Росстат в 2021 году прекратил (<https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13263>; дата обращения 17.09.2025).

В качестве одного из примеров дефицита информации по лучшим практикам МРС можно привести горизонтальные субсидии и бюджетные кредиты. Касающиеся их нормы были введены в Бюджетный кодекс РФ еще в 2019 и 2020 гг. соответственно, но до сих пор ни Минфином России, ни тем более Минэкономразвития России не опубликованы какие-либо материалы, связанные с обобщением опыта внедрения горизонтальных субсидий в регионах. В научной литературе можно встретить лишь отдельные примеры их применения (Богомолова, 2022; Климанов и др., 2021).

Предпосылки и препятствия для развития межрегионального сотрудничества

Теоретической рамкой, объясняющей предпосылки и препятствия для развития МРС органов власти субъектов РФ, являются исследования по соотношению конкуренции и сотрудничества между регионами. В зарубежной литературе публикации на эту тему регулярно появляются на протяжении нескольких десятков лет – по меньшей мере с 1960–1970-х годов, которые ассоциируются с активным становлением региональной науки (VanRompuy, DeBruyne, 1976), и далее (Goetz, Kayser, 1993; Bacaria, 1994; Gordon, Jayet, 1994; McCarthy, 2003; Feiock, 2006; Lee et al., 2012) вплоть до настоящего времени (Reiner, Benner, 2022). Во всех исследованиях так или иначе обсуждается позитивная роль в экономическом развитии как конкуренции, так и сотрудничества, констатируется неизбежность их сосуществования, при этом окончательное решение об их оптимальном сочетании невозможно, в т. ч. в силу меняющихся экономических условий, специфики управления территориями в разных странах и т. д. Российские исследования развиваются примерно в том же русле: например, в работе (Важенина, Важенин, 2021) предлагается говорить о конкурентном сотрудничестве регионов. Эти же авторы показывают, что в

нынешних сложных условиях антироссийских санкций МРС начинает приобретать большее значение, чем прежде (Важенина, Важенин, 2023).

Конкуренция между регионами идет прежде всего за инвестиции, о чем говорится как в названных зарубежных работах, так и в российских (Лапо, 2020). Отметим, что федеральные органы власти, декларируя необходимость МРС, тем не менее конкуренцию между регионами в определенной мере поддерживают. Так, Бюджетным кодексом РФ (ст. 132.1) предусматривается предоставление из федерального бюджета иных межбюджетных трансфертов «в целях поощрения достижения наилучших значений показателей по итогам оценки эффективности деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации и (или) лучшей практики деятельности органов местного самоуправления», а темпы роста инвестиций в основной капитал, денежных доходов населения (зависящих от новых инвестиционных проектов) традиционно являются показателями для оценки результатов работы региональных властей⁵. Довольно распространенное на федеральном уровне рейтингование регионов по разным параметрам скорее способствует их конкуренции, нежели сотрудничеству. При этом ни одного рейтинга, который бы оценивал качество МРС по субъектам Федерации, равно как и усилия региональных органов власти по развитию межмуниципального сотрудничества, нам не известно. Подобное рейтингование регионов тоже могло бы входить в задачи профильного департамента Минэкономразвития России в рамках анализа лучших практик взаимодействия территорий.

Сохранение значимости конкуренции между регионами означает, что развитию МРС способствует возникновение ситуаций, когда совместные усилия региональных властей дают очевидные позитивные результаты, причем для всех участников

⁵ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.11.2024 № 1014.

взаимодействия, и/или без такого взаимодействия решение стоящих перед органами власти задач или возникающих проблем в принципе невозможно. В качестве примера таковых можно привести следующие:

- проекты по развитию связывающей субъекты РФ транспортной инфраструктуры (способствующие расширению рынков сбыта, возможностей для взаимодействия территорий), которые не попадают в число финансируемых из федерального бюджета,

- развитие разделенных границами субъектов РФ городских агломераций (наиболее очевидными примерами таковых являются агломерации Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара), требующее решения задач в сфере транспорта, экологии, социальной инфраструктуры, жилищного строительства, территориального планирования,

- оказание предоставления различных социальных услуг жителям небольших по численности населения субъектов РФ, продолжающих оставаться или исторически находившихся в составе сложносоставных регионов,

- формирование и реализация крупных проектов, которые невозможны или крайне сложны в границах / силами одного региона (одним из примеров является ряд научно-образовательных центров мирового уровня),

- развитие межрегиональных туристических маршрутов (возможность посетить сразу несколько регионов повышает привлекательность соответствующих направлений для туристов).

Российским законодательством предусмотрен целый ряд форматов/инструментов для взаимодействия органов власти субъектов РФ: организация ассоциаций межрегионального взаимодействия, заключение договоров/соглашений между субъектами РФ (что является насущной необходимостью в сложносоставных субъектах РФ, но практикуется не только в них), создание совместных корпораций развития, горизонтальные субсидии и бюджетные кредиты и др. Эти инструменты нередко

становятся объектом рассмотрения в российской литературе (Климанов и др., 2021; Кожевников, Секушина, 2021; Кожевников, 2025; Кузнецова, 2019b и др.). В целом набор таких форматов/инструментов МРС оценивается как достаточный. Другое дело, что в ряде случаев они нуждаются в дальнейшей доработке, прежде всего горизонтальные субсидии и бюджетные кредиты (Барбашова, Комарницкая, 2024), а практическая их имплементация сталкивается с целым рядом препятствий для развития МРС.

Важным является ограниченность средств региональных бюджетов, которые могут быть направлены на реализацию инфраструктурных и иных проектов. Проекты МРС должны быть действительно значимыми для регионов (но при этом не попадать в число проектов федерального значения). Существенным препятствием для развития МРС является достижение договоренностей о софинансировании проектов из региональных бюджетов и в целом обеспечение баланса интересов партнеров. Например, внимание акцентируется на доверии как необходимом условии развития МРС (Важенин, Важенина, 2020).

В случае городских агломераций проблема распределения издержек и выгод при реализации совместных проектов в значительной степени связана с особенностями распределения налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Как хорошо известно, фактически он уплачивается по месту работы граждан, тогда как львиная доля социальных услуг предоставляется по месту жительства. Как результат, «спальными» территориями оказывается быть невыгодно. В непростой ситуации подчас оказываются и граждане, прежде всего выезжающие в летний период в загородное жилье (дачи), поскольку не имеют возможности получить медицинскую помощь (за исключением неотложной) по месту летнего проживания, не могут особо рассчитывать на вложения властей на местах в дорожную и иную инфраструктуру. В России давно стала озвучиваться идея зачисления НДФЛ в бюджеты по месту жительства граждан, как это

имеет место в других странах (например, в Германии), вносились соответствующие законопроекты в Госдуму, однако за многие годы решение так и не было принято. Помимо субъективных причин подобного рода ситуации (нежелания властей городов расставаться с частью доходов, финансовых органов усложнять свою деятельность) существуют и объективные: в российских условиях зачисление НДФЛ по месту жительства граждан не способно решить проблему справедливого распределения этого налога между бюджетами разных территорий в силу довольно широко распространенной практики проживания граждан на два и даже большее число домов. Это касается распространенного сезонного проживания (зимой в городе, летом за городом), т. н. вахтово-отходнической занятости (когда люди временно проживают в населенных пунктах по месту работы при ином постоянном, вместе с семьями, месте проживания). Необходим поиск гибких схем распределения НДФЛ, возможно, предусматривающих распределение этого налога между бюджетами разных территорий на основе заявлений граждан о местах своего проживания. Это важно для развития не только МРС, но и городских агломераций, расположенных в нескольких муниципальных образованиях, а также периферийных территорий, являющихся «донорами» вахтовиков и отходников, что внесет свою лепту в сокращение межтерриториальной дифференциации и создаст дополнительные возможности для развития теряющих население территорий.

Как нам представляется, в силу указанных выше обстоятельств успешные примеры развития МРС зачастую связаны с его федеральной поддержкой, когда федеральные органы власти софинансируют проекты (что повышает привлекательность проектов с точки зрения возможных выгод от участия

в них) и, что тоже немаловажно, выступают в роли координатора взаимодействия властей регионов, содействуя выработке приемлемых для всех сторон решений. Примерами могут являться:

- Московский транспортный узел, в развитии которого участвуют Москва, Московская область, Минтранс России с подведомственными структурами, аэропорты столичного региона, ОАО «РЖД» и другие организации, а для организации деятельности правительствами России и двух регионов учреждена АНО «Дирекция Московского транспортного узла»⁶;

- аналогичная, учрежденная правительствами России и двух регионов АНО «Дирекция по развитию транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области»⁷;

- уже упомянутые научно-образовательные центры мирового уровня, которые могут получать федеральную поддержку по линии национального проекта «Наука и университеты»; из 15 созданных к настоящему времени таких центров 10 являются межрегиональными, т. е. инициированными органами власти двух или более субъектов РФ⁸;

- проект развития межрегиональных туристических маршрутов «Большой Урал», реализуемый по национальному проекту «Туризм и индустрия гостеприимства»; участниками соглашения о сотрудничестве в реализации данного проекта являются Свердловская, Челябинская, Тюменская области, Пермский край, Республика Башкортостан, а также Ростуризм⁹.

Наличие федеральной поддержки, конечно, еще не является гарантией успешности МРС, но неудачные примеры связаны с мегапроектами, реализация которых требует значительных ресурсов, а обоснованность вызывает определенные сомнения. Одним из известных примеров выступает проект

⁶ URL: <https://anomt.ru/o-direktsii/> (дата обращения 20.05.2025).

⁷ URL: <https://spbtrd.ru/directional/> (дата обращения 20.05.2025).

⁸ URL: <https://ноц.рф/centers> (дата обращения 20.02.2025).

⁹ URL: <https://национальныепроекты.рф/news/proekt-bolshoy-ural-razovet-turisticheskuyu-integratsiyu-mezhdu-regionami/> (дата обращения 20.02.2025).

«Урал Промышленный – Урал Полярный», на разработку проектной документации по которому были выделены средства Инвестиционного фонда РФ¹⁰. Однако до собственно реализации проекта дело так и не дошло в силу целого ряда проблем, ранее довольно подробно рассмотренных в научной литературе, например в работе (Митрофанова, Жуков, 2012). Другим аналогичным примером является строительство железнодорожной линии Элегест – Кызыл – Курагино. Сначала на него также были выделены деньги Инвестиционного фонда РФ, потом проект был включен в комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь»¹¹, однако в 2021 году его реализация была приостановлена на 5 лет¹².

Вместе с тем приведенные позитивные примеры федеральной поддержки МРС говорят о том, что такая поддержка вполне востребована и может помочь накопить субъектам РФ определенный опыт межрегиональных взаимодействий. Но проекты при этом должны быть реалистичными в части необходимых затрат на их реализацию. Форматы федеральной поддержки МРС, как было показано выше, могут быть разными – участие в создании корпораций развития или их аналогов, выделение дополнительного финансирования на реализацию межрегиональных проектов. Возможна и некоторая корректировка действующих инструментов федеральной пространственной политики с точки зрения учета их вклада в развитие МРС, но уже в широком его понимании. Например, при принятии решений по преференциальным режимам ведения хозяйственной деятельности одним из требований к поддерживаемым инвестиционным проектам может являться их вклад в создание межрегиональных цепочек добавленной стоимости.

Макрорегионы в развитии межрегионального сотрудничества

Законодательное определение понятия макрорегион в России было дано только в 2014 году в федеральном законе о стратегическом планировании¹³, а сетка непосредственно макрорегионов, как уже было сказано выше, предложена в Стратегии пространственного развития 2019 года. Вместе с тем в широком понимании макрорегионами можно считать любые группировки субъектов РФ, и таковые были объектом федеральной политики с самого начала 1990-х гг. При этом в работе федеральных органов власти с макрорегионами можно выделить несколько этапов.

Первый – 1990-е годы. В этот период для работы со статистикой (включая подготовку официальных аналитических материалов) федеральные органы власти использовали унаследованную с советских времен сетку экономических районов, в рамках федеральной поддержки регионов применялся советский перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Единственный известный нам пример выделения федеральными властями нового макрорегиона – Дальнего Востока и Забайкалья – связан с утверждением в 1996 году федеральной целевой программы его социально-экономического развития¹⁴. На фоне отсутствия новаций «сверху» (на федеральном уровне) инициативы по формированию макрорегионов шли «снизу» – в рамках создававшихся и получивших большую известность в качестве института МРС межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия. Но бюджетных ресурсов в 1990-е гг. на реализацию совместных проектов, конечно, не было.

Вторым этапом в федеральной политике в отношении макрорегионов можно считать продолжительный период 2000–2018 гг.,

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 30.11.2006 № 1708-р.

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.03.2019 № 571-р.

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.03.2021 № 760-р.

¹³ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. Согласно закону, «макрорегион – часть территории РФ, которая включает в себя территории двух и более субъектов РФ, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования».

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 15.04.1996 № 480.

начавшийся с создания федеральных округов. Фактически они стали универсальной сеткой макрорегионов, поскольку были связаны и с организацией управления (назначением полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах и формированием их аппаратов), и с использованием в статистических и аналитических целях, и со стратегическим планированием – на рубеже 2000–2010-х гг. были разработаны стратегии социально-экономического развития федеральных округов (Кузнецова, 2019b). На площадках полпредов Президента РФ в федеральных округах стало происходить взаимодействие региональных органов власти (Ростанец, Топилин, 2016), тогда как межрегиональные ассоциации стали терять свое значение, а некоторые были и вовсе упразднены. Периодически вопрос усиления роли ассоциаций поднимался (Бурак и др., 2017), однако реально этого так и не произошло. Что же касается федеральной поддержки экономического развития территорий, то ее объектами стали сразу несколько особым образом сформированных макрорегионов – Дальний Восток и Байкальский регион, Крым, Арктическая зона РФ.

Третий этап связан с годами реализации первой стратегии пространственного развития России – 2019–2024 гг. Однако реально этот этап отличается от предыдущего только формальным наличием особой сетки макрорегионов. В течение всех лет реализации стратегии каких-либо практических решений по вновь сформированным макрорегионам не было¹⁵. Сетка федеральных округов не только сохранила все свои прежние функции (причем была даже утверждена новая стратегия по Сибирскому федеральному округу¹⁶), но летом 2021 года был введен институт кураторства их социально-экономического развития вице-премьерами российского

правительства, а границы Дальневосточного федерального округа осенью 2018 года были расширены до сформировавшегося прежде особого объекта федеральной поддержки – Дальнего Востока и Байкальского региона. Новым значимым макрорегионом – объектом федеральной пространственной политики – стали новые субъекты РФ.

Новая стратегия пространственного развития подтвердила значимость федеральных округов – именно по ним определены приоритеты развития, но еще и по Арктической зоне РФ. Отказ от сетки макрорегионов оказался вполне ожидаемым, поскольку цели их появления и конкретные механизмы внедрения в федеральную пространственную политику были совершенно неочевидными (еще за несколько лет до появления стратегии в работе (Лексин, Порфирьев, 2016) говорилось об отсутствии целевой направленности выделения макрорегионов, заложенной в федеральном законе о стратегическом планировании), а соответствие макрорегионов реальным экономическим районам – не большим, чем у федеральных округов (Кузнецова, 2019a; Лаврикова, Суворова, 2024). Впрочем, универсальная сетка экономических районов на сегодняшний день вряд ли возможна (Дружинин, Кузнецова, 2025), поэтому сохранение сетки федеральных округов вполне можно признать единственно приемлемым на сегодняшний день решением, а для развития МРС могут формироваться любые объединения субъектов РФ, что и показывает накопленный успешный опыт МРС. Более того, соседство регионов вовсе не является обязательным условием развития МРС. Например, один из научно-образовательных центров мирового уровня иницирован Кемеровской областью, Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой.

¹⁵ Из 12 предложенных макрорегионов 4 полностью совпали с федеральными округами (включая Дальневосточный), и по федеральным округам решения, конечно, были. Появление упомянутого выше комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь» с участием Красноярского края, республик Хакасия и Тыва было связано с обсуждением идеи макрорегионов при подготовке стратегии пространственного развития, но в ее окончательной версии такого макрорегиона не оказалось (был сформирован Ангара-Енисейский макрорегион, в который включена также Иркутская область).

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2023 № 129-р.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день федеральными органами власти декларируется необходимость развития межрегионального сотрудничества, но реальных шагов по его поддержке делается не слишком много, да и в Стратегии пространственного развития России на период до 2030 года четко задачи в этом направлении не сформулированы. На наш взгляд, такая ситуация не может быть оценена позитивно, необходимы конкретные шаги по развитию МРС. В качестве таких шагов мы предлагаем следующие.

1) МРС должно стать реальной сферой ответственности Минэкономразвития России, МРС субъектов РФ не может подменяться сотрудничеством российских регионов с другими странами. Деятельность Минэкономразвития должна быть связана с обобщением и распространением лучших практик МРС, мониторингом поддержки МРС со стороны других федеральных министерств и ведомств, по возможности координацией их деятельности по данному направлению. Особого внимания требует взаимодействие с Минфином России в части внедрения механизмов горизонтальных субсидий и бюджетных кредитов, которые нуждаются в доработке.

2) В развитии налогово-бюджетного законодательства важно решить вопросы, связанные с принципами уплаты налога на доходы физических лиц. Вопрос политически сложный, но без его решения вряд ли можно рассчитывать на серьезное продвижение в развитии городских агломераций, равно как и многих периферийных территорий с высокой степенью распространенности т. н. отходничества.

3) В деятельности федеральных органов власти важно исходить из того, что примеры успешного опыта МРС во многом связаны с участием в нем именно федеральных властей – благодаря финансовой поддержке проектов и участию в достижении договоренностей между регионами. Поэтому целесообразно расширять практику федерального участия в МРС, что позволит регионам накопить опыт реализации совместных проектов и со временем сократить в МРС роль федеральных властей (расширять практику МРС уже без федерального участия).

Проведенный в данной статье анализ в значительной степени применим и к межмуниципальному сотрудничеству, поэтому, как представляется, расширение участия региональных органов власти в совместных проектах позволит накопить больше опыта и для поддержки межмуниципального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

- Барбашова Н.Е., Комарницкая А.Н. (2024). Проблемы и перспективы развития межбюджетных отношений в городских агломерациях России // Финансовый журнал. Т. 16. № 3. С. 23–39. DOI: 10.31107/2075-1990-2024-3-23-39
- Богомолова А.А. (2022). Горизонтальные межбюджетные трансферты как инструмент финансового взаимодействия регионов и муниципальных образований // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. № 1. С. 12–18. DOI: 10.21777/2587-554X-2022-1-12-18
- Бурак П.И., Ростанец В.Г., Топилин А.В. (2017). Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации: системный кризис или поиск новых форм развития? // Проблемы теории и практики управления. № 10. С. 66–73.
- Важенин С.Г., Важенина И.С. (2020). Доверие и сотрудничество территорий в конкурентной экономике // Журнал экономической теории. Т. 17. № 2. С. 336–345. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.8
- Важенина И.С., Важенин С.Г. (2023). Межрегиональное сотрудничество в условиях преодоления санкционных последствий // Менеджмент в России и за рубежом. № 3. С. 22–30.

- Важенина И.С., Важенин С.Г. (2021). От конкуренции к конкурентному сотрудничеству: новая парадигма развития территорий // Современная конкуренция. Т. 15. № 4. С. 5–20. DOI: 10.37791/2687-0649-2021-15-4-5-20
- Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2025). Районирование в пространственном развитии современной России: проблемные вопросы теории и практики // Федерализм. Т. 30. № 2. С. 79–97. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-2-79-97
- Климанов В.В., Казакова С.М., Яговкина В.А. (2021). Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления // Регионоведение. Т. 29. № 2. С. 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.292102.250-282
- Кожевников С.А. (2025). Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. Т. 5. № 1. С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74
- Кожевников С.А., Секушина И.А. (2021). Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5
- Котов А.В. (2020). Механизмы федеральной поддержки в развитии межрегионального сотрудничества // Проблемы теории и практики управления. № 3. С. 24–38.
- Кузнецова О.В. (2019а). Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. № 4. С. 112–125. DOI: 10.21686/2073-1051-2019-4-112-125
- Кузнецова О.В. (2019б). Межрегиональное сотрудничество в России: перспективы кооперации региональных властей // Региональные исследования. № 1. С. 16–25. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-2
- Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В. (2024). Макрорегионы в российской системе территориального управления: проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная экономика. № 4. С. 26–44. DOI: 10.25136/2409-8647.2024.4.72007
- Лапо В.Ф. (2020). Оценка межрегиональной конкуренции за инвестиции с привлечением законодательных методов стимулирования // Экономика региона. Т. 16. № 2. С. 649–665. DOI: 10.17059/2020-2-24
- Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. (2016). Организация статистических исследований и системного мониторинга развития макрорегионов // Регион: экономика и социология. № 3. С. 3–27. DOI: 10.15372/REG20160301
- Лукин Е.В., Ускова Т.В. (2016). Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН. 148 с.
- Митрофанова И.В., Жуков А.Н. (2012). Проблемы уральского территориального мегапроекта // Общество и экономика. № 9. С. 128–154.
- Никитюк Н.Н. (2023). Межрегиональное взаимодействие как инструмент достижения стратегических целей социально-экономического развития региона // Вестник евразийской науки. Т. 15. № 3.
- Ростанец В.Г., Топилин А.В. (2016). Создание институтов координации межрегиональных экономических связей субъектов Российской Федерации: необходимость и возможность. Москва: Изд-во «Научный консультант». 40 с.
- Ростанец В.Г., Топилин А.В., Андрюшина И.С. (2018). Стандарт развития межрегиональных экономических связей – новый инструмент экономической интеграции регионов России // Вестник Российской академии естественных наук. № 6. С. 61–66.
- Bacaria J. (1994). Competition and cooperation among jurisdictions: The case of regional cooperation in science and technology in Europe. *European Planning Studies*, 2(3), 287–302. DOI: 10.1080/09654319408720269

- Feiock R.C. (2006). Competition, cooperation and regional governance. *Working Paper on Interlocal Services Cooperation. Wayne State Digital Commons*, p. 33.
- Goetz E.G., Kayser T. (1993). Competition and cooperation in economic development: A study of Twin Cities Metropolitan Area. *Economic Development Quarterly*, 7(1), 63–78.
- Gordon I., Jayet H. (1994). *Territorial Policies between Cooperation and Competition*. University of Lille.
- Lee I.-W., Feiock R.C., Lee Y. (2012). Competitors and cooperators: A micro-level analysis of regional economic development collaboration networks. *Public Administration Review*, 72(2), 253–262. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2011.02501.x
- McCarthy L. (2003). The good of the many outweighs the good of the one: Regional cooperation instead of individual competition in the United States and Western Europe? *Journal of Planning Education and Research*, 23(2), 140–152. DOI: 10.1177/0739456X03258644
- Reiner C., Benner M. (2022). Cooperation bias in regional policy: Is competition neglected? *The Annals of Regional Science*, 69, 187–221. DOI: 10.1007/s00168-022-01114-0
- VanRompuy P., DeBruyne G. (1976). Competition and cooperation among regions: A game theoretic approach. *Regional Science Research Paper*, 14, p. 26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Владимировна Кузнецова – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru)

Kuznetsova O.V.

INCENTIVES FOR INTERREGIONAL COOPERATION IN FEDERAL SPATIAL POLICY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

The approval by the Russian government of a new Spatial Development Strategy for Russia at the end of 2024, which, unlike a similar document in 2019, does not contain a thesis on the need to strengthen interregional cooperation in macro regions and the composition of such macro regions, raises questions about the current state of interregional cooperation as an object of federal spatial policy and the importance of macro regions for its strengthening. The paper shows that there are both prerequisites and limitations for its development, primarily in terms of financial and economic interaction based on the analysis of scientific literature, federal legislation, and accumulated experience in the field of interregional cooperation. We propose the following areas of improvement of federal policy in the field of interregional cooperation to mitigate the latter: clear articulation of issues of financial and economic interaction between regional authorities as the object of activity of departments responsible for spatial development of the Ministry of Economic Development of Russia, organization of work in the Ministry on generalization and dissemination of best practices of interregional cooperation, monitoring and coordination of activities of other federal ministries in this field; expanding the practice of federal participation in projects related to cooperation between regional authorities, developing additional financial support measures for such projects; working out the issue of distributing personal income tax between territorial budgets as a necessary condition for the development of interregional cooperation, especially in urban agglomerations. The article highlights the stages in the transformation of federal policy toward macro regions in their broad sense (as associations of subjects of the Federation, regardless of their names). The correctness of the decision to abandon the unified grid of macro-regions is recognized and a flexible approach is proposed

to form associations of regions for cooperation between regional authorities – combining regions in different compositions that are optimal for solving specific tasks of interregional cooperation.

Interregional cooperation, competition, regional authorities, spatial development strategy, macro regions, fiscal legislation.

REFERENCES

- Bacaria J. (1994). Competition and cooperation among jurisdictions: The case of regional cooperation in science and technology in Europe. *European Planning Studies*, 2(3), 287–302. DOI: 10.1080/09654319408720269
- Barbashova N.E., Komarnitskaya A.N. (2024). Problems and prospects of inter-budget relations in Russia's urban agglomerations. *Finansovyy Zhurnal=Financial Journal*, 16(3), 23–39. DOI: 10.31107/2075-1990-2024-3-23-39 (in Russian).
- Bogomolova A.A. (2022). Horizontal interbudgetary transfers as an instrument of financial interaction between regions and municipalities. *Vestnik Moskovskogo Universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i Upravlenie=Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management*, 1, 12–18. DOI: 10.21777/2587-554X-2022-1-12-18 (in Russian).
- Burak P.I., Rostanets V.G., Topilin A.V. (2017). Associations of economic interaction of Russian regions: system crisis or search of new forms of development. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, 10, 6–73 (in Russian).
- Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V. (2025). Zoning in the spatial development of modern Russia: Problematic issues of theory and practice. *Federalizm=Federalism*, 30(2), 79–97. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-2-79-97 (in Russian).
- Feiock R.C. (2006). Competition, cooperation and regional governance. *Working Paper on Interlocal Services Cooperation. Wayne State Digital Commons*.
- Goetz E.G., Kayser T. (1993). Competition and cooperation in economic development: A study of twin cities metropolitan area. *Economic Development Quarterly*, 7(1), 63–78.
- Gordon I., Jayet H. (1994). *Territorial Policies between Cooperation and Competition*. University of Lille.
- Klimanov V.V., Kazakova S.M., Yagovkina V.A. (2021). Tools of interregional cooperation in the public administration system. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*, 29(2), 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.292102.250-282 (in Russian).
- Kotov A.V. (2020). Mechanisms of federal support in the development of interregional cooperation. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, 3, 24–38 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A. (2025). Strategic priorities and tools for spatial integration of Russia's European North. *Strategirovanie: Teoriya i Praktika=Strategizing: Theory and Practice*, 5(1), 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Sekushina I.A. (2021). Interregional cooperation: experience of the regions of the European North of Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika=Journal of Volgograd State University. Economics*, 23(4), 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5 (in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2019a). Alternative approaches to specify the role macro-regions of Russia in the system of public administration. *Federalizm=Federalism*, 24(4), 112–125. DOI: 10.21686/2073-1051-2019-4-112-125 (in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2019b). Interregional cooperation in Russia: Prospects of regional governments' cooperation. *Regional'nye Issledovaniya=Regional Research*, 1, 16–25. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-2 (in Russian).
- Lapo V.F. (2020). Legal instruments for stimulating interregional competition for investment. *Ekonomika Regiona=Economy of Regions*, 16(2), 649–665. DOI: 10.17059/2020-2-24 (in Russian).

- Lavrikova Yu.G., Suvorova A.V. (2024). Macro-regions in the Russian system of territorial administration: Problems and prospects. *Teoreticheskaya i Prikladnaya Ekonomika=Theoretical and Applied Economics*, 4, 26–44. DOI: 10.25136/2409-8647.2024.4.72007 (in Russian).
- Lee I.-W., Feiock R.C., Lee Y. (2012). Competitors and cooperators: A micro-level analysis of regional economic development collaboration networks. *Public Administration Review*, 72(2), 253–262. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2011.02501.x
- Leksin V.N., Porfiriev B.N. (2016). Organizing statistical research and system monitoring of the development of macroregions. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 3, 3–27. DOI: 10.15372/REG20160301
- Lukin E.V., Uskova T.V. (2016). *Mezhregional'noe Ekonomicheskoe Sotrudnichestvo: Sostoyanie, Problemy, Perspektivy* [Interregional Economic Cooperation: Situation, Problems, Prospects]. Vologda, ISERT RAN.
- McCarthy L. (2003). The good of the many outweighs the good of the one: Regional cooperation instead of individual competition in the United States and Western Europe? *Journal of Planning Education and Research*, 23(2), 140–152. DOI: 10.1177/0739456X03258644
- Mitrofanova I.V., Zhukov A.N. (2012). Problems of the Ural territorial megaproject. *Obshchestvo i Ekonomika=Society and Economics*, 9, 128–154 (in Russian).
- Nikityuk N.N. (2023). Interregional cooperation as a tool for achieving strategic goals of socio-economic development of the region. *Vestnik Evraziyskoy Nauki=The Eurasian Scientific Journal*, 15(3), 17 (in Russian).
- Reiner C., Benner M. (2022). Cooperation bias in regional policy: Is competition neglected? *The Annals of Regional Science*, 69, 187–221. DOI: 10.1007/s00168-022-01114-0
- Rostanets V.G., Topilin A.V. (2016). *Sozdanie Institutov Koordinatsii Mezhhregional'nykh Ekonomicheskikh Svyazey Sub"ektov Rossiyskoy Federatsii: Neobkhodimost' i Vozmozhnost'* [Creation of Institutions for the Coordination of Interregional Economic Relations of the Subjects of the Russian Federation: Necessity and Opportunity]. Moscow, Scientific Consultant Publishing House.
- Rostanets V.G., Topilin A.V., Androshina I.S. (2018). The standard of development of interregional economic relations – a new tool for economic integration of Russian regions. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Estestvennykh Nauk*, 6, 61–66 (in Russian).
- VanRompuy P., DeBruyne G. (1976). Competition and cooperation among regions: A game theoretic approach. *Regional Science Research Paper*, 14, 26.
- Vazhenin S.G., Vazhenina I.S. (2020). Confidence and cooperation of the territories in the competitive economy. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii=AlterEconomics*, 17(2), 336–345. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.8 (in Russian).
- Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. (2021). From competition to competitive cooperation: New paradigm for territories development. *Sovremennaya Konkurentsia=Modern Competition*, 15(4), 5–20. DOI: 10.37791/2687-0649-2021-15-4-5-20 (in Russian).
- Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. (2023). Interregional cooperation in conditions of overcoming sanction consequences. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom=Management in Russia and Abroad*, 3, 22–30 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Kuznetsova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, deputy director for science, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.4
УДК 332.1 (338.2) | ББК 65.049 (2)
© Краснопольский Б.Х.

ИНСТИТУТЫ УПРАВЛЕНИЯ И УСТОЙЧИВОСТЬ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

БОРИС ХАНАНОВИЧ КРАСНОПОЛЬСКИЙ
Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск, Российская Федерация
e-mail: boriskrano@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1549-036X

Исследование продолжает ранее осуществленный автором цикл разработок, направленных на изучение особенностей пространственно-хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока. Эти территории рассматриваются в тесной инфраструктурной связи с «подарктическими» высокоширотными районами Крайнего Севера, представляющими собой, как доказывает автор, единую пространственно-хозяйственную систему. Цель исследования – на основе анализа ряда международных и отечественных научных трудов, а также результатов ранее выполненных разработок автора выявить направления трансформации институциональных структур и механизмов в управлении рассматриваемыми территориями. В теоретико-методическом плане на базе кластерного подхода впервые обосновывается необходимость формирования здесь «мезокластера», представляющего собой единый комплекс добывных отраслей специализации данных территорий и выступающего структурообразующей основой для дальнейших институциональных преобразований в управлении ими. Акцент сделан на решении специфических проблем институциональных преобразований – согласовании управленческих функций формальных и неформальных институтов как «мезокластера», так и всего вновь формируемого пространственно-хозяйственного образования в целях повышения его хозяйственной и геостратегической устойчивости в условиях возникающих кризисов в природно-экологической, политической, социально-экономической и общественной сферах.

Дальний Восток, арктические территории, «мезокластер», формальные и неформальные институты, пространственно-хозяйственное образование.

Для цитирования: Краснопольский Б.Х. (2025). Институты управления и устойчивость геостратегического и хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока в современных условиях // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 58–70. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.4

For citation: Krasnopolski B.Kh. (2025). Management institutions and the sustainability of geostrategic and economic development of the Arctic territories of the Far East in the modern context. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 58–70. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.4

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках исполнения программы НИР «Трансформация институциональных механизмов и структур в управлении развитием арктических территорий Дальнего Востока с учетом новых реалий пространственного развития» по плановой теме № 2 ИЭИ ДВО РАН на 2025 год «Исследование закономерностей социально-экономического развития Дальневосточного региона России с учетом новых вызовов».

Введение

Условия и устойчивость геостратегического и хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока, как и других регионов России и мира, в значительной степени зависят от процессов, протекающих на фоне постоянно обостряющихся естественных кризисных явлений и различного рода шоковых ситуаций, возникающих в природно-экологической среде, в социально-экономических и международных отношениях и других сферах человеческой деятельности. Что касается России, в частности ее арктической зоны (АЗРФ), то в настоящее время она, помимо естественных процессов, подвергается весьма серьезному кризисному давлению во всех сферах жизнедеятельности населения в связи как с различными внешними санкциями недружественных государств, так и вызванными ими существенными шоками на национальной арене. Эти кризисы стали специфическими для нашей страны политико-экономическими явлениями, вызванными сложившейся международной обстановкой. В последние годы серьезному санкционному давлению подвергается и развитие Дальневосточного федерального округа.

Угроза возникновения кризисных явлений вызывает необходимость постоянных трансформаций институциональных механизмов и структур управления общественным развитием страны и ее регионов в целях повышения комплексной хозяйственной устойчивости и ускоренной адаптации к вновь возникающим нестандартным ситуациям во всех сферах общественного устройства государства.

Одним из путей трансформации управленческого аппарата в этом процессе является совершенствование взаимодействия между формальными и неформальными

институтами власти, представляющими как государственные органы, так и местные структуры общинного, коммерческого и административного управления на уровне отдельных муниципальных образований, бизнес-организаций и регионов.

В данной статье на основе анализа международных и отечественных научных разработок в этой области предпринимается попытка выявить и конкретизировать направления, которые будут достаточно эффективны для преобразований институциональных механизмов в системе управления на современном этапе развития североарктических территорий Дальнего Востока.

Теоретико-методические походы к исследованию

В этом плане вызывает интерес недавно вышедшая в международном научном издании «Журнал институциональной экономики» статья под названием «Введение в симпозиум „Кризис и устойчивость: динамика институциональных изменений на стыке формальных и неформальных институтов”» (Douarin, Schnyder, 2025). Она содержит анализ ведущих научных работ, представленных на научном симпозиуме, который состоялся в сентябре 2021 года в Лондоне, касающихся согласования функционирования формальных и неформальных институтов для поддержания устойчивости различного рода хозяйственных систем в условиях возникающих кризисов природно-экологического, геополитического и социально-экономического характера.

В докладах симпозиума рассматривались различные кризисные явления: международные, национальные политические, социально-экономические, экологические, природные – и оценивалось влияние на

течение этих процессов уровня согласования функционирования формальных и неформальных институтов. Также подчеркивалась необходимость соблюдения более четкой таксономии, заключающейся в усилении конкретики при формулировании обязанностей и функций действующих акторов и распределении их власти в обществе и социальных группах на различных иерархических уровнях общественных систем.

В ведущих научных работах, представленных на симпозиуме, обсуждались основные «болевые» точки рассматриваемой проблемы. Во всех этих исследованиях подчеркивалось, что кризисы различного рода становятся все более частыми и глубокими в связи с усложняющимися процессами во всех сферах как природно-экологического, так и общественно-политического характера. В связи с этим в настоящее время необходимо сосредоточить усилия научной общности на изучении роли кризисов как

определенной силы, способствующей позитивным переменам и росту устойчивости общественного развития на всех его иерархических «этажах» (Arvanitidis, Papagiannitsis, 2024; Buchen, 2024; Choutagunta et al., 2024; Rayamajhee et al., 2024). Выделяются четыре различных типа взаимодействия формальных и неформальных институтов. Широкий диапазон взаимодействий между ними в рассмотренных статьях подчеркивает сложность протекания институциональных процессов на практике (табл. 1).

Охарактеризованные выше исследования в теоретико-методическом плане дают результаты, которые могут быть использованы для изучения процессов влияния институциональных преобразований на устойчивость геостратегического и хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока в современных условиях.

Таким образом, в табл. 1 на основании широких международных исследований представлены четыре наиболее характер-

Таблица 1. Формальные и неформальные институты: типы взаимодействия

Тип взаимодействия	Авторы статей	Формальное – неформальное институциональное взаимодействие	Тип кризиса или реакции	Процесс изменений/ устойчивости	Акторы изменений или устойчивости	Вопросы для будущих исследований
1	(Arvanitidis, Papagiannitsis, 2024)	Антагонизм и замена: соперничество двух несовместимых логик и процессов	Экзогенный экономический шок, вызывающий кардинальные изменения в действии эндогенных сил и их подчас несовместимое противодействие	Вытеснение/замена, если формальные институты достаточно сильны, что открывает систему для внешних воздействий. Рост внутренней устойчивости, если неформальные институты достаточно сильны	Политические деятели как законодатели, местные деятели как законодатели	Что делают общинные (местные) правила устойчивыми? Когда они теряют свою силу? Как можно спроектировать и внедрить государственные институты, действующие сверху вниз, опираясь на общинные правила, а не на их вытеснение?
2	(Buchen, 2024)	Дополняющие функции: формальный институт, укрепляющий неформальный институт	Экзогенный экономический шок, вызывающий нарушение эндогенной устойчивости	Формальные институты, усиливающие неформальные, повышают устойчивость	Политические акторы как законодатели	Как различные типы кризисов влияют на склонность к сотрудничеству? Какие особенности формальных институтов необходимы для поддержания норм сотрудничества? Когда внешние «толчки» слишком велики для соблюдения устойчивости?

Окончание таблицы 1

Тип взаимодействия	Авторы статей	Формальное – неформальное институциональное взаимодействие	Тип кризиса или реакции	Процесс изменений/устойчивости	Акторы изменений или устойчивости	Вопросы для будущих исследований
3	Choutagunta et al., 2024)	Дополняющие функции: неформальный институт, укрепляющий формальный институт	Внешние экономические, политические и природные кризисы, ослабляющие ограничения на соблюдение эндогенных норм	Формальные институты могут быть изменены из-за несоблюдения неформальных норм в зависимости от силы шока	Экономические акторы как законодатели	Какие функции должны быть реализованы, чтобы сделать внешние конституции устойчивыми к кризисам и ограничить декларирование новых норм в соблюдении конституций?
4	(Rayamajhee et al., 2024)	Конкуренция и кооперация: две альтернативные логики, выполняющие эквивалентную функцию	Экзогенный стихийный процесс, активизирующий и стимулирующий конкуренцию и кооперацию	Изменение масштабов формальной и неформальной институциональной сферы: неформальные институты становятся равными по влиянию формальным институтам	Федеральные и местные акторы как равнозначные законодатели и исполнители	Как сделать так, чтобы различные институциональные сферы усиливали друг друга во время кризиса, а не конкурировали?
Источник: (Douarin, Schnyder, 2025) Перевод и интерпретации автора.						

ных типа взаимодействия институциональных структур на различных иерархических уровнях пространственной организации хозяйства. Есть ли среди них тот тип, который будет в наибольшей степени соответствовать процессам, происходящим в изучаемом объекте, в нашем случае – на дальневосточных арктических территориях? Эти процессы, скорее всего, относятся к типу 4 взаимодействия формальных и неформальных институтов, когда действуют две альтернативные логики, связанные с конкуренцией и кооперацией и выполняющие эквивалентные равномасштабные и равнозначные функции в развитии территорий. Именно подобные процессы согласования институтов данного типа определяют тот теоретико-методический подход, который должен быть использован при анализе и оценке институциональных трансформаций в управлении исследуемыми в данной статье территориями.

В более глубоком научном смысле теоретико-методические подходы к исследованию связаны с фундаментальными работами в области философии сотрудничества как альтернативы конкурентным механиз-

мам социального взаимодействия, история которых была проанализирована, например, в статье (Балацкий, 2024). Одним из основоположников данного направления в философии является академик В.М. Полтерович. В его работах доказывается, что институты сотрудничества сегодня помогают преодолеть провалы рынка, государства и парламентской демократии, в связи с чем философия сотрудничества выступает в качестве идеологического драйвера будущих прогрессивных реформ человечества (Полтерович, 2022).

Обсуждение результатов исследования

В статье, опубликованной ранее в журнале «Регионалистика» (Краснопольский, 2024), автор обосновывал создание так называемого «мезокластера» добычных отраслей специализации минерально-сырьевой направленности на всех исследуемых в данной статье территориях, который должен являться структурообразующей основой вновь формирующегося здесь крупного пространственно-хозяйственного образования – Северо-Восточного мезорегиона.

Использование методического подхода по согласованию формальных и неформальных институтов применительно к данной хозяйственной системе дает возможность сделать следующий вывод: институты управления «мезокластера» создаются на *неформальной* договорной основе его хозяйствующих партнеров, что же касается всей хозяйственной системы в целом, то ее институты управления создаются на *формальной* основе и включают ведомственные федерального уровня и административные регионального уровня институты. Экономическая основа взаимодействия и согласования институциональных органов данной хозяйственной системы зиждется на установлении определенного консенсуса между *конкурентными* отношениями хозяйствующих партнеров в рамках создающегося «мезокластера», действующих на базе рыночных методов управления, что отражает бизнес-интересы партнеров, и *кооперативными* отношениями территорий Северо-Восточной хозяйственной зоны, регулируемые планово-программными методами управления, что отражает политико-экономические интересы государства.

Таким образом, создаются возможности формирования комплементарной (взаимодополняющей) системы управления плановыми (в интересах государства) и рыночными (в бизнес-интересах хозяйствующих субъектов) методами.

В табл. 1 представлен именно такой тип под № 4, выявленный на базе изучения международного опыта взаимодействия формально-неформальных структур управления хозяйственными образованиями. И это подтверждает, что процессы, протекающие в этой области на исследуемых нами

территориях, являются достаточно распространенными в мировой практике, однако они имеют страновую специфику. Здесь важно отметить, что именно экзогенный (внешний) стихийный процесс или кризис в данном случае выступает в качестве некоего «спускового крючка» для формирования именно такого типа взаимодействия формальных и неформальных институтов.

В качестве такого экзогенного кризиса в случае исследуемых нами территорий на национальном уровне выступают существенные инверсионные противоречия в государственно-плановых и рыночных методах управления их пространственно-хозяйственным развитием начиная со сферы их добычных отраслей. На международном уровне на это накладываются следующие кризисные явления, связанные с трансграничным положением рассматриваемых территорий как восточного форпоста АЗРФ на границе со штатом Аляска, США и Канадой; с геостратегическими проблемами страны в целом, с ролью этих территорий как части мирового сектора Тихоокеанской Арктики в обеспечении ее безопасности и регулировании судоходного режима в Берингской зоне на трассе Севморпути, а также рядом других причин (Журавель, Тимашенко, 2020; Минакир и др., 2020; Дальневосточная..., 2021; Лаженцев, 2024; Baker, 2021).

В связи с этими кризисными процессами и явлениями в развитии данных территорий возникает новая ситуация, когда акцент в их стратегическом развитии перемещается в качестве второй «волны» с преимущественно отраслевого на территориальное пространственно-хозяйственное планирование и прогнозирование¹.

¹ Напомним, что первый этап концентрации внимания нашего государства на территориальном планировании связан с опытом исторического прошлого нашей страны 1950–60-х гг. XX века, когда во времена СССР на этих территориях был создан так называемый Северо-Восточный совнархоз в составе Якутии, Магаданской области и входящей в нее как административная единица Чукотки. Эта структура была связана с политико-административными реформами, с переходом от в основном отраслевого управления экономикой страны к территориальному. Совнархоз внес огромный вклад в комплексное развитие этого региона, в создание базы освоения добычных ресурсов, систем расселения, энергообеспечения, магистральной транспортной инфраструктуры: например, Колымской автотрассы Магадан – Якутск с ее ответвлениями, речных и авиационных транспортных коммуникаций, морских портов на трассе Севморпути и др. Речь здесь, конечно, не идет о полном восстановлении подобной территориальной структуры, но в качестве совершенствования институциональных механизмов разработки и реализации стратегических программ исследуемых территорий инструментарий, показавший себя в прошлом достаточно эффективно, вполне можно и нужно использовать.

С позиций нашего исследования интерес представляет статья о практике США по использованию кластеров как драйверов регионального экономического развития (Растворцева, Череповская, 2024). В ней авторы проводят анализ развития кластеров США по группам, ориентированным на внешние и внутренние рынки, и демонстрируют важность кластерного подхода на современном этапе развития американской экономики. Интересна также статья «Институциональные перспективы регионального экономического развития» (Amin, 1999), в которой доказывается, что наиболее высокие показатели инновационного развития за счет внутренних резервов имеют регионы, ориентированные на мобилизацию эндогенного потенциала региональной экономики и формирование сильных локальных взаимосвязей путем использования дополнительных возможностей развития неформальных (кластерных) институтов.

В нашем случае использование межрегиональной модели добычного «мезокластера» как раз и является методом и способом мобилизации локальных резервов отраслей минерально-сырьевой специализации, входящих в Северо-Восточную хозяйственную зону. Их интеграция позволит в максимальной степени концентрировать все имеющиеся внутренние ресурсы для повышения как их отраслевой эффективности, так и эмерджентного эффекта в целом всей данной зоны. Конечно, комплексный эффект от всех этих мероприятий может быть достигнут только в случае формирования соответствующей системы по согласованию взаимодействия формальных и неформальных институциональных структур как на экзогенном, так и эндогенном уровне рассматриваемых региональных систем.

Вообще, мобилизационный подход, по нашему мнению, должен стать ведущим методом реализации текущих и перспективных программ развития России в настоящее время. Например, о мобилизационном подходе при освоении арктических территорий России говорит В.Н. Лаженцев, отмечая, что

такой подход является ведущим направлением методологии исследования северных территорий. В этой статье подчеркивается: «Поэтому для Севера России, и особенно для её арктической зоны, становится весьма актуальным метод мобилизационного управления. Научный и практический аспекты методологии северо-арктической деятельности имеют общую методологическую установку: переход от позиции „чем больше, тем лучше“ к позиции „хорошее качество важнее большого количества“. В Арктике к тому же всё более осознаётся необходимость перехода „от максимально необходимого к реально возможному“» (Лаженцев, 2024).

«Мезокластерный» подход автора, доказательства применения которого приводятся в его исследованиях, включая данное, отвечает в определенной мере и на поставленные выше вопросы, связанные с согласованием функционирования формальных и неформальных институтов управления пространственно-хозяйственными образованиями. Структурно в практическом плане этот подход выглядит несложным, но в его реализации по всем параметрам институциональных преобразований в системе регулирования взаимоотношений добычных отраслей и «большой» системы Северо-Восточного мезорегиона, включающего территории трех субъектов Федерации, существуют специфические особенности.

Еще раз подчеркнем, что одной из ведущих особенностей на данном этапе развития исследуемого хозяйственного образования, как считает автор, является обострение инверсионных (противодействующих) процессов и противоречий в функционировании формальных и неформальных институтов управления хозяйственным конгломератом. Автор в ранее опубликованных работах достаточно подробно исследовал инверсионные взаимоотношения различных элементов в структуре пространственно-хозяйственных систем (Краснопольский, 2023). Процессы инверсии возникают и во взаимодействии формально-неформальных институциональных связей на изучаемых территориях, в нашем случае – во взаи-

модействии кластерных (неформальных) и общесистемных (формальных) механизмов управления.

В данном случае нужно обратить внимание на то, что существенной особенностью организации кластеров является создание их управляющих институтов на *неформальной* основе, то есть определяющим принципом их формирования выступает *добровольное* объединение хозяйствующих партнеров (Бобрышева, 2023). Ее направленность в данном случае имеет специфический характер, а именно – она ориентирована в первую очередь на реализацию выполнения частных целей входящих в нее партнеров, а не объединенной системы в целом. На это ориентированы и неформальные институциональные механизмы и структуры кластеров, создающиеся на договорной основе². Именно в данном случае возникают инверсионные противоречия в их совместном функционировании в кооперации с формальными институтами более высокого иерархического ранга, которые действуют не в частных, а в государственных интересах, что требует постоянного согласования их институциональных методов и приемов.

Отметим, что обоснованный в проведенных автором исследованиях «мезокластерный» подход по своей научно-прикладной сути корреспондирует с выводами, которые сделаны в ряде отечественных работ в этой области.

Например, в работе А. Клепача по вопросам «прорывных» технологий в новой организации пространственного развития страны доказывается необходимость следующих мероприятий:

– «реализация кластерной политики (инструмент экономики предложения, цель которого – развитие *стратегических территорий* для максимизации вклада в экономику страны в средне- и долгосрочном периоде)»;

– «переход от конкуренции за ресурсы к *межрегиональной кооперации* (это достигается посредством перестройки бюджетной политики, в том числе через внедрение кластерных трансфертов, направленных на формирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости)»³.

Интересные результаты исследований, близко корреспондирующие с авторскими, представлены в статье, касающейся ресурсно-институционального подхода к формированию промышленных кластеров в регионе на примере Ростовской области (Ханина, Сорокина, 2020). В работе предложен интегрированный *ресурсно-институциональный подход*, который позволяет добиться синергетического эффекта и развития менеджмента партнерских отношений в использовании инновационного потенциала региона. По сути, ресурсный подход способствует развитию локальных связей неформальных институтов внутри кластера и совершенствованию формальных институтов в системе эндогенных и экзогенных связей всего региона (Ханина, Сорокина, 2020).

Все эти особенности кластерного подхода по глубинной сути, а также оценки влияния формально-неформальных институциональных структур на совместное управление развитием кластеров и региональных экономик, которые охарактеризованы в приведенных выше статьях, в значительной степени совпадают с полученными нами результатами.

Но пространственный уровень применения этого подхода в авторском исследовании существенно отличается от описанного в этих статьях. «Мезокластер», как уже неоднократно подчеркивалось выше, в авторской интерпретации интегрирует хозяйствующие бизнес-структуры в добычной сфере не во внутренней среде отдельных территорий, а в рамках межрегиональных взаимодействий достаточно самостоятель-

² Куценко Е.С. Управление кластером как профессия. Кластерный саммит: г. Москва, 14–15 ноября 2013 г. URL: <https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/216157624> (дата обращения 12.04.2025).

³ Клепач А. Восточный вызов пространственного развития. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vostochnyy-vyzov-prostranstvennogo-razvitiya> (дата обращения 18.04.2025).

ных субъектов федерации. И именно эти особенности вызывают использование весьма специфических приемов и методов создания кластера, формирования его пространственной структуры, поддержания

устойчивости развития всего региона, институционального управления хозяйственными процессами на всех иерархических этажах рассматриваемого пространственно-хозяйственного образования и др. (табл. 2).

Таблица 2. Цели, причины, механизмы и результаты институциональных преобразований в управлении формированием «мезокластера» в северо-арктической зоне Дальнего Востока

Цель и причины создания «мезокластера»
Необходимость качественных изменений в регулировании управления развитием добычных отраслей специализации и в целом северо-арктической зоны Дальнего Востока, включающей несколько локализованных в пространстве территорий, вызванных следующими причинами: – экстремальные условия развития, враждебность природной среды для функционирования; – возникающие турбуленции в их экзогенной среде, что вызвано различного рода природно-экологическими, политико-экономическими и прочими шоками и кризисами; – новые требования перехода к более современным научно-техническим достижениям, технико-технологическим новациям и укладам; – усиление контроля над инверсионными (противонаправленными) процессами во взаимодействии планово-программных и рыночных методов управления и реализующих их кооперационных и конкурентных взаимоотношений
Вид кластера
Ресурсно-институциональный, формируется на основе координации отраслей добычной специализации нескольких территорий, которые в дальнейшем претерпевают существенное усиление кооперационных связей благодаря новым технологическим решениям в организации их функционирования, а также инновациям в пространственной организации за счет развития межрегиональной магистральной инфраструктуры; согласованию функционирования формальных и неформальных институтов в управлении развитием «мезокластера» и пространственно-хозяйственного образования в целом в условиях возникающих кризисных ситуаций
Особенности объектов и пространственной структуры кластера
Идентичные по специализации группы крупных структурообразующих предприятий на рассматриваемых территориях (базовые, «якорные» предприятия), определяющие стратегические направления и пространственное структурообразование их дальнейшего развития, состав вспомогательных и обслуживающих производств, а также экзогенных и эндогенных элементов инфраструктуры
Влияние на хозяйственную устойчивость
Усиление определяющего значения кооперационных связей для отраслей добычной специализации нескольких территорий в границах «мезорегиона»
Координация взаимодействия участников кластера по согласованным производственным программам развития их отраслей специализации, что повлияет на повышение эффективности инновационных процессов в технико-технологической сфере и хозяйственной результативности как кластера, так и региона в целом
Усиление направленности производства продукции в отраслях специализации «мезокластера» на внутренние и внешние рынки и импортозамещение
Общие преимущества в управлении
Существенное повышение уровня эндогенной координации взаимодействия администраций регионов с бизнесом в отраслях добычной специализации рассматриваемых территорий, а также экзогенного согласования с федеральными структурами
Непосредственное участие администрации в управляющих структурах «мезокластера» и координационных решениях в качестве равноправных партнёров, что влияет на повышение эффективности в принятии организационно-экономических решений как в «мезокластере», так и в отраслевых ведомствах федерального уровня
Усиление возможности определять проблемы и сильные стороны отрасли специализации как ведущего сектора экономики по совокупным показателям добычи идентичных природных ресурсов на нескольких комплементарных (взаимодополняющих) территориях на базе анализа достоверной информации о деятельности отраслевых предприятий, рынках сбыта продукции, трудовых ресурсах и др.

Повышение общей экономической устойчивости предприятий отраслей специализации «мезокластера» за счёт более рационально организованных процессов конкуренции и кооперации, что даёт возможность вспомогательным и обслуживающим предприятиям за счет высвободившихся средств получать дополнительную финансовую поддержку, соответствующую совокупным потребностям базовых предприятий
Применение комплексного подхода к инфраструктурному обеспечению территорий и созданию, наряду с критическими видами инфраструктуры, её инновационного элемента по всем современным технологиям в базовых отраслях, научно-исследовательским и опытно конструкторские разработкам, охватывая при этом всю группу комплементарных территорий
Улучшение кадрового обеспечения отраслей специализации «мезокластера», а также вспомогательных, обслуживающих производств и элементов инфраструктуры в рамках пространственно-хозяйственного образования, включающего взаимодополняющие друг друга территории
Формирование объединённых маркетинговых групп для продвижения продукции отраслей специализации на рынки внутреннего и внешнего устойчивого спроса
Создание на базе единых институциональных приемов и норм управленческих структур на принципах государственно-частного и государственно-регионального партнёрства, которые должны включать представителей федеральных ведомств, регионов и частных инвесторов
Создание экспертного совета, включая научные организации, рассматривающего различные проекты по мере их подготовки к реализации, что обеспечит существенный рост информационного взаимодействия в рамках «мезокластера» и мезорегиона и будет являться ключевым источником усиления конкурентных преимуществ рассматриваемой дальневосточной зоны на внутреннем и внешних рынках
Влияние на согласование формальных и неформальных институтов
Возможность создания сбалансированной институциональной модели, обеспечивающей достаточно тесное согласование экзогенных и эндогенных функций формальных (федерального и регионального административного уровня) и неформальных («мезокластера») институтов управления, включая всю систему их методов, приемов и конкретных механизмов, нормативных актов и др.
Источник: составлено автором.

В целом усиление согласования функционирования формальных и неформальных институтов в управлении пространственно-хозяйственным развитием рассматриваемых территорий даст существенный эмерджентный социально-экономический эффект в их комплексном развитии.

Заключение

На рассматриваемых территориях в связи с различными факторами усиливаются глубокие кризисы прежде всего в социально-экономическом и геостратегическом развитии как на национальном, так и международном уровне.

Природа данных кризисов различна, но в отношении исследуемых территорий, по мнению автора, наиболее значима на данном этапе развития нарастающая кризисная ситуация в отраслях добычной специализации. Эти отрасли не только выступают в качестве базовых в системах воспроизводственных связей изучаемых территорий,

но и, что очень важно в данном случае, являются структурообразующими в формировании их пространственной структуры. Инверсионные противоречия, возникающие в развитии этих отраслей, особенно в области конкурентных и кооперативных взаимоотношений, приводят к значительным потерям их суммарной эффективности на национальном и международном уровнях, т. к. рассматриваемые территории, помимо того что имеют большое значение в части укрепления сырьевого потенциала России, граничат с такими крупнейшими странами в мировой Арктике, как США (ближнее зарубежье – штат Аляска) и Канада (дальнее зарубежье).

Основные результаты исследования заключаются в следующем.

На основе формирования в северо-восточном секторе АЗРФ межрегионального ресурсно-институционального «мезокластера» по добыче минерально-сырьевых ресурсов доказывается необходимость и возможность обеспечить достаточно тес-

ное согласование экзогенных и эндогенных функций формальных и неформальных институтов управления, включая всю систему их методов, приемов и конкретных механизмов, нормативных актов и др. Цель данных преобразований – создать условия для государственного, регионального и государственно-частного (на базе «мезокластера») партнерства и совместного регулирования комплексного развития вновь создающегося здесь пространственно-хозяйственного образования, что даст в итоге высокий совокупный эмерджентный эффект в интересах всех участвующих партнеров.

Решение этой задачи соответствует и активно протекающим здесь в настоящее время процессам смены акцентов в планировании и управлении с чисто отраслевых на территориальные принципы. Приоритет территориального планирования выступает в качестве второй волны институциональных преобразований в данной хозяйственной зоне страны. Эти чрезвычайно важные на текущем и перспективном этапах развития этой зоны процессы вызваны возникновением различного рода глубоких кризисов в ее развитии. И выходом из одного из таких

кризисов в ресурсной сфере является необходимость реализации некоего «мобилизационного» подхода в регулировании перспективного формирования ее пространственно-хозяйственной структуры.

В дальнейшей для последовательной реализации данных обоснований, конечно, потребуется создание единого постоянно действующего институционального органа, в качестве которого будет выступать, скорее всего, специальная государственно-региональная плановая комиссия по Северо-Восточному мезорегиону. Ее создание в какой-то мере затронет нынешние управленческие функции как государственных организаций федерального уровня, так и региональных административных органов Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа и Магаданской области вместе взятых. Но реализация подобного планово-программного подхода в стратегическом развитии данных трансграничных северо-арктических территорий Дальнего Востока в настоящий период обострения кризисных ситуаций и на национальной, и на международной арене является в настоящее время остро необходимой.

ЛИТЕРАТУРА

- Балацкий Е.В. (2024). Философия сотрудничества в институциональном проектировании: истоки, ограничения и перспективы // Философские науки. Т. 67. № 4. С. 27–46.
- Бобрышева А.А. (2023). К вопросу об определении понятия кластера как интегрированной структуры в производственной сфере деятельности // Экономическая наука современной России. № 2. С. 58–71. DOI: 10.33293/1609-1442-2023-2(101)-58-71
- Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов (2021): монография / отв. ред. Б.Х. Краснопольский; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 248 с.
- Журавель В.П., Тимошенко Д.С. (2020). Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. № 49. С. 105–124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105
- Краснопольский Б.Х. (2023). Инфраструктура и пространственная экономика: теоретические и прикладные исследования / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 234 с.
- Краснопольский Б.Х. (2024). Северо-арктические территории Дальнего Востока России: механизмы организационно-управленческой координации отраслей минерально-сырьевой специализации макрорегиона // Регионалистика. Т. 11. № 4. С. 24–42. DOI: 10.14530/reg.2024.4.24
- Лаженцев В.Н. (2024). Северо-арктическая специфика предмета экономических исследований (методологические аспекты) // Арктика и Север. № 57. С. 64–76. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.57.64

- Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. (2020). Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. Т. 16. № 1. С. 66–99. DOI: 10.14530/se.2020.1.066-099
- Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 3. С. 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2
- Растворцева С., Череповская Н. (2024). Кластеры как драйверы регионального экономического развития: практика США // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 68. № 2. С. 27–38. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-27-38
- Ханина А.В., Сорокина Ю.В. (2020). Ресурсно-институциональный подход к формированию промышленного кластера в регионе // *Инновационная экономика и менеджмент: методы и технологии*. Москва. С. 349–355.
- Amin A. (1999). An institutional perspective on regional economic development. *International Journal of Urban and Regional Research*, 23(2), 365–378. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2427.00201>
- Arvanitidis P.A., Papagiannitsis G. (2024). Community and informal institutions in reforms under crises: The odyssey of a 350-year-old functionally credible water commons. *Journal of Institutional Economics*, 20(33). DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137424000183>
- Baker B. (2021). Beyond the Northern Sea Route: Enhancing Russian-United States cooperation in the Bering Strait Region. *Polar Perspectives*, 8, 1–27.
- Buchen C. (2024). Institutional resilience: How the formal legal system sustains informal cooperation. *Journal of Institutional Economics*, 20, e1. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137422000418>
- Choutagunta A., Gutmann J., Voigt S. (2024). Shocking resilience? Effects of extreme events on constitutional compliance. *Journal of Institutional Economics*, 20, e3. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137423000279>
- Douarin E., Schnyder G. (2025). Introduction to the symposium on “crisis and persistence: Dynamics of institutional changes at the interface between formal and informal institutions. *Journal of Institutional Economics*, 21, e6. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137424000328>
- Rayamajhee V., March R.J., Clark C.C.T. (2024). Shock me like a Hurricane: How Hurricane Katrina changed Louisiana’s formal and informal institutions. *Journal of Institutional Economics*, 20, e2. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137423000267>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борис Хананович Краснополяский – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: boriskrano@gmail.com)

Krasnopolski B.Kh.

MANAGEMENT INSTITUTIONS AND THE SUSTAINABILITY OF GEOSTRATEGIC AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ARCTIC TERRITORIES OF THE FAR EAST IN THE MODERN CONTEXT

The research continues the series of studies previously carried out by the author, aimed at investigating the features of spatial and economic development of the Arctic territories of the Far East. These territories are considered in close infrastructural connection with the “sub-arctic” high-latitude regions of the Far North, which, as the author proves, represent a single spatial and

economic system. The aim of the study is to identify the directions of transformation of institutional structures and mechanisms in the management of the territories under consideration based on the analysis of a number of international and domestic scientific papers, as well as the results of the author's previous research. In theoretical and methodological terms, based on the cluster approach, the necessity of forming a "meso cluster" here is substantiated for the first time, representing a single complex of mining industries specializing in these territories and acting as a structure-forming basis for further institutional transformations in their management. The emphasis is placed on solving specific problems of institutional transformation – coordinating the management functions of formal and informal institutions, both the "meso cluster" and the entire newly formed spatial and economic entity in order to increase its economic and geostrategic stability in the context of emerging crises in the natural, environmental, political, socio-economic and public spheres.

Far East, Arctic territories, "meso cluster", formal and informal institutions, spatial and economic entity.

REFERENCES

- Amin A. (1999). An institutional perspective on regional economic development. *International Journal of Urban and Regional Research*, 23(2), 365–378. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2427.00201>
- Arvanitidis P.A., Papagiannitsis G. (2024). Community and informal institutions in reforms under crises: The odyssey of a 350-year-old functionally credible water commons. *Journal of Institutional Economics*, 20(33). DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137424000183>
- Baker B. (2021). Beyond the Northern Sea Route: Enhancing Russian-United States cooperation in the Bering Strait Region. *Polar Perspectives*, 8, 1–27.
- Balatsky E.V. (2024). Philosophy of cooperation in institutional design: Origins, limitations and prospects. *Filosofskie nauki*, 67(4), 27–46 (in Russian).
- Bobrysheva A.A. (2023). On the issue of defining the concept of a cluster as an integrated structure in the production sector. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 2, 58–71. DOI: 10.33293/1609-1442-2023-2(101)-58-71 (in Russian).
- Buchen C. (2024). Institutional resilience: How the formal legal system sustains informal cooperation. *Journal of Institutional Economics*, 20, e1. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137422000418>
- Choutagunta A., Gutmann J., Voigt S. (2024). Shocking resilience? Effects of extreme events on constitutional compliance. *Journal of Institutional Economics*, 20, e3. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137423000279>
- Douarin E., Schnyder G. (2025). Introduction to the symposium on "crisis and persistence: Dynamics of institutional changes at the interface between formal and informal institutions. *Journal of Institutional Economics*, 21, e6. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137424000328>
- Khanina A.V., Sorokina Yu.V. (2020). Resource-institutional approach to the formation of an industrial cluster in the region. In: *Innovatsionnaya ekonomika i menedzhment: metody i tekhnologii*. Moscow (in Russian).
- Krasnopolski B.Kh. (2023). *Infrastruktura i prostranstvennaya ekonomika: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya* [Infrastructure and spatial economics: Theoretical and applied research]. Khabarovsk: IEI DVO RAN.
- Krasnopolski B.Kh. (2024). North Arctic territories of the Russian Far East: Mechanisms of organizational and managerial coordination of mineral resource sectors of the macroregion. *Regionalistika*, 11(4), 24–42. DOI: 10.14530/reg.2024.4.24 (in Russian).
- Krasnopolski B.Kh. (Ed.). (2021). *Dal'nevostochnaya i Tikhookeanskaya Arktika: na perekrestke dvukh okeanov i kontinentov: monografiya* [The Far Eastern and Pacific Arctic: At the crossroads of two oceans and continents: Monograph]. Khabarovsk: IEI DVO RAN.
- Lazhentsev V.N. (2024). The North Arctic specifics of the subject of economic research (methodological aspects). *Arktika i Sever*, 57, 64–76. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.57.64 (in Russian).

- Minakir P.A., Isaev A.G., Demyanenko A.N., Prokapalo O.M. (2020). Economic macro regions: An integration phenomenon or a political and geographical expediency? The case of the Far East. *Prostranstvennaya ekonomika*, 16(1), 66–99. DOI: 10.14530/se.2020.1.066-099 (in Russian).
- Polterovich V.M. (2022). Competition, collaboration, and life satisfaction. Part 2. The fundament of leadership – collaborative advantage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2 (in Russian).
- Rastvortseva S., Cherepovskaya N. (2024). Clusters as drivers of regional economic development: US Practice. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 68(2), 27–38. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-27-38 (in Russian).
- Rayamajhee V., March R.J., Clark C.C.T. (2024). Shock me like a Hurricane: How Hurricane Katrina changed Louisiana's formal and informal institutions. *Journal of Institutional Economics*, 20, e2. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137423000267>
- Zhuravel V.P., Timoshenko D.S. (2020). The Russian Arctic in the period of sanctions pressure and geopolitical instability. *Arktika i Sever*, 49, 105–124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris Kh. Krasnopol'ski – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: boriskrano@gmail.com)

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.5

УДК 332.1 | ББК 65.04

© Дружинин А.Г.

ОБ «ЭТНИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ» ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ДРУЖИНИН

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Институт географии РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: alexdru9@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1642-6335; ResearcherID: E-5423-2018

Россия – многонациональная страна с устойчивым, разнотемповым для отдельных регионов и их муниципальных образований трендом на изменение этнической структуры населения, а также общим преобладанием моноэтнических территорий. Пространственное развитие Российской Федерации нуждается в сфокусированном учете этноструктурных, этнотерриториальных условий и факторов. В статье они рассмотрены и концептуализированы в качестве «этнической определенности» пространственного развития, понимаемой как многокомпонентная сопряженность территориально-хозяйственной и селитебной динамики с воспроизводством конкретных этносов (во взаимодействии с другими этносами) в ареалах их преимущественной локализации, так и со сложившейся этнотерриториальной структурой в целом. В работе делается акцент на том, что подобного рода «определенность» обусловлена следующими причинами: особенностями этнической географии (сочетанием моно- и полиэтнических ареалов); проецирующимися на экономику хозяйственно-культурными особенностями конкретных этносов, масштабом воспроизводства традиционных для этнических общностей направлений хозяйствования (этноэкономики); функционированием «национальных» субъектов федерации и «титовых» муниципальных образований в центрально-периферийной селитебной и территориально-хозяйственной архитектуре страны; асимметричным (разномасштабным и разнотемповым) пространственным развитием в «разрезе» ареалов преимущественной локализации (концентрации) того или иного этноса. На обширных данных муниципальной статистики (муниципальные районы и округа, городские округа, всего 2297 единиц) показано, что экономическая

Для цитирования: Дружинин А.Г. (2025). Об «этнической определенности» пространственного развития современной России // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 71–86. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.5

For citation: Druzhinin A.G. (2025). On the “ethnic certainty” of the spatial development of modern Russia. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 71–86. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.5

активность смещена в муниципалитеты с русской моноэтничностью (1696 единиц, включая 485 городских округов), что объясняется локализацией на этих территориях подавляющей части региональных столиц и их пригородов. Выявлена (на материалах Юга России) выраженная асимметрия в масштабах и уровне хозяйственной активности между поли- и моноэтническими территориями, а также моноэтническими ареалами (кластерами муниципалитетов с однородной этнической структурой населения) с различной «этнической окраской». Обосновано, что ни полиэтничность, ни моноэтничность напрямую не влияют на экономическую активность, в то время как последняя, концентрируясь в крупнейших городах и их агломерациях, благоприятствует нарастанию полиэтничности.

Пространственное развитие, расселение этносов, этническая структура, этнический фактор, территориальные экономические различия, Россия.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Введение

Россию принято идентифицировать в качестве государства *многонационального*. Эта основополагающая характеристика не только напрямую зафиксирована в действующей Конституции страны (Ст. 68, п. 1)¹, но и имеет четкое статистическое обоснование (Всероссийская перепись населения 2020 года охватывает данные по 197 отдельным этносам). Наглядным подтверждением укорененного в общественном дискурсе (Тишков, 2013) понимания полиэтничности государства выступает сетка политико-территориального деления, в основных чертах оформившаяся еще в первой половине XX столетия, когда «национальный фактор» рассматривался как предельно значимый при экономическом районировании, к которому, в свою очередь, «привязывалась» система управления (Книпович, 1921). Указание на особый («титутельный») статус конкретного этноса

(этносов) имеет место в официальных названиях 25 современных регионов Российской Федерации, 10 из них отнесены ныне к числу «геостратегических территорий».

Тем не менее при более детализированном рассмотрении пространственных реалий многонациональная Россия предстает интегрированной мозаикой *поли- и моноэтнических территорий*, причем именно последние существенно преобладают по размерам, в демографическом и экономическом отношении. Из 85 российских регионов, охваченных Всероссийской переписью населения 2020 года², в 58 удельный вес русских превышает средний показатель по стране (80,8% от числа лиц, указавших национальную принадлежность), а в 15 доля русских варьирует в диапазоне от 50 до 80%. Менее половины она составляет лишь в 12 субъектах РФ, на которые приходится 21,3% территории страны, 12,2% ее демографического потенциала и 7,9% суммарного ВРП³.

¹ Конституция Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения 02.05.2025).

² Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 02.05.2025).

³ Все данные в статье приводятся на 2021 год, когда фактически была проведена Всероссийская перепись населения, и, соответственно, не включают в себя данные по новым субъектам РФ. Источником всех статистических данных является Росстат, включая его территориальные подразделения.

Более дробный анализ (в разрезе городских округов, муниципальных районов и муниципальных округов, всего 2297 единиц) свидетельствует о приуроченности к ареалам Российской Федерации с русской моноэтничностью, диагностируемой при доле русских в населении 75% и выше (Дружинин, 2024а), 49% ее территории, где проживает 80,3% населения страны и 90,6% представителей русского этноса.

Русская моноэтничность, будучи в пространственном отношении асимметричной, размыта по периферии и отчасти в своих урбанистических ядрах дополняется множественными локализованными группировками муниципальных образований с численным превалированием иных этносов. В частности, в Иркутской области, где доля русских составляет 92,2%, из 42 муниципалитетов «второго уровня» в пяти численно преобладают буряты, причем имеет место и более дробная дифференциация. Например, в Ольхонском муниципальном районе (преимущественно «бурятском») из семи сельских поселений буряты численно превалируют в трех, русские – в трех и в одном имеет место этнодемографический паритет. Аналогичного рода усложненная этногеографическая мозаика характерна для подавляющей части так называемых «национальных» субъектов федерации.

Этническое (национальное) многообразие России имеет, таким образом, выраженную территориальную специфику, предопределяющую в конечном итоге устойчивую сопряженность развития этносов (в хозяйственном, социокультурном, демографическом аспектах) с проблематикой пространственного развития, понимаемого, согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – СПР-2025), как «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития»⁴. Симптоматично, что в тексте самой СПР-2025, как показал семантический анализ, категории «этнос», «этнический», а также «народ» в качестве синонима «этноса» занимают практически периферийное место. В еще меньшей мере они применяются в действующей с конца декабря 2024 года «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» (далее – СПР-2036) (табл. 1).

Если в СПР-2025 упоминается «учет этнокультурного фактора при обеспечении социально-экономического развития РФ» (наряду с «сохранением национальной идентичности народов РФ», «обеспечением

Таблица 1. Число использований некоторых базовых категорий пространственного анализа в стратегиях пространственного развития Российской Федерации (СПР), принятых в 2019 и 2024 гг.

Категория	СПР-2025	СПР-2036
Регион (региональный)	77	98
Центр	68	26
Опорный (населенный пункт)	-	56
Агломерация	50	40
Пространственный	40	85
Муниципальный	25	20
Национальный (общегосударственный)	16	42
Этно- (этнический, этнокультурный)	2	1
Народ (народов)	5	1
Источник: составлено автором на основе семантического анализа СПР-2025 и СПР-2036.		

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 02.05.2025).

гарантий прав коренных малочисленных народов, включая поддержку их экономического, социального и культурного развития», «содействием сохранению, возрождению и развитию народных художественных промыслов» и «природопользованием коренных малочисленных народов»⁵, то в СПР-2036 внимание фокусируется лишь на «недопущении возникновения этнических анклавов», а также на «развитии народно-художественных промыслов» (последнее – применительно к Северо-Кавказскому федеральному округу)⁶.

Подобная показательная «внеэтничность» базового в сфере пространственного развития федерального нормативного документа отражает, полагаем, предельную сложность и самостоятельную значимость векового для России «национального вопроса», в последние годы все заметнее вновь выходящего на авансцену в связи с возросшей геополитической турбулентностью, международными миграциями, а также разнонаправленной этнодемографической динамикой. Она иллюстрирует сложившийся параллельно в системе управления и профильном научном сообществе дефицит понимания места и роли «этнической составляющей» в структурах и процессах, исследуемых в настоящее время «на стыке» пространственной экономики и социально-экономической географии. Впрочем, еще в 1941 году было подмечено, что «рассмотрение хозяйства в национальных областях и республиках в наших курсах совершенно обезличено и не связано конкретно с населяющими их народами» (Кабо, 2016, с. 135). Тезис этот, полагаем, и поныне сохраняет свою актуальность.

В понимании взаимообусловленности «этнического» и «экономического» имеются, тем не менее, множественные содержательные заделы. Во-первых, это неизменно высвечиваемый этнический аспект (фак-

тор) экономики в работах таких ведущих экономистов, как Л. Вальтман, М. Вебер, Дж. С. Милль, Х. Шрайдер и Й. Шумпетер, что ранее детально показано в специальных обзорах (Печура, 2009; Попков, Тюгашев, 2018; Минат, 2022). Этот интеллектуальный тренд в настоящее время развивают эволюционно-генетический и институциональный подходы экономического анализа (Архипов и др., 2020; Аузан, Никишина, 2021).

Зеркальный в предметно-содержательном отношении аспект рассматриваемой проблематики (экономический компонент этнологии) связан с представлениями о «хозяйственно-культурных типах» (Левин, Чебоксаров, 1955), взаимообусловленностью этноса и экономики (Козлов, 1994), подходами в области так называемой «экономической этнологии» (Семенов, 1993).

В первые постсоветские годы на фоне радикальных структурных изменений в системе хозяйствования и эскалации регионализма с сопутствующей этнополитической активностью фактической результирующей синтеза двух вышеперечисленных подходов оказались представления об «этнической экономике», или «этно-экономике» – реальности сложно диагностируемой, разнопланово трактуемой и отождествляемой прежде всего именно с российскими «национальными» территориями (Овчинников, Колесников, 2006; Римашевская, Вершинская, 1999).

Немногим ранее проблематика «этнической экономики» (Ethnic Economy) была заявлена на Западе (Waldinger, 1986; Light, 2000), где в логике глобализации основной упор делался на учет проекции нарастающего во множестве локалитетов этнического многообразия на экономическое развитие (Easterly, Levine, 1997; Collier, 2001; Montalvo, Reynal-Querol, 2021), своего рода «экономике культурного разнообразия» (Bellini et al., 2013; Nijkamp et al., 2015). Данная тематика

⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 02.05.2025).

⁶ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. URL: <http://government.ru/docs/all/157308> (дата обращения 02.05.2025).

вызвала интерес и в Российской Федерации, воплотившись в исследования экономических эффектов национальной неоднородности (Цапенко, 2016; Буфетова, Коломак, 2021), воздействия международных миграций на производительность труда (Несена, 2015), экономических «рисках моноэтничности» (Тарбастаева, 2018). На этом фоне симптоматично прорисовывалось восприятие (характерное и значимое) самой экономики как «разноцветной», национально «окрашенной» (Крюков, 2017). Проявились попытки сопряженного исследования этнической структуры территории, в том числе в муниципальном «разрезе», и параметров ее экономического развития (Дружинин, Потапенко, 2024).

Наработанный позитив многоаспектного осмысления взаимовлияния «этнического» и «экономического» ограничивается, тем не менее, недостаточным учетом собственно пространственных процессов и структур как в локализации этносов (этногеографии), так и в хозяйственной активности и расселении. Данная статья – это попытка сформировать концептуальную рамку для дальнейшей активизации исследовательских усилий в этой значимой сфере. Основной ее целевой ориентир состоит в разработке представления об особом феномене, обозначенном как «этническая определенность пространственного развития», о его детерминантах, специфике и форматах проявления. Предлагая данный терминологический конструкт, автор учитывал как уже оформившуюся практику применения категории «этническая определенность» в антропологии и этнологии в значении прежде всего этнической идентичности, отнесения к определенной этнической группе (Алексеев, 1989; Арутюнов, Рыжакова, 2004), так и необходимость (практическую и теоретическую) аналогичного рода идентификации и параметризации структур и процессов, изучаемых пространственной (региональной) экономикой, социально-экономической (общественной) географией, а также этногеографией на их принципиально значимом предметно-содержательном «стыке».

Локализация российских этносов: универсальное и специфическое

Базовым основанием «этнической определенности» пространственного развития выступает локализация этносов, подчиняющаяся единым структурным особенностям и закономерностям, но одновременно в каждом конкретном случае зависящая от уникального «набора» исторических, демографических, природно-хозяйственных и социокультурных обстоятельств.

В логике дихотомий «концентрация – дисперсия», «центр – периферия» и «ядро – граница» пространство локализации любого этноса объединяет:

- моноэтнический ареал расселения;
- основной ареал локализации, наряду с моноэтническим ареалом включающий селитебно и социально-экономически значимые для этноса полиэтнические территории, прежде всего урбанизированные;
- очаги локализации за пределами основного ареала;
- ареал преимущественной дисперсии;
- пространство дисперсии (Дружинин, 2024b).

Многонациональная страна, равно как тот или иной ее регион, являет при этом сложные разномасштабные взаимные наложения и пересечения «освоенных» этническими общностями пространств. Эффекты «этнической определенности» в этой ситуации возникают главным образом в связи с фактическим формированием мозаики моноэтнических ареалов (отличающихся условиями хозяйствования и в целом жизнедеятельности), дополняемой «стягиванием» представителей тех или иных этносов в ведущие урбанистические центры и организуемые ими городские агломерации.

Ареалы с выраженной моноэтничностью множественны и разноразмерны. В российской ситуации они не сводимы к «национальным» субъектам федерации, тем более к тем республикам и автономным округам, в населении которых превалирует русский этнический компонент (в Республике Карелии, например, доля собственно карел – 4,9%, причем лишь в Олонецком му-

ниципальном районе она немного превышает 40%; во всех остальных – существенно ниже). Но даже в регионах, где русские численно уступают «титульной» нации, не вся территория может быть идентифицирована как «моноэтническая». Так, в Кабардино-Балкарской Республике в двух из 13 муниципальных образований (Майский и Прохладненский муниципальные районы) более половины населения составляют русские. Схожая ситуация наблюдается в Моздокском районе Северной Осетии. В Карачаево-Черкесской Республике «русскими» по преобладающей национальности являются Урупский и Зеленчукский муниципальные районы (доля русских – 73,7 и 56,3% соответственно). В структуре этой республики представлены и два мононациональных и «титульных», но иноэтнических по отношению как к карачаевцам, так и черкесам, муниципальных районов: Абазинский (88,5% населения – абазины) и Ногайский (ногайцы – 84,9%). Строго говоря, в пределах Российской Федерации лишь Республику Ингушетию и Чеченскую Республику уместно рассматривать (в муниципальном разрезе) как компактные моноэтнические ареалы.

Присущие некоторым наиболее крупным по численности этносам ареалы моноэтничности демонстрируют межрегиональный характер. Таковыми они являются не только для русских, но и для татар, численно преобладающих в 31 муниципальном образовании Татарстана и 4 – в Башкортостане. Преимущественно «бурятские» муниципалитеты характерны и для Республики Бурятия, и для Иркутской области. Некоторые этносы, лишенные «собственных» моноэтнических муниципалитетов (и их кластеров), также формируют ареалы (в том числе весьма обширные) своего приоритетного размещения. Таковы, в частности, армяне, распределенные в большой мере между Краснодарским и Ставропольским краями (22 и 15% всех армян страны), Ростовской областью (9%) и Москвой с Московской областью (15%).

Этносистемы «село – город» как компонент пространственного развития

Для значительной части российских этносов (башкиры, чеченцы, аварцы, даргинцы и др.) характерно преимущественное постоянное проживание в сельской местности и, соответственно, аграрная специфика присущих им моноэтнических территорий. Но в структуре современного расселения эти этносы неизбежно сопряжены с городскими центрами. А города, как еще в 1913 году подчеркивал В.И. Ленин в работе «Критические заметки по национальному вопросу», «отличаются наиболее пестрым национальным составом населения. Отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального» момента нелепо и невозможно» (Ленин, 1973, с. 149). Единство городских поселений с прилегающими аграрными территориями, обозначенное нами ранее как *этносистема «село – город»* (Дружинин, 2024b), имеет для преобладающих в сельской местности этносов приоритетное социально-экономическое значение, «этническую определенность» обретает при этом весь соответствующий сельско-городской континуум. Наиболее наглядным примером здесь выступает Республика Дагестан (табл. 2), хотя аналогичного рода ситуация прослеживается в ряде других регионов России.

Компактные этносистемы «село – город» имеются у табасаран (Табасаранский и Хивский муниципальные районы + городской округ Дагестанские огни, в котором доля табасаран составляет 51,2%), кумыков (Махачкала и примыкающие к ней муниципальные районы), лакцев (Лакский и Новолакский районы + Махачкала), а также у весьма многочисленной на территории Республики Дагестан азербайджанской диаспоры (из 117 тыс. проживающих в Дагестане азербайджанцев 43 тыс. сконцентрированы в Дербенте и еще 50 тыс. – в Дербентском муниципальном районе).

«Этническая определенность» пространственного развития предопределяется, в итоге, особенностями этногеографии, кор-

Таблица 2. Крупнейшие «этнические кластеры» муниципальных районов и сопряженные с ними городские центры Республики Дагестан

Показатель	«Этнические кластеры» муниципальных районов		
	аварский	даргинский	лакский
Моноэтнические муниципальные районы (число представителей этноса, тыс. чел. / доля этноса, %)	Ахвахский (24 / 99,6), Ботлихский (58 / 99,0), Гергебильский (19 / 96,3), Гумбетовский (21 / 99,6), Гунибский (28 / 96,2), Казбековский (43 / 87,3), Кизилюртовский (63 / 84,9), Тляратинский (23 / 99,4), Унцукульский (31 / 99,3), Хунзахский (30 / 95,6), Цумадинский (26 / 99,1), Цунтинский (21 / 98,6), Чародинский (14 / 98,0), Шамильский (30 / 98,6)	Акушинский (52 / 96,6), Дахадаевский (36 / 99,6), Кайтагский (30 / 91,2), Левашинский (62 / 78,2), Сергокалинский (26 / 99,0)	Ахтынский (31 / 98,5), Докузпаринский (14 / 94,6), Магараметкентский (53 / 95,3), Сулейма-Стальский (57 / 99,1)
Полиэтнические городские округа (число представителей этноса, тыс. чел. / доля этноса, %)	Махачкала (190 / 25,6), Буйнакск (25 / 39,1), Кизилюрт (36 / 73,4), Хасавюрт (73 / 47,9), Южно-Сухокумск (4 / 44,4)	Махачкала (115 / 15,5), Избербаш (37 / 66,1)	Дербент (44 / 36,4), Каспийск (37 / 31,3), Махачкала (103 / 13,9)
Общая численность представителей этноса в пределах этносистемы «село – город», тыс. чел.	759	358	339
Доля представителей этноса, локализованных в пределах этносистемы «село – город», к общей численности представителей этноса в Дагестане, %	79,3	339	81,5
Составлено по: данные Всероссийской переписи населения 2020 года.			

ректируется и задается политико-географическими обстоятельствами (соответствующими муниципальными образованиями, субъектами федерации, их «тительностью»), форматируется структурой расселения. В не меньшей мере присуща «этническая определенность» и экономике, также являющей масштабные различия «от места к месту», в том числе в «разрезе» ареалов приоритетной локализации тех или иных этносов.

Этнически «окрашенная» экономика: пространственные детерминанты и особенности

Экономическое развитие неизменно приурочено к определенным структурам пространства. Как справедливо подчеркивал П.А. Минакир, «при принятии любого решения в экономике... приходится отвечать на вопрос не только «что» и «сколько»,

но и на вопрос «где» (Минакир, 2005). Латентно, разумеется, существует и столь же существенный вопрос «кто», имеющий, как и «где», свои вполне различимые национальные (этнические) параметры и характеристики.

Территории с определенной этнической (этноконфессиональной) структурой могут, в частности, «притягивать» те или иные виды хозяйственной активности, обретая свойства, совокупность которых уместно очертить категорией *этноэкономический ареал*.

Показательно, в частности, что 38% имеющегося в современной России поголовья овец размещено в регионах с численным превалированием представителей этносов, традиционно приверженных исламу, а еще 29% локализовано на сопредельных терри-

ториях (Ставропольский край, Ростовская область, Республика Калмыкия и др.), где в овцеводстве также существенна роль соответствующих этнических общностей, что порождает специфику этнической структуры муниципалитетов со специализацией на пастбищном животноводстве (в Ремонтненском муниципальном районе Ростовской области 16% населения составляют даргинцы и 7,3% – чеченцы; в Левокумском муниципальном округе Ставропольского края 29% населения – даргинцы; в Ики-Бурульском районе Калмыкии – 18% и т. д.).

Более 90% всего поголовья оленей в России находится именно в Арктической зоне⁷, составляя эксклюзивную в общефедеральном масштабе сферу экономической активности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также части проживающих в соответствующих природно-хозяйственных условиях якутов. Природный фактор, в итоге, воплощается в хозяйственно-культурной традиции, а его экономическое использование оказывается сопряженным с этнодемографическими особенностями территории.

В этом же контексте уместно вести речь не только об этнических традициях и предпочтениях в хозяйственной сфере, но и о тех или иных «нишах» (подчас условных, ситуационно-конъюнктурных), занимаемых конкретным этносом в экономике (определенные ремесла, торговля, общественное питание, строительство и т. п.). Значительная часть подобных «ниш» может быть реализована исключительно в межэтническом взаимодействии, что инициирует нарастание полиэтничности (в крупнейших городах и их пригородах, в местах крупного индустриального и инфраструктурного строительства, очагах освоения ресурсного потенциала севера и востока страны), поддерживаемое не только безвозвратными миграциями, но и инвариантами «отходничества». Складывающиеся в результате элементы этнической анклавности – прямое порождение социально-территориальных контрастов – предопределяют, в свою оче-

редь, «вторичное», уже напрямую связанное с обществом, его территориальной организацией, обособление новых этноэкономических ареалов.

Иная сторона «этнически окрашенной» экономики – приуроченность не только отдельных производств и отраслей, но и в целом хозяйственной активности к тем или иным территориям, характеризующимся численным превалированием конкретного этноса.

В Российской Федерации, в частности, исторически, равно как и в силу природных обстоятельств, вся система хозяйствования, а соответственно, и расселение ощутимо «смещены» в территории с русской моноэтничностью. В общероссийском масштабе плотность населения в муниципальных образованиях с долей русских 75% и более в 2,9 раза превышает аналогичный показатель по муниципалитетам, в которых доля русских менее 25%. Аналогичное соотношение наблюдается по душевым значениям налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей, показатель которого, позволяющий наиболее полно идентифицировать локализованную экономическую активность, составляет 2,5 раза, а их «плотности» (на единицу территории) – 7,3 раза, что высвечивает как «освоенческие» векторы пространственного развития, так и его центр-периферийные градиенты.

Наиболее четко пространственный аспект «этнической определенности» экономики иллюстрируют так называемые «перспективные центры экономического роста Российской Федерации» (на идентификацию и приоритизацию которых была нацелена СПР-2025). Как свидетельствует авторский анализ, из 101 упомянутого в тексте СПР-2025 «перспективного центра» в 78 доля русских в населении превышает 75%-й рубеж, лишь в трех (Грозный, Магас и Кызыл) имеет место моноэтничность иных этносов, в остальных 20, большинство из которых в масштабе страны не являются экономическими лидерами, структура населения характеризуется полиэтничностью (табл. 3).

⁷ Сельское хозяйство в России. 2023: статистический сборник / Росстат. С. 29. Москва. 104 с.

Таблица 3. Перспективные центры экономического роста Российской Федерации: группировка по этнической структуре

Основные группы	Общее число	В том числе		
		С «русской моноэтничностью» (доля русских 75% и выше)	Полиэтнические	Моноэтнические, с незначительным % русских в населении
Перспективные крупные центры экономического роста Российской Федерации, которые обеспечат вклад в экономический рост Российской Федерации более 1% ежегодно				
города, образующие крупные городские агломерации и крупнейшие городские агломерации	20	17	3	–
Перспективные центры экономического роста субъектов Российской Федерации, которые обеспечат вклад в экономический рост Российской Федерации от 0,2 до 1% ежегодно				
города и прилегающие к ним муниципальные образования с общей численностью населения более 500 тыс. человек	25	22	3	–
города с общей численностью населения менее 500 тыс. человек	25	23	2	–
Перспективные центры экономического роста субъектов Российской Федерации, которые обеспечат вклад в экономический рост Российской Федерации до 0,2%				
города, являющиеся административными центрами субъектов Российской Федерации и прилегающие к ним муниципальные образования с общей численностью населения менее 500 тыс. человек	31	16	12	3
Составлено по: данные Всероссийской переписи населения 2020 года и СПР-2025.				

Составлено по: данные Всероссийской переписи населения 2020 года и СПР-2025.

Показательно также, что из 20 «перспективных центров экономического роста, в которых сложились условия для формирования научно-образовательных центров мирового уровня» лишь два (Казань и Уфа) имеют иную этническую структуру, чем «русская моноэтничность».

Сложившаяся «этническая определенность» в пространственном развитии в целом достаточно устойчива и обеспечивается не только обстоятельствами исторической колей, но и характерным для всего постсоветского периода (Стрелецкий, 2011; Манаков, 2019) процессом «стягивания» российских этносов на «свою» территорию, что консервирует и усиливает ее моноэтничность. Имеющие место некоторые пространственные перебалансировки связаны с реализацией крупных инвестиционных проектов, с геополитическими резонами и

в еще более очевидной мере с этнотерриториальными различиями в демографических трендах. Например, на долю Дагестана, в частности, в 1995 году приходилось 1,5% населения России и 0,3% ее ВРП, в то время как к настоящему времени эти показатели возросли до 2,2 и 0,65% соответственно⁸.

Фактор моно- и полиэтничности в территориально-хозяйственном развитии

Вопрос о степени и векторе воздействия особенностей этноструктуры, в первую очередь феномена полиэтничности, на пространственное развитие уже многократно озвучен в российском дискурсе (Цапенко, 2016; Буфетова, Коломак, 2021; Минат, 2022) и, полагаем, не имеет однозначного ответа.

Осмысливая сопряженность дихотомии «моно- / полиэтничность» с экономическим развитием территорий, важно различать прежде всего полиэтничность городов

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Росстат. Москва. 1081 с.

(и прилегающих территорий), а также полиэтничность внегородских пространств. Учет ситуации в последних не позволяет, кстати, уверенно говорить о наличии некоего позитивного экономического «эффекта полиэтничности». Так, в Ростовской области полиэтничный Мартыновский район почти в 1,5 раза уступает по душевым налогооблагаемым доходам соседнему с ним моноэтническому (86,4% русских) Семикаракорскому району. В Астраханской области у полиэтничного Харабалинского района данный показатель аналогичен показателю моноэтнического (русского) Черноярского района, а резкое экономическое лидерство на их фоне Красноярского муниципального района (52,2% населения – казахи) предопределено локализованной активностью ООО «Газпром добыча Астрахань».

Города, особенно крупные, выступающие в том числе региональными центрами, притягивая иноэтническую миграцию, не всегда «более полиэтничны», чем приле-

гающая сельская местность, но неизменно лидируют при этом по параметрам хозяйственной активности. Как свидетельствует муниципальная аналитика по Югу России (Южный и Северо-Кавказский федеральные округа), именно фактор крупных городов и их сохраняющегося индустриального функционала предопределяет повышенные душевые доходы на территориях с русской моноэтничностью, особенно там, где доля русских варьирует в диапазоне от 75 до 95%, то есть несколько «размыта» пролонгированной иноэтнической миграцией (табл. 4).

В северокавказских республиках, кроме Ингушетии и Чечни, ведущие города выступают, кроме того, центрами двух и более этносистем «село – город» (кабардинской, балкарской и русской в Нальчике и др.), что само по себе предопределяет полиэтничность. Разумеется, имеют место и выраженные различия между полиэтничными урбанистическими центрами и фактически

Таблица 4. Распределение параметров территориального, демографического и экономического потенциала Юга России по моно- и полиэтничным муниципальным образованиям, 2021 год, %

Территория (группировка муниципальных образований) Юга	Доля муниципальных образований, %			
	в площади территории	в численности населения	налогооблагаемых денежных доходов физических лиц	в социальных и других выплатах
Моноэтнические «русские» (доля русских в населении 75% и более), в том числе	52,4	63,9	80,2	66,4
территории с 95%-й и более долей русских в населении	14,2	15,9	15,8	17,5
иные моноэтнические «русские» территории (с весомыми иноэтническими «вкраплениями»)	38,2	48,0	64,4	48,9
Иноэтнические с долей численно преобладающего этноса в 75% и более), в том числе	9,5	13,9	5,6	13,5
чеченские	2,6	5,7	2,8	6,7
аварские	1,3	0,9	0,3	1,3
даргинские	0,5	0,9	0,3	0,8
ингушские	0,4	2,0	0,4	1,9
кабардинские	0,8	1,2	0,5	1,0
осетинские	0,9	0,7	0,2	0,8
карачаевские	1,0	0,4	0,1	0,3
Полиэтнические	38,1	22,2	14,1	20,1

Составлено по: данные Всероссийской переписи населения 2021 года, Росстата и Федеральной налоговой службы.

увязанными с ними в единое целое кластерами моноэтнических муниципальных образований. Но в любом случае именно концентрация экономики и населения в ведущих городах и их агломерациях продуцирует элементы полиэтничности, а не наоборот.

Заключение

Присущая Российской Федерации множественность населяющих ее этносов с соответствующими ареалами их локализации, разноразмерными, сочетающими концентрацию с дисперсией, подчас взаимно наслаивающимися, порождает не только повсеместные проявления дихотомии «моноэтничность – полиэтничность», но и характерную для обширных территорий «этническую определенность» в социально-экономическом развитии. Последнюю целесообразно понимать как многокомпонентную сопряженность территориально-хозяйственной и селитебной динамики с воспроизводством конкретных этносов во взаимодействии с другими этносами в ареалах их преимущественной локализации, так и со сложившейся этнотерриториальной структурой в целом. Подобного рода «определенность» возникает в практически повсеместно имеющих место ситуациях, когда пространственное развитие «окрашено» структурными реалиями этногеографии, и наоборот, последняя создает территориальные и институциональные рамки, делимитирующие и отчасти детерминирующие экономическую активность и расселение.

Учет «этнической определенности» крайне важен в современной России для совершенствования государственного регулирования пространственного развития, в частности для уточнения (и расширения) перечня так называемых «опорных населенных пунктов» с соответствующими «прилегающими территориями». Фактическая мозаика поли- и моноэтнических территорий в их сопряженности и динамике должна обязательно образом учитываться также в качестве одного из факторов и аспектов при полимасштабном социально-экономическом районировании страны, по-прежнему со-

храняющем свою актуальность (Кузнецова, 2019). Само пространственное развитие призвано способствовать не нарастанию полиэтничности в немногих центрах, не сегрегации и сепарации периферийных, подверженных «моноэтнизации» территорий, а в условиях многонациональной и сложнейшим образом территориально структурированной страны содействовать обеспечению её экономического и селитебного единства на основе интеграции (производственной, инфраструктурной и др.) совокупности фактически сложившихся моно- и полиэтнических ареалов. Устойчивость российского государства в долгосрочной перспективе связана также с сохранением выраженной «русской определенности» в территориально-хозяйственной и селитебной структуре страны, с социально-экономическим развитием ареалов русской моноэтничности, многие из которых, к сожалению, справедливо характеризуются географами-обществоведами как «внутренняя периферия» (Каганский, 2012).

Решая задачи территориального социально-экономического «выравнивания» и обязательным образом учитывая в связи с этим этнодемографические особенности «от места к месту», важно одновременно не допускать любого рода государственных преференций именно по «этническому признаку». Более столетия назад В.И. Ленин отметил: «Проблема охраны прав национального меньшинства разрешима только... в последовательно-демократическом, не отступающем от принципа равноправия, государстве» (Ленин, 1973, с. 143). Необходимое, ранее четко артикулируемое, в том числе на высшем государственном уровне, «национальное равноправие во всех его видах» (Сталин, 1946), должно достигаться, как видится, не игнорированием и замалчиванием «этнического фактора» (в том числе в такой сложной и всеобъемлющей сфере, как пространственное развитие), а сфокусированным, сопряженным учетом как этнической структуры той или иной территории, так и трендов и потенциала ее экономического и селитебного развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П. (1989). Историческая антропология и этногенез. Москва: Наука. 449 с.
- Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. (2004). Культурная антропология. Москва: Весь Мир. 213 с.
- Архипов А.Ю., Мартишин Е.М., Зотова Т.А. (2020). Эволюционно-генетические механизмы экономического роста и развития // *Journal of Institutional Studies*. Т. 12. № 2. С. 100–118. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.100-118
- Аузан А.А., Никишина Е.Н. (2021). Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру. Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова. 200 с.
- Буфетова А.Н., Коломак Е.А. (2021). Национальная неоднородность в регионах России: оценка, изменение, влияние на экономическое развитие // *Вопросы экономики*. № 1. С. 120–142. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-120-142
- Дружинин А.Г. (2024а). Полиэтничен ли современный Юг России? // *Региональные исследования*. № 2. С. 28–39. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-2-3
- Дружинин А.Г. (2024б). Этногеографические дихотомии Юга России: полимасштабный анализ // *Псковский регионологический журнал*. Т. 20. № 4. С. 31–45. DOI: 10.37490/S221979310032048-5
- Дружинин А.Г., Потапенко В.В. (2024). Сопряженность особенностей этнической структуры муниципальных образований Юга России и параметров их экономической динамики // *Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН*. № 3. С. 53–71. DOI: 10.47711/2076-3182-2024-3-53-71
- Кабо Р.М. (2016). Элементы географического изучения населения в СССР // *Региональные исследования*. № 2. С. 132–140.
- Каганский В.Л. (2012). Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 6. С. 23–34.
- Книпович Б.Н. (1921). К методологии районирования / РСФСР, Народный комиссариат земледелия. Москва: Гос. изд-во. 48 с.
- Козлов В.И. (1994). Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. 230 с.
- Крюков В.А. (2017). «Разноцветная» экономика // *ЭКО*. № 10. С. 2–4.
- Кузнецова О.В. (2019). Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // *Федерализм*. № 4. С. 112–125. DOI: 10.21686/2073-1051-2019-4-112-125
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. (1955). Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // *Советская этнография*. № 4. С. 3–17.
- Ленин В.И. (1973). Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 24. Москва: Изд-во политической литературы. С. 113–150.
- Манаков А.Г. (2019). Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 годов // *Известия РАН. Серия географическая*. № 2. С. 117–128. DOI: 10.31857/S2587-556620192117-128
- Минакир П.А. (2005). Экономика и пространство (тезисы размышлений) // *Пространственная экономика*. № 1. С. 4–26.
- Минат В.Н. (2022). Влияние этнокультурного разнообразия на экономический рост и пространственное развитие трансграничных территорий США // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 12 (470). Экономические науки. Вып. 79. С. 55–67. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11207

- Несена М.В. (2015). Влияние культурного разнообразия регионов России на экономические показатели // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 72–85.
- Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. (2006). Этноэкономика как фактор развития // *Проблемы прогнозирования*. № 1. С. 118–123.
- Печура О.В. (2009). Этнический фактор в развитии экономики региона // *Известия Уральского государственного экономического университета*. № 2 (24). С. 138–143.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. (2018). Этнокультура и экономика: синергия возможностей // *ЭКО*. № 5 (527). С. 8–27.
- Римашевская Н.М., Вершинская О.Н. (1999). Этноэкономика – новая «старая» наука // *Народонаселение*. № 3–4 (5–6). С. 6–15.
- Семенов Ю.И. (1993). *Экономическая этнология*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. 710 с.
- Сталин И.В. (1946). *Марксизм и национальный вопрос* // *Сочинения*. Т. 2. Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы. С. 290–367.
- Стрелецкий В.Н. (2011). Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX – начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // *Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география*. № 1. С. 51–72.
- Тарбастаева И.С. (2018). Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // *ЭКО*. № 5 (527). С. 65–80.
- Тишков В.А. (2013). Российская полиэтничность в мировом контексте // *Вестник российской нации*. № 5. С. 12–29.
- Цапенко И. (2016). Экономические ресурсы этнокультурного разнообразия // *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 35–46.
- Bellini E. et al. (2013). *Cultural Diversity and Economic Performance: Evidence from European Regions*. Springer Berlin Heidelberg.
- Collier P. (2001). Implication of ethnic diversity. *Economic Policy*, 32, 129–166.
- Easterly W., Levine R. (1997). Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions. *Quarterly Journal of Economics*, 112, 1203–1250.
- Lian B., Oneal J.R. (1997). Cultural diversity and economic development: A cross-national study of 98 countries, 1960–1985. *Economic Development and Cultural Change*, 46(1), 61–77.
- Light I. (2000). The ethnic economy. *The Handbook of Economic Sociology*, 354, 650.
- Montalvo J.G., Reynal-Querol M. (2021). Ethnic diversity and growth: Revisiting the evidence. *Review of Economics and Statistics*, 103(3), 521–532.
- Nijkamp P., Poot J., Baken J. (Eds). (2015). *The Economics of Cultural Diversity*. Cheltenham: Elgar Publishing.
- Ottaviano G.I.P., Peri G. (2006). The economic value of cultural diversity: Evidence from US cities. *Journal of Economic Geography*, 6, 9–44.
- Waldinger R. (1986). Immigrant enterprise: A critique and reformulation. *Theory and Society*, 249–285.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Георгиевич Дружинин – доктор географических наук, профессор, директор, Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105); ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН (Российская Федерация, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29), e-mail: alexdru9@mail.ru

Druzhinin A.G.

ON THE “ETHNIC CERTAINTY” OF THE SPATIAL DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

Russia is a multi-ethnic country with a stable, multi-speed trend for individual regions and their municipalities to change the ethnic structure of the population, as well as the general predominance of mono-ethnic territories. The spatial development of the Russian Federation requires a focused consideration of ethnostructural and ethnoterritorial conditions and factors. In the article, they are considered and conceptualized as an “ethnic certainty” of spatial development, understood as a multicomponent conjugation of territorial, economic and residential dynamics with the reproduction of specific ethnic groups (in interaction with other ethnic groups) in the areas of their primary localization, and with the established ethno-territorial structure as a whole. The work focuses on the fact that this kind of “certainty” is due to the following reasons: specifics of ethnic geography (a combination of mono- and multiethnic areas); economic and cultural features of specific ethnic groups projected onto the economy, the scale of reproduction of traditional areas of management (ethnoeconomics) for ethnic communities; functioning of “national” subjects of the federation and “titular” municipalities in the central-peripheral residential and territorial-economic architecture of the country; asymmetric (multi-scale and multi-speed) spatial development in the “section” of the areas of predominance localization (concentration) of one or another ethnic group. Extensive municipal statistics (municipal districts and okrugs, urban okrugs, 2,297 units in total) show that economic activity is shifted to municipalities with Russian mono-ethnicity (1,696 units, including 485 urban okrugs), which is explained by the localization of the vast majority of regional capitals and their suburbs in these territories. A pronounced asymmetry in the scale and level of economic activity between poly- and monoethnic territories, as well as monoethnic areas (clusters of municipalities with a homogeneous ethnic structure of the population) with different “ethnic coloring” has been revealed (based on materials from the South of Russia). It is proved that neither poly-ethnicity nor mono-ethnicity directly affect economic activity, while the latter, being concentrated in the largest cities and their agglomerations, favors the growth of poly-ethnicity.

Spatial development, settlement of ethnic groups, ethnic structure, ethnic factor, territorial economic differences, Russia.

REFERENCES

- Alekseev V.P. (1989). *Istoricheskaya antropologiya i etnogenez* [Historical anthropology and ethnogenesis]. Moscow: Nauka.
- Arkhipov A.Yu., Martishin E.M., Zotova T.A. (2020). Evolutionary and genetic mechanisms of economic growth and development. *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 100–118. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.100-118 (in Russian).
- Arutyunov S.A., Ryzhakova S.I. (2004). *Kul'turnaya antropologiya* [Cultural anthropology]. Moscow: Ves' Mir.
- Auzan A.A., Nikishina E.N. (2021). *Sotsiokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika – na kul'turu* [Socio-cultural economics: How culture affects the economy, and how the economy affects culture]. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova.
- Bellini E. et al. (2013). *Cultural Diversity and Economic Performance: Evidence from European Regions*. Springer Berlin Heidelberg.
- Bufetova A.N., Kolomak E.A. (2021). National heterogeneity in the regions of Russia: Assessment, change, impact on economic development. *Voprosy ekonomiki*, 1, 120–142. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-120-142 (in Russian).

- Collier P. (2001). Implication of ethnic diversity. In: *Economic Policy*. No. 32. P. 129–166
- Druzhinin A.G. (2024a). Is the modern South of Russia polyethnic? *Regional'nye issledovaniya*, 2, 28–39. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-2-3 (in Russian).
- Druzhinin A.G. (2024b). Ethnogeographic dichotomies of the South of Russia: A multi-scale analysis. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 20(4), 31–45. DOI: 10.37490/S221979310032048-5 (in Russian).
- Druzhinin A.G., Potapenko V.V. (2024). the relationship in the peculiarities of the ethnic structure of municipalities in the South of Russia and the parameters of their economic development. *Nauchnye trudy Instituta narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*, 3, 53–71. DOI: 10.47711/2076-3182-2024-3-53-71 (in Russian).
- Easterly W., Levine R. (1997). Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions. *Quarterly Journal of Economics*, 112, 1203–1250.
- Kabo R.M. (2016). Elements of geographical study of the population in the USSR. *Regional'nye issledovaniya*, 2, 132–140 (in Russian).
- Kaganskii V.L. (2012). The Inner periphery – a new growing zone of the cultural landscape of Russia. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 6, 23–34 (in Russian).
- Knipovich B.N. (1921). *K metodologii raionirovaniya* [Towards the methodology of zoning]. Moscow: Gos. izd-vo.
- Kozlov V.I. (1994). *Etnicheskaya ekologiya: stanovlenie distsipliny i istoriya problem* [Ethnic ecology: The formation of a discipline and the history of problems]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Kryukov V.A. (2017). The “multicolored” economy. *EKO*, 10, 2–4 (in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2019). Alternative approaches to defining the role of Russia's macro-regions in the public administration system. *Federalizm*, 4, 112–125. DOI: 10.21686/2073-1051-2019-4-112-125 (in Russian).
- Lenin V.I. (1973). Critical notes on the national question. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie pyatoe. T. 24* [Lenin V.I. Complete Works. Fifth edition. Vol. 24]. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury (in Russian).
- Levin M. G., Cheboksarov N. N. (1955). Economic and cultural types and historical and ethnographic areas (towards the formulation of the problem). *Sovetskaya etnografiya*, 4, 3–17 (in Russian).
- Lian B., O Neal J.R. (1997). Cultural diversity and economic development: A cross-national study of 98 countries, 1960–1985. *Economic Development and Cultural Change*, 46(1), 61–77.
- Light I. (2000). The ethnic economy. *The Handbook of Economic Sociology*, 354, 650.
- Manakov A.G. (2019). Assessment of changes in the ethnic mosaic of the regions of European Russia in the periods between the censuses of 1897, 1959 and 2010. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, 2, 117–128. DOI: 10.31857/S2587-556620192117-128 (in Russian).
- Minakir P.A. (2005). Economics and space (abstracts of reflections). *Prostranstvennaya ekonomika*, 1, 4–26 (in Russian).
- Minat V.N. (2022). The influence of ethnocultural diversity on economic growth and spatial development of the trans-border territories of the USA. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12(470). *Ekonomicheskie nauki*, 79, 55–67. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11207 (in Russian).
- Montalvo J.G., Reynal-Querol M. (2021). Ethnic diversity and growth: Revisiting the evidence. *Review of Economics and Statistics*, 103(3), 521–532.
- Nesena M.V. (2015). The influence of cultural diversity of Russian regions on economic indicators. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 72–85 (in Russian).
- Nijkamp P., Poot J., Baken J. (Eds). (2015). *The Economics of Cultural Diversity*. Cheltenham: Elgar Publishing.
- Ottaviano G.I.P., Peri G. (2006). The economic value of cultural diversity: Evidence from US cities. *Journal of Economic Geography*, 6, 9–44.

- Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Yu.S. (2006). Ethnoeconomics as a factor of development. *Problemy prognozirovaniya*, 1, 118–123 (in Russian).
- Pechura O.V. (2009). The ethnic factor in the development of the region's economy. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2(24), 138–143 (in Russian).
- Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. (2018). Ethnoculture and economics: Synergy of opportunities. *EKO*, 5(527), 8–27 (in Russian).
- Rimashevskaya N.M., Vershinskaya O.N. (1999). Ethnoeconomics – a new “old” science. *Narodonaselenie*, 3-4(5-6), 6–15 (in Russian).
- Semenov Yu.I. (1993). *Ekonomicheskaya etnologiya* [Economic ethnology]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Stalin J.V. (1946). Marxism and the national question. In: *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury (in Russian).
- Streletskii V.N. (2011). Shifts in ethnic settlement in Russia in the late 20th – early 21st century and some of their cultural and geographical aspects. *Yuzhno-Rossiiskii forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya*, 1, 51–72 (in Russian).
- Tarbastaeva I.S. (2018). Tuva is turning into a mono-ethnic region: risks and prospects. *EKO*, 5(527) 65–80 (in Russian).
- Tishkov V.A. (2013). Russian polyethnicity in the global context. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 5, 12–29 (in Russian).
- Tsapenko I. (2016). Economic resources of ethnocultural diversity. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 11, 35–46 (in Russian).
- Waldinger R. (1986). Immigrant enterprise: A critique and reformulation. *Theory and Society*, 249–285.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr G. Druzhinin – Doctor of Sciences (Geography), Professor, director, North Caucasus Research Institute for Economic and Social Problems, Southern Federal University (105, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation); Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (29, Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russian Federation), e-mail: alexdru9@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.6

УДК 332.142.2; 332.146.2

© Исаев А.Г.

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛЯРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

АРТЕМ ГЕННАДЬЕВИЧ ИСАЕВ

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-6569-2982; ResearcherID: S-8002-2018

Рассмотрена гипотеза о том, что политика по развитию Дальнего Востока на современном этапе осуществляется на фоне продолжающейся поляризации экономической деятельности в национальном пространстве вокруг основного ядра, что затрудняет достижение ее основных целей. Согласно концепции «инверсии поляризации», отстаиваемой в настоящей статье, политика развития периферии, осуществляемая в период усиления «ядра», заключающаяся в перераспределении инвестиционных потоков в пользу «проблемных» районов в соответствии с принципом эффективности, приведет лишь к закреплению сложившейся специализации этих районов. Это в настоящее время и наблюдается на российском Дальнем Востоке: существенный рост инвестиций в сектора промышленной специализации и транспортно-энергетическую инфраструктуру не привел к увеличению вклада Дальневосточного федерального округа в национальный продукт при сохранении отрицательного сальдо межрегиональной миграции. При этом ключевой инструмент «новой восточной политики» – территории опережающего развития – демонстрируют эффективность в привлечении производств, реализующих абсолютные и сравнительные преимущества соответствующих локаций, тогда как их результативность в деле диверсификации промышленной структуры Дальнего Востока остается спорной. Для южной зоны Дальневосточного федерального округа показано, что наибольший удельный вес среди заявленных к реализации, но отмененных инвестиционных проектов приходится на обрабатывающие производства. Делается вывод о том, что политика по развитию Дальнего

Для цитирования: Исаев А.Г. (2025). Проблемы структурной трансформации экономики Дальнего Востока в контексте поляризации пространственного развития России // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 87–101. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.6

For citation: Isaev A.G. (2025). Problems of structural transformation of the Far East economy in the context of Russia's spatial development polarization. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 87–101. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.6

Востока носит признаки «неолиберального» подхода: государство осуществляет вложения в транзитную инфраструктуру, тогда как структурная модернизация экономики фактически отдана на «откуп» силам свободного рынка.

Дальний Восток, пространственное развитие, дивергенция, центр – периферия, территории опережающего развития, экономический рост.

Введение

Более 10 лет прошло с момента провозглашения Дальнего Востока национальным приоритетом развития на весь XXI век. За этим призывом последовало принятие в 2013 году государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», в качестве цели которой провозглашалось ускоренное развитие макрорегиона, а индикатором этого развития выступал прирост валового регионального продукта (ВРП). Однако уже к 2015 году произошла резкая смена парадигмы развития Дальнего Востока, получившей наименование «новой экономической политики» и заключавшейся во внедрении на территории макрорегиона ряда институциональных новаций, призванных стимулировать приток капитала и трудовых ресурсов. Расхождения между ожидаемыми и фактическими результатами этих новаций способствовали принятию национальной программы развития Дальнего Востока на перспективу до 2035 года. Ее целями были объявлены превышение среднероссийских темпов роста экономики и качества жизни населения в среднесрочной перспективе (до 2024 года) и прекращение миграционного оттока населения – в долгосрочной.

Весьма интересна сравнительная динамика макроэкономических индикаторов с начала периода активизации государственной политики. Так, за 2016–2022 гг. и ВРП Дальневосточного федерального округа (ДФО; в новых границах), и ВРП России в целом¹ росли со среднегодовыми темпами около 2% в год даже с учетом пандемийного шока 2020 года. При этом структурно вклад базовых секторов экономики Дальнего Востока остался практически неизменным.

По-прежнему лидирующие позиции занимает добыча полезных ископаемых. Несколько возрос удельный вес транспортной отрасли. Заметно увеличился вклад сектора строительства как отражение процессов возведения в макрорегионе ряда промышленных и крупных инфраструктурных объектов. Вклад прочих видов деятельности в структуре экономики Дальнего Востока за семилетний период остался практически неизменным.

Иная картина наблюдалась в инвестиционной сфере. Если общенациональная динамика капиталовложений показывала приблизительно 3% среднегодового прироста за 2016–2023 гг., то на Дальнем Востоке инвестиции росли со среднегодовым темпом 7%. Если в 2023 году по национальной экономике инвестиции превышали уровень 2016 года на 28,5%, то в ДФО превышение составило 85,5%. По-прежнему львиная доля инвестиций (более 30%) направляется в добычу полезных ископаемых и транспортный комплекс (18,5%). Как следствие вышеописанных тенденций, доля ДФО в национальном распределении инвестиций выросла с 9% в 2016 году до 13% в 2023 году, а удельный вес ВРП ДФО в суммарном ВРП всех российских регионов сохраняется на стационарном уровне порядка 6%.

В чем же причина такого несоответствия между институциональными и инвестиционными интервенциями, проводимыми по отношению к Дальневосточному макрорегиону, и наблюдаемой динамикой его развития и продолжающимся оттоком населения? Несмотря на звучавшие от лица Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики заверения в достижении поставленных целей, даже поверхностный

¹ Сумма ВРП всех субъектов РФ.

анализ данных официальной статистики указывает на неоднозначность откликов экономической системы макрорегиона на предпринимаемые усилия (Минакир, 2021а, с. 10).

Теории пространственного развития позволяют пролить свет на происходящие процессы. Не намереваясь дать строгое обоснование причин и закономерностей, автор предлагает гипотезу, в которую вполне укладываются как текущие тенденции развития Дальнего Востока, так и закономерности пространственного развития российской экономики в целом.

Неоднородность национального экономического пространства: теоретические подходы

Неоднородность пространства и условий ведения хозяйственной деятельности в нем является объективной данностью любой национальной экономики, обладающей сколь-нибудь протяженными географическими размерами. Эта неоднородность порождает межрегиональные различия структур экономик отдельных регионов, а вместе с ними и различия в среднедушевых доходах, производительности труда и уровне жизни – неравномерности пространственного экономического развития.

Если обратиться к классической или неоклассической экономической теории, то обычно неравномерность пространственного развития трактуется с точки зрения факторов, объединенных под термином «обеспеченность ресурсами», которые сами по себе не объясняются. Как отмечал экономист Н. Калдор в своей известной статье, посвященной региональному росту, «теории, объясняющие богатство или бедность с точки зрения обеспеченности ресурсами, на самом деле не могут предложить ничего особенного в качестве объяснения» (Kaldor, 1970, p. 338).

Некоторым территориям благоприятствуют климат, удобное расположение, запасы полезных ископаемых. В таких случаях говорят, что территория обладает сравнительными (или абсолютными) преимуществами. Однако, когда мы подходим

к сравнительным преимуществам в отношении перерабатывающей деятельности, такой подход оказывается несостоятельным. Именно развитая современная перерабатывающая промышленность является главным «атрибутом» регионов с высокими доходами. Но нельзя сказать, что промышленность будет располагаться в регионах, которые «хорошо обеспечены» капитальными ресурсами.

Теории размещения, по мнению Калдора, также не способны удовлетворительно объяснить географическое распределение промышленной деятельности. Они могут помочь в объяснении местоположения лишь тех конкретных видов деятельности, перерабатывающих громоздкие товары, где транспортные расходы являются важным элементом и где сама обработка значительно снижает вес перерабатываемых материалов. Но там, где эффект переработки в уменьшении объемов не столь важен, для перерабатывающей деятельности может быть безразлично, находится ли предприятие рядом с источником материалов, рядом с рынком продукции или где-то посередине (Kaldor, 1970, p. 340).

Шведский экономист Г. Мюрдаль обратил внимание на то, что свободная рыночная конкуренция ведет не к сглаживанию, а к углублению межрегиональных диспропорций (Myrdal, 1957). По его мнению, действие рыночных сил ведет к концентрации быстрорастущих отраслей в определенных районах. Мюрдаль ввел понятие кумулятивной (круговой) причинности в объяснении межрегионального неравенства. Изначальное преимущество района, независимо от того, как оно было достигнуто и выражающееся в наличии быстрорастущих отраслей, развивается, тогда как отсталые регионы все глубже закрепляются в этом статусе. Развитые же регионы будут продолжать развиваться, «притягивая» из отсталых районов труд и капитал.

Калдор развил идеи Мюрдаля. Он утверждал: если регион получает преимущества в темпах экономического роста, он будет в состоянии поддерживать эти преимущества благодаря возрастающей отдаче

от масштаба, которую индуцирует этот рост (Исаев, 2022, с. 54–55). По мнению Калдора и его сторонников, существует сильная положительная связь между ростом производительности и эффективности и темпами роста масштабов деятельности (Dixon, Thirlwall, 1975). По мере того как связь между различными регионами становится более интенсивной, регион, изначально более развитый в промышленном отношении, может выиграть от постепенного открытия торговли за счет менее развитого региона, рост которого будет тормозиться этим первым.

Калдор полагал, что принцип кумулятивной причинно-следственной связи, объясняющий неравномерное региональное распространение промышленного развития эндогенными факторами, возникающими в результате самого процесса исторического развития, а не экзогенными различиями в «обеспеченности ресурсами», имеет важное значение для понимания разнообразных тенденций развития в различных регионах.

П. Кругман в своей знаменитой статье, положившей начало направлению экономической теории под общим заголовком «новая экономическая география» (Krugman, 1991), формально показал, как принцип кумулятивной причинности Мюрдаля приводит к региональной дивергенции. В его модели, где производственный сектор характеризуется признаками несовершенной конкуренции и возрастающей отдачи от масштаба, три ключевых параметра определяют пространственную конфигурацию экономической деятельности: 1) доля расходов на продукцию промышленности; 2) эластичность замещения товаров в потребительской корзине; 3) транспортные расходы. Эти три параметра имеют тенденцию эволюционировать с течением времени. По мере развития общества уменьшалась пропорция расходов на обеспечение первичных потребностей в продуктах питания, возрастало разнообразие потребления, а пути сообщения совершенствовались. Связь производства с распределением сельскохозяйственных земель ослабевала.

Регионы с относительно большим сельским населением будут привлекательным местом для производств как из-за большого местного рынка, так и из-за доступности производимых там товаров и услуг. Это привлечет еще больше населения из регионов с меньшими масштабами производства. Таким образом, небольшие изменения в параметрах экономики могут иметь большое влияние на ее качественное поведение. Население начнет концентрироваться, а региональное неравенство усиливаться. Однажды начавшись, этот процесс будет подпитываться сам собой. Так проявляется принцип кумулятивной причинности: промышленное производство будет иметь тенденцию концентрироваться там, где существует большой рынок, но рынок будет большим там, где промышленное производство является концентрированным.

Вышеизложенные подходы обосновывают пространственную конфигурацию экономической активности, известную как «центр – периферия». Дж. Фридман описывал отношения центр – периферия как, по существу, «колониальные», подразумевающие, что периферия имеет тенденцию вносить больший вклад в рост центра, чем получает взамен (Friedman, 1963). Возникновение поляризованной структуры сопровождается сдвигами от периферии к центру основных факторов производства: труда, капитала, предпринимательских способностей.

Однако, как отмечал Фридман, ситуация пространственной поляризации экономической деятельности характерна для стадии начальной индустриализации и практически не свойственна ее зрелым стадиям, а тем более для постиндустриальной фазы развития, где ведущими видами экономической деятельности являются научные исследования, образование, финансы, планирование и управление. Так, например, США к началу 1960-х годов уже практически утратили признаки «региональной нации», что отражалось в резком падении общественного интереса к схемам регионального развития, таким как Администрация долины реки Теннесси (Friedman, 1963, p. 46).

Тем не менее ряд развитых экономик, а также большинство развивающихся по-прежнему сталкиваются с многочисленными проблемами депрессивных территорий.

Стоит остановиться на несостоятельности принципа общего равновесия, согласно которому любое межрегиональное неравенство в предельных продуктах факторов производства нивелируется с помощью перемещения последних. В соответствии с неоклассическими воззрениями, предельная производительность факторов имеет убывающую тенденцию. Как следствие, растущее региональное неравенство должно привести к ситуации, которая обратит вспять устойчивый поток ресурсов в центр и поднимет доходы на душу населения на периферии до уровня приблизительного равенства с остальной частью страны. Здесь мы имеем дело с равновесной моделью пространственной экономики, согласно которой оптимальное пространственное размещение достигается тогда, когда соответствующие факторы производства распределены так, что дальнейшие изменения между видами использования и местоположениями невозможны без сокращения национального продукта. Таким образом, капитал будет иметь тенденцию перетекать из районов с низкой производительностью, а рабочая сила – из районов с низкой заработной платой в районы с высокой заработной платой до тех пор, пока в результате процесса последовательных предельных корректировок устанавливается пространственное равновесие.

Можно ожидать, что капитал и рабочая сила, первоначально сконцентрированные в небольшом количестве полюсов роста, будут постепенно распространяться оттуда

на другие территории, поскольку первоначальные возможности развития в центре исчерпаны и предельная отдача от факторов уменьшается, а спрос на сырье и промежуточные продукты указывает на потенциально выгодные инвестиции на периферии. Другими словами, модель равновесия предполагает постепенное сближение норм прибыли для различных факторов производства, используемых в *каждом* месте.

Проблема состоит в том, что имеющиеся данные по странам с выраженными признаками поляризованного развития не подтверждают эту гипотезу². Неравновесие заложено в странах с переходной экономикой с самого начала. Технический прогресс, как внутренне генерируемый, так и овеществленный в импортируемых товарах, услугах и бизнес-процессах, практически непрерывен. Изменения в условиях спроса и предложения столь быстры и имеют такую величину, что их вряд ли можно считать «предельными». Напротив, они имеют значительные мультипликативные эффекты и генерируют многочисленные экстерналии. В «ядрах» национальных экономик эти процессы протекают с большей интенсивностью по сравнению с периферийными районами, что не способствует установлению пространственного равновесия.

Не в пользу принципа убывающей предельной отдачи свидетельствует и продолжающийся рост крупнейших мегаполисов мира. В крупнейших центрах также сосредоточены национальные рынки товаров, производимых в современных секторах. Это, в свою очередь, приведет к дальнейшим инвестициям в отрасли и услуги, ориентированные на этот рынок. Следовательно, могут отсутствовать мощные стимулы для

² Мюрдаль утверждал, что в развивающихся странах эффект распространения (spillovers) «волн» развития от ядра к периферии очень слаб и не перевешивает обратный (центростремительный) поток ресурсов. См. подробнее: (Gaile, 1980). С конца 1990-х годов начали появляться эмпирические работы, выявляющие присутствие эффектов распространения в процессах пространственного развития (см., например, (Fingleton, McCombie, 1998)), однако в подавляющем большинстве таких работ объектом исследования являются регионы стран Европейского союза, характеризующиеся: а) высоким средним уровнем экономического и технологического развития, б) институтами, характерными для развитых рыночных экономик, в) малыми размерами изучаемых единиц – регионов, и г) высокой плотностью населения и экономической активности при относительной равномерности их распределения в рамках Евросоюза. Если и можно мыслить существование некой «квази-центр-периферийной» модели организации экономики на пространстве ЕС (см. (Capello, 2009)), то выводы из этих исследований следует применять с большой осторожностью для случаев развивающихся экономик.

поиска новых и более продуктивных возможностей на национальной периферии³. В промышленном отношении периферия имеет тенденцию концентрировать только те предприятия, местоположение которых во многом определяется близостью к сырьевым ресурсам или предопределено сравнительными или абсолютными преимуществами самих территорий.

Вышеизложенные теоретические подходы, объясняющие формирование системы «центр – периферия», объединяет одна важная исходная предпосылка: ядром, или ведущим регионом, станет тот, который имел изначальные конкурентные преимущества (более крупный или производительный промышленный сектор, более широкий доступ к рынкам и т. д.). То есть процесс формирования ядра предопределяется исторически. Это кардинально отличает настоящие подходы от модели общего равновесия. Эмпирические и исторические данные показывают, что процесс развития систем городов протекает таким образом, что наиболее крупные ядра системы, заняв ведущие позиции в иерархии городов на сравнительно ранних этапах своего развития, затем постоянно усиливают преимущества своего положения⁴.

Является ли пространственная конфигурация «центр – периферия» ловушкой, в которой национальные экономики обречены на перманентные проблемы с «депрессивными» регионами? Концепция «инверсии поляризации» утверждает, что это не так⁵. Под инверсией поляризации подразумевается поворотный момент, когда тенденции пространственной поляризации в национальной экономике уступают место процессу пространственного рассеивания из региона-ядра в другие регионы системы

(Richardson, 1980). На определенной стадии пространственного развития национальной экономики возникают условия, которые делают распространение факторов в другие регионы системы эффективным. Эти условия, вероятно, связаны с созданием агломерационной экономики и других видов экономики от масштаба в отдельных местах на периферии (Brown, Lawson, 1989).

Однако процесс распространения происходит очень неравномерно, причем большая часть роста за пределами региона-ядра осуществляется в ограниченном наборе относительно крупных городских центров. Эта пространственная концентрация отражает важную роль, которую играет агломерационная экономика в привлечении как экономической активности, так и населения. Но вместе с тем отмечается, что далеко не все страны проходят через эволюцию пространственных конфигураций, прослеживаемых в более развитых странах.

Это поднимает несколько вопросов. Является ли процесс инверсии поляризации детерминированной, предсказательной моделью или это «условная» модель, которая может быть сбита с курса отсутствием определенных предпосылок или вмешательством новых сил? Является ли этот процесс полностью спонтанным (то есть продуктом рыночных сил) или на него влияет государственная политика? Если политика влияет, то когда следует выбрать момент для вмешательства?

Аргумент «момента вмешательства» государства в процесс инверсии поляризации подразумевает, что политика пространственного рассеивания будет иметь максимальную эффективность, если она будет реализована близко к точке поворота поляризации (Richardson, 1980, p. 69). Вывод

³ О том, что применительно к развивающимся странам не действует сам принцип автоматического движения факторов производства (прежде всего капитала) в направлении их применения в местах с более высокой предельной отдачей, как это постулируется теорией общего равновесия, указывал и А. Хиршман (Hirschman, 1958).

⁴ Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил (критический анализ). Москва: Мысль, 1981. 252 с. С. 119.

⁵ В последние годы специалисты по региональной экономике и экономической географии стали использовать концепции «зависимости от предшествующего развития» (path dependence) и «замкнутости» (lock-in) как составляющие эволюционного подхода к проблемам регионального развития. См. (Lambooy, Boschma, 2001; Boschma, 2004; Martin, Sunley, 2006).

из этого аргумента заключается в том, что преждевременное вмешательство – то есть в период, когда поляризационные силы сильны – может быть неэффективным. Оно, безусловно, будет дорогостоящим с точки зрения ресурсов (например, альтернативной стоимости инвестиций в инфраструктуру в городах среднего размера). Потоки ресурсов скорее приведут к закреплению специализации региона, на который нацелена такая политика.

Поляризация экономической активности и развитие Дальнего Востока

Российская экономика с точки зрения пространственного развития в настоящее время демонстрирует признаки усиления поляризации вокруг основного ядра – Московской агломерации. Об этом можно косвенно судить на основе расчета т. н. индекса доминантности (El-Shakhs, 1972):

$$P = \frac{1}{n-1} \sum_{i=1}^{n-1} \left[\frac{1}{(n-i)C_i} \sum_{j=i+1}^n (C_i - C_j) \right] = \frac{1}{n-1} \sum_{i=1}^{n-1} P_i,$$

где C – численность населения субъекта,
 n – число субъектов в системе,

i, j – ранг субъекта по численности населения в убывающем порядке (крупнейший субъект имеет ранг 1, наименьший – ранг n),

P_i – индекс доминантности субъекта i по отношению ко всем субъектам с меньшими рангами.

Индекс показывает степень доминирования по показателю концентрации населения крупнейшего города или района национальной экономики. Чем ближе его значение к единице, тем сильнее ядро национальной экономики доминирует (в плане численности населения) над ее остальными пространственными частями. Такой индекс был рассчитан для г. Москвы вместе с Московской областью за более чем тридцатилетний период с 1990 по 2023 год⁶ (рис.). Явно выражена тенденция усиления доминанции ядра национальной экономики, в качестве которого выступает Московская агломерация, продолжающаяся с некоторыми отклонениями весь охваченный период⁷.

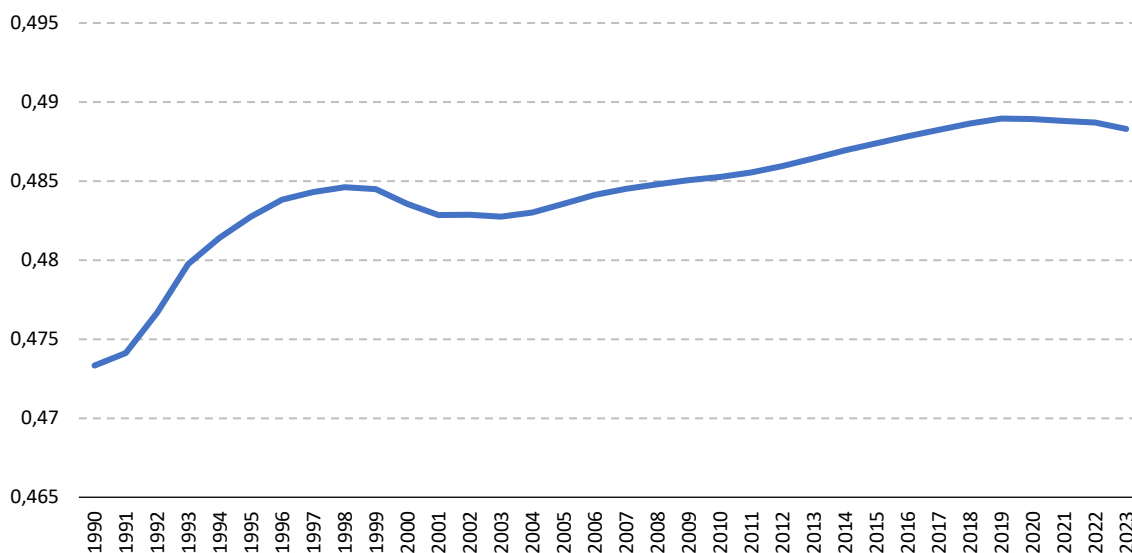

Рис. Индекс доминантности (по численности населения) для г. Москвы и Московской области

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. 863 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. М., 2024. 1081 с.

⁶ Суммарное население г. Москвы и Московской области, которое приближенно можно считать населением Московской агломерации, было выбрано в качестве единого субъекта. Аналогично – для г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Новые территории не включались в расчет.

⁷ См. также (Коломак, 2019; Нефедова, Тревиш, 2020; Буфетова, 2022).

Об аналогичных тенденциях говорит и простая статистика межрегиональной миграции по федеральным округам за ряд последних лет, отражающая процесс стягивания населения к центральным районам страны. По-прежнему остается острой проблема оттока населения с Дальнего Востока. В 2021 году зафиксирован абсолютный приток населения в макрорегион, но это было связано с общим восстановлением экономики от пандемийного шока 2020 года. Если высокую волатильность общего отрицательного сальдо миграции, которое учитывает и международные миграционные потоки, в основном из стран СНГ, можно попытаться увязать с нестабильностью экономики под воздействием внешних шоков разного рода, то устойчиво высокие отрицательные значения сальдо межрегиональной миграции сигнализируют о продолжающемся оттоке населения с Дальнего Востока в другие регионы России. За исключением Чукотского автономного округа регионы ДФО демонстрируют отрицательное сальдо межрегиональной миграции.

Можно констатировать, таким образом, что политика по развитию Дальнего Востока осуществляется в период продолжающейся

концентрации (поляризации) населения (и экономической активности) вокруг ядра национальной экономики, что приводит к серьезным трудностям при ее осуществлении. Инвестиционная накачка пока приводит к закреплению сложившейся специализации макрорегиона. Хотя, учитывая характер крупных капиталовложений на Дальнем Востоке (инфраструктура и крупные промышленные объекты), возможно просто наличие больших лагов между инвестициями и их фактической отдачей.

По данным интернет-портала строящихся инвестиционных объектов B2B GLOBAL⁸, на конец 2024 года в четырех южных субъектах ДФО⁹ значился 401 инвестиционный объект, из них почти 44% (175) относились к видам деятельности, связанным с обрабатывающей промышленностью, агропромышленным комплексом (АПК), рыбоводством (табл.). При этом из 142 проектов, которые находятся в статусе отмененных или приостановленных, порядка 60% – это проекты в сфере обработки, АПК и рыбоводства. Высокий процент отмены проектов именно в сфере переработки указывает на существование фундаментальной причины такого положения дел.

Таблица. Инвестиционные проекты южной зоны ДФО

Субъект Федерации	Инвестиционные проекты			из них: отмененные / приостановленные		
	Всего, ед.	из них: обрабатывающие производства, сельское хозяйство, рыбоводство		Всего, ед.	из них: обрабатывающие производства, сельское хозяйство, рыбоводство	
		ед.	%		ед.	%
Приморский край	196	83	42,3	71	39	54,9
Хабаровский край	143	61	42,7	46	29	63
Амурская область	50	25	50	19	11	57,9
Еврейская автономная область	12	6	50	6	4	66,7
Всего	401	175	43,6	142	83	58,5
Источник: данные карты строящихся инвестиционных объектов B2B GLOBAL. URL: https://bbgl.ru/maps (дата обращения 01.2025).						

⁸ <https://bbgl.ru/maps/projects> (дата обращения 01.2025).

⁹ Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская автономная область.

Какова роль территорий опережающего развития (ТОР) в процессах диверсификации отраслевой структуры? Этот вопрос нельзя обойти стороной, поскольку ТОРы являются основным институциональным инструментом, на который возлагалась роль драйверов структурной перестройки макрорегиона. Можно классифицировать дальневосточные ТОРы по трем типам. Первый тип – это площадки, созданные специально под мегапроекты крупных национальных корпораций. (завод «Звезда» в г. Большой Камень, газохимический комплекс в Амурской области). Второй тип ТОРов – площадки, специализация которых обуславливается специализацией самих регионов. Сюда относятся все территории со специализацией на добыче природных ресурсов. Наконец, третий тип – «универсальные» ТОРы, созданные в южной зоне Дальнего Востока, в которые изначально планировалось привлекать инвестиции в самый широкий спектр обрабатывающих производств и которые были призваны послужить основой диверсификации дальневосточной промышленности.

По прошествии времени с введения новых преференциальных режимов на Дальнем Востоке можно утверждать, что сравнительно эффективными оказались те проекты, которые «попали» в сложившуюся специализацию регионов и определенных локаций. Другими словами, проекты, реализующие абсолютные и сравнительные преимущества соответствующих мест. С этой точки зрения абсолютная выгода очевидна для проектов, реализуемых в ТОРах первых двух типов. По-другому обстоят дела с ТОРами третьего типа, в которые предполагалось привлечь самых разнообразных резидентов в сфере обрабатывающей промышленности.

Для юга Приморского края в качестве ключевой специализации было определено агропромышленное производство, там имелись все предпосылки для развития такого рода деятельности. К ним можно отне-

сти 1) большие площади, непосредственно примыкающие к крупнейшей на Дальнем Востоке агломерации, которая представляет собой и достаточно емкий рынок сбыта, и рынок трудовых ресурсов, и 2) сравнительно хорошо развитую логистику, в которую массивные инвестиции направлялись еще во времена подготовки Владивостока к саммиту АТЭС. Можно утверждать, что агропромышленный комплекс юга Приморского края развивается сравнительно эффективно.

Иная ситуация характерна для юга Хабаровского края. Изначально для промышленных площадок здесь в качестве ключевой была определена специализация в обрабатывающей промышленности. Однако время показало, что такие ожидания были слишком завышены. Реализованные проекты в этой сфере весьма немногочисленны. Однако здесь отмечается инвестиционная активность в транспортно-логистической сфере. Сам Хабаровск благодаря своему географическому положению позиционируется не столько как промышленный узел, сколько как опорный транспортно-логистический «хаб» южной зоны Дальнего Востока. В этом и заключается его экономическое сравнительное преимущество. Как результат – в последние годы отмечено появление резидентов, включая крупные федеральные компании, строящих крупные складские и распределительные центры.

Вышеизложенное наталкивает на мысль, что политика по развитию Дальнего Востока осуществляется в период продолжающейся концентрации населения (и экономической активности) вокруг ядра национальной экономики, что приводит к серьезным трудностям при ее осуществлении на экономической периферии. Инвестиционная «накачка» приводит к закреплению сложившейся специализации макрорегиона¹⁰. В этом нет никакой российской или дальневосточной специфики (см. выше о концепции «инверсии поляризации»). И Дальний Восток, и Россия сталкивается со сложной и нетриви-

¹⁰ Однако можно предположить, учитывая характер крупных капиталовложений на Дальнем Востоке (инфраструктура и крупные промышленные объекты), возможность наличия больших лагов между инвестициями и их фактической отдачей (наиболее яркий пример – Амурский газоперерабатывающий завод).

альной задачей такого направления ресурсов, который обеспечил бы качественную трансформацию параметров региональной воспроизводственной системы.

Означает ли это, что в условиях продолжающейся поляризации экономической активности для реализации политики развития Дальнего Востока был выбран неподходящий момент для вмешательства? Вовсе нет. Во-первых, исходя из этих соображений, ожидание «подходящего» момента может длиться сколь угодно долго, между тем как в свете общенациональной политики «разворота на восток» проблемы развития собственно восточных окраин России не могут игнорироваться на высшем уровне власти. Во-вторых, характер политики развития периферийных районов представляется более важным условием для результативности развития, чем, собственно, момент вмешательства. Точка инверсии поляризации будет являться скорее водоразделом между факторами, затрудняющими успешную реализацию этой политики либо сопутствующими ей.

В масштабе национальных экономик можно выделить два принципиальных подхода, или рецепта, к обеспечению ускоренного роста и структурной перестройки экономики. Один из них основан на идее свободного рынка и минимального вмешательства государства в процессы экономических преобразований. Это т. н. неолиберальная модель развития. В рамках этой модели государство должно предоставлять необходимый объем общественных благ (включая инфраструктуру). Оно не должно, за исключением редких случаев, управлять распределением ресурсов, задавать направление. Единственное, на что следует полагаться – на конкуренцию как на надежно повышающий благосостояние принцип человеческой деятельности. Любая форма протекционизма и субсидирования в соответствии с данной моделью будет тормозить эффективность.

В отличие от неолиберальной модели, предполагающей наличие консенсуса элит относительно преимуществ эффективности и роста более или менее свободных рынков, включая высокую интеграцию в мировую экономику, модель т. н. «развивающего государства» (developmental state)¹¹ основана на следующих принципах (Wade, 2018):

1) приоритет достижения высоких и устойчивых темпов экономического роста с целью ликвидации разрыва с развитыми странами;

2) очень высокий уровень инвестиций в ВВП для обеспечения быстрого перемещения структуры производства в сторону видов деятельности с более высокой производительностью;

3) приоритет продвижения одних секторов и функций вперед других, через государственные предприятия или частный бизнес, в те сектора, куда они в противном случае не вошли бы;

4) необходимость сдерживания роста потребления с целью высвобождения ресурсов для инвестиций;

5) Государственная промышленная политика должна быть направлена на замещение импорта, но в то же время сконцентрирована на импорте непотребительских капитальных товаров и промежуточной продукции посредством управляемой торговой политики, а не свободной торговли.

Можно говорить о том, что модели развития российской экономики на современном этапе скорее присущи черты и атрибуты развивающего государства. Вряд ли это можно считать полностью осознанной политикой. Соответствие ряду атрибутов является скорее вынужденным, чем стратегически обусловленным. Однако политика развития Дальнего Востока носит преимущественно атрибуты неолиберального подхода. Несмотря на то, что масштабы государственных капиталовложений в строительство дальневосточной транспортной инфраструктуры после 2012 года в целом

¹¹ Именно по такой модели развития складывались современные экономики Южной Кореи и Тайваня.

сократились, они по-прежнему остаются значительными. Но инфраструктура принципиально отличается от той, которая фигурирует в производственных функциях неоклассических моделей роста. Она не является фактором производства, «расшивающим» узкие места экономической системы макрорегиона¹². Для Дальнего Востока это типичный сектор экономики, ориентирующийся целиком на экзогенный спрос, а не каркас в виде инфраструктурных общественных благ, который увеличивает «пропускную способность» местной экономики.

Направление же потоков частных (и квазигосударственных) инвестиций регулируется механизмами свободного рынка и принципами коммерческой эффективности. Институциональные новации в виде ТОРов в определенной степени нивелируют проблему повышенных издержек ведения хозяйственной деятельности на Дальнем Востоке, однако практически бессильны в деле привлечения новых видов деятельности с высокой долей добавленной стоимости, как это мыслилось при создании данных механизмов развития¹³.

Заключение

Каков же итог современного периода развития Дальнего Востока? Достаточно сказать, что кардинальных сдвигов ни в области макроэкономической динамики, ни в социальной сфере макрорегиона добиться не удастся, несмотря на предпринимаемые административные усилия. Ожидания жителей, если судить по объективным индикаторам официальной статистики и показателям, отражающим численность по-прежнему выезжающего из макрорегиона населения, пока не оправдываются. Здесь нельзя обойти стороной научное наследие П.А. Минакира, который значительную

часть своих усилий посвящал проблемам развития Дальнего Востока, в частности анализу политики, направленной на такое развитие. Хорошо известна его концепция мотивационных циклов развития Дальнего Востока (Минакир, Прокапало, 2010). П.А. Минакир выделял дихотомию «экономический рост – экономическое развитие» применительно к целям нынешней политики. Он акцентировал внимание на том, что цель развития фактически подменяется целью роста (Минакир, 2021b).

Рост является наиболее простой формой динамических изменений. Он выражается в количественном изменении определенных, как правило, весьма общих интегральных показателей, описывающих состояние экономической системы в некоторый момент времени. Рост может сопровождаться повышением эффективности используемых ресурсов самих по себе, однако если не сопровождается перераспределением ресурсов между отраслями и сферами их применения, развитием это не является. Рост может происходить и без качественного изменения экономических и социальных параметров в регионе.

Развитие же означает такой режим функционирования региональной системы, при котором происходят не только количественные, но и качественные изменения. Это такой режим функционирования, который ориентирован на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, деловой среды, институтов, обеспеченную устойчивым и сбалансированным воспроизводством ресурсного, хозяйственного и социального потенциала территории (Минакир, 2022).

Обеспечить сам по себе рост возможно массовой накачкой ресурсов в сектора специализации. Так, бурный рост Дальнего Востока на стыке 2000-х и 2010-х годов обе-

¹² Однако является таковым на уровне экономики РФ в целом.

¹³ А.Е. Савченко, однако, усматривает в политике по развитию Дальнего Востока признаки развивающего государства. Его подход основан на трактовке развивающего государства с позиций экономической социологии с акцентом на роль Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики. Тем не менее и он заключает, что политике развития свойственен «традиционный подход к развитию региона через большие государственные программы и проекты корпораций» (Савченко, 2022, с. 71).

спечивался притоком федеральных денег в строительство, в т. ч. магистральной инфраструктуры. Однако для его поддержания необходимо, чтобы такой массивированный приток ресурсов не прерывался. А это связано с их отвлечением из других территорий, где возможно их применение с более высокой отдачей. Обеспечивать ускоренный рост Дальнего Востока за счет ресурсного сектора и транзита тихоокеанских грузов становится все сложнее.

Отсюда следует критическая важность порядка предпринимаемых шагов при реализации региональной экономической политики. Ресурсный маневр должен сопровождаться маневром спроса, без чего ожидать можно лишь гипертрофированное развитие ресурсного сектора – роста Дальнего

Востока по модели региональной экспортной базы без задействования эндогенных источников.

И Дальний Восток, и Россия в целом сталкиваются со сложной и нетривиальной задачей такого направления ресурсов, который обеспечил бы качественную трансформацию параметров региональной производственной системы. Пока эта задача далека от решения и содержание последних дальневосточных программ развития на это ясно указывает. В случае если при разработке программ развития, а точнее – экономической политики вообще по отношению к Дальнему Востоку будут найдены способы запуска и самоподдержки эндогенных источников роста региона, шансы на успех имеются.

ЛИТЕРАТУРА

- Буфетова А.Н. (2022). Поляризация пространственного развития России: камо грядеши? // Мир экономики и управления. № 1. С. 103–129. DOI: 10.25205/2542-0429-2022-22-1-103-129
- Исаев А.Г. (2022). Экономический рост российских регионов: экзогенные и эндогенные источники / отв. ред. Е.А. Коломак. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 208 с.
- Коломак Е.А. (2019). Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. № 4. С. 85–106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106
- Минакир П.А., Прокапало О.М. (2010). Региональная экономическая динамика. Дальний Восток / отв. ред. В.В. Кулешов; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ДВО РАН. 304 с.
- Минакир П.А. (2021a). Восточная государственная социально-экономическая политика: миссия (не) выполняема? // Пространственная экономика. № 2. С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2021.2.007-015
- Минакир П.А. (2021b). Экономическое развитие в «ловушке» роста: случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. № 4. С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2021.4.007-015
- Минакир П.А. (2022). Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // Пространственная экономика. № 3. С. 7–16. DOI: 10.14530/se.2022.3.007-016
- Нефедова Т., Трейвиш А. (2020). Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. № 2. С. 31–53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138
- Савченко А.Е. (2022). Дальневосточная политика как проблема построения развивающегося государства // Мир России. № 3. С. 54–74. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-54-74
- Boschma R. (2004). Competitiveness of Regions from an Evolutionary Perspective. *Regional Studies*, 38(9), 1001–1014. DOI: 10.1080/0034340042000292601
- Brown L., Lawson V. (1989). Polarization reversal, migration related shifts in human resource profiles, and spatial growth policies: A Venezuelan study. *International Regional Science Review*, 12(2), 165–188. DOI: 10.1177/016001768901200204
- Capello R. (2009). Spatial spillovers and regional growth: A cognitive approach. *European Planning Studies*, 17(5), 639–658. DOI: 10.1080/09654310902778045

- Dixon R., Thirlwall A. (1975). A model of regional growth-rate differences on Kaldorian lines. *Oxford Economic Papers*, 27(2), 201–214.
- El-Shakhs S. (1972). Development, primacy, and systems of cities. *The Journal of Developing Areas*, 7(1), 11–36.
- Fingleton B., McCombie J. (1998). Increasing returns and economic growth: Some evidence for manufacturing from the European Union regions. *Oxford Economic Papers*, 50(1), 89–105. DOI: 10.1093/oxfordjournals.oep.a028638
- Friedman J. (1963). Regional economic policy for developing areas. *Papers in Regional Science*, 11, 41–61.
- Gaile G. (1980). The spread-backwash concept. *Regional Studies*, 14(1), 15–25.
- Hirschman A. (1958). *The Strategy of Economic Development*. Yale University Press, New Haven.
- Kaldor N. (1970). The case for regional policies. *Scottish Journal of Political Economy*, 17(3), 337–348.
- Krugman P. (1991). Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 99(3), 483–499.
- Lambooy J., Boschma R. (2001). Evolutionary economics and regional policy. *Annals of Regional Science*, 35, 113–131. DOI: 10.1007/s001680000033
- Martin R., Sunley P. (2006). Path dependence and regional economic evolution. *Journal of Economic Geography*, 6, 395–437. DOI: 10.1093/jeg/lbl012
- Myrdal G. (1957). *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: Duckworth
- Richardson H. (1980). Polarization reversal in developing countries. *Papers in Regional Science*, 45(1), 67–85.
- Wade R. (2018). Developmental state: Dead or alive? *Development and Change*, 49(2), 518–546. DOI: 10.1111/dech.12381

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артем Геннадьевич Исаев – кандидат экономических наук, директор, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: isaev@ecrin.ru)

Isaev A.G.

PROBLEMS OF STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE FAR EAST ECONOMY IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S SPATIAL DEVELOPMENT POLARIZATION

The article considers the hypothesis that the current policy for the development of the Far East is implemented when the process of polarization of economic activity in Russia around the core continues, which complicates the achievement of its main goals. According to the concept of “polarization reversal” advocated in this article, the policy of development of the periphery, implemented during the period of strengthening of the “core”, will only lead to strengthening of the existing specialization of backward regions. This is currently observed in the Russian Far East: a significant increase in investment in the sectors of industrial specialization and transport and energy infrastructure has not led to an increase in the contribution of the Far Eastern Federal District to the national product, while maintaining a negative balance of interregional migration. At the same time, the key instrument of the “new Eastern policy” – the territories of advanced development – demonstrate efficiency in attracting investments using the absolute and comparative advantages of the corresponding locations, while their effectiveness in diversifying the industrial structure of the Far East remains controversial. The paper shows that for the southern zone of the Far East, the largest share among the cancelled

investment projects falls on manufacturing industries. We conclude that the policy for the Far East development has features of a “neoliberal” approach: the state invests in transit infrastructure, while the structural modernization of the economy is carried out by free market forces.

Russian Far East, spatial development, divergence, core-periphery, territory of advanced development, economic growth.

REFERENCES

- Boschma R. (2004). Competitiveness of regions from an evolutionary perspective. *Regional Studies*, 38(9), 1001–1014. DOI: 10.1080/0034340042000292601
- Brown L., Lawson V. (1989). Polarization reversal, migration related shifts in human resource profiles, and spatial growth policies: A Venezuelan study. *International Regional Science Review*, 12(2), 165–188. DOI: 10.1177/016001768901200204
- Bufetova A.N. (2022). The polarisation of Russia’s spatial development: Quo Vadis? *Mir ekonomiki i upravleniya=World of Economics and Management*, 1, 103–129. DOI: 10.25205/2542-0429-2022-22-1-103-129 (in Russian).
- Capello R. (2009). Spatial spillovers and regional growth: A cognitive approach. *European Planning Studies*, 17(5), 639–658. DOI: 10.1080/09654310902778045
- Dixon R., Thirlwall A. (1975). A model of regional growth-rate differences on Kaldorian lines. *Oxford Economic Papers*, 27(2), 201–214.
- El-Shakhs S. (1972). Development, primacy, and systems of cities. *The Journal of Developing Areas*, 7(1), 11–36.
- Fingleton B, McCombie J. (1998). Increasing returns and economic growth: Some evidence for manufacturing from the European Union regions. *Oxford Economic Papers*, 50(1), 89–105. DOI: 10.1093/oxfordjournals.oep.a028638
- Friedman J. (1963). Regional economic policy for developing areas. *Papers in Regional Science*, 11, 41–61.
- Gaile G. (1980). The spread-backwash concept. *Regional Studies*, 14(1), 15–25.
- Hirschman A. (1958). *The Strategy of Economic Development*. Yale University Press, New Haven.
- Isaev A.G. (2022). *Ekonomicheskii rost rossiiskikh regionov: ekzogennnye i endogennnye istochniki* [Economic Growth of Russian Regions: Exogenous and Endogenous Sources]. Khabarovsk: IEI DVO RAN.
- Kaldor N. (1970). The case for regional policies. *Scottish Journal of Political Economy*, 17(3), 337–348.
- Kolomak E.A. (2019). Spatial development of Russia in XXI century. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 4, 85–106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106 (in Russian).
- Krugman P. (1991). Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 99(3), 483–499.
- Lambooy J., Boschma R. (2001). Evolutionary economics and regional policy. *Annals of Regional Science*, 35, 113–131. DOI: 10.1007/s001680000033
- Martin R., Sunley P. (2006). Path dependence and regional economic evolution. *Journal of Economic Geography*, 6, 395–437. DOI: 10.1093/jeg/lbl012
- Minakir P.A. (2021b). Economic development “trapped” in economic growth: The case of the Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 4, 7–15. DOI: 10.14530/se.2021.4.007-015 (in Russian).
- Minakir P.A. (2021a). Eastern State Socio-economic policy: Mission (not) possible? *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 2, 7–15. DOI: 10.14530/se.2021.2.007-015 (in Russian).
- Minakir P.A. (2022). The thorny path to the Eastwards: Breakthroughs which turn into dead-end. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 3, 7–16. DOI: 10.14530/se.2022.3.007-016 (in Russian).
- Minakir P.A., Prokapalo O.M. (2010). *Regional’naya ekonomicheskaya dinamika. Dal’nii Vostok* [Regional Economic Dynamics. The Far East]. Khabarovsk: DVO RAN.

- Myrdal G. (1957). *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: Duckworth.
- Nefyodova T., Treyvish A. (2020). Polarization and shrinkage of active space in the core of Russia: Trends, problems and possible solutions. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 2, 31–53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138 (in Russian).
- Richardson H. (1980). Polarization reversal in developing countries. *Papers in Regional Science*, 45(1), 67–85.
- Savchenko A.E. (2022). Russian Far Eastern policy as a problem of building the developmental state. *Mir Rossii*, 3, 54–74. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-54-74 (in Russian).
- Wade R. (2018). Developmental state: Dead or alive? *Development and Change*, 49(2), 518–546. DOI: 10.1111/dech.12381

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem G. Isaev – Candidate of Sciences (Economics), director, Economic Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: isaev@ecrin.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.7

УДК 332.87:69.05(470)"1917/2023" | ББК 65.042.12(2Рос) я431

© Пилясов А.Н., Котов А.В.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ РОССИИ В СТОЛЕТНЕЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПИЛЯСОВ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа экономики

Институт регионального консалтинга

Москва, Российская Федерация

Северный Арктический федеральный университет

Архангельск, Российская Федерация

e-mail: pelyasov@mail.ru

ORCID: **0000-0003-2249-9351**; ResearcherID: **J-9120-2013**

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ КОТОВ

Институт Европы РАН

Высшая школа экономики

Москва, Российская Федерация

e-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

ORCID: **0000-0003-2990-3097**; ResearcherID: **O-1938-2018**

Статья посвящена анализу технологической эволюции многоквартирного домостроения в 18 российских городах в период с 1917 по 2023 год. Авторы предлагают оригинальный метод исследования технологических укладов (К3, К4, К5) на основе крупнейшей в России базы данных «Реестр домов», содержащей сведения о десятках тысяч зданий. Методологическая рамка основана на сочетании теории длинных волн Кондратьева, эволюционной экономической географии и укладного анализа городской недвижимости. Выявлены три волны технологического развития: деревянно-кирпичный уклад (К3), массовое панельное домостроение (К4) и монолитное строительство (К5). Представлена типология городов по характеру перехода между укладами: от лидеров технологических изменений до аутсайдеров, застрявших в предыдущем цикле. Особое внимание уделяется феномену кирпичного домостроения как межукладного связующего элемента и вариативности перехода к монолитному строительству, включая смену фундаментных

Для цитирования: Пилясов А.Н., Котов А.В. (2025). Технологическое развитие городов России в столетней ретроспективе // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 102–141. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.7

For citation: Pilyasov A.N., Kotov A.V. (2025). Technological development of the Russian cities in a hundred-year retrospective. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 102–141. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.7

конструкций. Проведен детализированный анализ динамики по годам, позволяющий выявить характерные фазы технологических циклов: внедрение, агрессия, зрелость и затухание. В статье предложены критерии для диагностики ренессанса старых технологий (например, повторный рост панельного домостроения в 2000-х годах) и различия инерции от настоящих технологических сдвигов. Результаты исследования имеют прикладную ценность для градостроительной политики, особенно в условиях необходимости перехода к энергоэффективным и гибким формам городской застройки. Работа вносит значимый вклад в становление подходов к ретроспективному анализу технологических траекторий развития городов.

Технологический уклад, многоквартирное домостроение, длинные волны Кондратьева, панельное строительство, монолитное домостроение, кирпичная застройка, эволюционная урбанистика, городская технологическая динамика.

Введение

Актуальность предпринятого исследования продиктована несколькими обстоятельствами. Во-первых, оно обеспечивает одновременное видение долгосрочной ретроспективы технологического развития не одного, а почти двух десятков крупнейших городов России, расположенных в различных географических зонах и федеральных округах. Как правило, деятельность в этом направлении по одному городу осуществлялась командами историков, которые в течение длительного времени работали в государственных и ведомственных архивах для получения многодесятилетних рядов показателей из годовых отчетов структурообразующих предприятий. Эти данные становились основой их работ по экономической истории города.

Чтобы идти данным путем даже для двух десятков городов, потребовались бы годы работы и целые команды специалистов. Мы выбрали более экономный путь, сконцентрировав внимание только на технологическом развитии, а в нем – только на технологиях строительства многоквартирных домов города. Это сузило исследовательский ракурс, но зато обеспечило беспрецедентную для долговременного ретроспективного анализа широту выборки – одновременно было охвачено исследованием почти два десятка городов России.

Во-вторых, исследование концентрирует внимание на факторах, способствующих

или препятствующих долгосрочной технологической эволюции на примере не отдельного промышленного предприятия или промышленного района, где они более очевидны и прозрачны, а на крупных и средних по размеру городах как комплексном социальном феномене, в которых технологическая эволюция сложно переплетается с природными условиями и социальной средой. Этот новый феномен техносоциальной эволюции города только получает стартовое развитие, но уже очевидно, что у него будущих исследователей и разработчиков открываются захватывающие перспективы.

В-третьих, наше исследование обеспечивает новое знание для лиц, принимающих управленческие решения в изучаемых городах с точки зрения понимания текущего момента инновационного развития города в контексте долгосрочной технологической динамики, определенной в данной работе.

Предмет исследования – долгосрочное технологическое развитие городов России на примере (технологий) жилищного строительства. Объект исследования – выборка из 18 крупнейших, крупных и средних городов России. Нижним порогом для включения в выборку было решено взять численность населения города 250 тысяч человек, потому что данная категория специально выделена в принятой в декабре 2024 года Стратегии пространственного развития России как «ядро городской агломерации»¹. Москву и Санкт-Петербург, как города-субъекты

¹ Города с населением 250 тысяч человек получили статус агломераций. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15091945>

Российской Федерации и потому статусно отличные от всех других российских городов, было решено в исследование не включать (они требуют особого подхода и отдельного изучения).

Цель исследования – выявить закономерности и особенности технологической динамики 18 российских городов в столетней ретроспективе – определила решение трех задач: 1) охарактеризовать сущностные черты и особенности технологического развития российских городов в период 1920–1950 годов (К3 – третий Кондратьев²); 1960–2000-х годов (К4); 2010+ годов (К5); 2) провести классификацию российских городов по типу динамики их перехода от К4 к К5; 3) осуществить сравнения городов-аналогов для выявления факторов, влияющих на скорость технологической эволюции.

Новизна исследования определяется обращением к городам в тематике долговременной технологической динамики. Несмотря на то, что в последние годы авторами был выполнен цикл из шести работ, объединенных общим замыслом исследовать столетнюю технологическую динамику на уровне отдельного региона (Магаданская область), Арктической зоны, Северного морского пути, отдельного предприятия (Архангельский водорослевый комбинат) (Пилясов, Цукерман, 2022а; Пилясов, Цукерман, 2022b; Пилясов, 2023; Пилясов, Котов, 2024; Пилясов, 2024; Пилясов и др., 2025), долгое время было неясно, на какой фактологической основе можно исследовать технологическую эволюцию городов. По каким критериям определять, в какой конкретно фазе четвертого или пятого

Кондратьева находится конкретный город? Потребовалось сформировать специальную исследовательскую методологию, «заточенную» на анализ долговременной технологической динамики городов.

Методология и методы, информационная база исследования

Традиционный подход к анализу технологического развития городов разрабатывается сегодня в мире в русле трех основных направлений. Во-первых, это концепция «умного города», который обретает новую экономическую специализацию на цифровых технологиях искусственного интеллекта, творческом потенциале местных талантов, новой организации городского пространства и системы городского жизнеобеспечения. На эту тему в мире и России опубликованы десятки монографий и сотни статей (Ahad et al., 2020; Albino et al., 2015; Caragliu et al., 2011; Hassankhani et al., 2021; Mora et al., 2021; Nikki, Kim, 2021; Srivastava, Sharifi, 2022; Балахонова, 2023; Афанасьева, Попова, 2022 и т. д.).

Во-вторых, это очень популярные в мире и России рейтинги инновационного развития городов, которые, несмотря на свой явно прикладной характер, стали уже предметом научного исследования как в плане аналитического конструирования, так и с целью сравнения городов-аналогов (например, глобальных, столичных, городов-миллионников и др.) между собой. Например, в России существует рейтинг Высшей школы экономики³ и ежегодный рейтинг цифровой трансформации городов (индекс IQ городов) Минстроя России⁴.

² Третий Кондратьев (К3) понимается в данной статье как период массового строительства на раннеиндустриальных технологиях деревянных и кирпичных многоквартирных домов (МКД), развертывающийся в городах России с начала века (когда возник сам феномен МКД) до конца 1950-х годов. Однако ввиду неточности дореволюционных данных о погодовом вводе МКД реально мы можем его рассматривать лишь с 1920-х годов. Четвертый Кондратьев (К4) понимается нами как эра панельного домостроения, то есть период массового строительства панельного жилья с использованием технологий железобетонных перекрытий и панелей, который развертывался в городах России с 1960-х годов по начало / первые два десятилетия XXI века. Пятый Кондратьев (К5) понимается нами как эра монолитного домостроения, которая опирается на новые технологии заливки бетонной смеси в опалубку непосредственно на строительной площадке и массово развертывается в городах России со второго десятилетия XXI века.

³ Рейтинг инновационной привлекательности мировых городов (2024) / редакторы: Л.М. Гохберг, Е.С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ. 442 с.

⁴ Этот индекс на основании 47 показателей оценивает уровень внедрения интеллектуальных систем и цифровых технологий в различных сферах городского управления.

В-третьих, это немногочисленные работы, посвященные возникновению нового технологического уклада в городах и его влиянию на эволюцию градостроительного пространства, городской среды, управленческих практик и приоритетов экономического развития⁵ (Гавайлер, 2018; Мазаев, 2018).

Ни одно из этих направлений не давало нам возможности сформировать методологическую платформу для задуманного исследования. Поэтому решено было создать собственную теоретическую рамку, специально под данное исследование, из трех компонентов. Первый элемент включает плодотворно развиваемую для уровня стран концепцию длинных волн Кондратьева – Переса – Глазьева (Кондратьев, 1993; Глазьев, 1993; Perez, 2002; Perez, 2010; Lema, Perez, 2024), которую мы в предыдущих работах уже «приземляли» на уровень отдельных предприятий, регионов и Арктической зоны РФ. И, конечно, для уровня городов она может быть конструктивно использована с точки зрения понимания логики долговременной («укладной») технологической эволюции.

Второй блок включает работы экономистов, историков, экономико-географов в духе эволюционной парадигмы: эволюционная экономика, эволюционная экономическая география, социальная эволюция (Nelson, Winter, 1982; Шумпетер, 1982; Коротаев и др., 2009; Boschma, Martin, 2010).

Эти работы, при всем их сюжетном разнообразии, помогают увидеть в столетней ретроспективе не просто городскую историю или развитие, но отражение в нем базовых закономерностей эволюции, как они известны и изучены специалистами по эволюционной биологии и социальной эволюции.

Третий компонент, с точки зрения практической реализации исследования, был самым важным и полностью авторским. Нужно было увидеть жилищное строительство не как традиционно понимаемый социальный феномен удовлетворения базовых потребностей человека, но как технологический феномен, связанный с определенными, присущими каждой исторической эпохе материалами, средствами производства и строительными технологиями. Облик города формируется недвижимостью, важнейшая среди них и общая для всех городов – жилая недвижимость (составляет в большинстве рассматриваемых городов от 50 до 70% и более общих активов городской недвижимости), которая поэтому может служить базой для сравнения очень разных по экономическому профилю городов. Таким образом, важнейшим допущением нашего исследования стало положение о том, что по смене технологии массового строительства многоквартирных домов в городе мы можем судить о его общем технологическом развитии. При всей уязвимости данного положения – недоучет свойственных каждой технологической эпохе специфических для данного города инноваций, например, в цифровизации и цифровом управлении, в конвейерной промышленности и т. д. – это был единственный способ увидеть технологическое развитие города в долговременной столетней ретроспективе.

Основным источником информации по жилой недвижимости городов стала база данных «Реестр домов», которую поддерживает Фонд развития территорий. Это наиболее детализованная и глубокая по времени⁶ база данных о многоквартирных домах на территории Российской Федерации, которая содержит несколько десятков показателей. Среди них для нашего анализа были отобраны десять (табл. 1).

⁵ Технологии для умных городов (2017): доклад / руководитель М.С. Липецкая. Санкт-Петербург: ЦСЗ – Северо-Запад. 113 с.; Гавайлер А.В. (2018). Разработка стратегии развития города в условиях смены технологических укладов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М: МГУ. 24 с.

⁶ Именно по причинам краткосрочного характера имеющихся данных (не более десяти – пятнадцати лет) и их агрегированного характера было невозможно использовать другие базы: Росстата – форма федерального статистического наблюдения Росстата № 1 – жилфонд «Сведения о жилищном фонде»; Минстроя РФ – ЕМИСС (Общая площадь жилых помещений в многоквартирных домах), индикатор 57479; ГИС ЖКХ (Дом. РФ).

**Таблица 1. Структура использованного набора базы данных «Реестр домов»
информационной системы «Реформа ЖКХ»**

Англоязычное название поля в базе данных	Описание поля
<i>id</i>	ID дома на Портале
<i>region_id</i>	Субъект РФ (код ФИАС – федеральной информационной адресной системы)
<i>city_id</i>	Населенный пункт (код ФИАС)
<i>built_year</i>	Год постройки
<i>exploitation_start_year</i>	Год ввода в эксплуатацию
<i>house_type</i>	Тип дома (МКД/спец. фонд и др.)
<i>area_total</i>	Общая площадь дома, всего, кв. м
<i>foundation_type</i>	Тип фундамента (ленточный, свайный, сплошной, комбинированный, сборный, столбчатый)
<i>floor_type</i>	Тип перекрытий (деревянный, железобетонный)
<i>wall_material</i>	Материал несущих стен (кирпичный, деревянный, панельный, монолитный, блочный, железобетонный, смешанный)
Составлено по: https://xn--80adsazqn.xn--p1aee.xn--p1ai/opendata (дата обращения 05.02.2025).	

Ключевые показатели – год постройки (*built_year*) и год ввода в эксплуатацию (*exploitation_start_year*). С ними сопоставляются примененные строительные технологии и материалы. Таким образом, в результате погодного анализа выявляются технологические волны («панельная», «кирпичная», «монолитная») и периоды смены технологических укладов в строительстве городского жилья (*рис. 1*).

Несмотря на то, что по многим городам база данных ежегодного строительства многоквартирных домов начинается еще с XIX века, в итоге решено было ограничиться послереволюционным периодом ввиду явного пропуска данных, перегруженностью 1917 года, к которому часто относили сотни построенных явно раньше домов. В базу не были включены специализированный жилищный фонд и дома блокированной застройки.

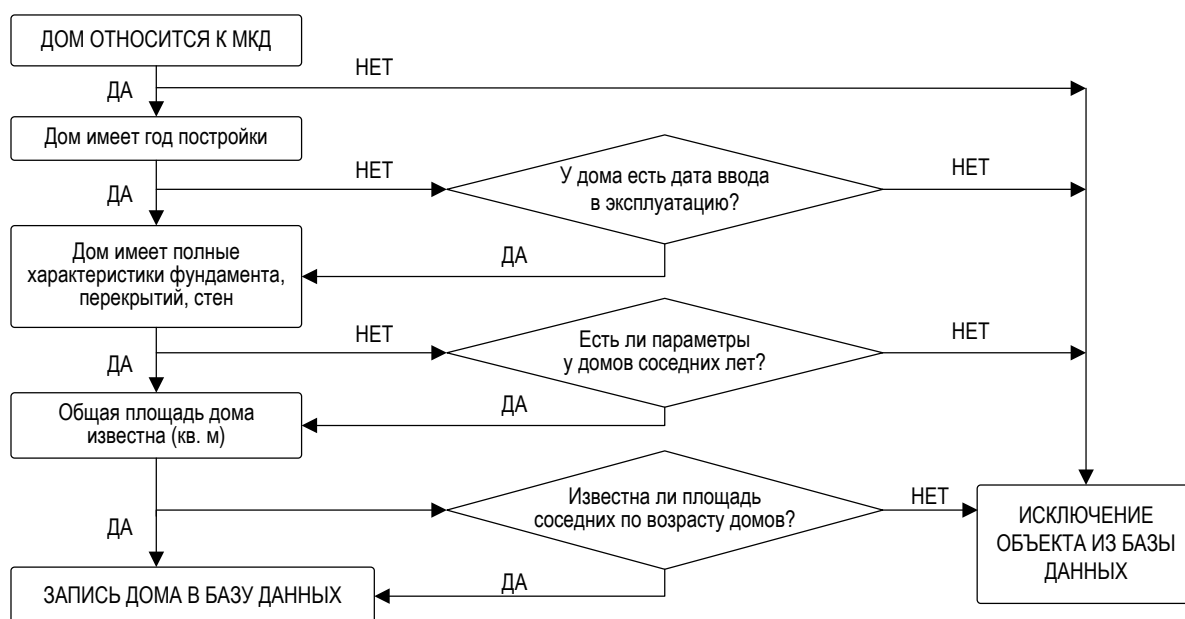

Рис. 1. Алгоритм формирования базы данных многоквартирных домов

Источник: составлено авторами.

В случае наличия всех необходимых параметров, таких как год постройки, полные характеристики материалов стен, перекрытий и фундаментов, а также площадь дома, запись о здании включалась в базу данных напрямую. При неполном соответствии применялись экспертные методы досчета.

В тех случаях, когда отсутствовали данные о дате постройки, использовалась дата ввода здания в эксплуатацию, что в абсолютном большинстве случаев совпадало с указанным годом постройки. Это способствовало вовлечению в анализ дополнительно 3–5% домов.

Для многоквартирных домов, где не указывались строительные материалы, для ликвидации пробелов применялись характеристики аналогичных зданий-соседей/аналогов. Некорректно указанные площади домов, такие как нулевые или незапол-

ненные значения, корректировались также с использованием сравнительного анализа. Таким образом, была обеспечена репрезентативность выборки (табл. 2), которая в среднем достигла не менее 75% от общего числа многоквартирных домов, расположенных в выбранных городах.

Основной упор в самом трудоемком предварительном анализе был сделан на визуализацию данных в виде построения графиков по динамике ввода общей площади деревянных, кирпичных, панельных, блочных, монолитных многоквартирных домов и их доле в общем вводе жилья; динамике среднего размера вводимых деревянных, кирпичных, панельных, блочных, монолитных многоквартирных домов; динамике удельного веса вводимых многоквартирных домов с железобетонными перекрытиями, в % от общей площади вводимых домов;

Таблица 2. Выборка городов, включенных в исследование

Город	Численность населения на 01.01.2024, чел.	Годы анализа	Количество ячеек (домов) с полным описанием: год постройки, общая площадь, тип стен, тип фундамента, тип перекрытий
Более 1 млн чел.			
Новосибирск	1633851	1917–2021	7135
Екатеринбург	1536183	1917–2022	7435
Красноярск	1205473	1917–2020	5201
Нижний Новгород	1204985	1918–2021	6310
Челябинск	1177058	1928–2023	5522
Самара	1158952	1918–2018	6807
Ростов-на-Дону	1140487	1918–2023	4828
Краснодар	1138654	1917–2019	2045
Омск	1104485	1924–2022	6439
Воронеж	1046425	1928–2022	4594
Пермь	1026908	1918–2019	4779
Волгоград	1018898	1929–2021	4830
Выборка 12 из 16 городов России данного размера – 75%			
500 тыс. – 1 млн чел.			
Тюмень	861098	1917–2021	3370
Хабаровск	615570	1925–2021	3376
Иркутск	606369	1918–2021	3779
Владивосток	591628	1919–2019	3151
Выборка 4 из 20 городов России данного размера – 20%			
250–500 тыс. чел.			
Архангельск	296665	1918–2021	3703
Мурманск	266681	1929–2016	2014
Выборка 2 из 42 городов России данного размера – 4,8%			
Составлено по: база данных «Реестр домов».			

динамике структуры ввода общей площади многоквартирных домов по типу стен в абсолютном выражении; динамике структуры ввода общей площади многоквартирных домов по типу стен, в %; динамике структуры ввода общей площади многоквартирных домов по типу фундамента в абсолютном выражении; динамике структуры ввода общей площади многоквартирных домов по типу фундамента, в %. Всего построено $15 \times 18 = 270$ графиков динамики.

Основные результаты

Анализ эволюции технологических укладов в жилищном строительстве российских городов позволяет выделить три волны: третий Кондратьев, основанный на технологиях деревянного и кирпичного строительства многоквартирных домов, который развертывался в 1920–1950-е годы; четвертый Кондратьев, который основан на технологиях массового панельного домостроения, развертывался в 1960–2000-е годы; пятый Кондратьев, который основан на технологиях монолитного строительства многоквартирных домов (и беспрецедентном против прошлых эпох значении малоэтажного, индивидуального жилья, то есть уменьшении значения самого строительства многоквартирных домов), начавшийся в 2010-е+ годы в городах России. Максимальную отчетливость по внутренней фазовой структуре демонстрирует четвертый Кондратьев.

Краткая характеристика черт КЗ цикла (1920–1950-е годы) в развитии российских городов

Говорить о полноценном раскрытии всех фаз третьего Кондратьева в городском жилищном домостроении, деревянном и кирпичном, невозможно, в силу того что сам феномен многоквартирного домостроения, с опорой на индустриальные массовые, а не индивидуальные, кустарные технологии, возник в российских городах только в предреволюционное время. До этого использовались доиндустриальные методы строительства небольших домов из камня, дерева, кирпича, на ленточных и каменных фундаментах, с деревянными перекрытиями.

Вплоть до конца 1950-х годов абсолютные объемы строительства деревянных многоквартирных домов в городах с сильными традициями деревянного домостроения (например, в Архангельске) возрастали, хотя доля деревянного домостроения в общем вводе общей площади многоквартирных домов снижалась и здесь уже с середины 1950-х годов за счет массового ввода кирпичных и блочных жилых домов. Весь период третьего Кондратьева (и раньше, весь XIX век) в городах наблюдалась конкуренция деревянного и кирпичного домостроения. Она проявилась в первые десятилетия XX века и в строительстве многоквартирных жилых домов.

Однако между этими стеновыми материалами есть принципиальное различие. Если кирпич пережил и третий, и четвертый (панельный) и вошел в пятый (монолитный) Кондратьев, то дерево как строительный материал повсеместно стало выклиниваться в жилищном домостроении с приходом четвертого Кондратьева в 1960-е годы. Поэтому именно дерево как строительный материал, абсолютно отзывчивый к смене технологической эпохи, а не «межукладный» кирпич, следует считать маркером этого периода (далее, на рубеже смены веков, дерево снова появится, но уже в индивидуальном, а не многоквартирном жилом строительстве).

Абсолютно в духе постулатов эволюционной биологии, уже после тотального исчезновения дерева как массового материала для строительства многоквартирных домов, в некоторых городах, имевших давние традиции деревянного домостроения, наблюдались его временные возвращения в 1960-е и даже в 1970-е годы – как стенового материала и/или материала межэтажных перекрытий многоквартирных жилых домов.

Города-лидеры – хранители традиций деревянного домостроения – определяются по максимальной в выборке доле общей площади деревянных многоквартирных домов, построенных за период наблюдений в XX веке, в общей площади всех построенных многоквартирных домов. Это Архангельск (доля площади деревянных многоквартирных домов составляет 20%), Иркутск

(3%), Хабаровск (1,5%), Нижний Новгород и Самара (около 1%). В остальных городах нашей выборки доля деревянных многоквартирных домов существенно меньше.

Эра панельного домостроения (К4, 1960–2000+)

Приход панельного домостроения, с которым ассоциируется четвертый кондратьевский цикл, на большинстве графиков динамики (рис. 2а, б) диагностируется практически вертикальной линией – выход от нулевых до максимальных значений за

весь полувековой период был осуществлен в считанные годы практически во всех рассматриваемых городах, хотя и наблюдались существенные различия в деталях протекания этого цикла в российских городах. Основой массового дешевого жилого строительства многоквартирных домов становятся железобетонные панели, которые быстро вытесняют другие строительные материалы и на несколько десятилетий во многих рассматриваемых городах становятся основным способом строительства жилья.

Динамика ввода панельных многоквартирных домов в Омске (1924–2022)

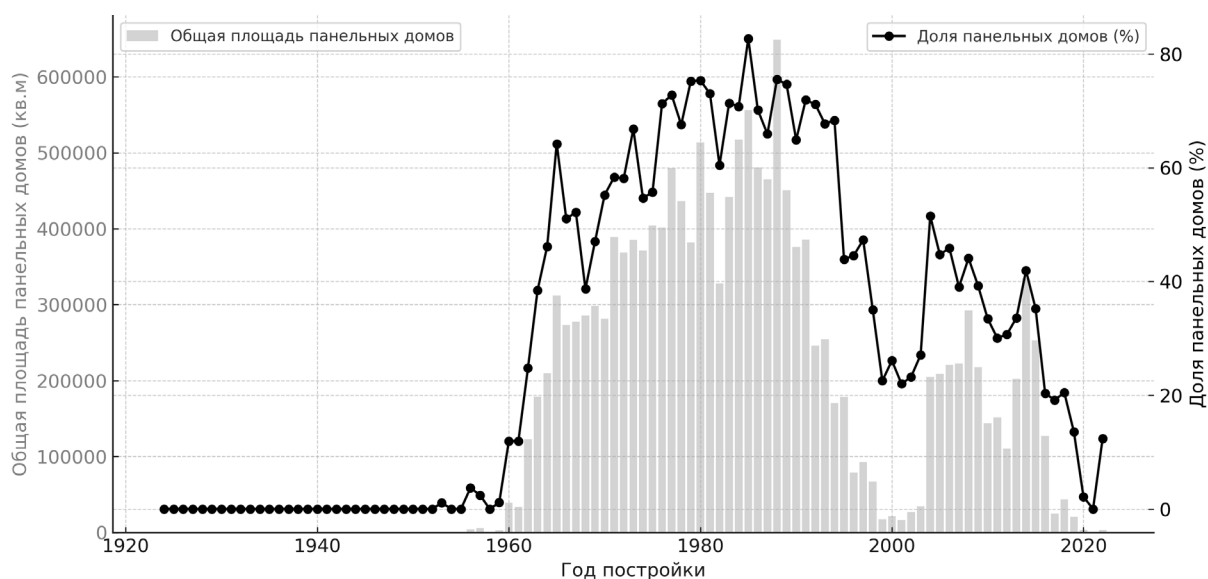

Рис. 2а. Острове́ршинный тип динамики панельного цикла К4

Динамика ввода панельных многоквартирных домов в Иркутске (с 1950-х годов)

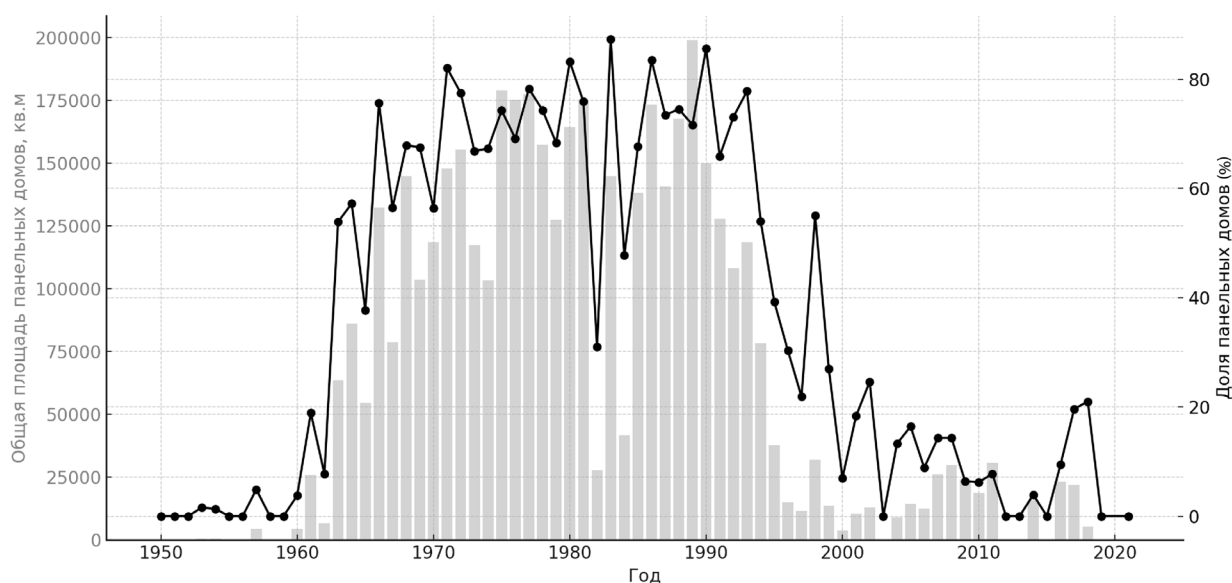

Рис. 2б. Многове́ршинный тип динамики панельного цикла К4

Источник: составлено авторами.

С точки зрения кондратьевского цикла панельный можно назвать «каноническим»: во многих городах длится около полувека, после чего явно идет на спад, четко обособляется на четыре фазы – формирование (первые 8–10 лет), закрепление (последующие 10–12 лет), золотой век (около 15 лет) и кризис (с возможным ренессансом) – около 15 лет, которые пришлись на конец 1990-х – начало нулевых годов.

Полувековой цикл панельного домостроения представлен двумя основными типами динамики: с одним максимальным пиком (см. рис. 2а) или с несколькими сопоставимыми (или равнозначными) пиками советского и российского времени (см. рис. 2б).

Несмотря на «дружное» массовое начало панельного цикла практически в одно время во всех городах нашей выборки, между ними имелись существенные различия в протекании К4, которые можно свести к нескольким моментам. Во-первых, значительно различался момент появления первого панельного дома, как правило, значительно опережавший сам период запуска панельного цикла: более чем на 30 лет в Ростове-на-Дону, где провозвестник будущей массовой панельной застройки появился еще в 1928 году, в Иркутске – в 1931 году; в большинстве городов опережал массовый «выпуск» панельного жилья на 10–12 лет; в Архангельске и Тюмени практически совпадал с началом К4 (табл. 3).

Таблица 3. Различия в разворачивании панельного цикла между городами

Город	Доля панельных МКД общей площади в целом МКД %	Тип динамики по количеству пиков	Появление первого панельного дома, год	Ввод панельных домов 25% общей площади от всех вводимых домов, год	Ввод панельных домов 50% общей площади от всех вводимых домов, год	Средняя доля вводимых панельных домов по площади в общем вводе МКД в последние пять лет, %	Тип динамики
Первая группа							
Мурманск	69	О	1952	1963	1965	более 75	-
Челябинск	62	М	1936	1962	1964	100	++
Красноярск	57	М	1948	1948	1963	19	++
Омск	54	О	1953	1963	1965	10	+
Владивосток	52	О	1937	1962	1967	менее 1	+
Вторая группа							
Архангельск	45	М	1961	1967	1970	19	-
Новосибирск	45	М	1954	1962	1964	16	++
Пермь	42	М	1950	1964	1971	22	+
Хабаровск	41	М	1949	1963	1973	3	+
Иркутск	41	М	1931	1931	1963	17	-
Нижний Новгород	40	М	1950	1965	1969	22	-
Третья группа							
Ростов на Дону	38	О	1928	1947	1947	30	-
Самара	36	О	1942	1961	1962	2	-
Тюмень	35	М	1961	1967	1976	60	+
Воронеж	34	М	1950	1972	1982	22	++
Екатеринбург	34	М	1944	1961	1967	36	-
Волгоград	31	М	1958	1962	1977	менее 3	+
Краснодар	19	М	1950	1962	1978	1	-

Примечание: О – один пик, М – многопиковая структура; + возвращение внутри монолитного строительства; ++ затягивание панельного цикла; - нет ренессанса панельного домостроения.
Источник: составлено авторами.

Во-вторых, значительно различаются по городам годы «насыщения», когда доля панельных домов стала составлять половину в общей площади всех вводимых многоквартирных домов: в половине случаев она была достигнута уже в первое десятилетие начала цикла, но в Воронеже только в 1982 году, в Краснодаре – в 1978 году, в Волгограде – в 1977 году (традиционно ориентированные на кирпичное домостроение города российского Черноземья и юга отставали во внедрении панельной «инновации»).

В-третьих, как уже было отмечено, различался сам тип многодесятилетней динамики панельного цикла: от классического одного пика, после которого наблюдался затяжной спад, до наличия нескольких (двух и более) равноценных пиков советского и российского времени. В-четвертых, в некоторых городах наблюдались яркие случаи ренессанса панельного домостроения – как правило, уже внутри нового «монолитного» цикла – как своеобразные ретрогрессии⁷ (подобно тому, как дерево возвращалось в многоквартирное домостроение внутри панельного цикла в 1960–1970-е годы).

Наконец, в-пятых, существенно различается «след» панельного цикла в общей вековой ретроспективе строительства многоквартирных домов. Доля домов панельного цикла составляет более половины всего жилфонда города в Мурманске, Челябинске, Красноярске, Омске, Владивостоке. Но она существенно скромнее (20–35%) и часто меньше доли кирпичных многоквартирных домов в городах юга России: Краснодаре, Волгограде, Воронеже, Тюмени, Самаре, Ростове-на-Дону.

Панельный железобетон по-разному побеждал дерево и в межэтажных перекрытиях. Обобщая, можно констатировать наличие здесь двух основных типов динамики: 1) стремительное вытеснение деревянных перекрытий в многоквартирных домах с приходом эры панельного домостроения – в первые же годы (рис. 3а); 2) затянутый на десятилетия, вплоть до нулевых годов, период абсолютного утверждения железобетонных перекрытий в многоквартирных домах (как правило, в городах с давними традициями деревянного домостроения; рис. 3б).

Рис. 3а. Стремительное вытеснение деревянных перекрытий железобетонными в начале К4

Источник: составлено авторами.

⁷ Ретрогрессия (от лат. *retrogressio* – движение назад) – это движение, развитие или изменение в обратном направлении, т. е. возврат к более раннему, менее развитому или примитивному состоянию.

Рис. 36. Затянутое замещение деревянных перекрытий железобетонными в конце К4

Источник: составлено авторами.

Города различались временной дистанцией между появлением первого дома с железобетонными перекрытиями и годом, когда все вводимые дома их имели. Однако здесь нужно сделать уточнение, что в случае малого ввода новых многоквартирных домов эти сто процентов могли в последующие годы более значительных объемов ввода многоквартирных домов снова снизиться до 60–75%. В таком случае достижение «потолка» не было устойчивым. Поэтому к годам достижения стопроцентного уровня ранее 1960 года следует относиться как к «лукавым», то есть не свидетельствующим о состоявшемся подлинном переходе от деревянных к железобетонным перекрытиям.

Минимальный разрыв между первым появлением строительной инновации и ее тотальным распространением внутри панельного цикла составляет 25–30 лет, но основная масса городов выборки имеет разрыв в 40–45 лет (табл. 4). Первое появление инновации, характеризующей следующий технологический цикл в многоквартирном домостроении, возникает еще в середине предыдущего цикла и у двух третей городов выборки отстоит от периода ее массового внедрения почти на полвека (а это протяженность самой длинной волны).

Ввиду одновременного массового перехода всех городов выборки к циклу панельного домостроения может возникнуть иллюзия, что и дальнейшее развитие индустриального К4 проходило абсолютно идентично по всем городам разного размера и местоположения. Однако детальное знакомство с ходом этого процесса показывает, что имели место существенные различия между городами по типу динамики (один пик или много, советский пик против российского пика и т. д.) и по роли панельного цикла в целом в вековой ретроспективе многоквартирного домостроения (например, южные города явно отдавали приоритет кирпичному домостроению, которое и доминировало в общей площади всех введенных домов), и по скорости тотального утверждения «панельной» инновации, самой протяженности панельного цикла (50 лет или более, с затягиванием на «лишние» десятилетия). Переход на самый низовой пространственный уровень (от страны и региона к городу) прикладного использования технологической парадигмы полувекowych циклов Кондратьева неизбежно обнаруживает большую вариативность, чем при ее использовании на традиционном страновом уровне.

Таблица 4. Различия между городами по разрыву между первой инновацией и ее массовым укоренением внутри панельного цикла, лет

Город	Год появления первого дома с железобетонными перекрытиями	Год, когда доля площади домов с железобетонными перекрытиями составила 25% всех введенных домов	Год, когда 100% вводимых многоквартирных домов были с железобетонными перекрытиями
Краснодар	1918	1918	1929?
Ростов	1925	1928	1942?
Тюмень	1918	1918	1947?
25–30 лет разницы между 100% вводом домов с железобетонными перекрытиями и годом ввода первого дома			
Мурманск	1937	1938	1962
Челябинск	1928	1930	1963
Волгоград	1932	1946	1965
40–45+ лет разницы			
Владивосток	1919	1919	1960?
Иркутск	1919	1919	1966?
Воронеж	1929	1929	1970
Новосибирск	1929	1929	1970
Омск	1928	1928	1971
Хабаровск	1927	1927	1975
Пермь	1928	1928	1975
Нижний Новгород	1927	1930	1975
Екатеринбург	1935	1952	1978
60+ лет разницы			
Красноярск	1917	1917	1989
Самара	1878	1909	1992
Архангельск	1940	1961	1999
Источник: составлено авторами.			

Феномен межукладного (К3, К4, К5) обволакивающего кирпичного домостроения в технологической эволюции многоквартирного домостроения последнего столетия

Кирпичное домостроение можно назвать «вещью в себе» в том смысле, что оно не ассоциируется полностью ни с одним из рассмотренных нами циклов (К3, К4, К5), но протягивается между ними всеми – присутствует и в деревянном, и в панельном, и в монолитном цикле. В этом смысле кирпич можно уподобить трилобиту⁸ – долгоживущей фауне палеозоя, которая пережила многие другие виды. Кирпичное домостро-

ение проходит через все рассмотренные уклады и выполняет важную связующую роль. Но при этом оно само тоже подчиняется полувековой цикличности: при всем многообразии ситуаций в городах периоды максимальной активности кирпичного домостроения, которые выражаются в пиках его объемов, отстоят друг от друга на расстояние полувека.

Кирпичное домостроение играет замещающую роль в переходный период перед массовым приходом новой, более дешевой, технологии и материалов, связанной с новым технологическим укладом. И как только эта новая технология проявляет себя в

⁸ Трилобиты просуществовали около 270 млн лет, с кембрия и до перми, что значительно дольше, чем, например, динозавры. За это время трилобиты пережили несколько массовых вымираний, адаптировались к различным условиям и эволюционировали в огромное количество видов.

полную силу, кирпичное домостроение тотчас же скукоживается до скромных объемов, чтобы снова прийти на помощь городскому домостроению в период нового кризиса при исчерпании потенциала старого уклада. Кирпичное домостроение как кризисный спасатель *заполняет собой межукладную паузу*, выходя в этот период на пиковые темпы роста и объемы производства. Поэтому пиковые объемы кирпичного домостроения с последующим быстрым спадом являются

верным индикатором того, что налицо приход нового цикла городского жилищного домостроения.

Столетняя ретроспектива кирпичного межукладного домостроения по всей выборке городов позволяет выделить пять типов динамики при доминировании двух пиков, разнесенных на полвека в большинстве типов. Первый тип характеризуется превышением второго российского пика над первым советским (*рис. 4а*).

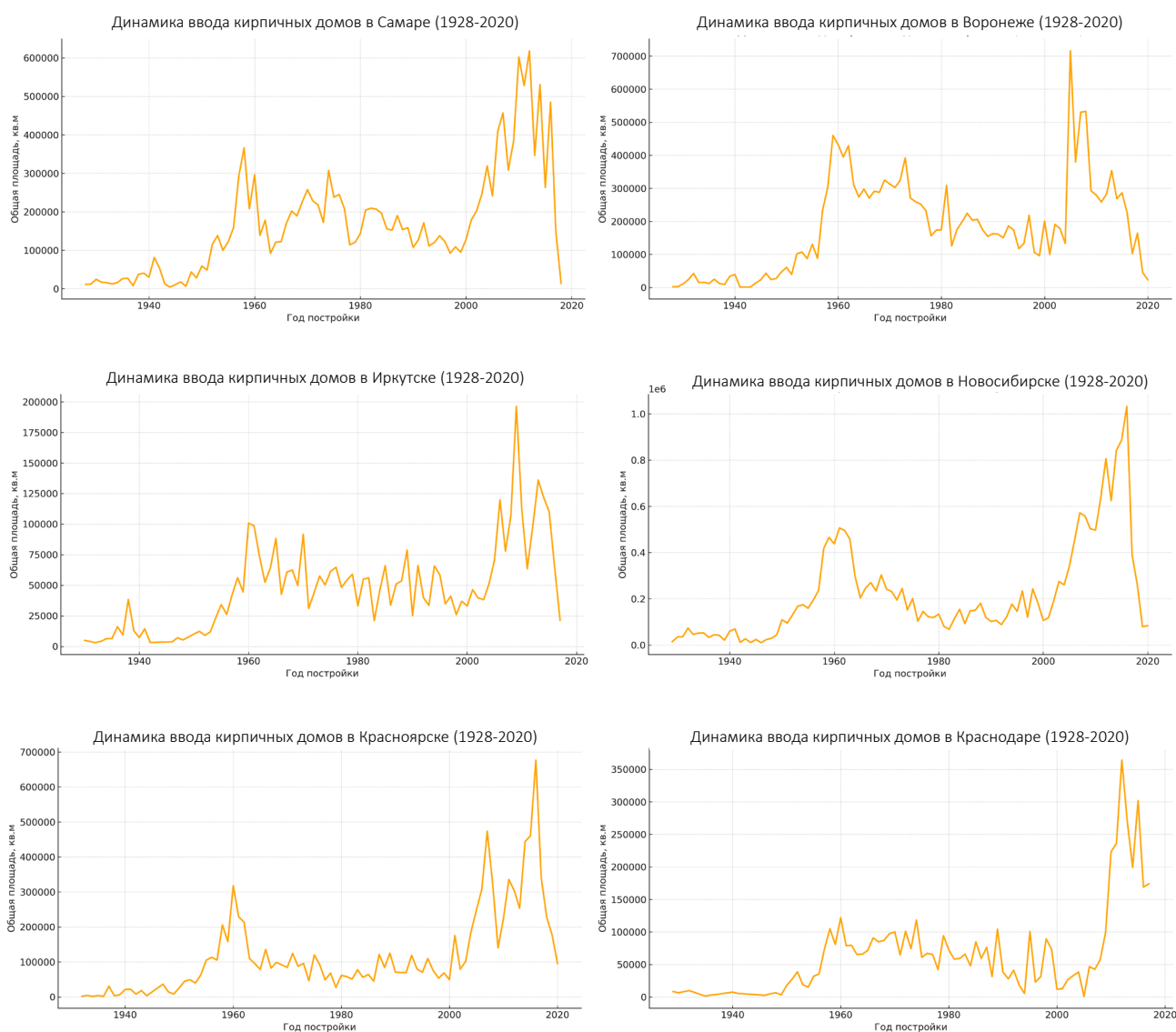

Рис. 4а. Российский пик кирпичного домостроения превосходит советский пик

Источник: составлено авторами.

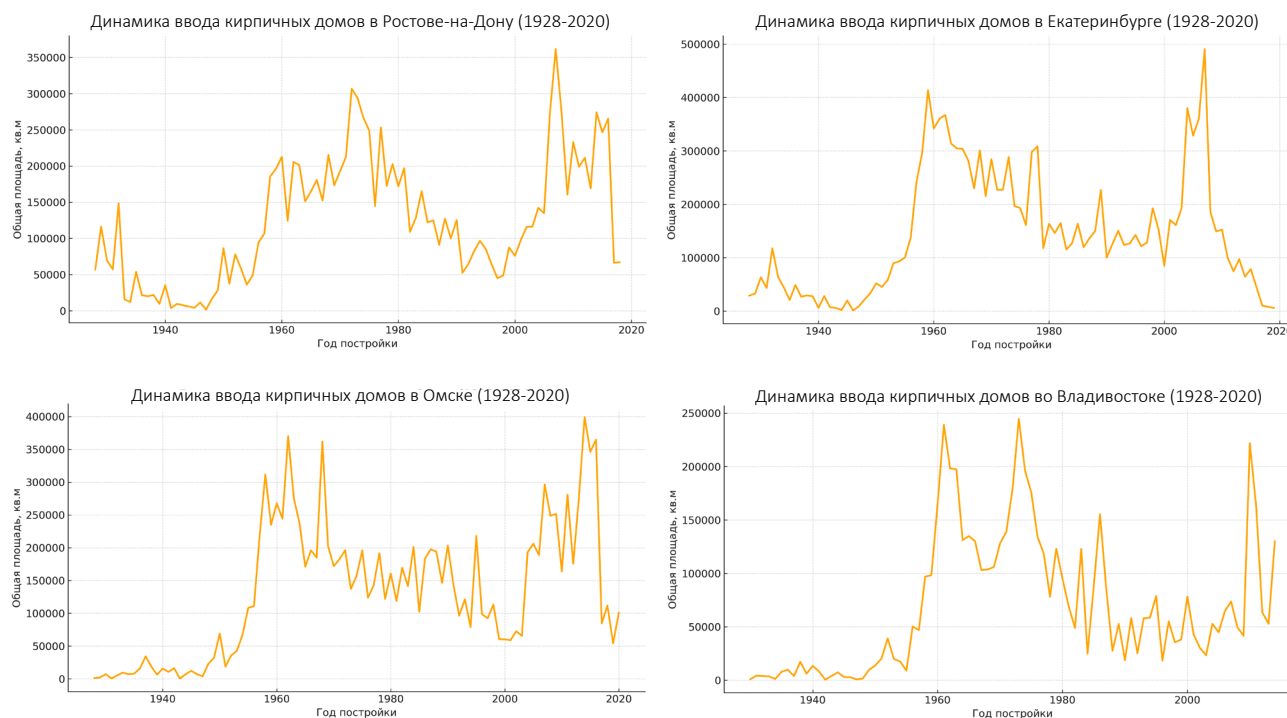

Рис. 46. Российский и советский пики кирпичного домостроения сопоставимы

Источник: составлено авторами.

При этом обязательно нужно помнить, что сам характер кирпичного домостроения в 1960-е и 2000-е годы значительно изменился, что отчетливо отражает изменение среднего размера кирпичного дома в этот период от сотен до тысяч квадратных метров⁹, как следствие увеличения этажности (в 1950–1960-е годы стали массово строить пяти-девятиэтажные дома, ранее двух-трехэтажные, в 1990–2000-е годы – 10-12-этажные кирпичные дома) и новых технологий производства кирпича (вместо прежних тяжелых кирпичей применение пустотелых и силикатных кирпичей для строительства легких прочных стен).

Для второго типа характерна сопоставимость величин первого советского пика и второго российского (рис. 46), для третьего превышение советского пика над российским (рис. 4в), для четвертого наличие одного советского или российского пика (рис. 4г).

Удивительная пластичность межукладного кирпичного домостроения, обусловленная способностью самого кирпича как строительного материала с тысячелетней историей гибко трансформироваться под требования конкретной хозяйственной эпохи, приводит к парадоксальному результату при сравнении агрегатных показателей ежегодного ввода многоквартирных домов. В десяти городах, а это больше половины городов выборки, доля кирпичного домостроения по совокупной общей площади введенных за весь период анализа многоквартирных домов в общей площади всех вводимых многоквартирных домов оказалась выше доли панельных домов (то есть кирпичных домов реально совокупно вводилось больше по общей площади, чем панельных, несмотря на суперактивный цикл панельного домостроения; это можно объяснить только тем, что кирпичные дома вводились

⁹ Для корректности следует сказать, что с нулевых годов рост среднего размера кирпичных домов прекратился или замедлился, потому что массовое жилье стало монолитным или панельным, а кирпич стал использоваться в малоэтажном строительстве, в зданиях меньших размеров.

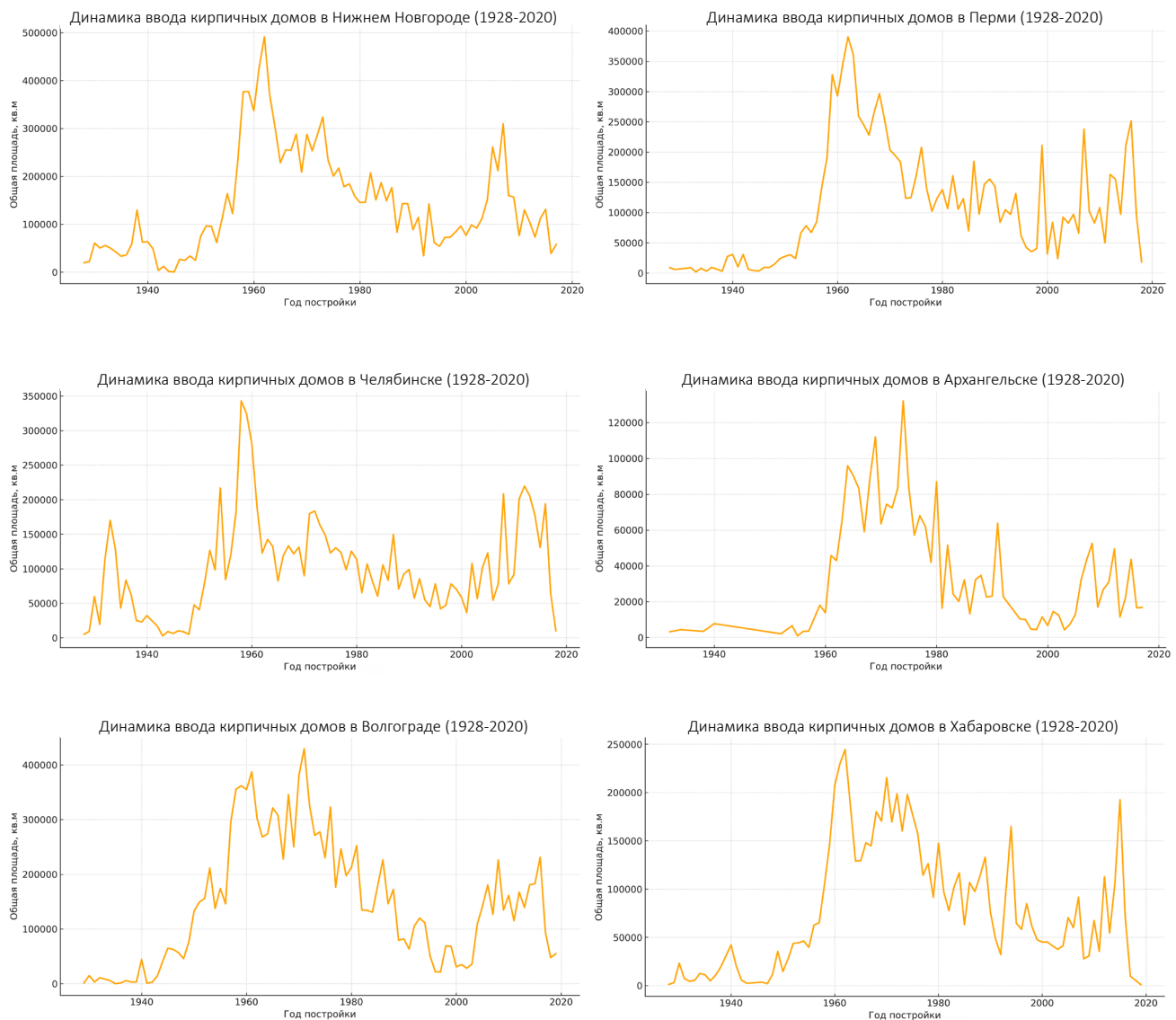

Рис. 4в. Советский пик кирпичного домостроения выше российского
Источник: составлено авторами.

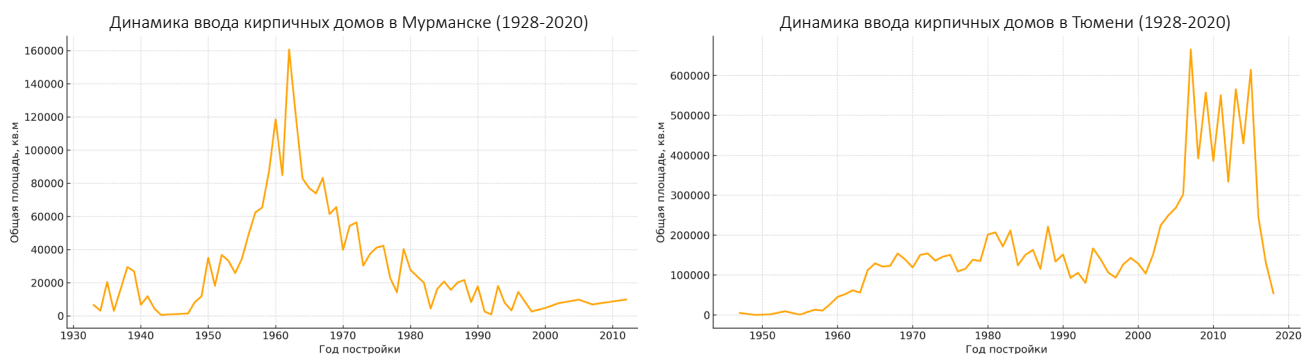

Рис. 4г. Есть только один советский или российский пик кирпичного домостроения
Источник: составлено авторами.

Таблица 5. Удельный вес кирпичных многоквартирных домов по общей площади в общем вводе всех многоквартирных домов, %

Город	Доля кирпичного домостроения в общей площади МКД за период наблюдений (см. табл. 2)
Волгоград	63,4 (панельные 31,4*)
Воронеж	52,4 (панельные 33,8)
Самара	51,0 (панельные 37,3)
Тюмень	50,5 (панельные 35)
Хабаровск	48,9 (панельные 40,7)
Ростов-на-Дону	48,0 (панельные 38,2)
Пермь	47,4 (панельные 42,4)
Новосибирск	47,2 (панельные 45,5)
Нижний Новгород	46,2 (панельные 39,7)
Краснодар	42,6 (панельные 19,3)
Омск	40,5
Иркутск	37,5
Владивосток	36,5
Красноярск	34,9
Архангельск	33,7
Екатеринбург	33,6 (панельные 33,8)
Мурманск	30,0
Челябинск	26,1

*В скобках справочно приводится доля панельных домов, в тех случаях, когда доля кирпичных ее превосходит.
Источник: составлено авторами.

практически весь период, то есть около ста лет, а панельные – в основном на полувековом интервале 1960–2000 годов; табл. 5).

Различия между лидером и замыкающим городом составляют почти два с половиной раза: от абсолютного доминирования кирпичного домостроения в Волгограде, где оно приближается к двум третям общего, до незначительной доли в четверть в оплоте панельного домостроения Челябинска. Это свидетельствует, что наряду с городами, в которых панельный цикл получил доминирующее даже в масштабе целого века значение, существовало еще большее количество городов в выборке, где он был полувековым «эпизодом», который – если рассматривать весь столетний период – не отменил доминанту кирпичного домостроения, массово существовавшего еще в третьем Кондратьеве.

Если межукладное кирпичное домостроение можно назвать «обволакивающим» ввиду его присутствия во всех рассмотренных укладах, во все хозяйственные эпохи, то

межукладное блочное домостроение имеет «вкрапливающий» характер в том смысле, что оно возникает в период необходимости быстро удовлетворить потребность в массовом дешевом жилье (кирпичное – маркер прихода нового уклада, блочное – маркер форс-мажорной гигантской, внезапно возникшей потребности в жилье, например после войны). В пятерке городов с самой высокой долей блочного жилья в общем вводе многоквартирных домов за период анализа – крупные административные и хозяйственные центры: Краснодар (10,2%), Нижний Новгород (10,0), Челябинск (9,5), Екатеринбург (8,3), Самара (4,9).

Начало эры монолитного домостроения (К5, 2010-е+)

Пятый технологический уклад в жилищном строительстве обычно связывают с энергоэффективными технологиями, цифровыми методами проектирования, использованием новых утеплителей, применением смешанных конструкций, беспрецедентным развитием малоэтажного,

коттеджного и индивидуального строительства, проектированием «умных домов» и т. д. Но для нашей задачи проследить вековую технологическую эволюцию строительства многоквартирных домов принципиально увидеть в нем процесс перехода от прежнего панельного домостроения.

Как свидетельствуют графики годового ввода многоквартирных домов в нашей выборке городов России, с 2000-х годов начался массовый переход к строительству монолитных домов, в которых несущие стены заменили железобетонные колонны и ригели. В таких зданиях нагрузка передается точечно на опоры, а не равномерно по всей площади. Поэтому в отличие от прежнего перехода от деревянного цикла к панельному (К3 к К4) переход от панельного к монолитному циклу (К4 к К5) сопровождался радикальным изменением фундаментов многоквартирных домов.

Ленточный фундамент оказался неэффективным, поскольку он рассчитан на распределенную нагрузку, а не на точечные опорные элементы. Строители стали применять технологии свайных фундаментов (особенно для сложных грунтов и многоэтажных домов) и плитных фундаментов (сплошная железобетонная плита).

В течение десятилетий ленточный фундамент¹⁰ эффективно использовался в массовом строительстве пяти-девятиэтажных кирпичных и панельных домов с относительно равномерным распределением нагрузки. Он идеально подходил для устойчивых грунтов, был прост и экономичен в строительстве и обеспечил успешное развертывание панельного цикла в городах с «нормальными» грунтами.

Однако в городах с неустойчивыми, слабыми, водонасыщенными грунтами (глинистыми, торфяными, песчаными) свайный фундамент стал необходимостью уже с 1970-х годов и ранее. В местах с плотными, скальными или суглинистыми грунтами ленточные фундаменты оставались актуальными дольше, вплоть до 2000-х годов, когда мас-

совое развертывание высотного монолитного домостроения вызвало необходимость перехода от ленточных к свайным фундаментам, которые стали сравнительно более доступными за счет появления более дешевых и быстрых методов устройства свай (что способствовало их распространению в городах, где ранее использовались ленточные основания).

В городах с плотной застройкой и ограниченными площадями свайные фундаменты начали применять раньше, поскольку они позволяют строить на менее пригодных / слабых грунтах (глина, плывуны и др.). При освоении городских сейсмически и геотехнически уязвимых участков территорий стали использовать столбчатые фундаменты (бетонные столбы).

Те города, которые раньше были вынуждены в силу природных и экономических условий использовать свайные, столбчатые и плитные фундаменты, при переходе к циклу монолитного домостроения неожиданно обрели преимущество в массовом (многоквартирном) домостроении перед теми городами, которые десятилетиями «деревянного» и панельного цикла использовали более дешевые ленточные фундаменты.

В полном соответствии с теорией эволюции первые монолитные многоквартирные жилые дома появились в российских городах еще в 1930-е годы (табл. 6, рис. 5), однако массовым явлением в городском жилищном строительстве они стали только в нулевые и десятые годы XXI века: то, что было в 1930–1950-е годы экспериментом, стало в начале XXI века стандартом строительства многоквартирных домов.

В городах с сильными «панельными» традициями и местным строительным лобби панельного домостроения переход к монолитному циклу сопровождался многочисленными барьерами, так называемыми когнитивными, политическими и функциональными блокировками (Замятина, Пилясов, 2015). Неудивительно, что они, как свидетельствуют данные табл. 6, еще не достигли

¹⁰ Ленточный фундамент – это железобетонная полоса, заглубленная в грунт и проходящая под всеми несущими стенами здания.

25 и 50-процентной доли монолитных домов в общем вводе многоквартирных домов. При прочих равных условиях переход к монолитному циклу проще осуществлялся в городах

с сильными прежними традициями кирпичного домостроения, где не было «панельного» лобби, которое не оказывало сильного тормозящего воздействия на этот процесс.

Таблица 6. Характеристика начала цикла монолитного домостроения в городах

Город	Появление первого монолитного дома, год	Ввод монолитных домов составляет 25% общего ввода МКД, год	Ввод монолитных домов составляет 50% общего ввода МКД, год	Доля общей площади монолитных домов в общей площади введенных многоквартирных домов за период наблюдения, %
Иркутск	1935	2000	2010	16,8
Владивосток	1936	2009	2012	7,0
Самара	1949	1999	2015	6,2
Ростов на Дону	1950	1995	Не достигнуто	8,8
Мурманск	1959	Не достигнуто	Не достигнуто	0
Архангельск	1959	2014	Не достигнуто	1,2
Нижний Новгород	1959	2009	2018	3,0
Красноярск	1959	2017	Не достигнуто	6,2
Тюмень	1960	2011	2014	12,2
Пермь	1964	2009	2011	6,4
Новосибирск	1971	2009	Не достигнуто	5,8
Волгоград	1980	2011	Не достигнуто	2,6
Омск	1991	2019	2019	1,8
Воронеж	1994	2015	Не достигнуто	6,0
Челябинск	1994	Не достигнуто	Не достигнуто	1,3
Екатеринбург	1998	2006	2012	23,9
Краснодар	2001	2008	2008	28,0
Хабаровск	2002	2007	2008	7,3

Источник: составлено авторами.

Динамика ввода монолитных многоквартирных домов во Владивостоке (1919-2019)

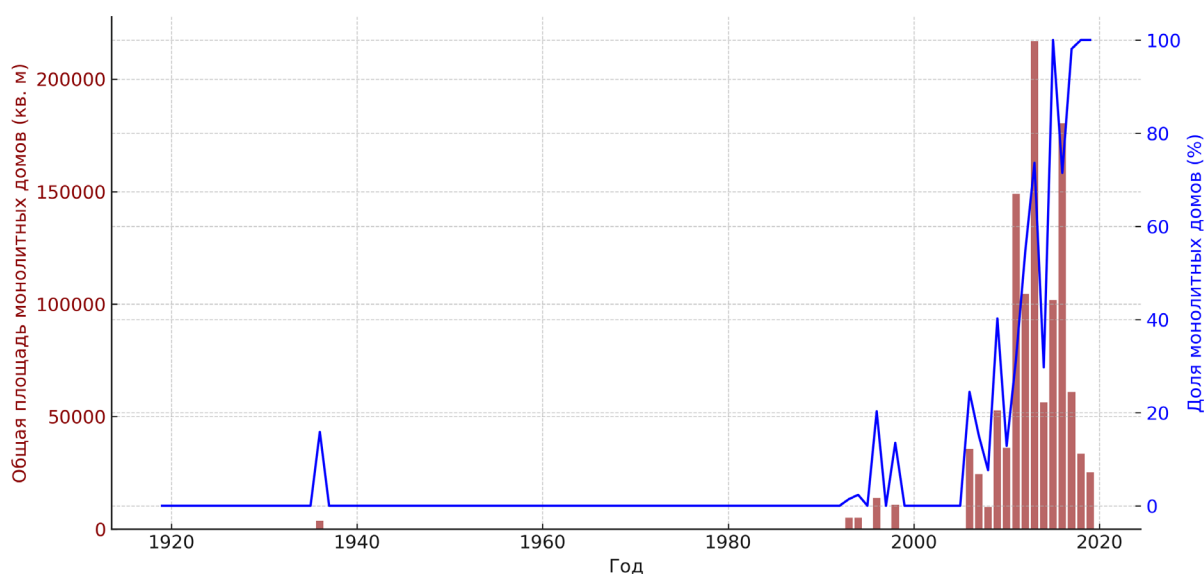

Рис. 5. «Намеки» эволюции в виде первых жилых монолитных домов в 1930-е годы

Источник: составлено авторами.

Стартовые позиции городов в первых фазах монолитного цикла резко неравномерны. Есть явные лидеры – Краснодар (рис. 6) и Екатеринбург, в которых доля общей площади монолитных домов превосходит четверть всей общей площади таких зданий; но есть и явные аутсайдеры технологической гонки в жилищном домостроении, например Мурманск, Челябинск и Омск, которые можно рассматривать в качестве оплота прежнего панельного домостроения, а современная доля монолитных домов в них не превосходит 2%.

Анализ развертывания нового цикла монолитного домостроения на фоне продолжающегося строительства панельного и кирпичного жилья обнаруживает новую методологическую проблему: как расценить «ренессанс» панельного домостроения в первой четверти XXI века во многих российских городах, относящийся к прежнему четвертому циклу, – как инерционное затягивание перехода к циклу монолитного домостроения или как возвращение панельного домостроения внутри уже наступившего монолитного цикла?

Этой проблемы не было в третьем Кондратьеве, который опирался преимущественно на деревянное и кирпичное многоквартирное домостроение одновременно (оба эти стеновых материала в начале XX

века стали ключевыми для строительства многоквартирных жилых домов). Она не существовала и в четвертом Кондратьеве, когда развертывание панельного цикла резко обрушило деревянное домостроение и его «ренессанс» в последующие два десятилетия в стеновых материалах и материалах межэтажных перекрытий был очень скромным по объемам вводимой общей площади и по доле в общем вводе многоквартирных домов. Кирпичное многоквартирное домостроение также резко пошло на спад с внедрением панельного жилья. Кроме того, как мы обнаружили, оно имело межукладный характер, протягиваясь собственным полувековым циклом через циклы деревянного, панельного и монолитного домостроения (см. рис. 4).

Но с приходом монолитного цикла панельное домостроение во многих городах после короткого кризиса начала нулевых годов резко пошло вверх и по объемам и по доле в общем вводе площади многоквартирных домов. Как расценить этот неожиданный феномен?

Для диагностирования ситуации предлагаем использовать одновременно три критерия: 1) объемы ввода общей площади панельного жилья в сравнении с каноническим периодом полного развертывания панельного цикла 1960–2000-х годов: если

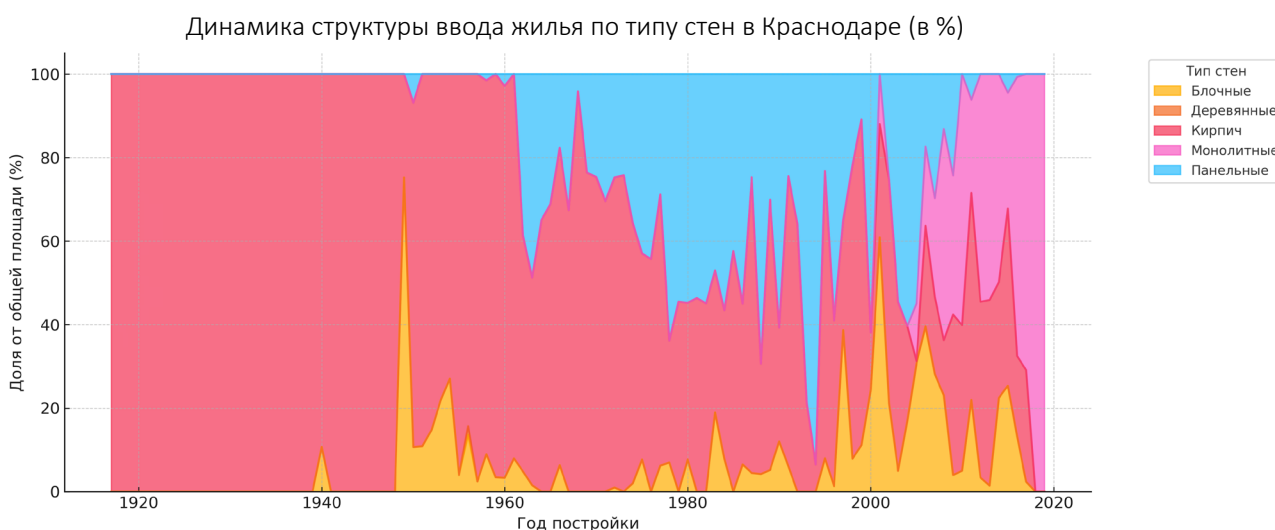

Рис. 6. Краснодар как лидер первых фаз цикла монолитного домостроения (прежнее доминирование кирпичного домостроения этому способствует)

Источник: составлено авторами.

они повторяют или превосходят абсолютные объемы советского времени, то это может быть необходимым (но недостаточным) условием, чтобы отнести новый рост производства панельного жилья начала XXI века к «затягиванию» панельного цикла; 2) динамика доли панельного жилья во вводе общей площади всех многоквартирных домов: если эти объемы за период десятых годов, после «официального» завершения панельного цикла, несколько раз были равны или превышали 50%, то речь идет о явном затягивании панельного цикла; 3) доля монолитного жилья – если она никогда в десятые годы не достигала 50% (см. табл. 6), то речь должна идти о затягивании панельного цикла, а не о наступлении нового монолитного.

После использования всех трех критериев у нас появляется инструмент разграничения эффектов затягивания панельного цикла и эффектов возвращения (ренессанса) панельного домостроения внутри первой фазы монолитного цикла (K5.1): Челябинск, Красноярск, Новосибирск, Воронеж – эффекты затягивания панельного цикла в первую четверть XXI века; Омск и Тюмень – ренессанс панельного домостроения внутри уже наступившего монолитного цикла. На рис. 7 отчетливо видно различие профилей

панельного домостроения в XXI веке городов с эффектом затягивания и эффектом возвращения – Красноярск и Тюмени.

Еще более трудно решаемая методологическая проблема возникает при оценке природы блочного домостроения в первой четверти XXI века. Современные блочные дома могут рассматриваться как развитие линии панельного домостроения при сохранении базовых черт четвертого технологического уклада в многоквартирном домостроении (заводское изготовление элементов и их сборка на месте). Если же новые блочные технологии сопровождаются улучшением качества сборки, более сложными архитектурными решениями и повышенной энергоэффективностью, их можно рассматривать как переходную версию к новому монолитному этапу.

К сожалению, показатели нашей базы данных (см. табл. 1, рис. 1) не предоставляют возможности четко разграничить природу нового блочного домостроения XXI века на первый и второй тип. Такие же проблемы возникают с железобетонными стенами: если они сделаны из сборных панелей, то относятся к K4, если они монолитные, то к K5. Здесь также возможности базы данных не позволяют диагностировать конкретный тип ситуации.

а) Проявление эффекта затягивания цикла панельного домостроения

б) Проявление эффекта возвращения панельного домостроения внутри первой фазы монолитного цикла

Рис. 7. Различия профилей динамики панельного домостроения в городах с эффектом а) затягивания (Красноярск) и б) возвращения (Тюмень)

Источник: составлено авторами.

Можно сделать вывод, что переход к монолитному циклу в многоквартирном домостроении поднимает новые важные методологические проблемы, связанные с нарастанием разнообразия «стеновых» модификаций многоквартирных домов, в том числе гибридных по применяемым материалам (например, каркасно-монолитные), которые традиционная классификация (деревянные, кирпичные, блочные, панельные, монолитные) просто не ухватывает. Кроме того, нарастает доля не многоквартирных, а коттеджных, малоэтажных, индивидуальных жилых домов, то есть снижаются сама доля и значение (в некоторых городах очень значительно) многоквартирного домостроения.

Три типа городов с точки зрения перехода к К5

Имеющиеся у нас данные по выборке из 18 городов позволяют в духе концепции длинных волн Кондратьева – Перес – Глазьева диагностировать конкретную фазу (К5.1 внедрение, К5.2 «агрессия», К4.3 синергия, К4.4 зрелость) четвертого панельного или пятого монолитного цикла, в ко-

торой находится сейчас каждый город. Для типологии городов мы использовали пять показателей, полученных на основании визуального и количественного анализа индикаторов погодовой динамики ввода общей площади многоквартирных домов по типам стен, фундаментов в столетней ретроспективе.

1. Объемы монолитного домостроения и средняя их доля в последние 30 лет в общем за весь период наблюдения вводе общей площади многоквартирных домов. Переход к монолитному домостроению свидетельствует о качественном технологическом сдвиге. Монолитные конструкции обладают большей гибкостью в проектировании, лучшей теплоизоляцией, энергоэффективностью, а также возможностью увеличения этажности. Это совпадает с общими трендами пятого технологического уклада, который базируется на новых строительных материалах, автоматизированных технологиях и цифровом проектировании.

2. Наблюдались ли радикальные подвижки в структуре фундаментов в нулевые годы? Города-лидеры нового технологического уклада в жилищном домостроении от-

личает быстрое выклинивание ленточных и наращивание свайных, сплошных фундаментов, бетонных столбов в последние два-три десятилетия в связи с переходом к монолитному домостроению и новым технологиям многоэтажного строительства (выше традиционных девяти этажей). У городов с более инерционным развитием отмечается сохранение доминирования ленточных при постепенном добавлении доли свайных, сплошных фундаментов и бетонных столбов. Для некоторых городов характерно вынужденное неустойчивыми грунтами выклинивание ленточных фундаментов и их замещение свайными еще в советское время.

3. Сопоставление объемов первого советского и второго российского пика общего ввода общей площади. Соотношение первого и второго пика обозначает, когда именно «выстрелила» технология домостроения на подлинную массовость в городе – в К4 или в К5. Если второй российский пик выше и если источником этого пика является уже не панельное, а монолитное и кирпичное домостроение (что сопровождается изменением видов фундаментов), тогда речь идет о радикальном технологическом сдвиге, а не инерционной модернизации.

4. Сопоставление первого и второго пика кирпичного домостроения. У городов – лидеров технологического перехода ожидаемо российский пик значительно выше советского. У середнячков советский пик выше или сопоставим с российским. А у аутсайдеров технологической гонки советский пик значительно выше российского.

5. Был ли ренессанс панельного домостроения в нулевые годы XXI века? Ренессанс панельного домостроения с разграничением эффектов затягивания и эффектов возвращения позволяет определить лидеров перехода к новому укладу (в них наблюдается возвращение панелек внутри монолитного цикла) и города-аутсайдеры (у них доминирует эффект затягивания). Для более отчетливого понимания конкретной фазы К4 и К5 города требуется привлечение дополнительных сведений об основных застройщиках, их организационной форме и структуре собственности, информации об экономических и организационных факторах, влияющих на скорость технологической эволюции в городском домостроении. Поэтому наша типология (табл. 7) носит общий, предварительный характер по состоянию на начало 2020-х годов, по которому имелись последние данные.

Таблица 7. Типология городов с точки зрения активности перехода к новому технологическому укладу в многоквартирном домостроении

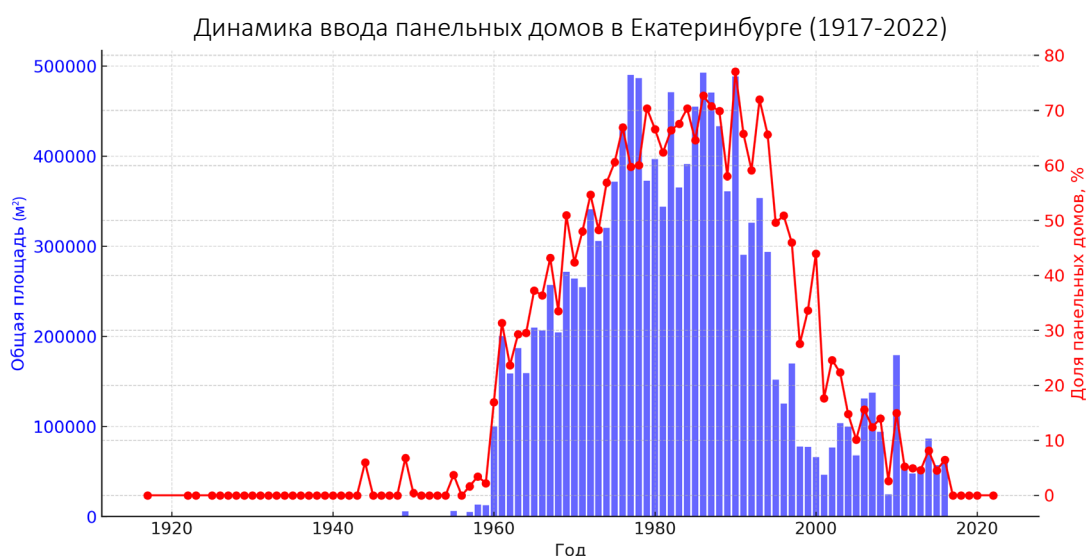
Тип	Список городов	Фаза	Описание
Первая группа	Краснодар Екатеринбург Иркутск Тюмень	К 5.1.–5.2. Внедрение и агрессия монолитного домостроения	Лидеры технологического развития, российский пик ежегодного ввода многоквартирных домов значительно выше советского за счет монолитного и кирпичного домостроения
Поляризованная картина, переходная от типа 1 к типу 2	Ростов-на-Дону Хабаровск Владивосток	К 5.1. Внедрение монолитного домостроения	Активное внедрение монолитного, кирпичного домостроения
Вторая группа	Пермь Красноярск Самара Воронеж Новосибирск	К 4.4–5.1. Насыщение панельного и начало внедрения монолитного домостроения	Российский пик сопоставим с советским. Возвращение существенных объемов панельного домостроения (сильные традиции индустриального домостроения) внутри начинающего разворачиваться монолитного домостроения
Третья группа	Нижний Новгород Волгоград Омск Челябинск Архангельск Мурманск	К 4.4. Насыщение панельного домостроения	Советский пик выше российского. Затягивание панельного домостроения в XXI веке при полном отсутствии или мизерной доле (менее 3%) монолитного домостроения

Источник: составлено авторами.

Рассмотрим более детально пример уральских городов Екатеринбурга, Перми и Челябинска, интересный тем, что каждый из них попадает в свой характерный тип нашей классификации – первый, второй и третий. Екатеринбург отчетливо обозначает временные границы прошлого цикла панельного домостроения – с 1958 по 2015 год, то есть около 65 лет, с полным выклиниванием в конце (рис. 8). На примере графика динамики среднего размера панельного дома видны четыре фазы К4 панельной волны: К4.1 – внедрение (1958–1965); К4.2 – агрессия (1966–1979); переходный период

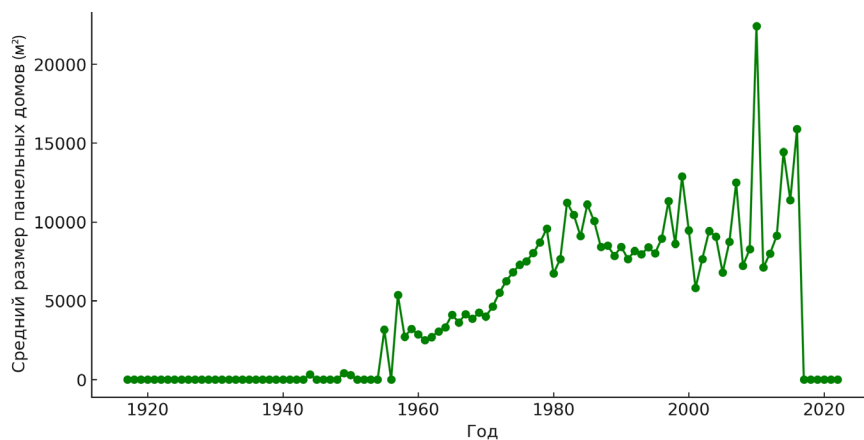
(1980–1987); К4.3 – золотой век (1987–2000); К4.4 – истощение (2000–2016), т. е. резкий обрыв по доле и потом в объемах ежегодного ввода многоквартирной панельной общей площади.

Первый монолитный дом в Екатеринбурге был введен еще в 1959 году. В 1980-е годы началось активное экспериментирование с монолитным домостроением, с 2000 по 2018 год – непрерывный ввод с ростом. В отдельные годы монолитные дома составляли до 100% в общем вводе многоквартирных домов. С 2000 по 2018 год рос средний размер монолитного дома, до 25000 м².

а) Динамика ввода панельных домов по общей площади, м²

Динамика среднего размера вводимых панельных домов в Екатеринбурге (1917–2022)

б) Динамика среднего размера панельного дома, м²

Рис. 8. Цикл панельного домостроения в Екатеринбурге: а) динамика ввода общей площади панельных домов; б) динамика среднего размера панельного дома

Источник: составлено авторами.

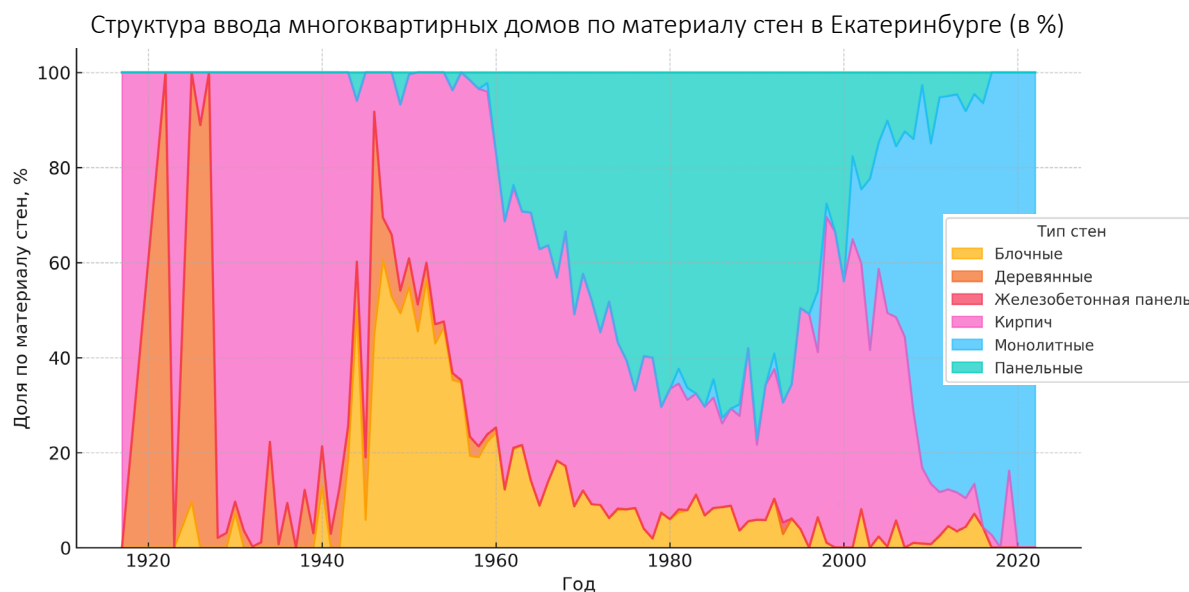

Рис. 9. Цикл монолитного домостроения в Екатеринбурге

Источник: составлено авторами.

Екатеринбург далеко продвинулся в цикле монолитного домостроения (рис. 9). Вероятно, он находится во второй фазе цикла – агрессивное инвестирование, в терминологии К. Перес. Фактор столичности обеспечил городу значительные инвестиционные ресурсы для динамичного перехода от панельного к монолитному циклу.

С 2000 года здесь начинается выкликивание ленточного фундамента в пользу свайного и сплошного. Город перешел на свайные грунты и бетонные столбы от ленточных позже многих других крупных городов, однако за счет масштабных объемов нового строительства в первой четверти XXI века быстро преодолел это отставание.

Особенностью Екатеринбурга является исторически значительная (и большая, чем в других уральских городах) роль блочного домостроения, что объясняется следующими причинами: 1) в период индустриального роста необходимость быстрого жилищного обустройства тысяч работников новых заводов и фабрик объясняет обращение к быстрым решениям в жилищном строительстве, что было обеспечено блочным домостроением (в Екатеринбурге работали крупные домостроительные комбинаты,

поставлявшие блоки и панели для массового строительства); 2) Екатеринбург расположен в климатической зоне с продолжительными зимами, и использование блочных конструкций позволило быстро возводить здания, сокращая сроки строительства в холодный период.

Пермь очевидно отстает от Екатеринбурга в движении по монолитному циклу не только по объемам ввода (она и меньше), но и по структуре – в Екатеринбурге больше доля ввода монолитных домов, быстрее избавляются от панельного домостроения. Но Пермь и в деревянном и кирпичном цикле повторяла Екатеринбург с небольшой задержкой.

Видимо, ее фаза К5.1 – внедренческая. Доля монолитного жилья во вводе общей площади многоквартирных домов в последние два десятилетия колебалась от 20 до 80 в отдельные годы. После экспериментов с монолитами в 1960–1990-е годы с 2008 по 2018 год развернулось активное строительство монолитного жилья. Здесь градостроительная политика не была столь определена, как в Екатеринбурге, ориентирована на массовую застройку блочными домами (рис. 10).

Динамика структуры ввода многоквартирных домов по типу стен в Перми (1917-2022)

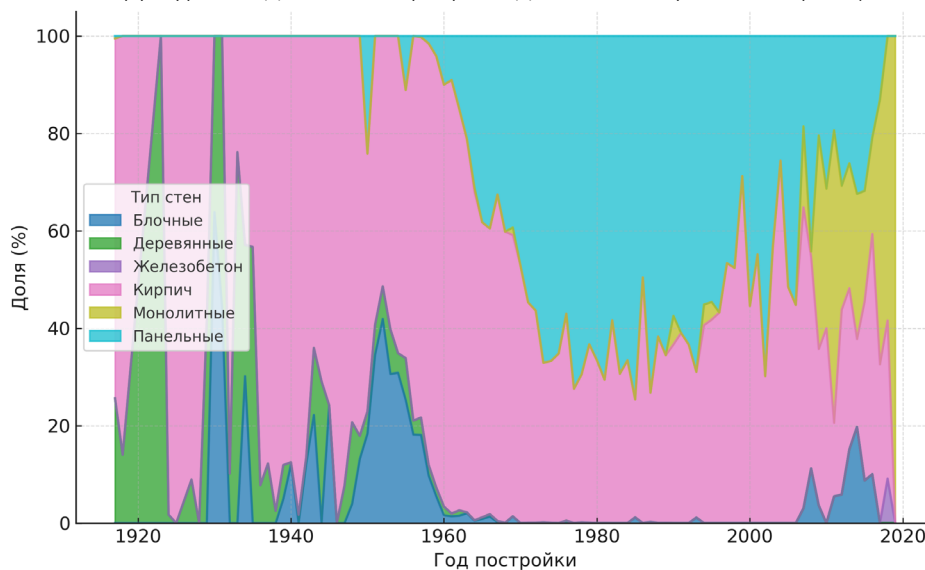

Рис. 10. Специфика Перми: скромные объемы ввода монолитного жилья, традиции кирпичного домостроения, выклинивание панельного жилья во вводе общей площади в последние годы, скромная доля строительства блочного жилья

Источник: составлено авторами.

Пермь расположена в более влажном климате, с более сложными грунтовыми условиями, чем Екатеринбург, поэтому она

раньше, еще в 1970-е годы, отказалась от ленточных фундаментов и перешла на свайные (рис. 11).

Структура ввода жилья в Перми по типу фундамента (в %)

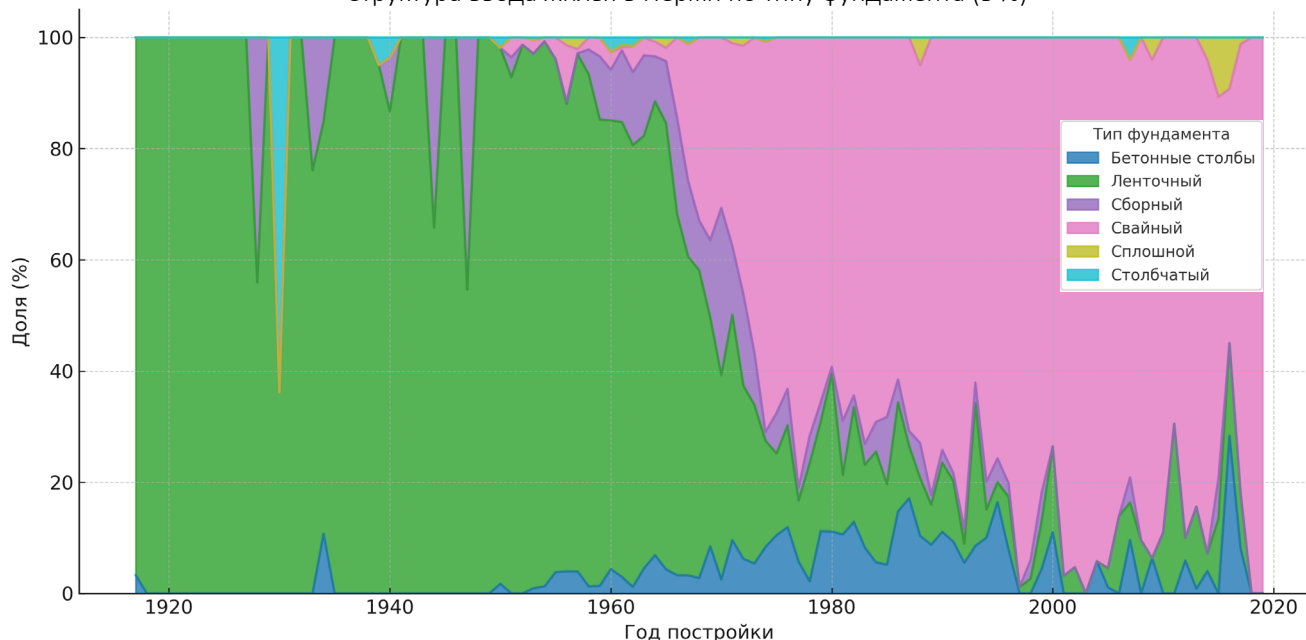

Рис. 11. Раннее выклинивание ленточных фундаментов в Перми – результат сложных грунтовых условий для многоэтажного жилого строительства

Источник: составлено авторами.

Челябинск – российский оплот панельного домостроения – до сих пор находится в последней фазе четвертого цикла, с явными эффектами его затягивания (рис. 12). Весь период 1960–2020 годов характеризуется безусловным доминированием панельного домостроения и по объемам ввода и по

его доле в общем вводе многоквартирных домов в городе. Доля монолитного домостроения составляет менее 10% в последние годы. С большим опозданием против других городов лишь с нулевых годов здесь начался переход от ленточных к свайным фундаментам (рис. 13).

Динамика доли ввода панельных домов в Челябинске (1957–2023)

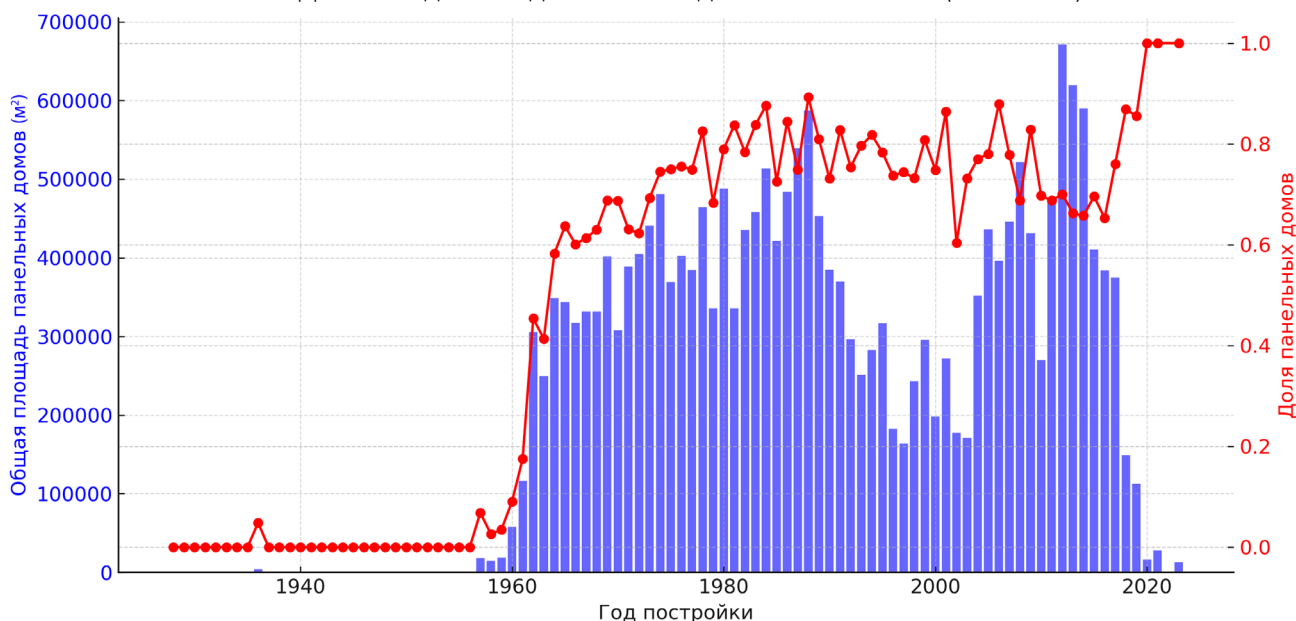

Рис. 12. Затягивание панельного цикла в Челябинске

Источник: составлено авторами.

Структура ввода жилья по типу фундамента в Челябинске (в %)

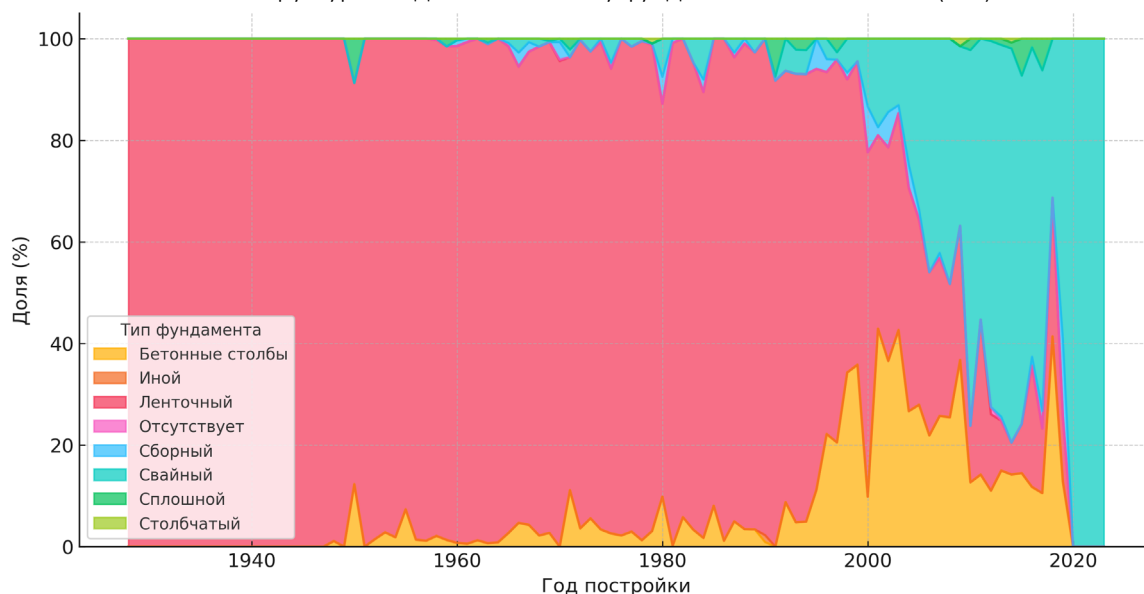

Рис. 13. Поздний, задержанный переход жилищного домостроения Челябинска от ленточных к свайным фундаментам

Источник: составлено авторами.

Гипериндустриальность Челябинска по сравнению с административным центром Екатеринбургом и более разнообразной по структуре экономики Пермью определила «пересиживание» города на панельном цикле. При этом средний размер панельного дома снижается с 1990-х годов за счет перехода к строительству новых, более комфортных и энергоэффективных, массовых серий. По сравнению с двумя другими уральскими городами Челябинск имеет наиболее компактные панельные дома. Аналогичные тенденции можно обнаружить и в кирпичном домостроении: самые крупные кирпичные дома характерны для Екатеринбурга, наименьшие среди трех уральских городов для Челябинска.

Административный статус и инвестиционные возможности уральской столицы определили форвардные позиции Екатеринбурга в технологической эволюции. Экономическое разнообразие и богатые доиндустриальные (культурные и другие) традиции Перми позволили городу сравнительно быстро преодолеть доминирование индустриального панельного домостроения и выйти в первую фазу монолитного цикла. С другой стороны, существенная индустриальная «монопрофильность» Челябинска определила его длительное «пересиживание» на завершающей фазе цикла панельного домостроения.

Факторы технологической динамики: сравнение городов-аналогов

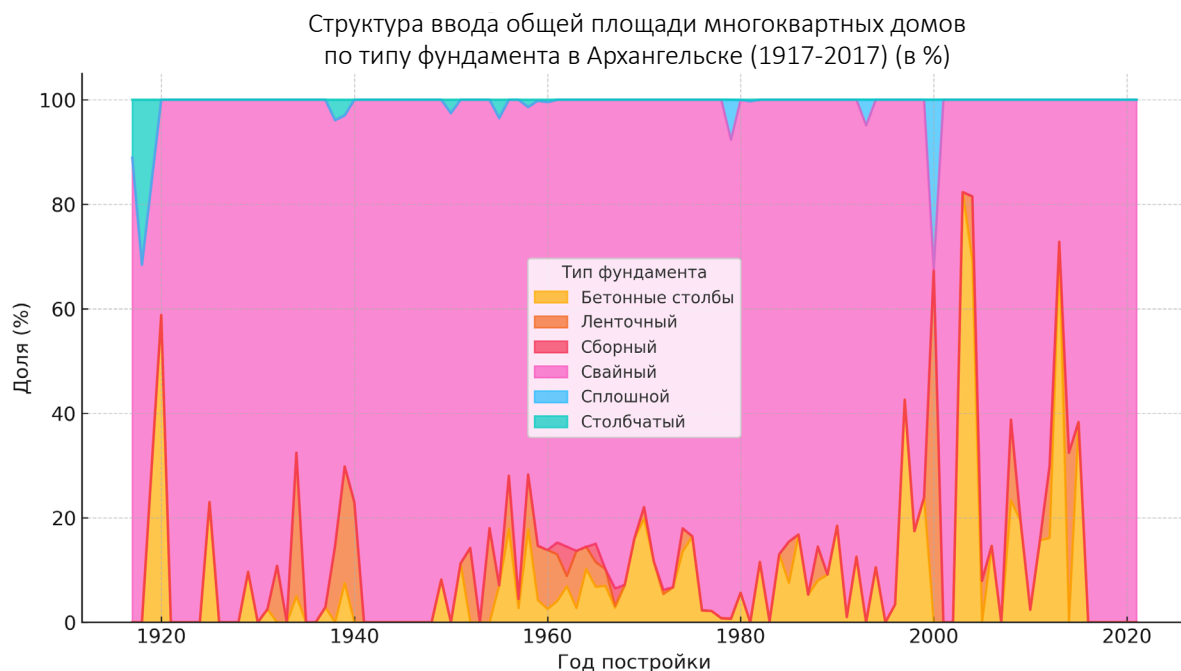
Для выявления различных факторов (природных, исторических, экономических и институциональных/организационных), влияющих на скорость технологической эволюции изучаемых городов, использовался метод сравнительного анализа городов-аналогов. Что удалось обнаружить?

Исторически сложившиеся и естественно обусловленные обстоятельства развития

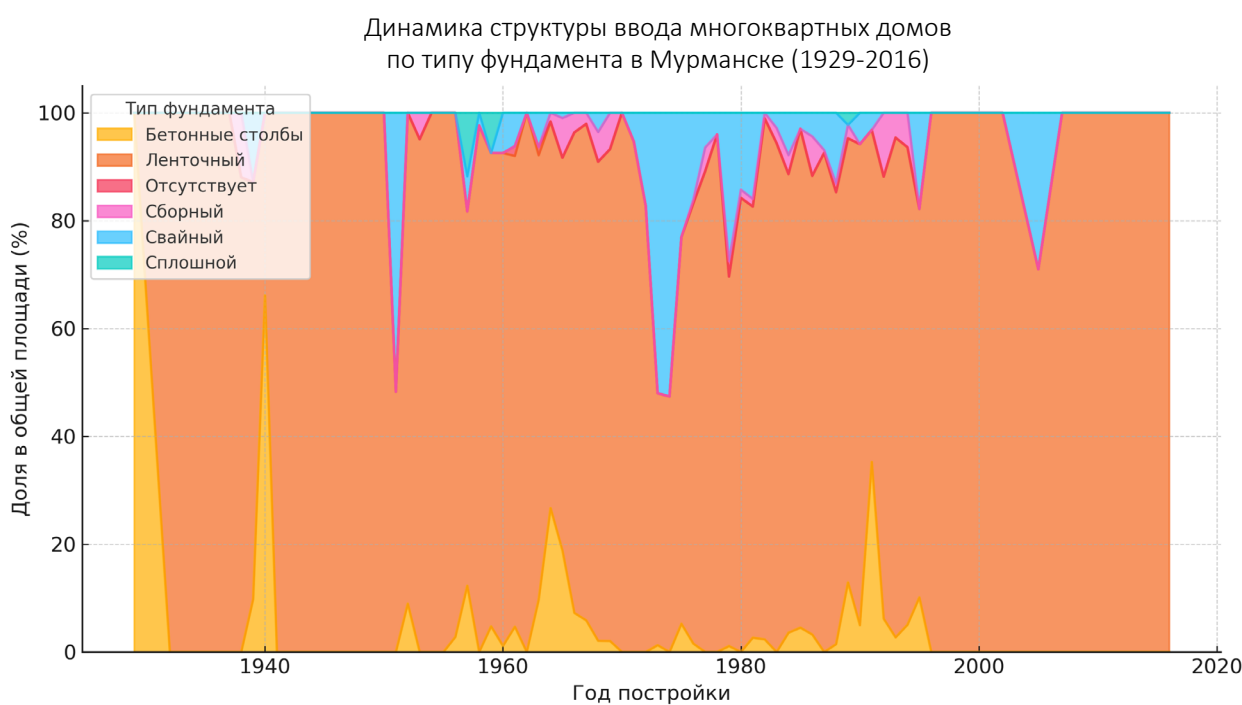
многоквартирного домостроения способны в одном случае работать на ускорение его технологической трансформации, а в другом – на торможение. В технологической динамике они играют двойственную роль, что подтверждает сравнение двух арктических городов сопоставимого размера – Архангельска и Мурманска.

Историческое, еще со времен деревянного домостроения, доминирование свайных, а не ленточных, как в Мурманске, фундаментов, которые органичны для монолитного домостроения, стало фактором раннего перехода к высотному многоквартирному строительству. В Архангельске распространены «слабые» (болотистые, торфяные и водонасыщенные) почвы, что делает свайный фундамент более надежным и более экономически выгодным решением. Поэтому для быстрого перехода к первой фазе монолитного цикла у Архангельска были преимущества давно сформированной «исторической колеи», рожденные из недостатков и естественных ограничений местных грунтов.

С другой стороны, унаследованная монополия ленточных фундаментов на «сильных» грунтах в Мурманске оказалась тормозом перехода к многоквартирному строительству на новых технологиях (рис. 14). В Мурманске преобладают скальные и каменистые грунты, которые обладают высокой несущей способностью, поэтому ленточные фундаменты здесь были более практичными и экономичными. Устройство же свайного фундамента в скальных грунтах требует значительных затрат, так как сваи приходится забивать или бурить в твердую породу. Неудивительно, что на всем протяжении панельного цикла средний размер панельного (как и кирпичного) дома в Мурманске был меньше, чем в Архангельске, в силу невозможности строить многоэтажные дома на доминирующих здесь ленточных фундаментах.

а) Архангельск – доминирование свайных фундаментов

б) Мурманск – доминирование ленточных фундаментов

Рис. 14. Различия «зависимости от пути»

Примечание: в случае Архангельска историческое доминирование свайных фундаментов помогает перейти к многоэтажному монолитному домостроению (рис. 14а), в случае Мурманска историческое доминирование ленточных фундаментов затягивает панельный цикл среднеэтажного (пять-девять этажей) домостроения (рис. 14б).

Источник: составлено авторами.

Неверно считать, что лидеры прежней технологической эпохи автоматически получают «козыри» при переходе на новый технологический уклад. Наоборот, отставшие при смене укладов, не имея груза прежней зависимости, получают шанс вырваться вперед – но только при мощном инвестиционном обеспечении. Сопоставление технологической динамики в многоквартирном домостроении Краснодара и Ростова-на-Дону отчетливо демонстрирует, что города, отставшие в панельном цикле К4, могут и часто становятся лидерами в монолитном цикле К5.

В Краснодаре исторически не было абсолютной монополии панельного домостроения – доля кирпичного в общем вводе общей площади многоквартирных жилых домов часто составляла 50+% (кирпич, как и индивидуальное жилое строительство, здесь эффективно конкурировал с панельным домостроением). Это неудивительно, так как Краснодар долгое время развивался как аграрный и рекреационный город с малоэтажной застройкой, в то время как Ростов-на-Дону был крупным промышленным и транспортным центром. В городе активно развивались машиностроение, металлургия и строительная индустрия, что позволяло использовать самые передовые методы панельного строительства.

Но то, что было преимуществом в «панельную» эру, стало недостатком в эру монолитного многоквартирного домостроения, и наоборот, более низкая планка развития панельного домостроения в Краснодаре, чем в Ростове, неожиданно «сыграла в плюс» для быстрого перехода к новому монолитному циклу. С нулевых годов в Краснодаре начался активный (практически пятикратный за короткий период) рост строительства многоэтажных жилых комплексов, прежде всего монолитных, но также кирпичных и блочных. С другой стороны, в Ростове-на-Дону, несмотря на более ранний старт строительства первых монолитных домов, до сих пор сохраняются значительные объемы панельного домостроения.

Необходимо разграничивать «ближние» (25–50 лет) и «дальние» (50–75 лет) во времени традиции, которые имеют для успеха технологической модернизации разное значение. Ближние традиции – это фактор инерционной консервации прежнего уклада и тормоз технологической модернизации; с другой стороны, дальние традиции – это источник современного новаторства, фактор уменьшения влияния предшествующего уклада и его блокировок в виде, например, «панельного» местного строительного лобби на современное технологическое развитие. Например, традиции деревянного домостроения, обусловленные естественными условиями в виде типа грунтов, климата, наличия древесных ресурсов, часто определяли относительно более слабое по сравнению с другими городами, где таких традиций не было, развитие следующего панельного цикла, что, в свою очередь, сказывалось на более быстром переходе к циклу монолитного домостроения. Грубо говоря, есть «хорошие» традиции, которые помогают технологической модернизации домостроения, и есть «плохие» традиции, которые ее тормозят.

Сравним развитие многоквартирного домостроения в трех поволжских городах – Самаре, Нижнем Новгороде и Волгограде. В Самаре эра деревянного домостроения активно проявлялась в строительстве многоквартирных домов вплоть до начала 1950-х годов (составляла до 80% общей площади вводимых многоквартирных домов на фоне общих незначительных объемов ввода). Город сохранил доминирование ленточных фундаментов из-за сочетания геологических, экономических и технологических факторов. Здесь существовали исторически сильные традиции малоэтажного индивидуального жилья, а панельный цикл был сравнительно короче и слабее выражен, чем в Нижнем Новгороде, – опорным стал цикл кирпичного домостроения.

Понятно, что новое легче приживается, когда нет сильных традиций недавнего прошлого технологического цикла. Но на самом деле реальная ситуация сложнее. В Самаре до сих пор незначительная доля монолит-

ного домостроения, абсолютно доминирует ввод кирпичных многоквартирных домов местными строительными фирмами, на традиционных ленточных фундаментах, который и обеспечил лидерство города над двумя другими волжскими городами в первые два десятилетия XXI века (рис. 15).

На большинстве отрезков происходило чередование лидеров Самары и Нижнего Новгорода, Волгоград после лидерства в течение первых десятилетий традиционно отставал. В Волгограде доля индивидуального жилого строительства в последние годы составляет до 35% в общем вводе жилья в последние годы (данные Института экономики города), что определяет замыкающие позиции города по вводу общей площади многоквартирного жилья.

В Самаре преобладают благоприятные для ленточных фундаментов грунты: песчаные, суглинистые, характерно наличие устойчивых грунтовых слоев на относительно небольших глубинах. Это позволяет использовать ленточные фундаменты без значительных рисков осадки или деформации.

В Нижнем Новгороде и Волгограде ситуация другая. В Нижнем Новгороде грунты более водонасыщенные, в Волгограде присутствуют просадочные лёссовые грунты, требующие свайных или плитных фундаментов. Поэтому здесь с начала нулевых годов произошел уход от доминирования ленточных фундаментов при строительстве многоквартирных жилых домов (чего не произошло в Самаре).

В Самаре значительная часть застройки ведется местными компаниями, которые предпочитают использовать ранее освоенные и привычные технологии кирпичного домостроения, не требующие дополнительных затрат на переобучение рабочих и переоборудование предприятий. С другой стороны, в Нижнем Новгороде и Волгограде в 1990-е и в первых десятилетиях XXI века широко привлекались для строительства крупные застройщики, которые инвестировали в более технологически продвинутые методы строительства. Это привело к отказу от ленточных фундаментов в пользу свайных и плитных.

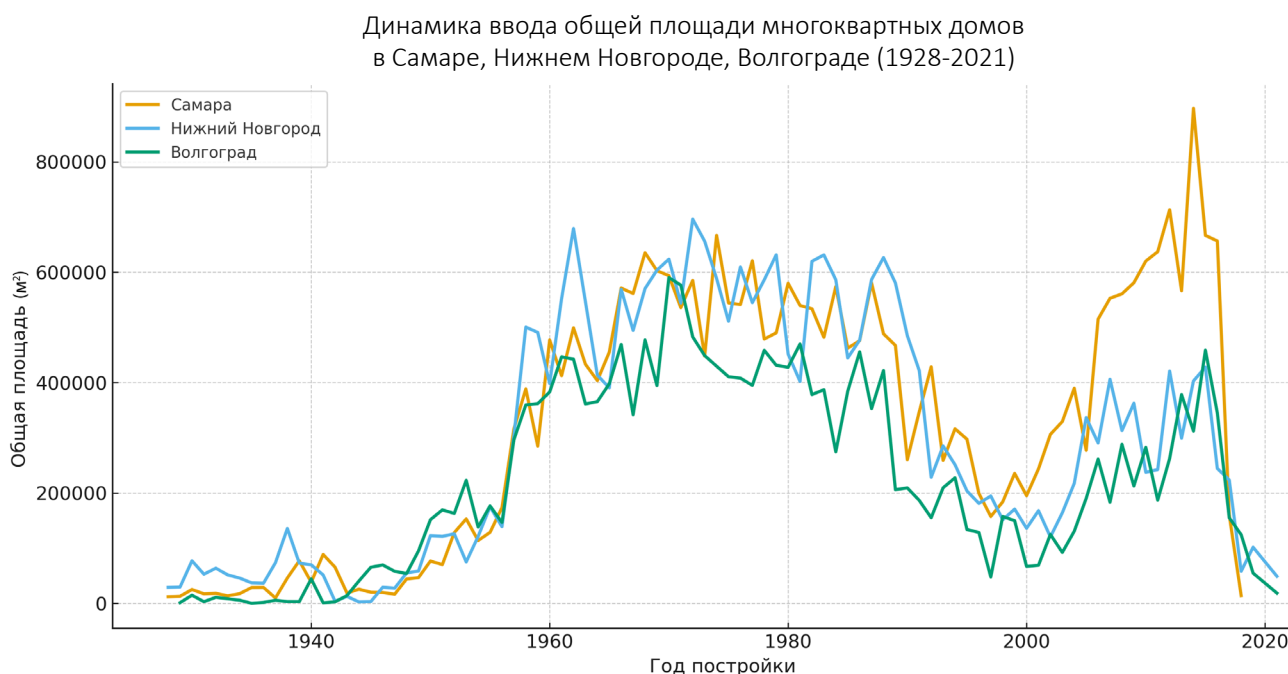

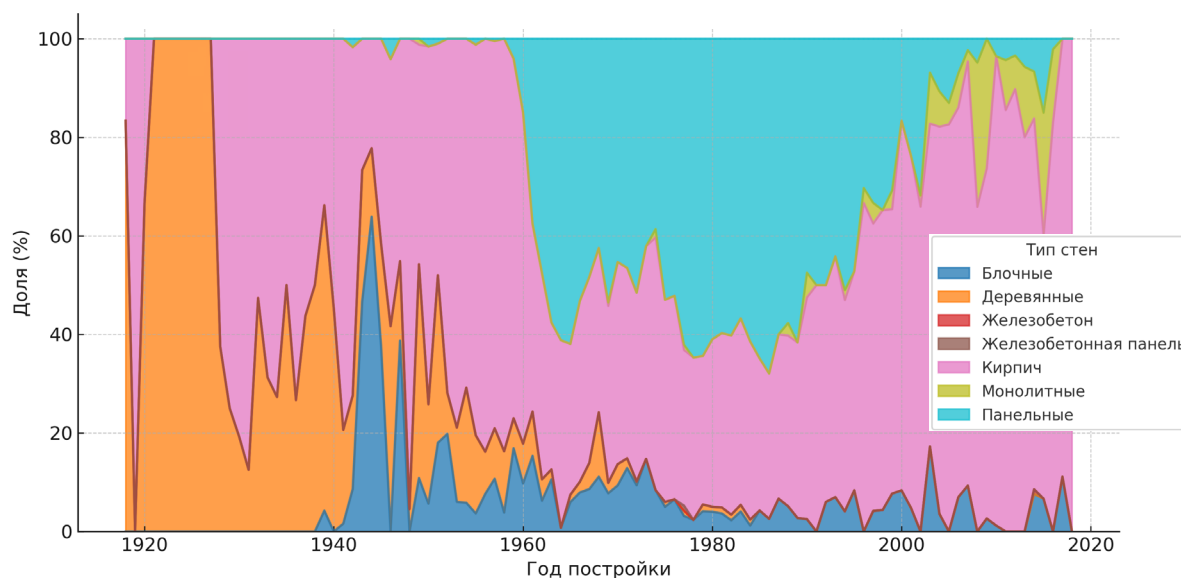
Рис. 15. Ввод общей площади многоквартирных домов в Самаре, Нижнем Новгороде, Волгограде в столетней ретроспективе

Источник: составлено авторами.

Поэтому лидерство Самары в объемах общего ввода многоквартирного жилья на самом деле, как вскрывает структурный анализ, обеспечивается не новыми методами строительства эры монолитного цикла, а прежними технологиями и материалами

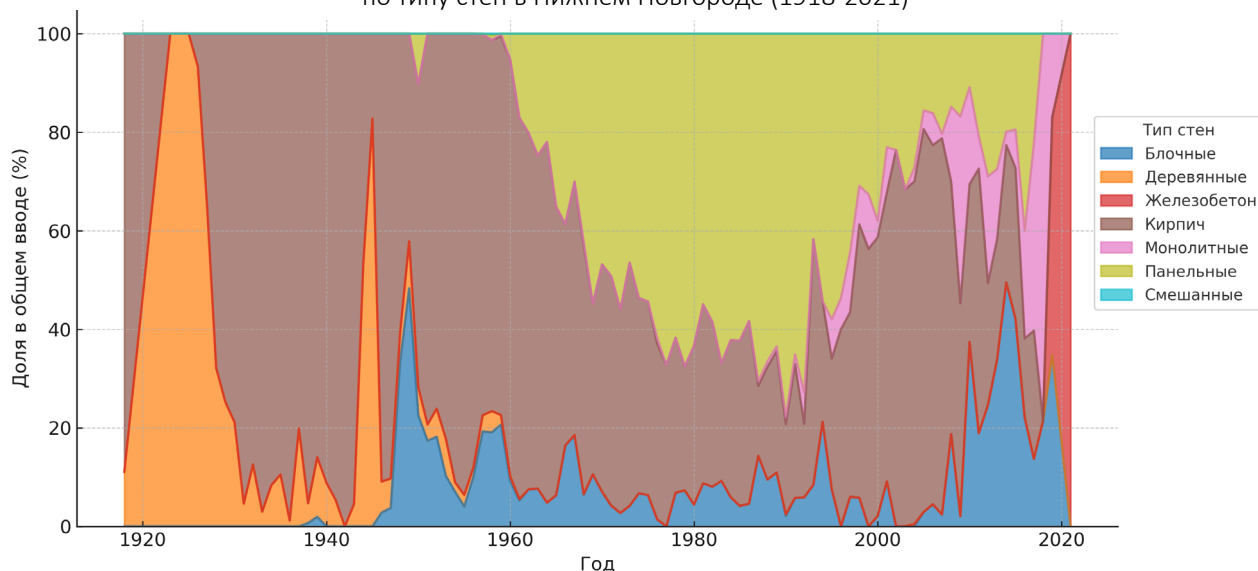
кирпичного домостроения и ленточных фундаментов, по сравнению с меньшими объемами ввода многоквартирных домов, например, в Нижнем Новгороде, но при более разнообразной и современной стеновой структуре и структуре фундаментов (рис. 16).

Динамика структуры ввода жилья по типу стен в Самаре (1918-2018)

а) Самара

Динамика структуры ввода многоквартирных домов по типу стен в Нижнем Новгороде (1918-2021)

б) Нижний Новгород

Рис. 16. Сравнение динамики структуры ввода многоквартирных домов по типу стен

Источник: составлено авторами.

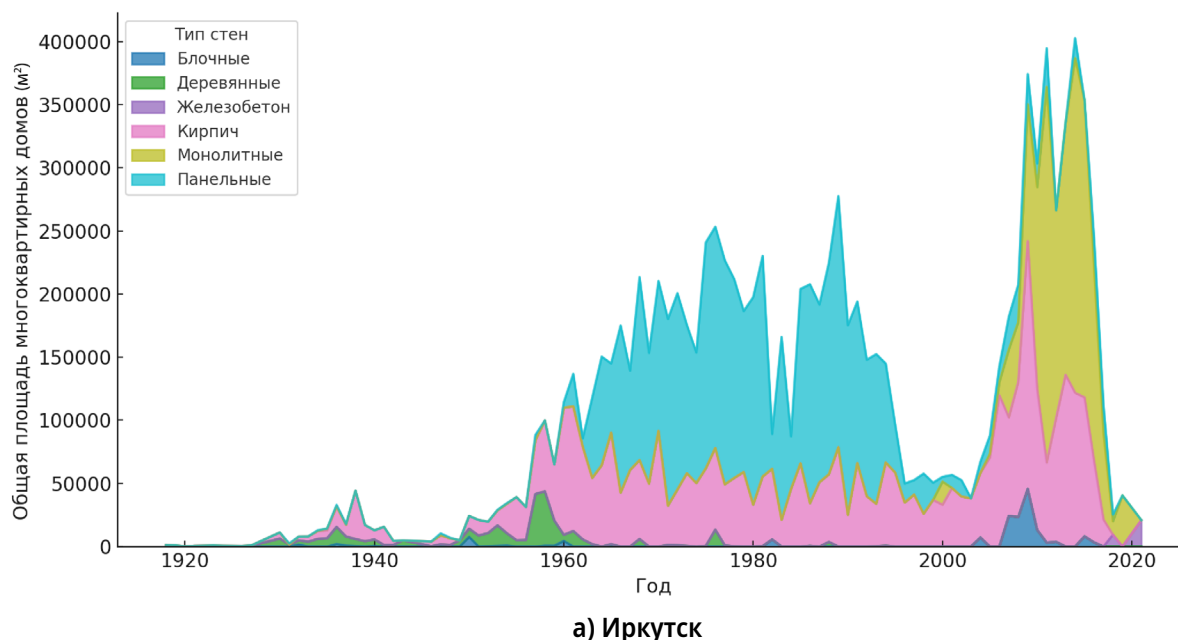
Лидерство города в современных общих объемах ввода многоквартирного жилья не всегда означает его технологическую продвинутость по фазам цикла монолитного домостроения. Самара, будучи лидером по объемам ввода жилья, обеспечивает его за счет традиционного кирпичного домостроения, опирающегося на традиционные ленточные фундаменты; с другой стороны, Нижний Новгород, отставая по общим объемам от Самары (советский пик здесь существенно выше российского), обеспечивает их существенно более современной стеновой структурой и типами фундаментов.

Сравнение скорости технологической динамики многоквартирного домостроения в трех поволжских городах выявляет значительную роль крупных внешних застройщиков в привнесении передовых практик монолитного домостроения и связанном с этим быстрым переходе на свайный, сплошной и другие новые виды фундаментов (вместо традиционного для многих горо-

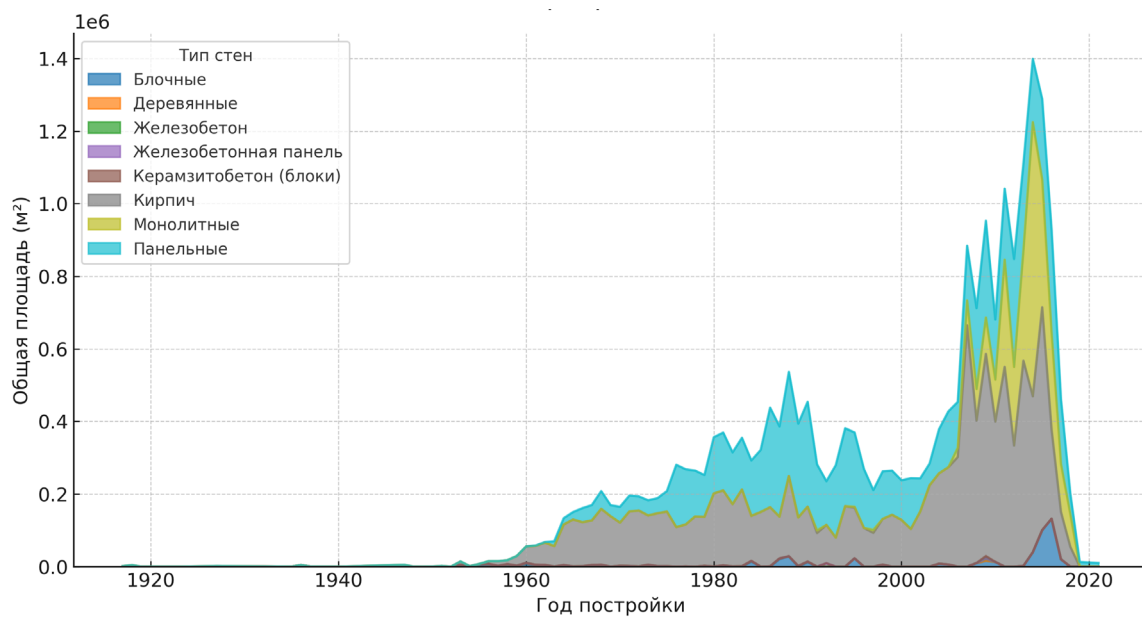
дов ленточного). С другой стороны, в тех городах, в которых выстроены барьеры к их приходу и сохраняется монополия небольших местных застройщиков, формируются условия для консервации и длительного инерционного воспроизводства недавних традиций панельного домостроения.

Недоразвитие индустриального панельного домостроения и панельного цикла часто сочеталось в городе с гиперразвитием кирпичного домостроения и тогда формировало лучшие условия для быстрого развития монолитного цикла. В этом смысле можно сказать, что Иркутск, Тюмень и Краснодар имеют общие судьбы технологической эволюции: в них не было сильного панельного домостроения, сильного лобби старых домостроительных комбинатов и поэтому монолитный цикл в условиях значительных объемов финансирования (которое, однако, могло пойти и на закрепление прежней панельной эпопеи) продвигался быстрее и легче (рис. 17).

Динамика структуры ввода многоквартирных домов по типу стен в Иркутске (1918–2021)

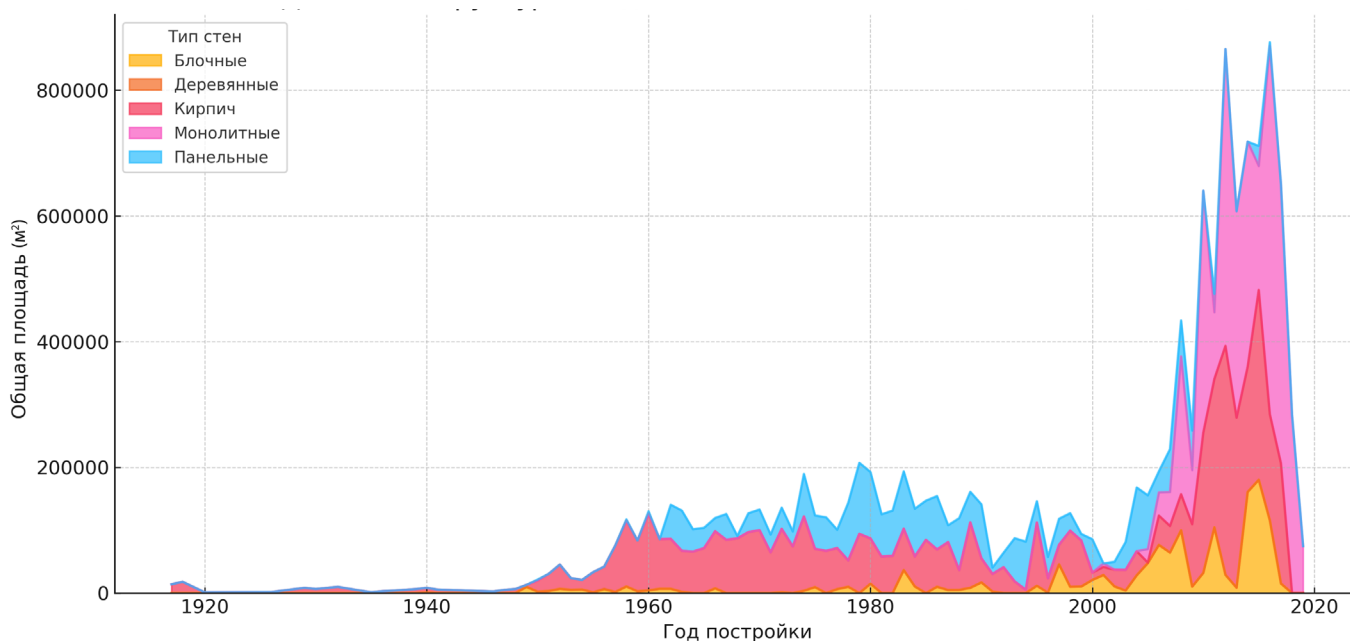

Динамика ввода общей площади многоквартирных домов по типу стен в Тюмени (1917-2021)

б) Тюмень

Динамика структуры ввода жилья по типу стен в Краснодаре (1917-2019)

в) Краснодар

Рис. 17. Динамика структуры ввода многоквартирного жилья по типам стен

Примечание: Представлен общий значительный рост на фоне существенной эволюции стеновой структуры:

- а) Иркутск – быстрое выкликивание панельного в начале XXI века и нарастание роли монолитного домостроения;
 б) Тюмень – сопоставимое развитие монолитного и панельного домостроения в последние десятилетия (по 25–30%) при доминирующей роли кирпичного (около 50%);
 в) Краснодар – многократный рост в последние полтора десятилетия за счет активного развития монолитного домостроения.

Источник: составлено авторами.

Города, получившие в первые два десятилетия XXI века масштабные инвестиционные ресурсы в многоквартирное домостроение, имели выбор между модернизацией (что автоматически означает затягивание) панельного цикла или переходом к развертыванию первых фаз монолитного цикла. Конкретная избираемая траектория зависела от локального сочетания нескольких условий: силы традиций панельного домостроения, определяемых сохранением старых домостроительных комбинатов, лобби местных застройщиков, общими масштабами и объемами развития панельного цикла в советское время; наличной на момент выбора структурой фундаментов многоквартирных домов (если доминировали ленточные, переход к К5 совершался труднее или откладывался; если доминировали свайные, сплошные и др., возникали благоприятные предпосылки для перехода к К5); исторической развитостью в городе деревянного и кирпичного домостроения, сохраненными традициями индивидуального жилого строительства – при прочих равных условиях это означало «ужимание» панельного цикла и потому косвенно работало на более легкий и быстрый приход монолитного цикла. Иркутск, Тюмень и Краснодар демонстрируют примеры значительной роли этих факторов в приходе монолитного домостроения.

Обсуждение результатов (дискуссия)

Подход, реализованный в данной работе, естественно, не свободен от недостатков. Первое же обсуждение, проведенное на Леонтьевских чтениях в Леонтьевском центре Санкт-Петербурга, определило три основных линии критики. Первое – на самом деле в столетней ретроспективе наиболее отчетливо обозначается только панельный цикл К4, а деревянный/кирпичный К3 и монолитный К5 только намечены и твердо говорить о полувековых закономерностях «длинных волн» здесь преждевременно. Мы благодарны нашей коллеге канд. геогр. наук

Н.Ю. Замятиной, которая обозначила эту уязвимость работы.

На самом деле по всем городам четко диагностируется панельный цикл, явно привязанный к технологическому укладу К4 и межукладный, но тоже полувековой, кирпичный цикл, который проявляется во всех исследуемых городах, но не имеет четкой технологической привязанности к конкретной хозяйственной эпохе. С одной стороны, ненадежность данных ранее 1917 года не позволяет увидеть развертывание деревянно-кирпичного цикла К3; с другой стороны, ранний К3 не имеет тех черт массовости и новой эффективности, которые в принципе необходимы для развертывания любого кондратьевского технологического цикла (а это означает, что те реалии, которые наблюдаются в погодовой динамике ввода многоквартирных домов в изучаемых городах первых двух десятилетий XX века, нельзя считать еще в полной мере «укладными», скорее, они ремесленные, штучные, индивидуальные, а не масштабные). Кроме того, сам феномен многоквартирного жилья относительно недавний – вряд ли уместно отслеживать его в городах России ранее постреволюционного или в доиндустриальное время. Монолитный цикл невозможно отчетливо увидеть ввиду того, что общий «стаж» его развертывания пока даже в самых продвинутых городах, как, например, Екатеринбург, не превосходит два десятилетия.

Признаем отчетливый характер панельного цикла К4 и более размытый К3 и К5. (Что касается циклов К1 и К2, то повсеместно в мире их изучение проходит на страновом, а не региональном или городском уровне или уровне отдельных предприятий, потому что в XVIII–XIX веках в большинстве индустриализирующихся стран налаженной и сохраненной в архивах статистики по предприятиям и городам еще не существовало – в отличие от агрегации данных на страновом уровне, которая уже велась и доступна для современного исследователя.)

Вторая линия критики состоит в недоучете авторами роли индивидуального жилого строительства в многолетних рядах данных по вводу многоквартирного жилья по российским городам. По данным Института экономики города¹¹, можно выделить три категории распространенности индивидуального жилищного строительства (ИЖС) по удельному весу общей площади жилых помещений в индивидуальных жилых домах в общем объеме жилфонда: значительную (25–50%), среднюю (15–20%) и незначительную (<15%).

Большинство городов нашей выборки: Омск, Новосибирск, Нижний Новгород, Челябинск, Хабаровск, Самара, Воронеж, Пермь, Екатеринбург, Владивосток, Иркутск, Красноярск, Архангельск, Мурманск – попадают в последнюю группу: соответственно, от 11% в Омске до 0,3% в Мурманске. При этом, конечно, если речь пойдет о доли ИЖС в последние два десятилетия в этих городах, то она будет выше (в некоторых городах, например, в Тюмени, которая относится ко второй группе, по нашим оценкам, в два раза) за счет активизации ИЖС после 1995 года.

В среднюю группу из нашей выборки попадает одна Тюмень. В ней доля ИЖС во всем фонде составляет 17%, а доля ИЖС в годовом вводе жилья может достигать в отдельные годы до трети общей. Но поскольку эта доля флуктуирует год от года, учесть ее роль и в результате скорректировать наши выводы по Тюмени сложно. Скажем в целом, что нарастающее разнообразие этажности и материалов жилой застройки соответствует духу монолитного цикла и что слово «монолитный» означает лишь его доминирование, но не исключает все другие появляющиеся одновременно с монолитными домами виды жилой застройки.

Доля ИЖС значительная в трех городах нашей выборки: в Волгограде 33%, Краснодаре и Ростове-на-Дону 26% (в общем

жилом фонде города). Вероятно, что в годовой динамике последних лет эта доля выше. Но ввиду того что данных по вводу ИЖС в каждый год XXI века у нас не было, более определенно сказать трудно. Обобщая ситуацию, можно отметить, что три данных города при более детальном рассмотрении должны быть выделены в отдельное «производство» для тщательного анализа реалий и факторов технологической эволюции жилого домостроения в последние два десятилетия, период развертывания монолитного цикла.

Третья линия критики состояла в том, что в нашей выборке недостаточно городов (только два из 42, то есть менее 5%) людностью 250–500 тысяч человек и что целесообразно нарастить их количество и долю в анализе существенно, чтобы иметь возможность сопоставлять полученные результаты по закономерностям долговременной технологической эволюции между тремя группами городов разного размера (нарастить число обследуемых городов с населением 500 тысяч – один миллион человек тоже желательно). Признаем это предложение как задание для будущей работы.

Выводы

Таким образом, каждый «Кондратьев» (кондратьевский полувековой цикл) создавал свой пик ввода общей площади многоквартирных домов в городе. Этот пик обеспечивался массовым применением новых технологий и материалов строительства и в каноническом случае был выше предшествующего. Эти пики были разнесены друг от друга на расстояние 40–60 лет и диагностируют эффекты радикальной смены технологий.

Переход к новому Кондратьеву в строительстве многоквартирных домов часто сопровождался географическим смещением городов-лидеров технологического уклада: Мурманск – Архангельск, Ростов-на-Дону –

¹¹ Авторы благодарят коллег из Института экономики города за предоставленные данные по индивидуальному жилищному строительству.

Краснодар, Нижний Новгород – Самара. Эффекты инкрементальных технологических инноваций (модификация материалов, конструкции, методов строительства и др.) нередко (но не всегда, потому что в последние годы эта тенденция затормозилась) сопровождалась ростом среднего размера общей площади многоквартирных домов в кирпичном, панельном, ранее деревянном домостроении.

Эффекты зависимости от пути проявились в длительном инерционном сохранении ленточных фундаментов при строительстве многоквартирных домов в Мурманске, Иркутске, Самаре, что стало тормозом для массового перехода городов к многоэтажной застройке и новым технологиям монолитного домостроения (K5). Сохраненные сильные традиции деревян-

ного домостроения, *ceteris paribus*, наоборот, создавали условия для сокращения следующего панельного цикла (задержку его укоренения) и благоприятные предпосылки для более раннего перехода города на технологии монолитного домостроения (K5).

Исходная гипотеза о том, что технологические инновации в строительство многоквартирных домов сибирских городов «диффундировали» с запада на восток, не подтвердилась при эмпирической проверке (сравнительный анализ городов Омск – Тюмень – Новосибирск – Красноярск – Иркутск). Также не подтвердилась гипотеза об исходном преимуществе Владивостока перед Хабаровском при переходе от K4 к K5, технологическое развитие обоих городов оказалось сходным.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева Ю.С., Попова Н.Е. (2022). «Умные» города России: риски и возможности // Вестник ВГУИТ. Т. 84. № 1. С. 282–287. DOI: 10.20914/2310-1202-2022-1-282-287
- Балахонова Е.В. (2023). Инновационное развитие умных городов как необходимое условие достижения целей устойчивого развития // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. № 1. С. 37–55. DOI: 10.21685/2227-8486-2023-1-2
- Гавайлер А.В. (2018). Основы новой экономической специализации городов России в условиях смены технологических укладов // Региональная экономика: теория и практика. Т. 16. № 3. С. 426–438. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.3.426>
- Глазьев С. Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Влдар. 310 с.
- Замятина Н.Ю., Пиясов А.Н. (2015). Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и дорожная карта перемен. УРСС М. 216 с.
- Кондратьев Н.Д. (1993). Избранные произведения. М.: Экономика. 543 с.
- Коротаев А.В., Гринин Л.Е. (2009). Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации мир-системы. М.: Книжный дом Либроком. 568 с.
- Мазаев Г.В. (2018). Технологический уклад и его влияние на формирование планировочной структуры города // Екатеринбург: сборник научных трудов РААСН. Т. 1. С. 450–456. DOI: 10.22337/9785432302656-450-456
- Пиясов А.Н., Цукерман В.А. (2022a). Становление нового технологического уклада в Арктике в 1990–2021 годы: региональный разрез // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 126–148. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83
- Пиясов А.Н., Цукерман В.А. (2022b). Технологические уклады, инновации и хозяйственное освоение российской Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. Т. 25. № 4. С. 20–33. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2022.78.001

- Пилясов А.Н. (2023). Северный морской путь как опорная инфраструктура нового технологического уклада российской Арктики // Северные морские пути России. М.: Новое литературное обозрение. С. 307–345.
- Пилясов А.Н. (2024). Колымские нагорья, технологические уклады и региональная инновационная система Магаданской области в столетней ретроспективе // Горные регионы России: богатство, разнообразие, перспективы. Вопросы географии. Выпуск 158. Москва. С. 184–233. DOI: 10.24057/probl.geogr.158.6
- Пилясов А.Н., Котов А.В. (2024). Российская Арктика-2035: полимасштабный прогноз // Экономика региона. № 2. С. 369–394. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-3
- Пилясов А.Н., Бужинская А.А., Сабуров А.А. (2025). Архангельский водорослевый комбинат: сто лет импортозамещения // Арктика и Север. № 61. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025>
- Шумпетер Й.А. (1982). Теория экономического развития: Исследование прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М.: Прогресс. 400 с.
- Ahad M.A., Paiva S., Tripathi G., Feroz N. (2020). Enabling technologies and sustainable smart cities. *Sustain Cities Soc*, 61, 102301. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102301>
- Albino V., Berardi U., Dangelico R.M. (2015). Smart cities: Definitions, dimensions, performance, and initiatives. *The Journal of Urban Technology*, 22(1), 3–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/10630732.2014.942092>
- Boschma R., Martin R. (2010). *The Handbook of Evolutionary Economic Geography*. Edward Elgar Publishing.
- Cantwell J. (2019). *The Philosophy of Paradigm Change in the History of Social Evolution. Paradigm Shift in Technologies and Innovation Systems*. Springer.
- Caragliu A., Del Bo C., Nijkamp P. (2011). Smart cities in Europe. *J Urban Technol*, 18(2), 65–82. DOI: <https://doi.org/10.1080/10630732.2011.601117>
- Dosi G., Nelson R.R. (2010). Chapter 3 - technical change and industrial dynamics as evolutionary processes. In: Hall B.H., Rosenberg N. (Eds). *Handbook of the Economics of Innovation (vol. 1, pp. 51–127)*. North-Holland. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0169-7218\(10\)01003-8](https://doi.org/10.1016/S0169-7218(10)01003-8)
- Hassankhani M., Alidadi M., Sharifi A., Azhdari A. (2021). Smart city and crisis management: Lessons for the COVID-19 pandemic. *Int. J. Environ Res. Public Health*, 8(15), 7736. Available at: <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/15/7736>
- Lema R., Perez C. (2024) The green transformation as a new direction for techno-economic development. *Maastricht Economic and Social Research Institute on Innovation and Technology (UNU-MERIT), Working Paper Series*, 001. Available at: <https://www.merit.unu.edu/publications/wppdf/2024/wp2024-001.pdf>
- Mora L., Deakin M., Zhang X. et al. (2021). Assembling sustainable smart city transitions: an interdisciplinary theoretical perspective. *Journal of Urban Technology*, 28(1-2), 1–27, DOI: 10.1080/10630732.2020.1834831
- Nelson R.R., Winter S.G. (1982). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Harvard University Press.
- Nikki Han M.J., Kim M.J. (2021). A critical review of the smart city in relation to citizen adoption towards sustainable smart living. *Habitat Int*, 108, 102312. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2021.102312>
- Perez C. (2002). *Technological Revolutions and Financial Capital*. Edward Elgar Publishing. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781781005323>
- Perez C. (2010). Technological revolutions and techno-economic paradigms. *Cambridge Journal of Economics*, 34(1), 185–202. Available at: <https://doi.org/10.1093/cje/bep051>
- Srivastava R., Sharifi A. (2022). Smart cities: Concepts and underlying principles. In: Sharifi A., Salehi P. (Eds). *Resilient Smart Cities. The Urban Book Series*. Cham: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-95037-8_3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Николаевич Пилиасов (Москва, Российская Федерация) – доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1); профессор, Высшая школа экономики (Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский б-р, д. 11); главный научный сотрудник, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17); генеральный директор, Институт регионального консалтинга (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32), e-mail: pelyasov@mail.ru

Александр Владимирович Котов (Москва, Российская Федерация) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН (Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11); доцент, Высшая школа экономики (Российская Федерация, 109028, Покровский б-р, д. 11), e-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

Pilyasov A.N., Kotov A.V.

TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CITIES IN A HUNDRED-YEAR RETROSPECTIVE

The article analyzes the technological evolution of multi-apartment housing construction in 18 Russian cities from 1917 to 2023. The authors propose an original method for studying technological modes (K3, K4, K5) based on the largest Russian database, the House Register, which contains information on tens of thousands of buildings. The methodological framework is based on a combination of Kondratiev's long wave theory, evolutionary economic geography, and the structural analysis of urban real estate. Three waves of technological development are identified: the wooden-brick mode (K3), mass panel housing construction (K4), and monolithic construction (K5). A typology of cities is presented based on the nature of their transition between modes: from leaders in technological change to outsiders stuck in the previous cycle. Particular attention is paid to the phenomenon of brick housing construction as an inter-structure connecting element and the variability of the transition to monolithic construction, including the change of foundation structures. A detailed analysis of the dynamics by years is carried out, allowing us to identify the characteristic phases of technological cycles: introduction, aggression, maturity and attenuation. The article proposes criteria for diagnosing the renaissance of old technologies (for example, the repeated growth of panel housing construction in the 2000s) and distinguishing inertia from real technological shifts. The results of the study are of practical value for urban development policy, especially in the context of the need to transition to energy-efficient and flexible forms of urban development. The work makes a significant contribution to the development of approaches to the retrospective analysis of technological trajectories of urban development.

Technological mode, multi-apartment housing construction, long Kondratiev waves, panel construction, monolithic housing construction, brick construction, evolutionary urbanism, urban technological dynamics.

REFERENCES

- Afanasyeva Yu.S., Popova N.E. (2022). "Smart" cities of Russia: Risks and opportunities. *Bulletin of VSUET*, 84(1), 282–287. DOI:10.20914/2310-1202-2022-1-282-287 (in Russian).
- Ahad M.A., Paiva S., Tripathi G., Feroz N. (2020). Enabling technologies and sustainable smart cities. *Sustain Cities Soc*, 61, 102301. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102301>

- Albino V., Berardi U., Dangelico R.M. (2015). Smart cities: Definitions, dimensions, performance, and initiatives. *The Journal of Urban Technology*, 22(1), 3–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/10630732.2014.942092>
- Balakhonova E.V. (2023). Innovative development of smart cities as a necessary condition for achieving sustainable development goals. *Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society*, 1, 37–55. DOI:10.21685/2227-8486-2023-1-2 (in Russian).
- Boschma R., Martin R. (2010). *The Handbook of Evolutionary Economic Geography*. Edward Elgar Publishing.
- Cantwell J. (2019). *The Philosophy of Paradigm Change in the History of Social Evolution. Paradigm Shift in Technologies and Innovation Systems*. Springer.
- Caragliu A., Del Bo C., Nijkamp P. (2011). Smart cities in Europe. *J Urban Technol*, 18(2), 65–82. DOI: <https://doi.org/10.1080/10630732.2011.601117>
- Dosi G., Nelson R.R. (2010). Chapter 3 - technical change and industrial dynamics as evolutionary processes. In: Hall B.H., Rosenberg N. (Eds). *Handbook of the Economics of Innovation (vol. 1, pp. 51–127)*. North-Holland. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0169-7218\(10\)01003-8](https://doi.org/10.1016/S0169-7218(10)01003-8)
- Gavayler A.V. (2018). Fundamentals of the new economic specialization of Russian cities in the context of changing technological patterns. *Regional Economy: Theory and Practice*, 16(3), 426–438. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.3.426> (in Russian).
- Glazyev S.Yu. (1993). *Theory of Long-Term Technical and Economic Development*. Moscow: Vldar (in Russian).
- Hassankhani M., Alidadi M., Sharifi A., Azhdari A. (2021). Smart city and crisis management: Lessons for the COVID-19 pandemic. *Int. J. Environ Res. Public Health*, 8(15), 7736. Available at: <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/15/7736>
- Kondratyev N.D. (1993). *Selected Works*. Moscow: Ekonomika. (in Russian).
- Korotaev A.V., Grinin L.E. (2009). *Social Macroeolution. Genesis and Transformations of the World-System*. Moscow: Librokom Book House (in Russian).
- Lema R., Perez C. (2024) The green transformation as a new direction for techno-economic development. *Maastricht Economic and Social Research Institute on Innovation and Technology (UNU-MERIT), Working Paper Series*, 001. Available at: <https://www.merit.unu.edu/publications/wppdf/2024/wp2024-001.pdf>
- Mazaev G.V. (2018). Technological structure and its influence on the formation of the city planning structure. *Yekaterinburg: Collection of scientific papers of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences*, 1, 450–456. DOI: 10.22337/9785432302656-450-456 (in Russian).
- Mora L, Deakin M., Zhang X. et al. (2021). Assembling sustainable smart city transitions: an interdisciplinary theoretical perspective. *Journal of Urban Technology*, 28(1-2), 1–27, DOI: 10.1080/10630732.2020.1834831
- Nelson R.R., Winter S.G. (1982). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Harvard University Press.
- Nikki Han M.J., Kim M.J. (2021). A critical review of the smart city in relation to citizen adoption towards sustainable smart living. *Habitat Int*, 108, 102312. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2021.102312>
- Perez C. (2002). *Technological Revolutions and Financial Capital*. Edward Elgar Publishing. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781781005323>
- Perez C. (2010). Technological revolutions and techno-economic paradigms. *Cambridge Journal of Economics*, 34(1), 185–202. Available at: <https://doi.org/10.1093/cje/bep051>
- Pilyasov A.N., Tsukerman V.A. (2022). Formation of a new technological order in the Arctic in 1990–2021: Regional section. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 126–148. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83 (in Russian).
- Pilyasov A.N., Tsukerman V.A. (2022). Technological orders, innovations and economic development of the Russian Arctic. *The North and the Market: Formation of the Economic Order*, 25(4), 20–33. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2022.78.001 (in Russian).

- Pilyasov A.N. (2023). *The Northern Sea Route as a Support Infrastructure of the New Technological Order of the Russian Arctic. Northern Sea Routes of Russia*. Moscow: New Literary Review (in Russian).
- Pilyasov A.N. (2024). Kolyma uplands, technological orders, and the regional innovation system of the Magadan Region in a hundred-year retrospective. *Mountainous Regions of Russia: Wealth, Diversity, Prospects. Geography Issues*, 158, 184–233. DOI: 10.24057/probl.geogr.158.6 (in Russian).
- Pilyasov A.N., Kotov A.V. (2024). Russian Arctic-2035: Multi-scale Forecast. *Economy of Region*, 2, 369–394. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-3 (in Russian).
- Pilyasov A.N., Buzhinskaya A.A., Saburov A.A. (2025). Arkhangelsk Seaweed Plant: One hundred years of import substitution. *Arctic and North*, 61. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025> (in Russian).
- Schumpeter J.A. (1982). *Theory of Economic Development: A Study of Profit, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle*. Transl. from German. Moscow: Progress. (in Russian)
- Srivastava R., Sharifi A. (2022). Smart cities: Concepts and underlying principles. In: Sharifi A., Salehi P. (Eds). *Resilient Smart Cities. The Urban Book Series*. Cham: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-95037-8_3
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. (2015). *Innovative Search in Single-Industry Cities: Development Blockages, New Industrial Policy and Roadmap for Change*. URSS Moscow (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr N. Pilyasov – Doctor of Sciences (Geography), Professor, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation); professor, Higher School of Economics (11, Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russian Federation); Chief Researcher, Northern Arctic Federal University (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation); general director, Institute of Regional Consulting (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation), e-mail: pelyasov@mail.ru

Alexander V. Kotov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (11, Mokhovaya Street, Moscow, 125009, Russian Federation); associate professor, Higher School of Economics (11, Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russian Federation), e-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.8

УДК 332.1 | ББК 65.04

© Антипин И.А., Шишкина Е.А.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ТЕРРИТОРИЙ

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ АНТИПИН

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: antipia@usue.ru

ORCID: 0000-0002-8532-6303; ResearcherID: ABC-8434-2021

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ШИШКИНА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: Shishea@usue.ru

ORCID: 0000-0002-1280-3105; ResearcherID: AAB-4409-2021

Неравенство территорий остается актуальной и значимой проблемой настоящего времени, а его последствия носят социальный и экономический характер, усиливая поляриность развития экономического пространства регионов. Вопросы влияния неравенства территорий на благополучие населения имеют неоднозначные ответы. Цель исследования – разработка методического подхода к анализу пространственной неоднородности развития городов с учетом взаимосвязи межрегионального и внутрирегионального (городского) неравенства в контексте формирования экономического благополучия. Гипотеза исследования предполагает, что, во-первых, города в значительной степени определяют межрегиональное неравенство, во-вторых, долгосрочное развитие городов должно выходить за пределы классической экономики роста и учитывать критерии экономического благополучия. В качестве объекта исследования выбраны города – административные центры субъектов Российской Федерации. Для анализа использованы показатели, характеризующие обеспеченность населения отдельными благами, отражающие материальное

Для цитирования: Антипин И.А., Шишкина Е.А. (2025). Пространственная неоднородность развития городов в контексте формирования экономического благополучия территорий // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 142–158. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.8

For citation: Antipin I.A., Shishkina E.A. (2025). Spatial heterogeneity of urban development in the context of the formation of economic well-being of territories. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 142–158. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.8

благополучие населения, а также динамику экономического развития городов. Временные рамки исследования охватывают период 2013–2023 гг. Выявлена сохраняющаяся высокая неоднородность городов, особенно по показателям ввода жилья, инвестициям, при некоторой тенденции к сглаживанию в период 2013–2023 гг. Более равномерное распределение городов в пространстве страны наблюдается по уровню заработной платы, обеспеченности жильем и врачами, но эти дисбалансы устойчивы во времени. Установлено, что состав городов с крайними значениями по большинству показателей остается стабильным. В целом дифференциация городов в пространстве страны более существенна, а внутрирегиональное распределение городов (внутри федеральных округов) более равномерно. Сделан вывод о существенной роли городов – административных центров в формировании межрегионального неравенства. Определено, что для обеспечения сбалансированности пространственного развития страны требуются направленная поддержка и создание условий (инвестиционных, инфраструктурных и др.) для городов-аутсайдеров, мониторинг городов «срединного» положения. В контексте обеспечения экономического благополучия стратегическое значение приобретает реализация мер, направленных на повышение качества жизни, развитие нескольких сильных городов в пространстве региона, что снижает зависимость от одного центра.

Регион, экономическое пространство, город, административный центр, неоднородность, благополучие.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01430, <https://rscf.ru/project/25-28-01430>.

Введение

В настоящее время проблемы неравенства территорий остаются актуальными и значимыми для региональной науки и практики. Процессы агломерирования ведут к усилению диспропорций между региональными центрами и периферией, а также внутри них, что создает риски для устойчивого развития страны в целом. Сохраняющееся противоречие между стремлением к сбалансированному развитию территорий и реальной практикой усиления пространственной неоднородности городов требует новых механизмов регулирования. Для преодоления существующих дисбалансов необходимы меры, основанные на анализе причин и закономерностей пространственной неоднородности с учетом взаимосвязи и взаимообусловленности внутрирегионального (городского) и межрегионального неравенства.

Вопросы исследования пространственной неоднородности территорий разных

уровней давно занимают особое место в работах отечественных и зарубежных ученых (Тревиш, 2009; Любовный, 2018; Бухвальд, 2021; Liu et al., 2023), а также специалистов-практиков в сфере регионального управления. При этом большее внимание направлено на изучение межрегионального неравенства (Зубаревич, Сафронов, 2024), диспропорций в развитии регионов, а исследование межмуниципальной неоднородности, дисбалансов в развитии городов носит ограниченный характер. Однако именно города имеют особое значение для устойчивого развития экономического пространства, концентрируя население, социальную инфраструктуру, ресурсы, «выступают как точки роста, обладающие потенциалом развития» (Лаппо, 2019), и пространственной организации экономики. Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года¹ определена необходимость

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-р.

решения проблемы межрегиональных диспропорций, внутрирегиональных различий социально-экономического развития вследствие концентрации населения в относительно крупных городах, неравномерного развития социальной инфраструктуры.

Отметим, что современные исследования охватывают широкий круг указанных проблем, факторов, последствий неравенства территорий и управления ими. Результаты оценки уровня и динамики социально-экономического развития городов разных типов представлены в работе О.В. Кузнецовой, где показано, что, несмотря на некоторое снижение их неоднородности, требуются дифференцированные подходы к регулированию их пространственного развития (Кузнецова, 2022).

Расчеты, проведенные И.В. Манаевой, подтверждают высокую неравномерность распределения городов в экономическом пространстве регионов, сосредоточение населения в крупных городах. Показано, что неравномерная система подвержена влиянию кризисных факторов и способствует развитию нестабильности в обществе (Манаева, 2019). Исследование однородности городов путем их кластеризации на основе набора факторов локализации знаний представлено в работе Т.Б. Мельниковой, результаты которой подтверждают необходимость дифференцированного подхода к управлению развитием городов в зависимости не только от численности населения, но и географического положения (Мельникова, 2023). Лю Чжаоюй и коллеги предлагают систему оценки городской пространственной структуры Пекина с трех точек зрения – конфигурации городских функций, интенсивности экономической деятельности и пространственного распределения населения; показано, что пространственное распределение населения является ключевым фактором, влияющим на пространственную неоднородность уровня развития (Liu et al., 2023).

Результаты указанных выше исследований согласуются с идеей сложности городов

и выбором направлений их развития. Так, в работе (Rolfes, Wilhelm, 2024) рассматривается сложность города как объекта исследования и управления. Обращает на себя внимание работа (Alberti et al., 2018), в которой показано, что понимание сложной динамики, связывающей изменения в городах с социально-эколого-техническими изменениями, имеет решающее значение для получения новых представлений об их будущем, сложность же рассматривается как самоорганизующееся развитие. Соответственно, возникает вопрос о влиянии сложности и разнообразия городов на процессы их развития. В этом аспекте у ученых не сложилось единого мнения.

В статье С.Ю. Пахниной показано, что повышение роли городов в региональной экономике является закономерным процессом, однако рост такой концентрации приводит к негативным последствиям: возрастанию асимметрии пространства страны, увеличению нагрузки на окружающую среду и др., особая роль уделяется связности экономического пространства региона, развитию межмуниципального сотрудничества территорий разных уровней (Пахнина, 2023).

О незначительном влиянии развития административных центров большинства регионов на рост экономики регионов в целом свидетельствует исследование П.В. Дружинина. Сделан вывод о том, что «ускорение формирования агломераций в существующих условиях, скорее всего, не приведет к более эффективному развитию регионов» (Дружинин, 2022). С.А. Фрик, А. Родригес-Поза отмечают, что между концентрацией в городах и экономическим ростом нет единой взаимосвязи: концентрация городского населения благоприятствует экономическому росту в странах с высоким уровнем дохода, в то время как для развивающихся стран этот эффект не характерен (Frick, Rodrigues-Pose, 2018). Дж. А. Уррутия-Москера и коллеги в исследовании устойчивого развития городов и мобильности приходят к выводу, что различия в уровне раз-

вития городской инфраструктуры являются основным источником пространственной неоднородности города, его связанности, мобильности населения (Urrutia-Mosquera et al., 2024)

Следствием наличия разных позиций относительно роли неоднородности городского развития стало появление разных подходов к ее регулированию. Часто эти вопросы исследуются с позиции обеспечения устойчивого развития городов. Ряд ученых выделяют в качестве принципов устойчивости городов сопротивление, восстановление, адаптацию и преобразование, ее характеристиками названы избыточность, надежность, адаптация, ресурсы и инновации (Ribeiro, Gonsalves, 2019). В работе С.П. Земцова и А.А. Михайлова показана необходимость политики устойчивого развития городов. Авторы приходят к выводу, что выравнивающая политика может снижать экономический рост, а предпринимательство, концентрирующееся в крупных городах, также выступает фактором регионального развития, в первую очередь с точки зрения несырьевых (сервисных) отраслей (Земцов, Михайлов, 2024). Х. Ван, Г. Пэн и Х. Ду рассматривают развитие цифровой экономики как фактор повышения устойчивости городского развития (Wang et al., 2024). Концепция городской неоднородности в современных городах отражена в статье (Hussein, Al-Jameel, 2025), где утверждается необходимость сохранения уникальной самобытности городов на основе выработки дифференцированных подходов к управлению ими. Результаты исследования неоднородности устойчивости городских технологических сетей показывают, что для повышения их устойчивости требуются развитие отрасли, основанное на высокой эффективности передачи данных, экономическое лидерство и инвестиции в исследования, а также институциональная среда (Yang et al., 2025).

А. Асуа и А. Зумельцу обосновывают важность поддержания существующего разно-

образия городов за счет внесения изменений в муниципальный план регулирования (Asuah, Zumelzu, 2020). Интересным представляется исследование (Shamsuddin, 2020), где отражена идея сопротивления устойчивости как новой проблемы, при котором системы управления в процессе внедрения создают барьеры для изменений, гибкости и адаптивности.

Отметим, что особого внимания заслуживает вопрос о том, какое влияние оказывает неравенство развития городов на население? В рамках исследований субъективного благополучия фиксируется отсутствие прямой связи между ростом экономического благосостояния (ростом валового продукта) и счастьем (Easterlin, 1974; Дворядкина и др., 2024). В исследованиях экономического благополучия муниципальных образований (Дворядкина, Белоусова, 2023) подтверждается гипотеза о том, что наиболее экономически благополучные города в традиционном понимании имеют больше возможностей для обеспечения благополучия и счастья населения.

Таким образом, несмотря на общность проблематики рассмотренных работ, можно выделить следующие направления исследований, связанных с неравенством развития городов: во-первых, изучение причин и последствий неравенства (инфраструктурных, социальных и т. д.), во-вторых, методические основы оценки неравенства городов, в-третьих, исследование инструментов и методов регулирования дисбалансов в развитии городов. Однако работы, изучающие неравенство городов в сопоставлении с межрегиональным неравенством, практически отсутствуют, при этом такие исследования необходимы для понимания взаимообусловленности процессов городского и регионального развития в целях выработки наиболее эффективных решений в части регулирования дисбалансов для достижения более сбалансированного и справедливого развития. Поэтому требуется решение проблемы, связанной с отсутствием ком-

плексного научного подхода к исследованию взаимосвязи и взаимообусловленности внутрирегионального (городского) и межрегионального неравенства для разработки эффективных инструментов регулирования пространственного развития.

Цель исследования – разработка методического подхода к анализу пространственной неоднородности развития городов с учетом взаимосвязи межрегионального и внутрирегионального (городского) неравенства в контексте формирования экономического благополучия. Данная работа продолжает исследования авторов в сфере межрегиональной неоднородности (Антипин и др., 2024; Антипин и др., 2025) и экономического благополучия, что определило проблематику статьи (неравенство территорий) и контекст исследования (экономическое благополучие муниципальных образований).

Для достижения цели в работе решаются следующие задачи: оценить динамику и уровень пространственной дифференциации административных центров РФ по ключевым показателям экономического благополучия; выявить и охарактеризовать устойчивые группы городов-лидеров и городов-аутсайдеров, а также определить их пространственную локализацию в разрезе федеральных округов; предложить научно обоснованные рекомендации по регулированию выявленной пространственной неоднородности.

Материалы и методы исследования

Гипотеза исследования предполагает, во-первых, что города в значительной степени определяют межрегиональное неравенство, во-вторых, долгосрочное развитие городов должно выходить за пределы классической экономики роста и учитывать

критерии экономического благополучия. Для ее проверки результаты анализа, полученные в рамках данной статьи, будут сопоставлены с выводами, представленными в более ранних работах авторов. В качестве объекта исследования выбраны города – административные центры субъектов РФ, что обусловлено их существенной ролью (экономической, социальной, управленческой) в развитии регионов² и влиянии на межрегиональное неравенство. При этом из анализа исключены города федерального значения Москва и Санкт-Петербург.

Временные границы исследования представлены периодом 2013–2023 гг., который в рамках анализа данных разделен на пятилетние интервалы. Для анализа использованы показатели, характеризующие обеспеченность населения отдельными благами, отражающие материальное благополучие населения, а также динамику экономического развития городов.

На *рис. 1* представлены ключевые элементы исследования.

Используемые технологии анализа данных позволяют измерить и сравнить абсолютную величину неравенства городов. Преимуществом выбранных методов и параметров являются простота расчета и интерпретации, устойчивость к масштабу, универсальность, оперативность контроля. Методы исследования – системный, сравнительный, экономико-статистический анализ. Информационную базу исследования составили официальные данные Росстата³. Выбранные показатели, по мнению авторов, напрямую отражают ключевые аспекты благополучия: материальное благосостояние (зарплата, жилье, торговля, инвестиции), доступность социальных услуг (здравоохранение), динамика экономического развития (инвестиции, строительство, торговля).

² В зависимости от административно-территориального устройства число исследованных городов составило от 90 до 83.

³ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014–2023 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>

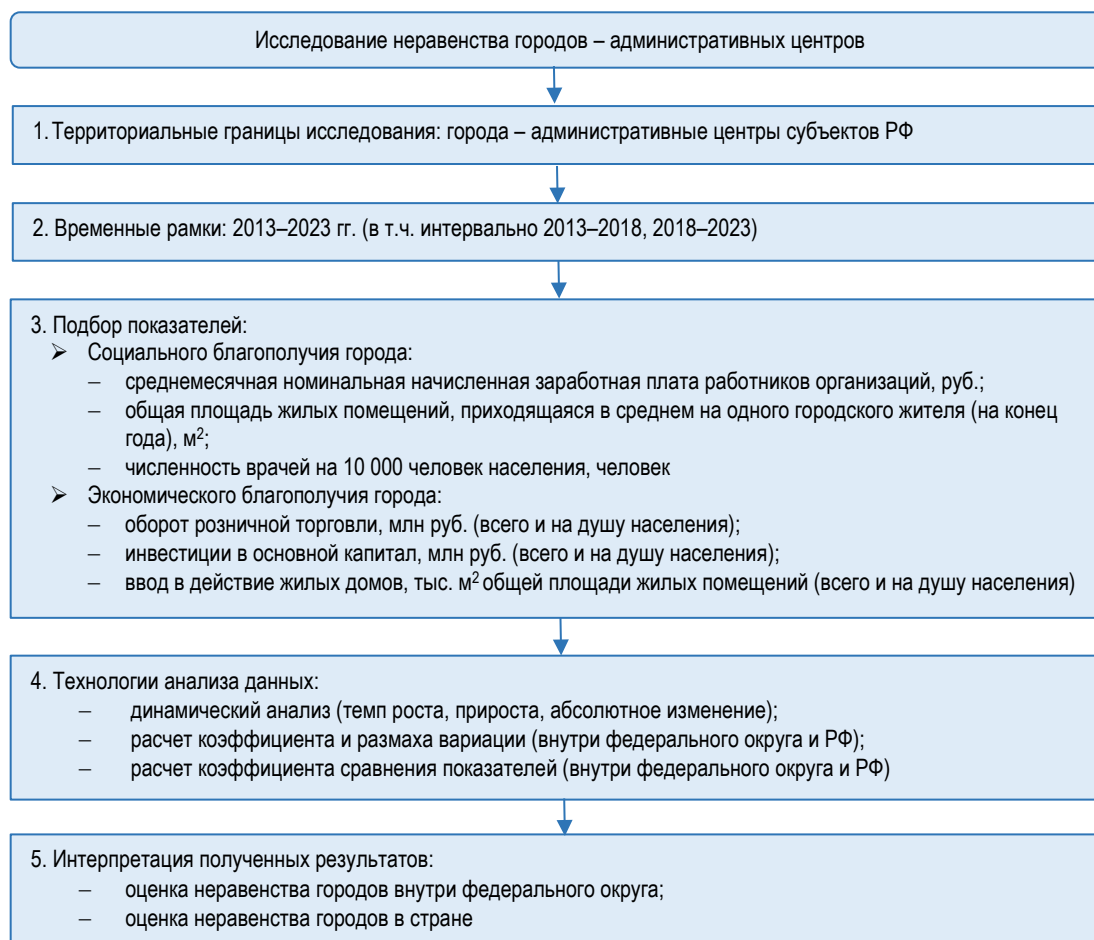

Рис. 1. Описание исследования неравенства городов – административных центров в аспекте исследования экономического благополучия

Источник: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014–2023 гг.
URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>

Результаты

По итогам 2023 года доля населения в городах – административных центрах составила 27,5% (40,1 млн чел.) от численности всего населения страны и 36,7% численности городского населения, в 2013–2023 гг. изменение показателя не превышает +/-0,1%. В целом за 11 лет численность населения городов снизилась на 0,2%. Наибольший абсолютный прирост отмечен в г. Краснодаре (+350,5 тыс. чел.), сокращение – в г. Астрахани (-65,4 тыс. чел.). В относительном выражении больше всего население увеличилось в г. Магасе (в 3,9 раза), убыло – в Архангельске (-15,7%). В экономическом развитии страны роль исследуемых городов высока – на них приходится 20,2%

(2023 год) общего объема инвестиций в основной капитал и 10,3% (2023 год) суммарного оборота розничной торговли в стране. Однако анализ показателей в разрезе городов показывает их высокую неоднородность (рис. 2).

Согласно рисунку 2, наибольшая неоднородность проявляется по показателям ввода в действие жилых домов и инвестициям в основной капитал, наименее дифференцированы города по среднемесячной заработной плате работников, обеспеченностью жилыми помещениями и врачами. Аналогичные результаты получены при сравнении крайних значений, это дает возможность оценить масштаб неравенства (рис. 3).

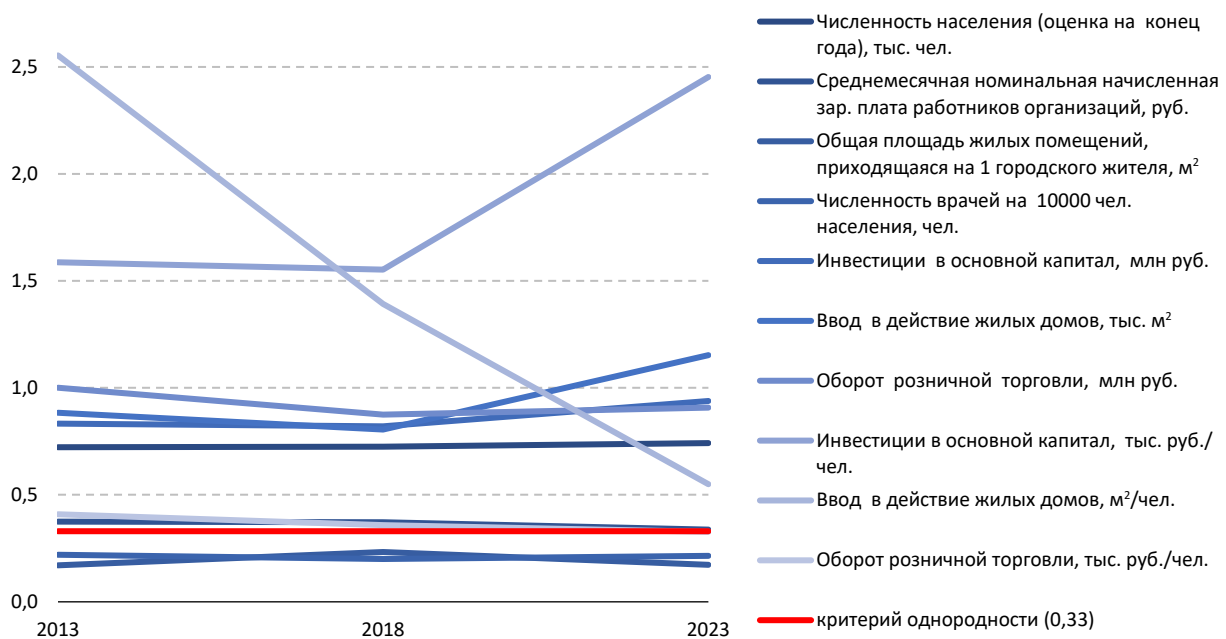

Рис. 2. Результаты оценки неоднородности городов (по значению коэффициента вариации)*

* Представлены результаты расчета коэффициента вариации.

Источник: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014–2023 гг.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>

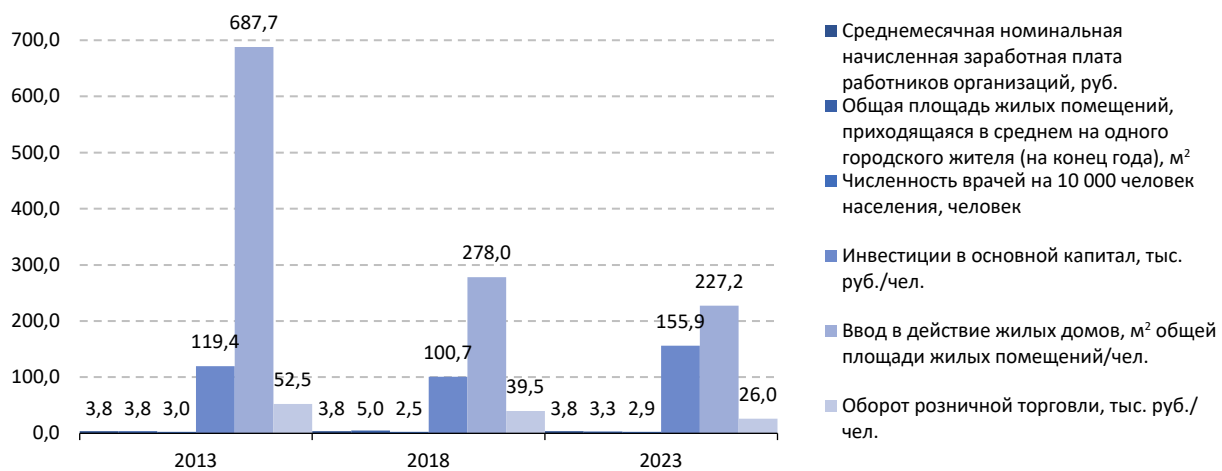

Рис. 3. Результаты оценки неравенства городов (на основе расчета коэффициента сравнения)*

* Рассчитывается как отношение максимального значения показателя к минимальному.

Источник: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014–2023 гг.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>

Анализ данных показывает тенденцию к сокращению неравенства городов в пространстве страны в 2023 году относительно предыдущих периодов в части ввода жилья и оборота розничной торговли, при этом дисбалансы по оплате труда, обеспеченностью жильем и врачами остаются устойчивыми.

Согласно данным *табл. 1*, перечень городов с крайними значениями показателей за 11-летний период меняется незначительно. Так, заработная плата оказывается наиболее поляризованной в городах Южного и Дальневосточного федеральных округов (г. Элиста и г. Анадырь). Наименьший объем инвестиций на душу населения устойчиво имеет г. Махачкала, что обусловлено как небольшим относительно других городов объемом инвестиций, так и высокой численностью населения. Наименьший ввод в действие жилых домов в г. Мурманске (СЗФО), при этом лидирующие позиции занимают города ЮФО и СКФО. Распределение инвестиций на душу населения среди городов неустойчиво, при этом по показателю общего объема инвестиций набор лидеров и аутсайдеров меняется: лидером в 2023 году стал Иркутск, а аутсайдером – Горно-Алтайск. Отметим, что по указанному набору данных распределение городов диф-

ференцированно, т. е. не позволяет выделить однозначного лидера или аутсайдера. Соответственно, представляют интерес рассмотрение и оценка неравенства внутри федеральных округов (*табл. 2–4*).

В 2013 году отмечена существенная внутрирегиональная неоднородность (по федеральным округам) по среднечеловеческим показателям инвестиций в основной капитал, вводу в действие жилых домов и обороту розничной торговли. По остальным показателям распределение относительно равномерное. Наибольшее неравенство по зарплатам наблюдается в городах Урала (УФО) и Дальнего Востока (ДФО). Самое большое неравенство по обеспеченности жильем – в городах СКФО, что обусловлено процессами урбанизации, концентрации населения, доступностью жилья. Неравенство в доступе к медицинским услугам наибольшее в городах ЦФО и УФО, что может говорить о концентрации врачей в наиболее крупных городах федерального округа. Большое неравенство в инвестициях, в строительстве жилья в СКФО и СЗФО может объясняться низкой инвестиционной привлекательностью городов, ограниченностью реализации инфраструктурных проектов. Наиболее выражено неравенство в потребительской

Таблица 1. Распределение городов по крайним значениям показателей

	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного городского жителя (на конец года), м ²	Численность врачей на 10000 человек населения, чел.	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. / чел.	Ввод в действие жилых домов, м ² общей площади жилых помещений / чел.	Оборот розничной торговли, тыс. руб. / чел.
2013						
min	Элиста	Махачкала	Барнаул	Махачкала	Мурманск	Магас
max	Анадырь	Магас	Чита	Нарьян-Мар	Магас	Краснодар
2018						
min	Элиста	Симферополь	Севастополь	Махачкала	Мурманск	Махачкала
max	Анадырь	Магас	Ханты-Мансийск	Нарьян-Мар	Магас	Краснодар
2023						
min	Элиста	Кызыл	Севастополь	Махачкала	Мурманск	Махачкала
max	Анадырь	Магас	Ханты-Мансийск	Салехард	Краснодар	Краснодар
Составлено по: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014–2023 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206						

активности (объеме розничной торговли) в СКФО и СФО, что связано с уровнем доходов и наличием крупных торговых центров в ограниченном количестве городов.

В целом можно сделать вывод о более равномерном развитии городов внутри федеральных округов и существенной их диф-

ференциации в пространстве страны. В связи с этим для выравнивания условий развития городов дифференцированные меры, учитывающие региональную специфику, будут более эффективны. Обратим внимание на динамику неоднородности развития городов в последующие периоды (табл. 3).

Таблица 2. Оценка неоднородности развития городов внутри федеральных округов, 2013 год*

Федеральный округ	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Общая площадь жилых помещений в среднем на одного городского жителя (на конец года), м ²	Численность врачей на 10 000 человек населения, чел.	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. / чел.	Ввод в действие жилых домов, м ² общей площади жилых помещений / чел.	Оборот розничной торговли, тыс. руб. / чел.
ЦФО	1,39	1,19	2,29	4,94	3,74	3,43
ПФО	1,52	1,26	1,88	4,55	2,11	3,12
СКФО	1,21	3,76	1,46	25,74	44,73	40,84
ЮФО	1,59	1,27	1,52	10,65	8,58	3,29
СЗФО	2,44	1,23	1,53	34,72	30,97	2,67
УФО	3,20	1,30	2,63	15,35	3,22	3,29
СФО	1,52	1,70	2,56	3,65	3,48	31,05
ДФО	2,59	1,51	2,17	11,57	14,71	3,00
РФ	3,8	3,8	3,0	119,4	687,7	52,5

*Представлены результаты сравнения крайних значений показателей (К ср = max/min).

Рассчитано по: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014–2023 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>

Таблица 3. Оценка неоднородности развития городов внутри федеральных округов, 2018 год*

Федеральный округ	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Общая площадь жилых помещений в среднем на одного городского жителя (на конец года), м ²	Численность врачей на 10000 человек населения, чел.	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. / чел.	Ввод в действие жилых домов, м ² общей площади жилых помещений / чел.	Оборот розничной торговли, тыс. руб. / чел.
ЦФО	1,40	1,22	1,99	4,32	4,91	2,88
ПФО	1,38	1,37	1,69	4,03	3,32	2,00
СКФО	1,28	3,95	1,76	65,62	33,20	17,68
ЮФО	1,54	2,51	1,99	6,43	9,62	3,63
СЗФО	2,27	1,19	1,54	36,64	32,51	1,45
УФО	3,10	1,20	2,48	21,68	2,79	3,48
СФО	1,49	1,80	2,09	3,46	2,26	8,94
ДФО	2,77	1,40	1,98	13,44	24,18	3,01
РФ	3,8	5,0	2,5	100,7	278,0	39,5

* Представлены результаты сравнения крайних значений показателей (К ср = max/min).

Рассчитано по: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014–2023 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>

В 2018 году неравенство городов несколько сглаживается относительно предыдущих периодов, но наиболее существенные дисбалансы по инвестициям и вводу жилья сохраняются. Как и в 2013 году, СКФО и СЗФО демонстрируют самые большие значения по инвестициям и вводу жилья, что может свидетельствовать о локальной концентрации ресурсов в отдельных городах. УФО и ДФО также сохранили высокую дифференциацию по зарплатам. На основе данных табл. 4 рассмотрим, как меняется неоднородность городов в 2023 году.

В 2023 году отмечается усиление неоднородности городов по среднелюдным показателям инвестиций относительно 2018 года, по остальным показателям тенденции сглаживания сохраняются. Наибольшее неравенство по зарплатам остается в городах УФО и ДФО, при этом относительно предыдущих периодов (2013, 2018 гг.) можно выделить тенденции к сглаживанию. Также более равномерным стало распределение городов по вводу жилья, что является следствием реализуемых в этот период государственных программ⁴. Оборот розничной торговли в

городах внутри федеральных округов относительно равномерен (исключение – города СКФО). Высокая дифференциация в части инвестиций в городах УФО (что объясняется ростом инвестиций в ОПК и реализацией инфраструктурных проектов), а также ДФО. В целом за период 2013–2023 гг. наблюдаются тенденции сглаживания неоднородности развития городов, при этом указанные тенденции больше внутри федеральных округов, где дифференциация развития городов менее выражена. Представляет интерес распределение городов по указанным параметрам в пространстве федеральных округов и РФ (табл. 5, 6).

Рассмотрим распределение городов, занимающих крайние позиции по исследуемым показателям. Анализ распределения городов, имеющих минимальные значения, позволяет сделать следующие выводы. Состав городов с минимальными значениями по большинству показателей в 2013 и 2023 году одинаков. В список городов с минимальными значениями по большинству показателей стабильно входят Саранск, Кострома, Махачкала, Элиста, Биробиджан.

Таблица 4. Оценка неоднородности развития городов внутри федеральных округов, 2023 год*

Федеральный округ	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Общая площадь жилых помещений в среднем на одного городского жителя (на конец года), м ²	Численность врачей на 10000 человек населения, чел.	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. / чел.	Ввод в действие жилых домов, м ² общей площади жилых помещений / чел.	Оборот розничной торговли, тыс. руб. / чел.
ЦФО	1,41	1,31	2,05	3,13	3,04	1,65
ПФО	1,50	1,40	1,74	4,82	1,84	1,70
СКФО	1,32	2,73	2,24	15,48	4,90	10,47
ЮФО	1,67	2,15	2,17	4,60	5,28	3,45
СЗФО	2,02	1,23	1,67	10,36	85,40	1,96
УФО	2,50	1,23	2,54	42,37	3,45	1,50
СФО	1,47	1,89	2,01	10,53	3,34	3,35
ДФО	2,62	1,60	2,10	33,05	12,22	3,36
РФ	3,8	3,3	2,9	155,9	227,2	26,0

* Представлены результаты сравнения крайних значений показателей (K_{ср} = max/min).

Рассчитано по: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014–2023 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>

⁴ «Семейная ипотека», «Льготная ипотека», «Дальневосточная ипотека» и «ИТ-ипотека». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/38/events>

Таблица 5. Распределение городов с минимальными значениями показателей

Федеральный округ			Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций, руб.	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного городского жителя (на конец года), м ²	Численность врачей на 10000 человек населения, чел.	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. / чел.	Ввод в действие жилых домов, м ² общей площади жилых помещений / чел.	Оборот розничной торговли, тыс. руб. / чел.
ЦФО	2013	min	Тамбов	Ярославль	Кострома	Кострома	Ярославль	Кострома
	2023	min	Тамбов	Ярославль	Кострома	Иваново	Белгород	Кострома
ПФО	2013	min	Саранск	Ижевск	Ульяновск	Йошкар-Ола	Ижевск	Саранск
	2023	min	Саранск	Ижевск	Йошкар-Ола	Ульяновск	Саранск	Чебоксары
СКФО	2013	min	Черкесск	Махачкала	Черкесск	Махачкала	Владикавказ	Магас
	2023	min	Владикавказ	Махачкала	Магас	Махачкала	Махачкала	Махачкала
ЮФО	2013	min	Элиста	Волгоград	Майкоп	Майкоп	Майкоп	Элиста
	2023	min	Элиста	Симферополь	Севастополь	Элиста	Симферополь	Элиста
СЗФО	2013	min	Псков	Сыктывкар	Вологда	Псков	Мурманск	Архангельск
	2023	min	Псков	Нарьян-Мар	Вологда	Сыктывкар	Мурманск	Нарьян-Мар
УФО	2013	min	Курган	Ханты-Мансийск	Курган	Курган	Курган	Салехард
	2023	min	Курган	Ханты-Мансийск	Курган	Челябинск	Челябинск	Ханты-Мансийск
СФО	2013	min	Барнаул	Кызыл	Барнаул	Барнаул	Кызыл	Кызыл
	2023	min	Барнаул	Кызыл	Барнаул	Горно-Алтайск	Томск	Кызыл
ДФО	2013	min	Биробиджан	Якутск	Биробиджан	Биробиджан	Магадан	Владивосток
	2023	min	Улан-Удэ	Якутск	Биробиджан	Биробиджан	Магадан	Улан-Удэ

Составлено по: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014–2023 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>

Таблица 6. Распределение городов с максимальными значениями показателей

Федеральный округ			Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного городского жителя (на конец года), м ²	Численность врачей на 10000 человек населения, чел.	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. / чел.	Ввод в действие жилых домов, м ² общей площади жилых помещений / чел.	Оборот розничной торговли, тыс. руб. / чел.
ЦФО	2013	max	Калуга	Орел	Смоленск	Калуга	Тверь	Смоленск
	2023	max	Тула	Тула	Смоленск	Калуга	Тула	Тула
ПФО	2013	max	Пермь	Саратов	Саратов	Пермь	Саратов	Казань
	2023	max	Казань	Пенза	Оренбург	Казань	Пенза	Нижний Новгород
СКФО	2013	max	Ставрополь	Магас	Владикавказ	Магас	Магас	Ставрополь
	2023	max	Ставрополь	Магас	Владикавказ	Магас	Магас	Ставрополь
ЮФО	2013	max	Краснодар	Краснодар	Астрахань	Краснодар	Краснодар	Краснодар
	2023	max	Краснодар	Краснодар	Астрахань	Ростов-на-Дону	Краснодар	Краснодар
СЗФО	2013	max	Нарьян-Мар	Калининград	Архангельск	Нарьян-Мар	Калининград	Мурманск
	2023	max	Мурманск	Калининград	Архангельск	Нарьян-Мар	Калининград	Мурманск
УФО	2013	max	Салехард	Тюмень	Ханты-Мансийск	Салехард	Тюмень	Тюмень
	2023	max	Салехард	Тюмень	Ханты-Мансийск	Салехард	Тюмень	Екатеринбург
СФО	2013	max	Иркутск	Иркутск	Чита	Кызыл	Новосибирск	Новосибирск
	2023	max	Иркутск	Абакан	Иркутск	Иркутск	Новосибирск	Кемерово
ДФО	2013	max	Анадырь	Магадан	Анадырь	Анадырь	Благовещенск	Анадырь
	2023	max	Анадырь	Южно-Сахалинск	Южно-Сахалинск	Анадырь	Южно-Сахалинск	Благовещенск

Составлено по: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014–2023 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>

В ряде случаев города-аутсайдеры меняются (в ЦФО, УФО, ПФО), что можно рассматривать как признак улучшения, так и ухудшения положения других городов.

Анализ распределения городов с максимальными значениями свидетельствует, что города сохраняют лидерство по большинству показателей как в 2013 году, так и в 2023 году (например, Краснодар, Ставрополь, Салехард, Анадырь, Казань), что говорит об устойчивом развитии и концентрации ресурсов в них. Наиболее значительное перераспределение городов-лидеров происходит в ЦФО, ПФО, СЗФО и СФО.

Таким образом, состав городов-аутсайдеров и городов-лидеров внутри федеральных округов относительно постоянен: с минимальными значениями – в СКФО, ПФО, СФО и ДФО, а с максимальными – в ЦФО, ЮФО. Указанные тенденции свидетельствуют, с одной стороны, о сохраняющемся потенциале отдельных городов федерального округа, а с другой – об устойчивом отставании в развитии городов и неэффективности политики выравнивания их социально-экономического развития.

Выводы

Исследование пространственной неоднородности развития городов (административных центров) с учетом взаимосвязи межрегионального и внутрирегионального (городского) неравенства в контексте формирования экономического благополучия территорий позволяет сделать вывод, что, несмотря на значительную роль городов в социально-экономическом развитии страны, сохраняется их существенная неоднородность. Наиболее поляризованным оказывается развитие городов по стране в целом, исследование внутри федеральных округов свидетельствует о более равномерном распределении.

Наибольшая неоднородность проявляется по таким показателям, как объем инвестиций и ввод жилых домов, но за исследуемый период отмечается тенденция к ее сокращению. Наименее дифференцированными являются показатели среднемесячной заработной платы, обеспеченности жильем

и врачами, однако эти дисбалансы остаются устойчивыми во времени. Состав городов с минимальными и максимальными значениями по большинству показателей остается стабильным, изменения наблюдаются лишь в некоторых регионах, что может быть связано с улучшением или ухудшением ситуации в других городах (базой сравнения).

Распределение городов в пространстве страны и федеральных округов показало, что наиболее часто на позициях аутсайдеров оказываются города СКФО, особенно в отношении потребительской активности, доходов населения, позиции лидеров имеют преимущественно города ЦФО, ДФО. Указанные положения соответствуют выводам авторов о межрегиональной дифференциации – об устойчиво лидирующих позициях регионов ДВО, а также отставании регионов Северного Кавказа по уровню жизни, доходам населения, социальному обеспечению регионов (Антипин и др., 2025). Эти тенденции позволяют говорить о существенной роли городов – административных центров в формировании межрегионального неравенства. Тенденция к сглаживанию неравенства подтверждает относительную эффективность проводимой государственной политики по выравниванию территорий.

В связи со сказанным для обеспечения сбалансированности пространственного развития страны требуются направленная поддержка и создание условий (инвестиционных, инфраструктурных) для городов-аутсайдеров, мониторинг городов «срединного» положения (т. е. не имеющих крайних позиций). В контексте исследования экономического благополучия особое значение приобретает реализация мер, направленных на повышение качества жизни, целесообразна политика развития нескольких сильных городов, что снижает зависимость от одного центра.

Теоретические результаты исследования расширяют существующие научные представления о пространственной организации экономики и природе регионального неравенства через призму развития городов как

ключевых элементов. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов для совершенствования механизмов регионального управления, в процессе разработки и реализации стратегий развития, а также для дальнейших научных и прикладных исследований. Ограничением применимости полученных результатов остается сложность их одновременного использования для выработки управленческих решений. Соответственно,

регулирование рассматриваемых параметров неоднородности будет более эффективным в рамках точечных оценок и решений. При этом в процессах стратегического планирования полученные результаты могут учитываться комплексно. Дальнейшие исследования авторов будут направлены на изучение вопросов регулирования неравенства (инструментов, политик, лучших практик) в контексте обеспечения экономического благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипин И.А., Власова Н.Ю., Шишкина Е.А. (2025). Оценка межрегиональных диспропорций в контексте политики выравнивания пространственного развития РФ // ЭКО. № 2. С. 197–213. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-2-197-213
- Антипин И.А., Власова Н.Ю., Шишкина Е.А. (2024). Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 247. № 3. С. 179–201. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-179-201
- Бухвальд Е.М. (2021). Агломерации и проблемы их законодательного регулирования // Жилищные стратегии. № 1. С. 11–26. DOI: 10.18334/zhs.8.1.111982
- Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А., Кайбичева Е.И. (2024). Экономическое благополучие муниципальных образований и ответственное развитие: возможности измерения // Векторы благополучия: экономика и социум. Т. 52. № 3. С. 77–93. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1887
- Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А. (2023). Концепт экономического благополучия и возможности его проекции на муниципальный уровень // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 213–233. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13
- Дружинин П.В. (2022). Развитие административных центров и их влияние на экономику регионов // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 69–79. DOI: 10.47711/0868-6351-191-69-79
- Земцов С.П., Михайлов А.А. (2024). Оценка роли городов в региональном развитии // Устойчивость городов: вызовы и решения: сборник материалов Международной научной конференции. Алматы: Казак университеті. С. 27–31. URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.11442.62402>
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2024). Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. № 1 (83). С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1
- Кузнецова О.В. (2022). «Вторые» города в государственном регулировании пространственного развития // Terra Economicus. Т. 20. № 4. С. 129–140. DOI: 10.18522/2073-6606-202220-4-129-140
- Лаппо Г.М. (2019). Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 3–23. DOI: 10.31857/S2587-5566201943-23
- Любовный В.Я. (2018). Монопрофильные города России: истоки, эволюция развития и регулирования. Москва: Экон-Информ. 445 с.
- Манаева И.В. (2019). Распределение городов в федеральных округах России: тестирование закона Ципфа // Экономика региона. № 1. С. 84–98. DOI: 10.17059/2019-1-7
- Мельникова Т.Б. (2023). Дифференциация малых городов по факторам локализации знаний // Экономика региона. Т. 19. № 2. С. 329–342. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-3

- Пахнина С.Ю. (2023). Крупные города в региональном экономическом пространстве // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 24–43. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.3
- Трейвиш А.И. (2009). Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. Москва: Новый хронограф. 376 с.
- Alberti M., McPhearson T., Gonzalez A. (2018). Embracing urban complexity. In: Elmqvist T. et al. (Eds.) *Urban Planet: Knowledge towards Sustainable Cities*. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/9781316647554.004>
- Asuah A., Zumelzu Scheel A. (2020). Measuring urban diversities in cities in transformation: case of Temuco, Chile. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 503, 1–9. Available at: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/503/1/012085>
- Ballas D. (2013). What makes a “happy city”? *Cities*, 32, S39–S50. DOI: 10.1016/j.cities.2013.04.009
- Chen Y. et al. (2023). Polycentric urban development with state-led administrative division adjustment: A policy insight for urban spatial transformation. *Journal of Geographical Sciences*, 33, 2400–2424. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11442-023-2182-y>
- Easterlin R.A. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: David P., Melvin W. (Eds.) *Nations and Households in Economic Growth*. Palo Alto, CA: Stanford University Press.
- Frick S.A., Rodríguez-Pose A. (2018). Change in urban concentration and economic growth. *World Development*. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.12.034
- Hussein H., Al-Jameel A. (2025). Code-based revealing of heterogeneity in urban form: Duhok City as a model. *Journal of Umm Al-Qura University for Engineering and Architecture*, 16. DOI: 10.1007/s43995-025-00110-7
- Mouratidis K. (2021). Urban planning and quality of life: A review of pathways linking the built environment to subjective well-being. *Cities*, 115, 103229. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103229>
- Liu Z. et al. (2023). Quantitative analysis of spatial heterogeneity and driving forces of the urban spatial structure's development level based on multi-source big data: A case study of Beijing, China. *Land*, 12(6), 1178. Available at: <https://doi.org/10.3390/land12061178>
- Ribeiro P.J.G., Gonçalves L.A.P.J. (2019). Urban resilience: A conceptual framework. *Sustainable Cities and Society*, 50, 101625. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2019.101625>
- Rolfes M., Wilhelm J.L. (2024). Urban development and urban complexity. In: *System-Theoretical Urban Development*. Wiesbaden: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-658-42250-9_2
- Shamsuddin S. (2020). Resilience resistance: The challenges and implications of urban resilience implementation. *Cities*, 103, 102763. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102763>
- Urrutia-Mosquera J. et al. (2024). Sustainable urban development and mobility: The role of spatial heterogeneity in sustainable trip patterns. *Sustainable Development*, 33, 2171–2188. Available at: <https://doi.org/10.1002/sd.3207>
- Wang H. et al. (2024). Digital economy development boosts urban resilience: Evidence from China. *Scientific Reports*, 14, 2925. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41598-024-52191-4>
- Yang Y., Wang L., Li H. (2025). Research on the improvement paths and regional heterogeneity of urban technology network resilience. *International Regional Science Review*. Available at: <https://doi.org/10.1177/01600176251345384>
- Zhang N. et al. (2025). Heterogeneity analysis of resident demands and public service facilities in megacities of China from the perspective of urban health examination. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 14(5), 188. Available at: <https://doi.org/10.3390/ijgi14050188>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иван Александрович Антипин – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: antipia@usue.ru

Елена Александровна Шишкина – доктор экономических наук, доцент, профессор, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: Shishea@usue.ru)

Antipin I.A., Shishkina E.A.

SPATIAL HETEROGENEITY OF URBAN DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF ECONOMIC WELL-BEING OF TERRITORIES

Territorial inequality remains an urgent and significant problem of the present time, and its consequences are social and economic in nature, reinforcing the polarity of the development of the economic space of the regions. Questions about the impact of territorial inequality on the well-being of the population have mixed answers. The aim of the study is to develop a methodological approach to the analysis of spatial heterogeneity of urban development, taking into account the interrelation of interregional and intraregional (urban) inequality in the context of the formation of economic well-being. The hypothesis of the research suggests that, first, cities largely determine inter-regional inequality, and second, long-term urban development should go beyond the classical growth economy and take into account the criteria of economic well-being. The cities – administrative centers of the constituent entities of the Russian Federation – were chosen as the object of research. The analysis uses indicators characterizing the provision of individual benefits to the population, reflecting the material well-being of the population, as well as the dynamics of economic development of cities. The time frame of the study covers the period 2013–2023. There is a continuing high heterogeneity of cities, especially in terms of housing starts and investments, with some tendency to smooth out in the period 2013–2023. A more even distribution of cities in the country is observed in terms of wages, housing and doctors, but these imbalances are stable over time. We have established that the composition of cities with extreme values remains stable in most indicators. In general, the differentiation of cities in the country is more significant, and the intra-regional distribution of cities (within federal districts) is more uniform. The conclusion is made about the significant role of cities – administrative centers in the formation of inter-regional inequality. We determined that to ensure a balanced spatial development of the country, targeted support and creation of conditions (investment, infrastructure, etc.) for outsider cities are required, as well as monitoring of cities in the “middle” position. In the context of ensuring economic well-being, the implementation of measures aimed at improving the quality of life and the development of several strong cities in the region is of strategic importance, which reduces dependence on one center.

Region, economic space, city, administrative center, heterogeneity, well-being.

REFERENCES

- Alberti M., McPhearson T., Gonzalez A. (2018). Embracing urban complexity. In: Elmqvist T. et al. (Eds.) *Urban Planet: Knowledge towards Sustainable Cities*. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/9781316647554.004>
- Antipin I.A., Vlasova N.Yu., Shishkina E.A. (2024). Strategic management of imbalances in the socio-economic and spatial development of Russian regions. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 247(3), 179–201. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-179-201 (in Russian).

- Antipin I.A., Vlasova N.Yu., Shishkina E.A. (2025). Assessment of interregional disparities in the context of spatial development leveling policy of the Russian Federation. *EKO=ECO Journal*, 2, 197–213. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–2–197–213 (in Russian).
- Asuah A., Zumelzu Scheel A. (2020). Measuring urban diversities in cities in transformation: case of Temuco, Chile. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 503, 1–9. Available at: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/503/1/012085>
- Ballas D. (2013). What makes a “happy city”? *Cities*, 32, S39–S50. DOI: 10.1016/j.cities.2013.04.009
- Bukhval'd E.M. (2021). Agglomerations and problems of their legislative regulation. *Zhilishchnye strategii=Russian Journal of Housing Research*, 1, 11–26. DOI: 10.18334/zhs.8.1.111982 (in Russian).
- Chen Y. et al. (2023). Polycentric urban development with state-led administrative division adjustment: A policy insight for urban spatial transformation. *Journal of Geographical Sciences*, 33, 2400–2424. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11442-023-2182-y>
- Druzhinin P.V. (2022). Development of administrative centers and their impact on the regional economy. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 2, 69–79. DOI: 10.47711/0868-6351-191-69-79 (in Russian).
- Dvoryadkina E.B., Belousova E.A. (2023). Economic well-being concept and possibility of its projection to the municipal level. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(6), 213–233. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13 (in Russian).
- Dvoryadkina E.B., Belousova E.A., Kaibicheva E.I. (2024). Economic well-being of municipalities and responsible development: Measurement possibilities. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium=Journal of Wellbeing Technologies*, 52(3), 77–93. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1887 (in Russian).
- Easterlin R.A. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: David P., Melvin W. (Eds.) *Nations and Households in Economic Growth*. Palo Alto, CA: Stanford University Press.
- Frick S.A., Rodríguez-Pose A. (2018). Change in urban concentration and economic growth. *World Development*. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.12.034
- Hussein H., Al-Jameel A. (2025). Code-based revealing of heterogeneity in urban form: Duhok City as a model. *Journal of Umm Al-Qura University for Engineering and Architecture*, 16. DOI: 10.1007/s43995-025-00110-7
- Kuznetsova O.V. (2022). Second-tier cities in the state regulation of spatial development. *Terra Economicus*, 20(4), 129–140. DOI: 10.18522/2073-6606-202220-4-129-140 (in Russian).
- Lappo G.M. (2019). Diversity of cities as a factor of Russia's successful spatial development. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, 4, 3–23. DOI: 10.31857/S2587-5566201943-23 (in Russian).
- Liu Z. et al. (2023). Quantitative analysis of spatial heterogeneity and driving forces of the urban spatial structure's development level based on multi-source big data: A case study of Beijing, China. *Land*, 12(6), 1178. Available at: <https://doi.org/10.3390/land12061178>
- Lyubovnyi V.Ya. (2018). *Monoprofil'nye goroda Rossii: istoki, evolyutsiya razvitiya i regulirovaniya* [Single-Industry Cities of Russia: Origins, Evolution of Development and Regulation]. Moscow: Ekon-Inform.
- Manaeva I.V. (2019). Distribution of cities in the federal districts of Russia: Testing of the Zipf law. *Ekonomika regiona*, 1, 84–98. DOI: 10.17059/2019-1-7 (in Russian).
- Mel'nikova T.B. (2023). Differentiation of small towns by knowledge localization factors. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 19(2), 329–342. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-3
- Mouratidis K. (2021). Urban planning and quality of life: A review of pathways linking the built environment to subjective well-being. *Cities*, 115, 103229. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103229>
- Pakhnina S.Yu. (2023). Large cities in the regional economic space. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(6), 24–43. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.3
- Ribeiro P.J.G., Gonçalves L.A.P.J. (2019). Urban resilience: A conceptual framework. *Sustainable Cities and Society*, 50, 101625. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2019.101625>

- Rolfes M., Wilhelm J.L. (2024). Urban development and urban complexity. In: *System-Theoretical Urban Development*. Wiesbaden: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-658-42250-9_2
- Shamsuddin S. (2020). Resilience resistance: The challenges and implications of urban resilience implementation. *Cities*, 103, 102763. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102763>
- Travish A.I. (2009). *Gorod, raion, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, Area, Country and the World. Development of Russia by Eyes of Researcher]. Moscow: Novyi khronograf.
- Urrutia-Mosquera J. et al. (2024). Sustainable urban development and mobility: The role of spatial heterogeneity in sustainable trip patterns. *Sustainable Development*, 33, 2171–2188. Available at: <https://doi.org/10.1002/sd.3207>
- Wang H. et al. (2024). Digital economy development boosts urban resilience: Evidence from China. *Scientific Reports*, 14, 2925. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41598-024-52191-4>
- Yang Y., Wang L., Li H. (2025). Research on the improvement paths and regional heterogeneity of urban technology network resilience. *International Regional Science Review*. Available at: <https://doi.org/10.1177/01600176251345384>
- Zemtsov S.P., Mikhailov A.A. (2024). Assessment of the role of cities in regional development. In: *Ustoichivost' gorodov: vyzovy i resheniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Urban Sustainability: Challenges and Solutions: Proceedings of the International Scientific Conference]. Almaty: Kazak universiteti. Available at: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.11442.62402> (in Russian).
- Zhang N. et al. (2025). Heterogeneity analysis of resident demands and public service facilities in megacities of China from the perspective of urban health examination. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 14(5), 188. Available at: <https://doi.org/10.3390/ijgi14050188>
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2024). Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the 21st century. *Regional'nye issledovaniya=Regional Research*, 1(83), 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivan A. Antipin – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: antipia@usue.ru)

Elena A. Shishkina – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: Shishea@usue.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.9

УДК 332.1 | ББК 65.050.2

© Гайнанов Д.А., Кириллова С.А.

РЕИНТЕГРАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

ДАМИР АХНАФОВИЧ ГАЙНАНОВ

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: 2d2@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-2606-2459; ResearcherID: O-5141-2015

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА КИРИЛЛОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: kirillova_sa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0622-5185; ResearcherID: O-4905-2015

Ключевой проблемой пространственного развития страны является отток населения из сельских населенных пунктов в городские агломерации, обусловленный ростом межтерриториальной дифференциации по уровню и качеству жизни, итогом чего стала дезинтеграция экономического пространства. В этих условиях задача по реинтеграции сельских территорий, взаимосвязанная со сдерживанием негативной динамики миграции населения, становится одной из приоритетных. На реализацию данного приоритета направлен ряд стратегических документов, а в качестве основного подхода к повышению качества и уровня жизни на сельских территориях в целях роста их привлекательности для населения и бизнеса определено формирование сети опорных населенных пунктов с опережающим развитием социальной, транспортной и коммунальной инфраструктуры. Выбор опорных населенных пунктов, осуществляемый в настоящее время на формальной основе, обуславливает актуальность исследования, целью которого является формирование рациональной структуры сети опорных населенных пунктов с помощью

Для цитирования: Гайнанов Д.А., Кириллова С.А. (2025). Реинтеграция сельских территорий Российской Федерации и инструментарий ее реализации // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 159–176. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.9

For citation: Gainanov D.A., Kirillova S.A. (2025). Rural reintegration in the Russian Federation and its implementation tools. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 159–176. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.9

решения следующих задач: анализ категории «реинтеграция сельских территорий»; обоснование методологических аспектов формирования рациональной структуры сети опорных населенных пунктов; разработка алгоритма проведения вычислительных экспериментов по оценке эффективности регуляторных мер и проектов развития. Научная новизна результатов исследования заключается в формировании рациональной структуры сети опорных населенных пунктов. Отличительной особенностью работы является использование методологического подхода интегрированного межмуниципального взаимодействия для реализации социально и экономически значимых проектов, оценка их эффективности с применением адаптивной системы моделирования и прогнозирования динамики взаимообусловленности привлекательности территории и миграционного поведения населения на основе агент-ориентированного моделирования. Практическая значимость результатов состоит в повышении обоснованности решений, принимаемых органами государственной власти в сфере обеспечения устойчивого развития сельских территорий, с помощью вычислительных экспериментов, проведенных исходя из целевых значений показателей планируемых и реализуемых социально-экономических проектов.

Реинтеграция территорий, интеграция, дезинтеграция, миграция населения, миграционное поведение населения, регион, пространственное развитие, экономическое пространство, модели, сценарии, агент-ориентированное моделирование.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00571-25-00 на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов.

Введение

Рост пространственной дифференциации российских территорий по уровню и качеству жизни обусловил отток жителей из неблагоприятных районов, снижение рождаемости. Особенно активно процессы миграции протекают на сельских территориях, чему способствует слабая инфраструктурная обеспеченность (благоустроенность жилого фонда, газификация и водоснабжение) сельских поселений. За 2012–2023 гг. численность населения в селах уменьшилась на 7,77 млн человек при росте количества жителей других населенных пунктов, в том числе городов и поселков городского типа на 3,14 млн человек. Кроме того, ухудшение жизни на сельских территориях препятствует развитию агропромышленного производства в связи с отсутствием высококвалифицированных трудовых ресурсов.

Данный факт отмечают, в частности, В.В. Рау, Л.В. Скульская, Т.К. Широкова (Рау и др., 2022), считающие причиной происходящего в большинстве стран сокращения сельского населения и одним из основных факторов дефицита квалифицированных

кадров устойчивую миграцию сельской молодежи в города. Кроме того, уменьшение численности населения сельских территорий приводит к ухудшению демографического состояния России, сокращению общей численности трудоспособного населения, количества сельских поселений (за 2012–2023 гг. их число уменьшилось с 18831 до 14575, то есть на 4256 ед.).

В результате из экономического пространства страны и регионов выводятся значительные площади сельских территорий, что осложняет решение задач по обеспечению экономической и продовольственной безопасности страны, ослабляет целостность ее территориального каркаса. Продолжающийся рост дифференциации российских территорий по уровню и качеству жизни обусловит дальнейшее увеличение миграции сельского населения в городские агломерации, усугубляя их инфраструктурные и экологические проблемы.

Аналогичные взгляды высказывают Е.Б. Дворядкина, Е.А. Белоусова, по мнению которых проводимая политика «обескров-

ливают» периферию, способствуя реализации негативных сценариев демографического развития небольших населенных пунктов, а недостаточная инфраструктурная обеспеченность «снижает связанность экономического пространства и консервирует его диспропорции» (Дворядкина, Белоусова, 2023). С.Ю. Пахнина считает, что негативным результатом концентрации населения в крупных городских агломерациях является рост неравномерного развития территорий (Пахнина, 2023).

С точки зрения Н.В. Ворошилова, «для достижения цели пространственного развития Российской Федерации следует решить задачу, связанную с сокращением уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ, а также снижением внутрирегиональных социально-экономических различий, в том числе за счет повышения устойчивости системы расселения путем социально-экономического развития городов и сельских территорий» (Ворошилов, 2023).

Сильное влияние межтерриториальной социально-экономической дифференциации на отток населения из небольших населенных пунктов, в особенности сельских, обуславливает необходимость реализации комплекса системных мер для сокращения имеющихся различий, что будет способствовать росту устойчивости развития этих территорий, повышению сбалансированности развития страны в целом.

Настоятельная необходимость сокращения пространственной дифференциации страны по уровню и качеству жизни, снижения внутрирегиональных социально-экономических различий определяет важность решения в стратегической перспективе двух взаимосвязанных задач: 1) реинтеграции сельских территорий в российское экономическое пространство для максимального вовлечения пространства в достижение национальных целей с учетом необходимости эффективного использования имеющихся ресурсов и формирования

сбалансированной территориальной организации экономики¹; 2) преодоления миграционного оттока сельского населения в городские агломерации, предполагающего выявление и системную оценку комплекса факторов, оказывающих на него влияние.

Вместе с тем в настоящее время отсутствует четкое понимание способа решения данных задач. Это обуславливает актуальность исследования, направленного на разработку методологического подхода и методического инструментария, которые позволят повысить обоснованность и эффективность государственного управления в этой сфере, с учетом одной из ключевых задач – восстановление экономического пространства страны на основе снижения межтерриториальных различий в уровне и качестве жизни и повышения привлекательности сельских территорий для удержания / привлечения населения.

В связи с этим цель нашего исследования заключается в формировании рациональной структуры сети опорных населенных пунктов с помощью решения следующих задач: анализ категории «реинтеграция сельских территорий»; обоснование методологических аспектов формирования рациональной структуры сети опорных населенных пунктов; разработка алгоритма проведения вычислительных экспериментов по оценке эффективности регуляторных мер и проектов развития.

Предметом исследования выступают взаимосвязанные процессы реинтеграции сельских территорий и преодоления миграционного оттока населения, а также инструментов их обеспечения.

Теоретико-методологические аспекты исследования

Одним из научных подходов к пониманию и преодолению пространственной дифференциации является теория реинтеграции территорий. В рамках исследуемой проблематики можно выделить ряд вопросов, которые в той или иной степени на се-

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 года № 4146-р.

годняшний день изучены, что нашло отражение в значительном количестве научных публикаций.

Проблемам интеграции на макро- и мезоуровне посвящено достаточно много работ как российских: Ю.А. Борко (Борко, 2020), М.В. Владыка, И.В. Чистникова, Ф.М. Ермаченко (Владыка и др., 2020), Н.В. Гонтарь (Gontar, 2018), Л.И. Глухарев, Р.С. Гринберг, М.Е. Дорошенко (Глухарев и др., 2006), О.Н. Мисько (Мисько, 2018), А.Д. Некипелов, С.А. Скибин (Скибин, 2022) и др., и зарубежных ученых, таких как Дж. Гэлбрейт, Р. Арон, Ф. Перру, А. Маршалл, Г. Мюрдаль, П. Стритен, Р. Кеохейн, А. Гамильтон, Л. Линдберг, К. Фридрих, Э. Хаас, Ф. Шмиттер, Дж. Вильямсон, П. Кругман, У. Молле, А. Эль-Аграа, М. Портер, П. Самуэльсон и др.

Вопросы управления интеграционными процессами исследовали Е.В. Балацкий, Л.Б. Вардомский, А.Г. Гранберг, Н.С. Зиядулаев, В.Н. Лексин, Л.И. Лидванова, Э.Е. Обминский, Ю.Я. Ольсевич, Ф.Ф. Рыбаков, А.И. Татаркин, И. Шевченко, Р.И. Шнипер и др.

Интеграционные процессы, механизмы и технологии политической интеграции на макроуровне «государство – государство» исследуют, в частности, Н.В. Соколова, по мнению которой сущностью политической интеграции, основой объединительных процессов являются экономические измерения с политическими последствиями и правовым обеспечением²; М. Ходжес, определяющий интеграцию как «формирование новой политической системы из существовавших до этого разделенных систем» (цит. по: Rosamond, 2000).

Яркими представителями цивилизационного подхода, учитывающего наличие общих культурных и исторических связей, менталитета, содействующих объединению территорий в единое политическое, экономическое или военное пространство, являются С. Хантингтон, отмечавший укрепление связи между государствами со

схожими цивилизационными характеристиками (Huntington, 2000), Л.Н. Гумилев (Гумилев, 1989), А.Г. Дугин (Дугин, 2014), Е.Ю. Винокуров, А.М. Либман, считающие актуальной темой континентальной интеграции Европы, Северной и Центральной Евразии (постсоветского пространства), Западной, Восточной и Южной Азии и ключевую роль в этом процессе отводившие проектам общей инфраструктуры, создающим возможности для перемещения товаров, услуг и рабочей силы (Винокуров, Либман, 2012).

Обобщая содержание категории «интеграции территорий различного уровня», можно отметить, что под этим термином чаще всего понимается процесс объединения элементов и структур на уровне регионов, муниципалитетов и отраслей для формирования единого экономического, социального и институционального пространства. Смысловой компонент состоит в согласовании интересов, устранении барьеров и создании условий для взаимного усиления субъектов через координацию политики, межрегиональное сотрудничество, развитие инфраструктуры и общих сервисов.

В свою очередь дезинтеграция территорий характеризуется ростом фрагментации и дистанцирования между частями единого пространства. Это выражается в усложнении взаимодействия между регионами, ухудшении связей и усилении различий в уровне социально-экономического развития, доступности услуг и инфраструктуре. Причиной дезинтеграции могут быть как экономические (неравномерное распределение ресурсов, миграционные потоки в пользу крупных центров), так и институциональные (разрывы в административном управлении, несовместимость правовых норм), социально-культурные и географические факторы. В результате снижается конкурентоспособность территорий, усиливаются дисбалансы в развитии и возрастают риски локальных кризисов.

Если интеграция и дезинтеграция представляют собой, по сути, разнонаправлен-

² Соколова Н.В. (2010). Политическая интеграция: генезис и перспективы развития (на примере ЕС, СНГ, Союзного государства России и Беларуси): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж. С. 5–8.

ные процессы объединения/фрагментации единого пространства, то, как отмечает Е.С. Матюнков, «феномен реинтеграции неразрывно связан с интеграцией и отличается от нее тем, что реинтеграции предшествует единство двух объектов» (Матюнков, 2023).

Сама проблема реинтеграции территорий в настоящее время достаточно слабо изучена, нет единого подхода к анализу и трактовке данной категории. В самом общем виде под термином понимается объединение чего-либо, прежде распавшегося, разъединенного, на новых принципах, основаниях³.

Чаще всего эту категорию исследуют политологи, геополитики, социологи на макро-, мезо- и микроуровнях, принимая в качестве объекта исследования, соответственно, государства, различные надгосударственные союзы, регионы, другие крупные социально-экономические или политические системы, а также для микроуровня – отдельные личности. Методологической основой исследований служат цивилизационный (от концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона), политический, экономический, институциональный и другие подходы, в рамках которых процессы реинтеграции анализируются на политическом, экономическом и социокультурном уровнях, а также методы сравнительного анализа, предполагающего сопоставление различных кейсов реинтеграции, например включение в состав ФРГ земель, ранее входивших в ГДР, и аналогичный процесс в КНР в отношении Гонконга.

Несмотря на значительное число исследований процессов реинтеграции с позиций цивилизационного подхода, он не обеспечивает полномасштабный охват современных реалий преимущественно экономического и территориального характера.

Х. Бродман (Broadman, 2006), Н. Петрович (Petrović, 2016), А. Корнетт (Cornett, 1999) идентифицируют глобализацию с ре-

интеграцией государств в рамках единой модели экономической, политической и идеологической организации.

Вопросы экономической интеграции на всех уровнях остаются исследованными в незначительной степени. В этой области можно отметить работы Ю.А. Борко, О.В. Буториной (Буторина, Борко, 2022), М.Ю. Мухина (Мухин, 2025), А.В. Андреева (Андреев, 2024), В.А. Троицкого (Троицкий, 2008).

С позиций социологического подхода О.В. Ярмач, Д.А. Миргород, Г.В. Косов трактуют реинтеграцию как «пересборку обществ и социальных пространств, обуславливающую консолидацию новых сетевых коммуникаций, инфраструктур; интеграцию ценностно-смыслового поля, исторической и социальной памяти, человеческого капитала; формирование новой символической власти и политических элит» (Ярмач и др., 2022).

По мнению В.В. Жириновского, реинтеграция «славянских» республик представляет собой «восстановление единства» общерусской народности⁴. Схожее мнение высказывает Е.С. Матюнков, понимающий под реинтеграцией возвращение какой-либо социальной группы или территориальной системы в состав исторически связанного с ними объекта (Матюнков, 2023).

Объекты микроуровня представлены отдельными персоналиями, исследуются процессы гражданской интеграции, а термин «реинтеграция» используется преимущественно с позиций личностной реинтеграции – как отдельных индивидов, так и их групп, в частности мигрантов и вынужденно перемещенных лиц (Нечаев, Матюнков, 2023), политической интеграции мигрантов. Б. Гарсес-Маскарена и Р. Пеннинк рассматривают интеграционную политику в Европейском Союзе не только в отношении иммигрантов и общества их поселения, но и субъектов в стране их происхождения (Garcés-Mascareñas, Penninx, 2016).

³ Большой толковый словарь русского языка [А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [рук. проекта, гл. ред. д.филол.н. С.А. Кузнецов]. Санкт-Петербург: Норинт, 2004. 1534 с.

⁴ Жириновский В.В. (2006). Россия победит! Москва: Издание Либерально-демократической партии России. 296 с.

Рассмотрение гражданской реинтеграции осуществляется в двух аспектах: с одной стороны, анализа поведения мигрантов, с другой – эффективности мер, принимаемых государством с целью успешной их адаптации к общественной жизни. Для такого рода исследований в основном применяются социологические и политико-психологические методы.

Что касается проблем реинтеграции территорий регионального и субрегионального уровня, то общетеоретическими вопросами в этой области занимались К. Дойч, разработавший концепцию «сообществ безопасности», позже ставшую основой транснационализма (Deutsch, 1957); Р. Купер, предложивший подход, с позиций которого для достижения оптимального сочетания возможных вариантов развития экономической интеграции должно осуществляться согласование внутренней и внешней политики интегрирующихся стран (Cooper, 1999); Э. Хаас с концепцией неофункционализма, понимавший региональную интеграцию как процесс, при котором лояльность политических акторов смещается в сторону нового центра принятия решений, а конечным результатом становится новое политическое сообщество (Haas, 1958); А. Этzioni, разработавший концепцию «всемирного сообщества сообществ», предполагающую трансформацию системы национальных государств в наднациональную форму, которая обладает легитимным контролем над силовыми структурами и перераспределяет ресурсы между государствами-членами (Etzioni, 2001).

В России проблематика региональной интеграции начала разрабатываться совсем недавно. Наряду с исследованиями западных ученых она касается преимущественно политических аспектов (Schammann et al., 2020; Spindelegger, 2021; Grawert et al., 2020; Матюнков, 2023). Однако в последнее время начали появляться работы, в которых реинтеграционные процессы рассматриваются с позиций экономических и культурных аспектов (Лескова и др., 2023; Нечаев, Матюнков, 2023).

Исследования реинтеграции сельских территорий в экономическое пространство региона до настоящего времени не проводились. В основном рассматривалась необходимость комплексного развития сельских территорий, определялись направления их устойчивого развития (Голубева и др., 2015; Тихий, Корева, 2017; Маслова и др., 2019; Костяев, 2020; Ушачев и др., 2021; Семин, Зорков, 2023).

На основании вышеизложенного в качестве обобщающей характеристики процессов реинтеграции территорий можно назвать возобновление и углубление связей внутри ранее разобщенного пространства после периода дезинтеграции. Суть ее состоит в повторной координации стратегий, восстановлении инфраструктурной и институциональной согласованности, мобилизации ресурсов и реконструкции общественных и экономических связей, выравнивании условий доступа к услугам и ресурсам и др. Следует отметить, что реинтеграционные проекты чаще фокусируются на корректировке неравномерностей, возрождении утраченных связей между территориями, стимулировании совместных технологических и социальных инноваций, поддержке человеческого капитала и устойчивой региональной идентичности.

Обобщение современных теоретических концепций интеграции, дезинтеграции и реинтеграции экономического пространства позволило сделать вывод о том, что интеграция, дезинтеграция и реинтеграция являются динамически взаимосвязанными ступенями развития территориальных систем: первая – направленная на создание единого взаимодействующего пространства, вторая – вызывающая разрывы во взаимосвязях и требующая корректирующих мер, третья – возобновление и углубление связей на обновленной основе.

Чаще всего эти процессы исследуются преимущественно на межстрановом уровне, а также в отношении внутринациональной экономики в целом, в то время как региональному и локальному уровням уделяется значительно меньше внимания. Следует от-

метить, что исследования проблем (процес-сов) интеграции-дезинтеграции по объему и детализации значительно превосходят исследования, касающиеся реинтеграционных процессов. На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что проблематика исследований в части реинтеграции сельских территорий в экономическое пространство региона является недостаточ-но изученной и чрезвычайно актуальной.

Приняв человеческий капитал в качестве ключевой детерминанты пространственного развития, в статье под реинтеграцией сельских территорий будем понимать процесс восстановления их привлекательности для населения и экономической активности на основе создания благоприятных условий для выполнения ими общенациональных функций (производственной, демографической, трудоворесурсной, пространственно-коммуникационной), улучшения уровня и качества жизни сельского населения.

В контексте российской региональной политики реинтеграция сельских территорий должна опираться на сбалансированное сочетание инфраструктурного обновления, поддержки агропромышленного комплекса, развития людских ресурсов и повышения качества услуг в удаленных и сельских населенных пунктах. Эффективность процесса в этом случае будет достигаться через координацию федеральных программ с региональными стратегиями, внедрение цифровой экономики в сельской местности, развитие местных производственных и кооперативных форм сотрудничества, а также через создание условий для устойчивого притока населения, инвестиций и инноваций.

Одним из популярных инструментом управления пространственным развитием, территориального планирования, организации публичной власти и администрирования во многих странах является система опорных населенных пунктов (далее – ОНП), в основе которой лежит теория центральных мест В. Кристаллера (Christaller, 1933).

Основная идея центральности заключается в экономической рациональности предоставления товаров и услуг, то есть не в

каждом населенном месте, а лишь в пунктах (центральных местах), обеспечивающих этими услугами не только себя, но и окружающие населенные пункты. Предельная граница (зона) охвата соответствующего центрального места определяется расстоянием от центрального места, начиная с которого получение товара или услуги является экономически нецелесообразным в силу высоких транспортных издержек или наличия более близкого центрального места (Макварт и др., 2022).

В России в последние годы активно формируется сеть ОНП, способствуя решению задачи сохранения небольших населенных пунктов, в особенности сельских, как элементов опорного каркаса расселения и источников демографического роста. Тем не менее формальный характер создания такой сети и целесообразность разработки соответствующих методологических и методических подходов, доведенных до конкретных инструментальных решений, позволяющих сформировать рациональную структуру сети ОНП, представляет собой не только научную, но и практическую задачу. На восполнение данного научного пробела ориентированы результаты выполненного исследования.

В ходе работы применялись данные стандартной статической отчетности за 2012–2023 гг., методы ретроспективного и абстрактно-логического анализа, контент-анализа нормативных правовых актов Российской Федерации и интернет-ресурсов, методология имитационного агент-ориентированного моделирования, визуализации данных.

Результаты и обсуждение

Для огромной территории Российской Федерации отток населения из сельской местности является не только экономической, но и социальной, политической и культурной проблемой. С учетом того, что в Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года, принятой в 2015 году государствами – членами Организации Объединенных Наций, в качестве второй по

приоритетности цели обозначены ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйств, от развития сельских территорий, возможности их реинтеграции в российское экономическое пространство зависит обеспечение экономической и продовольственной безопасности страны.

Поскольку продовольственная и экономическая безопасность России напрямую зависит от благополучия сельских жителей, удержание/привлечение населения, в особенности высококвалифицированных кадров, на сельские территории становится одним из стратегических приоритетов развития страны. Для его реализации принят ряд документов, в том числе Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года⁵, государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»⁶, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года⁷.

Основным посылом и главной целевой задачей этих документов является сдерживание оттока сельского населения в крупные городские агломерации (о чем свидетельствуют целевые показатели этих документов). Для этого предусматриваются меры по созданию комфортных условий жизни сельского населения, соответствующих современным требованиям и стандартам, развитию социальной инфраструктуры, обеспечивающей снижение барьеров физического доступа к необходимым социальным благам и услугам, строительству жилья, развитию

инженерной, дорожной и энергетической инфраструктуры, обеспечению занятости сельского населения. В качестве механизма (инструмента) реализации задействуется подход формирования системы «точек роста» – ОНП, направленной на опережающее развитие социальной, транспортной и коммунальной инфраструктуры, необходимой для жизни, работы и развития бизнеса, иницированной в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни».

Критерии определения ОНП и прилегающих территорий регламентируются соответствующими методическими рекомендациями⁸, в частности:

- численность населения от 3 до 50 тыс. человек;
- имеет круглогодичную транспортную связь с административным центром субъекта Российской Федерации;
- более 50% от общей численности населения имеют доступ к объектам социальной, транспортной, инженерной, информационно-коммуникационной инфраструктуры;
- имеет территории для перспективного развития и застройки и др.

В соответствии с нацпроектом для каждой категории ОНП (городские агломерации, опорный каркас населенных пунктов сельских территорий и др.) должны быть разработаны долгосрочные планы развития (далее – ДПР), содержащие мероприятия и проекты развития, а также механизмы и источники их финансирования. Реализация ДПР направлена на формирование необходимых социально-экономических условий для повышения качества жизни на данной территории.

⁵ Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р (ред. от 13.01.2017).

⁶ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696.

⁷ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-р.

⁸ Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий: Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 года № 4132-р. 27 августа 2025 года принято Распоряжение Правительства РФ от № 2331-р «О внесении изменений в методические рекомендации по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий, утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 23.12.2022 № 4132-р».

Фактически речь идет о формировании сельских агломераций в соответствии с заданными критериями – численность населения до 50 тыс. человек и расстояние до ОНП не более 50 км. Тем самым реализуется переход от политики выравнивающего развития (сглаживания межмуниципальных диспропорций) к политике концентрации ресурсов в крупных «точках роста».

Практически все субъекты Федерации решили эту проблему на основе формального подхода, выбрав в качестве ОНП районные центры с входящими в них поселениями, определив их как прилегающие территории. Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации включает 2160 ОНП⁹. Для Республики Башкортостан определены 42 сельских ОНП с 3194 прилегающими населенными пунктами¹⁰. Однако такая значительная численность ОНП делает ДПР практически нереализуемыми.

Для нивелирования недостатков, присущих как политике выравнивания, так и политике концентрации ресурсов в крупных точках роста, по мнению авторов, целесообразна реализация третьего подхода – политики интегрированного (коэволюционного) развития, в рамках которого усилия направляются на группу муниципальных районов (опорный каркас расселения), где есть «точки роста», позволяющие эффективно развиваться не только этим районам, но и «вытянуть» вместе с собой соседние территории.

Интегрированное (коэволюционное) развитие дает возможность рассматривать территорию региона как субрегиональные локализации, к которым можно отнести как городские и сельские агломерации, так и субрегионы экономической специализации –

кластеры, особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития. Субрегиональные образования будут формировать опорный каркас расселения. Реализация такого подхода основана на рациональной концентрации ограниченных ресурсов межмуниципального взаимодействия для осуществления социально значимых проектов.

Межмуниципальное взаимодействие организуется на базе программно-проектной методологии. Основным ее инструментом являются проекты совместного развития территорий. Эта методология интегрирует иерархию подходов для организации межмуниципального управления: на стратегическом уровне и уровне целеполагания – программно-целевой, на тактическом уровне и уровне организации деятельности – проектный, на оперативном уровне в решении операционных задач – процессный. При таком подходе программа структурируется на отдельные проекты, директивно привязанные к источникам финансирования и имеющие ответственных исполнителей. Немаловажным является учет интересов и ресурсов стейкхолдеров, позволяющий активизировать и аккумулировать потенциал территории.

Проекты можно классифицировать по следующим основным направлениям развития (рис. 1).

Подход интегрированного развития предлагается реализовать с помощью методов экономико-математического моделирования. Для этого на первом этапе в рамках межмуниципальной интеграции формируется структура сети существующих учреждений социальной инфраструктуры региона (сферы образования, здравоохра-

⁹ Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий: Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 года № 4132-р. 27 августа 2025 года принято Распоряжение Правительства РФ от № 2331-р «О внесении изменений в методические рекомендации по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий, утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 23.12.2022 № 4132-р».

¹⁰ Об утверждении Перечня опорных населенных пунктов и прилегающих к ним населенных пунктов Республики Башкортостан: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 28 февраля 2023 года № 80 (с изменениями на 19 июня 2023 года, в ред. Постановления Правительства Республики Башкортостан от 19.06.2023 № 345).

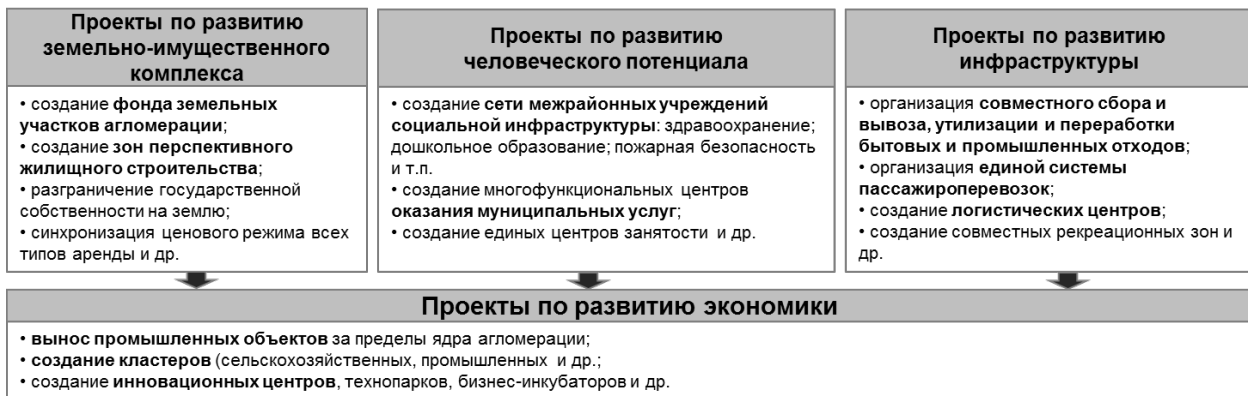

Рис. 1. Классификация межмуниципальных проектов

Источник: составлено авторами.

нения, культуры, физкультуры и спорта) с учетом следующих характеристик: 1) плотность населения населенных пунктов, 2) их связанность, 3) качество оказываемых социальных услуг, 4) расселение населения на перспективу. При совмещении сетки учреждений, предоставляющих различные виды социальных услуг, с транспортной инфраструктурой определяются центры, которые могут территориально объединить оказание этих услуг.

На втором этапе для сети сельских поселений, сформированной по признаку развитости социальной инфраструктуры и их привлекательности как места проживания определяются тенденции и динамика численности населения, прогнозируется спрос на услуги социальной, транспортной, коммунальной и производственной инфраструктуры; формируется перечень и пространственное размещение зон эффективного расселения в регионе; проектируется многоуровневая система опорных населенных пунктов с социальной, транспортной, коммунальной и производственной инфраструктурой, структурированная по видам, функциям, уровням и возможностям межмуниципального взаимодействия.

На третьем этапе на основе сценарных вариантов оценки тенденций социально-экономического развития и повышения привлекательности территорий при реализации проектов и, как следствие, изменения миграционного поведения целевой груп-

пы населения проводятся вычислительные эксперименты по оценке эффективности регуляторных мер и проектов развития с использованием имитационного моделирования на основе агент-ориентированного подхода.

Отличительной особенностью такого подхода является возможность рассмотрения взаимосвязи между социально-экономическим развитием сельских территорий, миграционным поведением населения, системой ценностей, образом жизни как сложной, мультиагентной системы с обратной связью. Фактически речь идет о реализации адаптивной системы моделирования и прогнозирования динамики взаимообусловленных миграционных процессов и привлекательности территорий.

Реализация имитационной модели с использованием агент-ориентированного подхода позволяет: 1) выявить устойчивые тенденции миграционных процессов, которые складываются исходя из стратегических вариантов развития территорий, 2) целенаправленно воздействовать на миграционное поведение населения на основе экономических, социально-демографических факторов, 3) в рамках сценарных вариантов симулировать коллективное, общесистемное поведение и, в конечном итоге, прогнозировать ожидаемую эффективность и результативность комплекса планируемых мер, программ и проектов на конкретной территории.

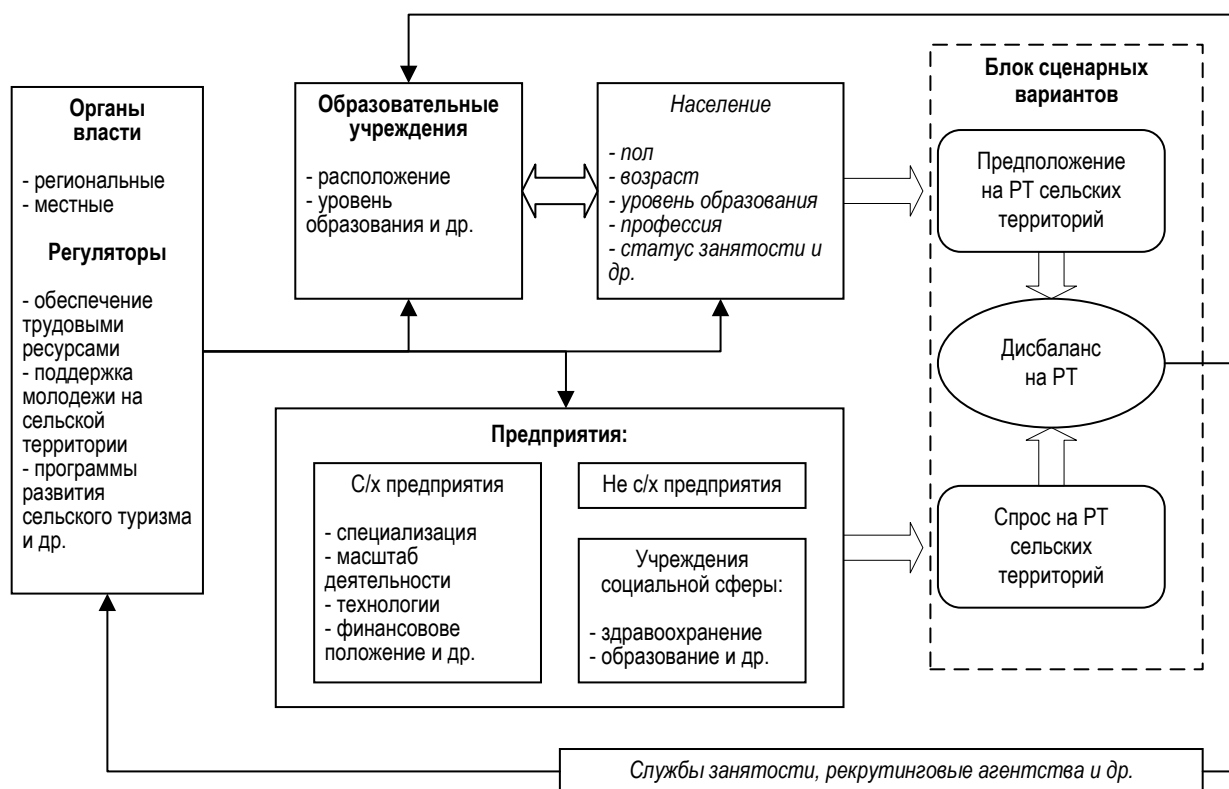

Рис. 2. Концептуальная агент-ориентированная модель с блоком сценарных вариантов

Источник: составлено авторами.

На рис. 2 приведена структура концептуальной агент-ориентированной модели (далее – АОМ), включающая в себя агентов «Население», «Предприятия», «Образовательные учреждения», «Органы власти», при реализации сценария формирования и удовлетворения кадровых потребностей локального рынка труда (далее – РТ).

Блок сценарных вариантов основан на сопоставлении совокупности показателей, характеризующих фактический уровень привлекательности территории с желаемым, с позиций целевых индикаторов реализуемых сценариев (например, поиска работы и трудоустройства), в котором осуществляется многокритериальная оценка поведения населения. Таким образом, симуляции, проведенные исходя из проектных значений показателей планируемых и реализуемых комплексных мер и проектов, позволят оценить их эффективность и результативность с позиций изменения миграционного поведения целевой группы населения, тем самым повысив обоснованность осуществления тех или иных мер.

Формирование сценариев осуществляется исходя из стратегических целей воздействия на миграционное поведение населения через ключевые факторы (побудительные мотивы к миграции, критерии выбора места назначения) и условия (препятствующие или способствующие миграционным намерениям агентов), и основано как на количественных (статистических) данных, так и на результатах социологических опросов.

В частности, сценарий обеспечения трудовыми ресурсами агропромышленного комплекса позволяет оценить степень удовлетворения кадровых потребностей сельхозпредприятий на основе учета множества факторов спроса и предложения (перспективы развития предприятий, трудовая мобильность, профессионально-квалификационная потребность, уровень заработной платы и др.), сценарий поддержки молодежи – оценить эффективность комплекса мер по привлечению и удержанию молодежи на сельской территории и др.

Предложенный теоретико-методологический подход был апробирован на примере формирования различного рода субрегиональных локализаций (городских агломераций – Уфа, Октябрьский, промышленных и туристско-рекреационных кластеров Зауралья и Северо-Востока) Республики Башкортостан (Гайнанов и др., 2021). Инструментарий АОМ реализован при оценке поведенческих аспектов агентов на рынке труда и сферы образования Республики Башкортостан (Гайнанов и др., 2024).

Дальнейшие исследования предполагают формирование информационно-аналитической базы данных, включающей качественные и количественные данные, характеризующие сельские территории, население, его поведение и образ жизни, алгоритмы их обработки и формы визуализации результатов, а также программную реализацию при формировании сети ОНП в формате сельских агломераций.

Заключение

Для огромной территории России отток сельского населения является не только экономической, но и социальной, политической и культурной проблемой. В связи с необходимостью сокращения уровня межтерриториальной дифференциации, снижения внутрирегиональных различий, в том числе за счет формирования сбалансированной территориальной организации экономики с обеспечением опережающего развития инфраструктуры в ОНП, что предусмотрено в ряде стратегических документов, проблема развития сельских территорий, возможности их реинтеграции в российское экономическое пространство приобрела такое важное значение.

Решение двух взаимосвязанных задач – реинтеграции сельских территорий в российское экономическое пространство и преодоления миграционного оттока сель-

ского населения – основывалось на экономических, социальных и поведенческих аспектах теории реинтеграции на микро- и субрегиональном уровнях. Формирование рациональной структуры ОНП предложено осуществлять с использованием методологического подхода интегрированного развития, основывающегося на рациональной концентрации ограниченных ресурсов межмуниципального взаимодействия для реализации социально и экономически значимых проектов.

Взаимосвязь между социально-экономическим развитием сельских территорий, миграционным поведением населения предложено рассматривать как мультиагентную систему с обратной связью в рамках агент-ориентированного подхода, то есть как адаптивную систему моделирования и прогнозирования динамики взаимообусловленных миграционных процессов и привлекательности территорий на основе сценарных вариантов развития.

Сценарные варианты вычислительных экспериментов рассматриваются исходя из стратегических целей воздействия на миграционное поведение населения, через ключевые факторы (побудительные мотивы к миграции, критерии выбора места назначения) и условия (препятствующие или способствующие миграционным намерениям агентов), и основаны как на количественных (статистических) данных, так и на результатах социологических опросов.

Предложенный методологический подход и программная реализация инструментария для формирования сети ОНП в формате сельских агломераций будут способствовать повышению обоснованности решений, принимаемых органами государственной власти в сфере обеспечения устойчивого развития сельских территорий, на базе оценки эффективности регуляторных мер и проектов развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А.В. (2024). Экономическая интеграция в рамках СНГ: направления и проблемы // Российский внешнеэкономический вестник. № 7. С. 72–83.
- Борко Ю.А. (2020). Как формировалась советская школа исследований европейской интеграции. Часть вторая // Современная Европа. № 5. С. 46–53.
- Буторина О.В., Борко Ю.А. (2022). Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. № 1. С. 5–20. DOI: 10.31857/S0201708322010016
- Винокуров Е.Ю., Либман А.М. (2012). Евразийская континентальная интеграция. Санкт-Петербург. 224 с.
- Владыка М.В., Чистникова И.В., Ермаченко Ф.М. (2020). Межрегиональная интеграция в пространстве макрорегиона как фактор развития национальной экономики // Научный результат. Экономические исследования. Т. 6. № 4. С. 33–43. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-4
- Ворошилов Н.В. (2023). Особенности развития сельских территорий вокруг крупного города // Проблемы развития территории. Т. 27. № 4. С. 10–31. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.2
- Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Атаева А.Г. (2021). Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5
- Гайнанов Д.А., Мигранова Л.И., Сайфуллина Л.Д. (2024). Управление поведением индивидов на региональном рынке труда: подходы, модели и перспективы // Ars Administrandi (Искусство управления). Т. 16. № 3. С. 459–480. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-459-480>
- Глухарев Л.И., Гринберг Р.С., Дорошенко М.Е. [и др.] (2006). Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов. Москва: Крафт.
- Голубева А.И., Дорохова В.И., Дугин А.Н., Суховская А.М. (2015). Методические подходы к зонированию сельских территорий на основе комплекса индикаторов оценки уровня устойчивости их развития // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. № 3. С. 142–149.
- Гумилев Л.Н. (1989). Древняя Русь и Великая степь. Москва: Мысль. 764 с.
- Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А. (2023). Концепт экономического благополучия и возможности его проекции на муниципальный уровень // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 213–233. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13
- Дугин А.Г. (2014). Евразийский реванш России. Москва: Издательство «Алгоритм». 280 с.
- Костяев А.И. (2020). К вопросу о научных основах разработки стратегий развития сельских территорий // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. № 4. С. 462–474.
- Лескова И.В., Парфенов Д.А., Адамская Л.В. (2023). Евразийская интеграция и реинтеграция России: вызов неолиберальному миропорядку на основе традиционных ценностей // Вестник евразийской науки. Т. 15. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/83ECVN123.pdf>
- Макварт Э., Киселева Н.Н., Соснин Д.П. (2022). Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. № 2. С. 95–111.
- Маслова В.В., Чекалин В.С., Авдеев М.В. (2019). Развитие сельского хозяйства России в условиях импортозамещения // Вестник РАН. № 10. С. 1024–1032.
- Матюнков Е.С. (2023). К вопросу о реинтеграции как новом политологическом термине // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. Т. 1. № 5. С. 41–51. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-5-41-51
- Мисько О.Н. (2015). Международная экономическая интеграция. Санкт-Петербург: Университет ИТМО. 174 с.

- Мухин М.Ю. (2025). Экономическая интеграция на постсоветском пространстве в 1990-е годы // Всеобщая история. № 1. С. 17–28.
- Нечаев В., Матюнков Е. (2023). Зарубежный опыт реинтеграции территорий: выводы для России // Сравнительная политика. Т. 14. № 4. С. 80–101. DOI: 10.46272/2221-3279-2023-4-14-80-101
- Пахнина С.Ю. (2023). Крупные города в региональном экономическом пространстве // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 24–43. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.3
- Рау В.В., Скульская Л.В., Широкова Т.К. (2022). Пути возрождения сельских территорий России // Проблемы прогнозирования. № 1 (190). С. 114–124. DOI: 10.47711/0868-6351-190-114-124
- Семина А.Н., Зорков В.С. (2023). Комплексное развитие сельских территорий: проблемы и новые возможности // Социальные и гуманитарные науки. № 3 (106). С. 39–43.
- Скибин С.А. (2022). Межрегиональная интеграция как эффективный способ государственного управления экономикой региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 3-2. С. 267–273.
- Тихий В.И., Корева О.В. (2017). Проблемы устойчивости развития сельских территорий региона: эколого-социо-экономический анализ // ИнтерКарто. ИнтерГИС: материалы Международной конференции. № 23. С. 50–70. DOI: 10.24057/2414-9179-2017-1-23-50-70
- Троицкий В.А. (2008). Формы экономической интеграции государств – участников Содружества независимых государств. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Ушачев И.Г., Бондаренко Л.В., Чекалин В.С. (2021). Основные направления комплексного развития сельских территорий России // Вестник Российской академии наук. Т. 91. № 4. С. 316–325.
- Ярмак О.В., Миргород Д.А., Косов Г.В. (2022). Реинтеграция как интегративная пересборка обществ: теоретическое осмысление // Международный научно-исследовательский журнал. № 12 (126). DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.126.85>
- Broadman H.G. (2006). From disintegration to reintegration: Eastern Europe and the former Soviet Union in international trade. *World Bank Publications*.
- Cooper R. (1999). Integration and disintegration: The post-cold war world. *Journal of Democracy*, 10(1).
- Cornett A.P. (1999). The problem of transition and reintegration of East and Central Europe: conceptual remarks and empirical problems. In: *Spatial Dynamics of European Integration*. Berlin.
- Christaller W. (1933). *Die zentralen Orte in Süddeutschland: Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen*. Jena: G. Fischer.
- Deutsch K. et al. (1957). *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton.
- Etzioni A. (2001). *Political Unification Revisited: On Building Supranational Communities*. New York.
- Garcés-Mascareñas B., Penninx R. (2016). *Integration Processes and Policies in Europe*. Cham: Springer Open. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4.
- Gontar N.V. (2018). Interregional integration in Russia: Institutions and state administration. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya=Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System*, 20(3), 14–24. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.3.2> (in Russian)
- Grawert E., Mielke K., Pleisnitzer S. et al. (2020). *Reintegration in Northern Iraq: The Time Is Now for Europe to Act*. Bonn: Bonn International Center for Conversion. Available at: https://www.bicc.de/Publikationen/BICC_Policy_Brief_07_2020.pdf-dr1154
- Haas E. (2004). *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press.
- Huntington S.P. (2000). *The clash of civilizations? Culture and Politics*. New York: Palgrave Macmillan.

- Petrović N. (2016). "EU Ideology", Innovation. *The European Journal of Social Science Research*, 29(1), 56–76.
- Rosamond B. (2000). *Theories of European Integration*. London; New York: Macmillan: St. Martin's Press.
- Schammann H., Bendel P., Müller S. et al. (2020). *Zwei Welten? Integrations politik in Stadt und Land*. Metzingen: LogoPrint.
- Spindelegger M. (2021). Creating Transnational Conditions for Return and Reintegration. In: *Avenir Suisse Fifth Annual Think Tank Summit "Migration Policies towards Refugees and Asylum Seekers and Their Impact on the Labour Market, Social Systems and on National Security"*. Vienna: International Centre for Migration Policy Development. Available at: <https://www.icmpd.org/file/download/51866/file/Avenir%2520Suisse%2520Summit%2520Creating%2520transnational%2520conditions%2520for%2520return%2520and%2520reintegration.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дамир Ахнафович Гайнанов – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, проспект Октября, д. 71; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Светлана Александровна Кириллова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, проспект Октября, д. 71; e-mail: kirillova_sa@mail.ru)

Gainanov D.A., Kirillova S.A.

RURAL REINTEGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS IMPLEMENTATION TOOLS

A key problem in the country's spatial development is the outflow of population from rural settlements to urban agglomerations, caused by the growth of inter-territorial differentiation in the standard and quality of life, which has resulted in the disintegration of economic space. Under these conditions, the task of reintegrating rural areas, coupled with curbing the negative dynamics of population migration, is becoming a priority. A number of strategic documents are aimed at implementing this priority, and the formation of a network of core communities with accelerated development of social, transport, and utilities infrastructure has been identified as the primary approach to improving the quality and standard of living in rural areas and increasing their attractiveness to residents and businesses. The selection of anchor settlements, currently carried out on a formal basis, determines the relevance of the study, the purpose of which is to develop a rational structure for the network of anchor settlements by addressing the following objectives: analysis of the "rural reintegration" category; substantiation of the methodological aspects of developing a rational structure for the network of anchor settlements; development of an algorithm for conducting computational experiments to evaluate the effectiveness of regulatory measures and development projects. The scientific novelty of the study's results lies in the formation of a rational structure for the network of anchor settlements. A distinctive feature of this work is the use of a methodological approach based on integrated inter-municipal interaction for the implementation of socially and economically significant projects, as well as an assessment of their effectiveness using an adaptive modeling system and forecasting the dynamics of the interdependence of territorial attractiveness and population migration behavior based on agent-based modeling. The

practical significance of the results lies in improving the validity of decisions made by government agencies in the area of sustainable rural development through computational experiments conducted based on target values for planned and implemented socio-economic projects.

Territorial reintegration, integration, disintegration, population migration, population migration behavior, region, spatial development, economic space, models, scenarios, agent-based modeling.

REFERENCES

- Andreyev A.V. (2024). Economic integration within the CIS: Directions and challenges. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*, 7, 72–83 (in Russian).
- Borko Yu.A. (2020). How the Soviet School of European Integration Studies was formed. Part two. *Sovremennaya Evropa*, 5, 46–53 (in Russian).
- Broadman H.G. (2006). From disintegration to reintegration: Eastern Europe and the former Soviet Union in international trade. *World Bank Publications*.
- Butorina O.V., Borko Yu.A. (2022). The benefits of regional integration: A review of the concept. *Sovremennaya Evropa*, 1, 5–20. DOI: 10.31857/S0201708322010016 (in Russian).
- Christaller W. (1933). *Die zentralen Orte in Süddeutschland: Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen*. Jena: G. Fischer.
- Cooper R. (1999). Integration and disintegration: The post-cold war world. *Journal of Democracy*, 10(1).
- Cornett A.P. (1999). The problem of transition and reintegration of East and Central Europe: conceptual remarks and empirical problems. In: *Spatial Dynamics of European Integration*. Berlin.
- Deutsch K. et al. (1957). *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton.
- Dugin A.G. (2014). *Evraziiskii revansh Rossii* [Russia's Eurasian Revenge]. Moscow: Izdatel'stvo "Algoritm".
- Dvoryadkina E.B., Belousova E.A. (2023). Economic well-being concept and the possibilities of its projection at the municipal level. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(6), 213–233. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13 (in Russian).
- Etzioni A. (2001). *Political Unification Revisited: On Building Supranational Communities*. New York.
- Gainanov D.A., Gataullin R.F., Ataeva A.G. (2021). Methodological approach and tools for ensuring region's balanced spatial development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(2), 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5 (in Russian).
- Gainanov D.A., Migranova L.I., Saifullina L.D. (2024). Managing the behavior of individuals in the regional labor market: Approaches, models and prospects. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, 16(3), 459–480. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-3-459-480> (in Russian).
- Garcés-Mascareñas B., Penninx R. (2016). *Integration Processes and Policies in Europe*. Cham: Springer Open. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4.
- Glukharev L.I., Grinberg R.S., Doroshenko M.E. et al. (2006). *Evropa peremen: kontseptsii i strategii integratsionnykh protsessov* [Europe of Change: Concepts and Strategies of Integration Processes]. Moscow: Kraft.
- Golubeva A.I., Dorokhova V.I., Dugin A.N., Sukhovskaya A.M. (2015). Methodological approaches to rural zoning based on a set of indicators for assessing the level of sustainability of their development. *Vestnik Michurinskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 3, 142–149 (in Russian).
- Gontar N.V. (2018). Interregional integration in Russia: Institutions and state administration. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya=Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System*, 20(3), 14–24. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.3.2> (in Russian)

- Grawert E., Mielke K., Pleisnitzer S. et al. (2020). *Reintegration in Northern Iraq: The Time Is Now for Europe to Act*. Bonn: Bonn International Center for Conversion. Available at: https://www.bicc.de/Publikationen/BICC_Policy_Brief_07_2020.pdf~dr1154
- Gumilev L.N. (1989). *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow: Mysl'.
- Haas E. (2004). *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press.
- Huntington S.P. (2000). *The clash of civilizations? Culture and Politics*. New York: Palgrave Macmillan.
- Kostyaev A.I. (2020). On the scientific basis for developing rural development strategies. *Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka=Agricultural Science Euro-North-West*, 4, 462–474 (in Russian).
- Leskova I.V., Parfenov D.A., Adamskaya L.V. (2023). Eurasian integration and reintegration of Russia: Challenge to the neoliberal world order based on traditional values. *Vestnik evraziiskoi nauki=The Eurasian Scientific Journal*, 15(1). Available at: <https://esj.today/PDF/83ECVN123.pdf> (in Russian).
- Makvart E., Kiseleva N.N., Sosnin D.P. (2022). The system of anchor settlements as a spatial development management mechanism: Theoretical and practical aspects. *Vlast'*, 2, 95–111 (in Russian).
- Maslova V.V., Chekalin V.S., Avdeev M.V. (2019). Russian agricultural development: Import substitution. *Vestnik RAN*, 10, 1024–1032 (in Russian).
- Matyunkov E.S. (2023). About reintegration as a new political science concept. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki=Lomonosov Political Science Journal*, 1(5), 41–51. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-5-41-51 (in Russian).
- Mis'ko O.N. (2015). *Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya* [International Economic Integration]. Saint Petersburg: Universitet ITMO.
- Mukhin M.Yu. (2025). Economic integration in the post-Soviet space in the 1990s. *Vseobshchaya istoriya*, 1, 17–28 (in Russian).
- Nechaev V., Matyunkov E. (2023). Foreign experience of territorial reintegration: Implications for Russia. *Sravnitel'naya politika=Comparative Politics Russia*, 14(4), 80–101. DOI: 10.46272/2221-3279-2023-4-14-80-101 (in Russian).
- Pakhnina S.Yu. (2023). Large cities in the regional economic space. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(6), 24–43. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.3 (in Russian).
- Petrović N. (2016). “EU Ideology”, Innovation. *The European Journal of Social Science Research*, 29(1), 56–76.
- Rau V.V., Skul'skaya L.V., Shirokova T.K. (2022). Ways of revival of rural territories of Russia. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1(190), 114–124. DOI: 10.47711/0868-6351-190-114-124 (in Russian).
- Rosamond B. (2000). *Theories of European Integration*. London; New York: Macmillan: St. Martin's Press.
- Schammann H., Bendel P., Müller S. et al. (2020). *Zwei Welten? Integrations politik in Stadt und Land*. Metzingen: LogoPrint.
- Semin A.N., Zorkov V.S. (2023). Integrated rural development: Challenges and new opportunities. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, 3(106), 39–43 (in Russian).
- Skibin S.A. (2022). Interregional integration as an effective way of state management of the region's economy. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 3-2, 267–273 (in Russian).
- Spindelegger M. (2021). Creating Transnational Conditions for Return and Reintegration. In: *Avenir Suisse Fifth Annual Think Tank Summit “Migration Policies towards Refugees and Asylum Seekers and Their Impact on the Labour Market, Social Systems and on National Security”*. Vienna: International Centre for Migration Policy Development. Available at: <https://www.icmpd.org/file/download/51866/file/Avenir%2520Suisse%2520Summit%2520Creating%2520transnational%2520conditions%2520for%2520return%2520and%2520reintegration.pdf>

- Tikhii V.I., Koreva O.V. (2017). Problems of sustainability of rural development in the region: ecological, socio-economic analysis. *InterKarto. InterGIS: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii*, 23, 50–70. DOI: 10.24057/2414-9179-2017-1-23-50-70 (in Russian).
- Troitskii V.A. (2008). *Formy ekonomicheskoi integratsii gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv* [Forms of Economic Integration of the Member States of the Commonwealth of Independent States]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta.
- Ushachev I.G., Bondarenko L.V., Chekalin V.S. (2021). The main directions of integrated rural development in Russia. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 91(4), 316–325 (in Russian).
- Vinokurov E.Yu., Libman A.M. (2012). *Evraziiskaya kontinental'naya integratsiya* [Eurasian Continental Integration]. Saint Petersburg.
- Vladyka M.V., Chistnikova I.V., Ermachenko F.M. (2020). Interregional integration in the space of the macroregion as a factor of the development of the national economy. *Nauchnyi rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya=Research Results. Economic Research*, 6(4), 33–43. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-4 (in Russian).
- Voroshilov N.V. (2023). Features of rural development around a large city. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(4), 10–31. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.2 (in Russian).
- Yarmak O.V., Mirgorod D.A., Kosov G.V. (2022). Reintegration as an integrative reassembly of societies: A theoretical understanding. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 12(126). DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.126.85> (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Damir A. Gainanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Social and Economic Research – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Svetlana A. Kirillova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Social and Economic Research – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: kirillova_sa@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.10

УДК 332.12 | ББК 65.040

© Дружинин П.В.

ВЛИЯНИЕ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРИФЕРИИ РЕГИОНОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ДРУЖИНИН

Институт экономики КарНЦ РАН

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: pdruzhinin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5303-0455; ResearcherID: F-4625-2010

В статье рассматривается влияние агломерационных процессов на развитие российских регионов в 2009–2022 гг. и его особенности в западных и восточных регионах. Цель исследования – сформировать макрорегионы с близкой зависимостью между показателями периферии и ростом экономики региона и построить уравнения, объясняющие особенности их развития. Выявлено, что рост численности населения региональных столиц практически не влияет на динамику и эффективность развития экономики в целом, а определяющим является воздействие изменений на периферии регионов. Западные регионы находятся под влиянием Московской и Санкт-Петербургской агломераций, и миграция населения из периферии половины регионов в региональную столицу не компенсирует отток населения в два мегаполиса. В результате, чем быстрее сокращается население периферии западных регионов, тем медленнее растет их валовой региональный продукт. Восточные регионы характеризуются отсутствием таких центров притяжения, в нескольких из них растут города-миллионники, но положительное сальдо миграции несопоставимо с двумя мегаполисами. Несмотря на перемещение на запад и юг, население периферии в восточных регионах в среднем в полтора раза больше, чем в европейской части страны, и медленнее сокращается. Эффективность экономики столиц большинства восточных регионов выше, чем периферии, так как миграция из периферии в столицу способствует экономическому росту в последней. Таким образом, чем быстрее сокращается население периферии восточных регионов, тем быстрее растет валовой региональный продукт на душу населения. Концентрация населения и других ресурсов в Московской и Санкт-Петербургской агломерации

Для цитирования: Дружинин П.В. (2025). Влияние динамики населения периферии регионов на экономический рост: пространственные особенности // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 177–193. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.10

For citation: Druzhinin P.V. (2025). Influence of population dynamics in the regions' periphery on economic growth: Spatial features. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 177–193. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.10

ях ведет к их нехватке в регионах, которая тормозит рост экономики западных регионов и страны в целом. В то же время имеются территории, которые могут успешно развиваться, но им нужна поддержка, в первую очередь в профессиональном образовании и улучшении городской среды.

Агломерация, периферия региона, численность населения, Москва, Санкт-Петербург, валовой региональный продукт, производительность труда.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках темы № 122032200200-2 государственного задания Института экономики КарНЦ РАН (FMEN-2022-0001).

Введение

В последние годы росло население столиц и пригородных районов во многих российских регионах, что связано с активизацией агломерационных процессов (Коломак, 2019; Зубаревич, Сафронов, 2019). Как правило, в столице региона более высокая зарплата, бизнес стремится приблизиться к органам власти, здесь концентрируются услуги и управление расположенными на периферии региона ресурсами (Тагаров, 2020).

До 1990-х годов в столицах регионов было сосредоточено множество промышленных предприятий, производивших продукцию, в т. ч. и для региона. Но в ходе реформ часть их была ликвидирована, а часть выведена за городские пределы в целях освобождения территории для жилых кварталов, торговых и бизнес-центров. В то же время новые предприятия часто создавались вблизи столицы – центра рыночной экономики, что расширяло границы агломерации.

Столица, с ее приоритетными позициями в административной и образовательной сфере, сконцентрировала специалистов и постепенно стала центром качественного сервиса и разнообразных услуг: информационных, финансовых, медицинских, культурных, коммуникационных, транспортных, строительных – для населения и бизнеса не только города, но и региональной периферии. Также в столице региона принимаются решения о поддержке проектов по развитию периферии и их продвижении на федеральный уровень.

Экономика агломераций имеет высокую эффективность: в них расположены универ-

ситеты, научные центры и инновационные предприятия, которые выступают инициаторами инноваций, распространяющихся в т. ч. и на периферию (Лачининский, Сорокин, 2023; Leishman, Liang, 2022; Ma, Huang, 2022). Нужно особо отметить влияние университетов на развитие экономики региона и на изменение ее структуры, поскольку эффективность предприятий зависит от качества человеческого капитала (Moretti, 2004).

Развитие региональных центров РФ оказывает влияние на остальные муниципальные образования региона, но сейчас оно слабее, чем до начала рыночных реформ. Почти все вузы и большинство учреждений среднего профессионального образования (СПО) расположены в столицах регионов. Часть выпускников уезжает работать на периферию, хотя их количество намного меньше, чем до 1990-х годов.

Основное направление миграции – из периферии в центр – способствует построению карьеры и росту доходов переехавших (Карцева и др., 2021). Также отмечалось, что ранняя мобильность способствует повышенной мобильности в дальнейшем: приехавший в юности в региональный центр получить образование выпускник учебного заведения готов ехать в более крупный город (Ehrenfried et al., 2022). Однако региональный центр может быть не очень привлекательным для жителей периферии, которые уезжают в другие регионы, даже четыре региона с городами-миллионниками теряют население: Пермский край, Нижегородская, Волгоградская и Омская области.

Научные центры в РФ также по преимуществу создавались в столицах регионов или вблизи них (например, Академгородок и Кольцово около Новосибирска), там работали проектные институты и конструкторские бюро. В 1990-х годах значительная часть их закрылась и инновационное сопровождение периферии резко сократилось. В основном продолжили развиваться предприятия, которые входили в федеральные структуры, но проекты обновления технологий и модернизации для них разрабатывались в других регионах. На данных СЗФО показано, что благодаря подобным предприятиям и учреждениям муниципальные образования успешно развиваются (Кожевников, 2023).

Относительно невелика миграция из муниципальных образований, имеющих филиалы вузов, учреждения СПО, развитую транспортную инфраструктуру, что важно при активном взаимодействии с сопредельными регионами (Дружинин, 2023а). Такие муниципалитеты могут успешно развиваться при поддержке региональных властей (Бухвальд, Валентик, 2021).

Развитие агломераций ведет к росту внутрирегиональной дифференциации, причем если центр специализируется на производстве инновационной продукции, то периферия – на производстве традиционной продукции предприятиями часто с низкой производительностью труда (Fujita, Thisse, 2002; Wu, Su, 2024). Развитие коммуникаций способствует расширению положительного влияния столичной агломерации, но при условии наличия у муниципальных образований специализации, дополняющей агломерацию (Fu et al., 2022; Chen et al., 2023).

В то же время концентрация населения и других ресурсов в центре оказывает отрицательное влияние на периферию (Шмидт и др., 2016; Ижгузина, 2016). Отмечается слабость связей агломерации и периферии: агломерация, забирая ресурсы у периферии, мало что дает ей взамен (Дружинин, Кузнецова, 2023). В целом в российских регионах слабы межмуниципальные связи, многие межмуниципальные соглашения формальны (Соколова, Астахова, 2020).

В таких условиях рост населения в региональном центре может привести к «анклавизации», когда подавляющая часть населения живет в столице и ее пригородах, а окружающие территории заброшены или деятельность там осуществляется вахтовым методом (Дегтярев, 2018). Заброшенные территории («left behind places») имеют мало шансов для развития без мощной финансовой и не только финансовой поддержки (Fiorentino et al., 2024; Etherington et al., 2022; Дружинин, Кузнецова, 2024).

В странах с большой территорией и различающимися природными условиями динамика показателей регионов и их взаимосвязи могут сильно отличаться. Исследование динамики населения в регионах Китая показало значительные различия восточных и западных регионов: если в восточных регионах на миграцию определяющее влияние оказывает уровень доходов, то для западных все большую роль играют социальные факторы. Если в центрах западных регионов продолжается рост населения, то население центров восточных регионов практически не растет (Yang et al., 2023).

В РФ развитие столиц регионов и формирование агломераций влияет на экономику региона в целом, но проведенный анализ российских регионов показал, что их влияние также разнонаправленно. В одних регионах рост численности населения столицы ведет к ускорению роста экономики, в других – наоборот, к замедлению роста из-за деградации теряющей население периферии. Особенно велика разница между восточными и западными регионами РФ. Также отличаются южные регионы, большинство которых характеризуется быстрым ростом населения.

Анализ данных по регионам привел к следующей гипотезе: динамика экономики слабо зависит от развития столиц, определяющее влияние на нее оказывают изменения на теряющей население периферии региона, причем это влияние противоположное в западных и восточных субъектах страны. Соответственно, цель исследования – сформировать макрорегионы с близкой за-

зависимостью между показателями периферии и ростом экономики региона и построить уравнения, объясняющие особенности развития выделенных макрорегионов.

Методика и данные

Для проведения исследования были собраны данные по регионам РФ, их столицам и периферии регионов за 2000–2021 гг. Основные источники – сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели»¹, «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов»² и База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО)³.

Расчеты проводились по 76 субъектам (Ненецкий автономный округ включен в Архангельскую область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий – в Тюменскую область). Отдельно рассматривались Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область из-за их особого статуса и значительного отличия от других регионов. В исследование не включены новые регионы из-за отсутствия статистической информации. Для проведения анализа данных и расчетов разделялись столица и остальная территория региона, которая определялась как его периферия.

Региональную экономику характеризуют валовой региональный продукт (ВРП), производительность труда и ВРП на душу населения, которые рассматриваются в зависимости от численности населения и занятых региона, его столицы, периферии и их изменения, концентрации населения региона и занятых в его столице и их изменения. Методика расчета количества занятых неоднократно менялась, и оценка изменения занятости через соотношение количества занятых в 2009 и 2021 гг. может значительно отличаться от оценки, полученной через индексы изменения среднегодовой численности занятых за тот же период, например, для Ингушетии – 281 и 143% соответственно. В рамках статьи принят второй вариант.

Как уже было отмечено, общей зависимости между двумя группами показателей для 76 регионов не выявлено, поскольку российские регионы значительно различаются. Для выявления зависимостей между динамикой развития экономики и показателями, характеризующими столицу региона и периферию, формировались группы регионов с близкими характеристиками. Рассматривались разные подходы к выделению групп, в итоге наиболее результативным оказался подход на основе использования деления страны на федеральные округа. По данным Росстата, миграция в основном замкнута внутри федеральных округов, лишь примерно треть мигрантов уезжает в другие округа.

Было выделено три заметно различающихся федеральных округа: Центральный федеральный округ (ЦФО), Сибирский федеральный округ (СФО) и Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) и выявлены имеющиеся для их регионов зависимости, затем рассматривались соседние регионы. Постепенно формировались группы из географически близких регионов, находящихся в двух, трех или четырех граничащих между собой округах. Для выделенных групп строились графики и анализировались зависимости динамики развития региона от показателей, характеризующих население и его занятость в столицах регионов и на их периферии.

В процессе группировки постепенно сформировались три макрорегиона с различающимися зависимостями показателей: центральные и северные регионы европейской части РФ (ЦФО, часть регионов Северо-Западного (СЗФО), Приволжского (ПФО) и Южного (ЮФО) федеральных округов); регионы азиатской части РФ (часть регионов Сибирского, Дальневосточного (ДФО), Приволжского и Уральского (УФО) федеральных округов); южные регионы (СКФО, часть регионов Южного и Уральского федеральных округов). Они включают боль-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. Москва, 2024. 1081 с.

² Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2024: стат. сб. / Росстат. Москва, 2024. 436 с.

³ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения 14.01.2025).

шинство российских регионов и отличаются по характеру взаимосвязи развития экономики региона и изменения численности населения и занятости. Анализ данных по регионам привел к выделению трех центров – в Москве (точнее двойной центр, включая Санкт-Петербург), Новосибирске и Краснодаре. Необходимо отметить, что группировка регионов не очень строгая, отдельные граничные западные регионы могут быть включены и в другие макрорегионы, поскольку влияние Московской агломерации на них достаточно слабое. Также три региона не входят в макрорегионы из-за особенностей их расположения и занятости населения (Чукотка, Магаданская и Калининградская области).

Для объяснения причин выявленных зависимостей анализировались различия средних показателей по макрорегионам. Также рассматривались показатели развития центров и остальной части макрорегионов (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Новосибирская область и Краснодарский край).

Для выявления особенностей развития макрорегионов строились уравнения связи динамики ВРП, производительности труда и ВРП на душу населения от показателей, характеризующих столицу и периферию региона (численность населения и занятых региона, его столицы, периферии и их изменение, концентрация населения региона и занятых в его столице и их изменение; инновационные и образовательные процессы; удельное количество студентов, уровень инновационной активности), расположение региона (северная широта, расстояние от столицы региона до Москвы), миграционные процессы (сальдо миграции за 2010–2021 гг., удельное сальдо миграции за 2010–2021 гг.), структуру экономики регионов (доля в ВРП обрабатывающей промышленности, добывающей промышленности, сельского хозяйства, торговли) и среднюю зарплату. Расчеты проводились за период 2009–2021 гг. по формуле:

$$Y = A_0 + \sum_{j=1}^M A_j \times X_j, \quad (1)$$

где:

Y – динамика ВРП (для макрорегиона «Восток» – ВРП на душу населения);

X_j – показатель j ;

M – количество показателей;

A_0, A_j – расчетные параметры.

Результаты

В западных и восточных регионах заметно различаются природные условия, плотность населения, динамика развития и структура экономики. Разная структура экономики влияет на ее эффективность, также северные регионы отличаются высокой долей добывающего сектора, южные – ростом численности населения.

На развитие регионов значительное влияние оказывает миграция населения в крупнейшие агломерации, отличающиеся высоким уровнем жизни. В ходе исследований были выделены четыре быстрорастущие агломерации, влияющие на окружающие регионы – Московская, Санкт-Петербургская, Новосибирская и Краснодарская, причем первые две влияют не только на регионы своего округа. Сальдо миграции за 2010–2021 гг. в Москву, Санкт-Петербург, Московскую и Ленинградскую области составило 4185 тыс. чел, в Краснодарский край – 644 тыс. чел. и в Новосибирскую область – 158 тыс. чел., а в макрорегионах без учета их центральных регионов сальдо миграции отрицательное.

Сравнивая макрорегионы, следует отметить, что экономика макрорегиона «Запад» и ее эффективность росли быстрее, чем в восточных субъектах (табл. 1). В значительной степени это связано со структурой экономики: добывающий сектор если и растет, то медленно. Но благодаря ему производительность труда и ВРП на душу населения в макрорегионе «Восток» существенно выше.

Численность населения восточных регионов, их столиц и периферии почти в полтора раза больше, чем западных. Население западных регионов сокращается, рост населения столиц незначителен, а во многих также снижается, миграция в центр региона с периферии не компенсирует отток в мегаполисы. На востоке численность населения регионов сокращается незначительно, сто-

Таблица 1. Сравнение трех макрорегионов по основным экономическим показателям

Показатель	34 западных региона	28 восточных регионов	11 южных регионов
Динамика ВРП, %	132,1	124,4	127,6
Динамика ВРП на душу населения, %	143,3	128,2	120,5
ВРП на душу населения в 2021 г., тыс. руб.	598,8	814,3	300,0
Динамика населения регионов, %	93,2	98,6	108,2
Динамика населения столиц, %	101,7	110,1	124,0
Динамика населения периферии, %	88,8	93,1	104,1
Среднее население региона, тыс. чел.	1298	1873	1595
Среднее население столицы, тыс. чел.	484,0	688,1	376,5
Среднее население периферии, тыс. чел.	814,2	1184	1218
Производительность труда, тыс. руб.	1206	1640	784
Динамика занятости регионов, %	91,0	96,0	105,5
Динамика занятости столиц, %	84,8	91,7	99,3
Динамика занятости периферии, %	92,6	95,2	108,4
Динамика производительности труда, %	147,3	130,9	123,9
Сальдо миграции, тыс. чел	-531,1	-456,1	515,6
Рассчитано по: данные Росстата.			

личного – заметно растет, а на периферии снижается медленнее, чем в западных регионах. Миграция в Московскую и Санкт-Петербургскую агломерации невелика, и концентрация населения в столицах увеличивается быстрее, а занятости – снижается медленнее. Необходимо отметить, что численность городского населения на востоке растет, в отличие от запада, а если не брать во внимание столицу региона, то сокращается намного медленнее. Средняя людность населенных пунктов в западных регионах существенно меньше, чем в восточных.

Суммарное сальдо миграции за 2010–2021 гг. макрорегиона «Запад» отрицательное и на 16% больше, чем макрорегиона «Восток». На западе чем выше рост ВРП, тем больше положительное сальдо миграции. На востоке миграция направлена в более населенные регионы, если численность населения региона больше 2,7 миллиона человек, то сальдо миграции положительное, если меньше 2,7 миллиона человек, то отрицательное, но есть два исключения – студенческая Томская область и Хакасия, в которой сальдо миграции чуть больше нуля и население за межпереписной период практически не изменилось. Существует линейная зависимость между численностью населения региона и отношением сальдо

миграции к численности населения региона ($R^2 = 0,51$). В западных регионах такой зависимости нет, для них центр притяжения – Московская и Санкт-Петербургская агломерации. Отметим, что макрорегион «Восток» кроме Новосибирска имеет еще два центра притяжения – Казань и Тюмень.

В отличие от восточных в западных регионах сокращение населения периферии не способствовало росту эффективности, поскольку во многих регионах производительность труда на периферии выше, чем в столице, и растет быстрее. В восточных регионах сокращение населения периферии не сказывалось на динамике ВРП, но вело к росту эффективности, менее эффективная периферия теряла население. Отсутствие связи динамики населения столицы и периферии показывает, что миграция с периферии была направлена в другие регионы. В результате, хотя среднее сальдо миграции макрорегионов «Запад» и «Восток» различается незначительно, но отток населения с периферии оказывал разное воздействие на динамику и эффективность развития экономики регионов.

Анализ развития ЦФО и СЗФО показал, что зоны влияния Москвы и Санкт-Петербурга частично пересекаются (Ускова и др., 2024; Дружинин, 2023b; Дружинин,

2025). Лишь Калининградская область как полуэксклав слабо подвержена их влиянию в силу особого географического положения. Анализ развития западных регионов ПФО показал, что они также находятся в зоне московского влияния (Дружинин, 2025). Построенный макрорегион «Запад» состоит из 34 регионов (без Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей), которые находятся под влиянием Московской и Санкт-Петербургской агломераций с самыми высокими темпами роста ВРП и производительности труда. Расчеты производственных функций по регионам показали очень высокую эластичность по труду, что говорит о том, что отток населения в две агломерации ограничивает возможности экономического роста регионов (Дружинин, 2025).

В макрорегионе «Запад» население регионов сокращается, более быстрое падение численности населения периферии ведет к быстрому росту концентрации населения, но население столиц регионов меняется незначительно. Прирост численности жителей столиц регионов зависит от расстояния до Москвы: до 250 км – население растет, далее до 450 км – в большинстве регионов снижается, до 1100 км – в большинстве регио-

нов снова растет. А изменение численности населения региона в значительной степени определяется периферией ($R^2 = 0,55$). Соответственно, рост ВРП определяется динамикой населения и занятости на периферии: чем оно медленнее убывает, тем быстрее растет ВРП (рис. 1). Зависимость развития экономики от численности населения и занятости в столице региона, концентрации населения в столице или их изменения отсутствует. Следует отметить, что три депрессивных региона (Республика Коми, Ивановская и Волгоградская области) немного выпадают из общей зависимости, и если их не учитывать, то статистические характеристики регрессионных уравнений заметно улучшаются.

Анализ занятости позволяет уточнить сделанные оценки, поскольку она частично учитывает маятниковую миграцию и отходничество. Влияние изменения занятости аналогично влиянию изменения численности населения. Не наблюдается влияния изменения занятости в столице региона на темпы роста ВРП, и отрицательно на них влияет снижение занятости на периферии (рис. 2). Связь изменения занятости в столице и на периферии отсутствует, в большинстве регионов снижение занятости на пери-

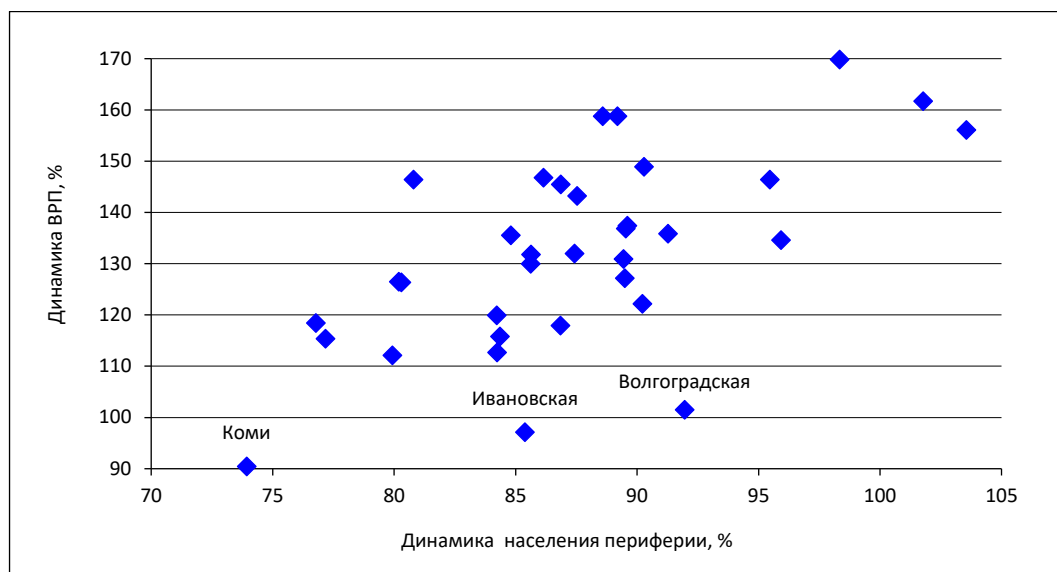

Рис. 1. Зависимость динамики ВРП в макрорегионе «Запад» от изменения численности населения периферии регионов в 2009–2021 гг., 2009 г. – 100%

Рассчитано по: данные Росстата.

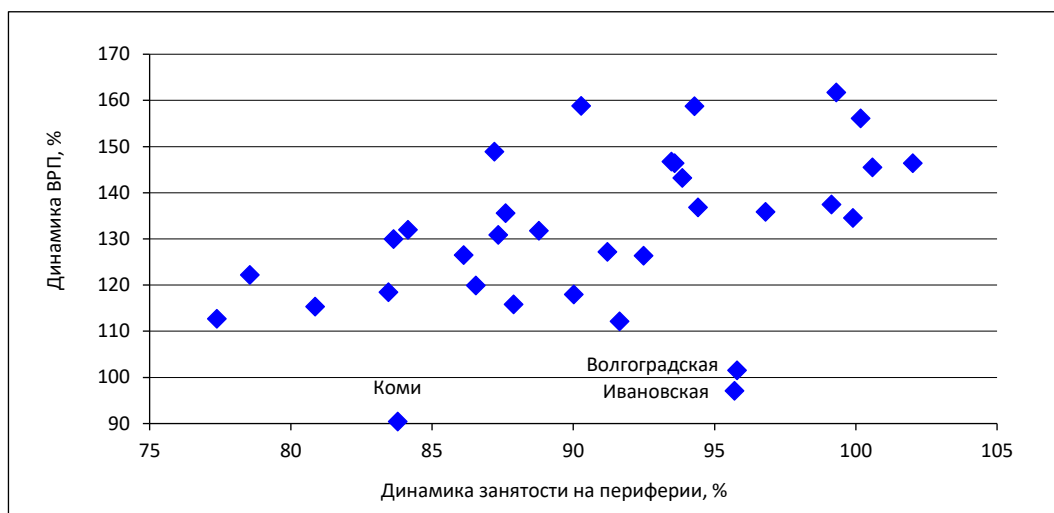

Рис. 2. Зависимость динамики ВРП в макрорегионе «Запад» от изменения количества занятых на периферии регионов в 2009–2021 гг., 2009 г. – 100%

Рассчитано по: данные Росстата.

ферии не ведет к росту ее концентрации в столице, значит, отток населения из периферии направлен не в столицу своего региона, а в более привлекательные центры и регионы: Москву, Санкт-Петербург, Московскую и Ленинградскую области. Следует отметить, что изменение занятости в регионе, его столице и на периферии не влияет на изменение производительности труда. Также изменение численности населения не влияет на динамику ВРП на душу населения, значит, миграция населения внутри макрорегиона «Запад» не направлена в более эффективные регионы.

Второй макрорегион «Восток» включает 28 регионов СФО, ДФО, УФО и ПФО с самой высокой производительностью труда и концентрацией населения в столице региона. В отличие от макрорегиона «Запад» их население убывает медленнее, численность жителей в столицах растет, занятость также снижается медленнее. Особенностью макрорегиона является то, что динамика ВРП на душу населения определяется динамикой численности населения и занятых периферии: чем быстрее снижается население периферии региона, тем быстрее растет ВРП на душу населения (рис. 3).

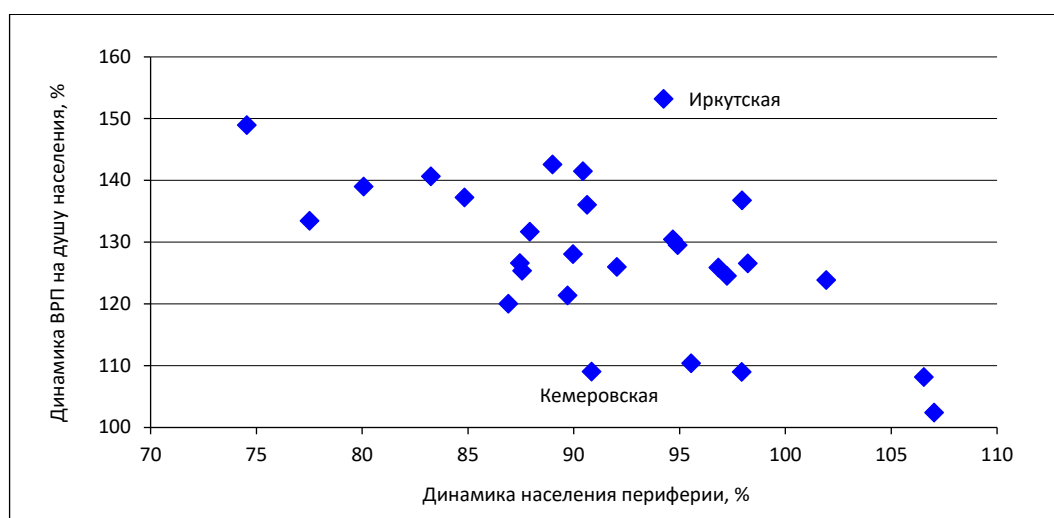

Рис. 3. Зависимость динамики ВРП на душу населения в макрорегионе «Восток» от изменения численности населения периферии регионов в 2009–2021 гг., 2009 г. – 100%

Рассчитано по: данные Росстата.

Не все регионы данных округов вошли в макрорегион, в частности в него не включены Чукотский автономный округ и Магаданская область в силу особого географического положения, высокой доли вахтовой занятости и транспортной изолированности. Население здесь быстро сокращалось, а добыча полезных ископаемых (ДПИ) увеличивалась за счет использования вахтового метода. Депрессивная Кемеровская область несколько выпадает из общей зависимости, без ее учета статистические характеристики регрессионных уравнений заметно улучшаются, особенно по показателю занятости.

Количество занятых не влияло на показатели развития региональной экономики, но результаты анализа свидетельствуют о наличии зависимости изменения производительности труда от изменения занятости в регионе и на его периферии (рис. 4). В то же время зависимость между изменением численности занятых в столице и динамикой показателей развития экономики региона

отсутствует. Также необходимо отметить, что чем больше удельное количество студентов в регионе, тем быстрее растет занятость на периферии. Изменение занятости в регионе полностью определяется изменением занятости на периферии ($R^2 = 0,95$). И в макрорегионе «Запад», и в макрорегионе «Восток» периферия теряет население, однако необходимость освоения и переработки природных ресурсов ведет к тому, что на востоке занятость на периферии падает медленнее.

В макрорегион «Юг» входит 11 регионов СКФО, часть регионов ЮФО и УФО с самой низкой средней производительностью труда и темпами ее роста и с самым большим населением периферии и темпами его роста, причем чем быстрее увеличивается численность населения периферии и региона, тем быстрее растет ВРП (рис. 5). Но в данном случае есть и связь роста населения столицы с динамикой ВРП, следовательно, и рост населения региона положительно влияет на повышение ВРП ($R^2 = 0,83$).

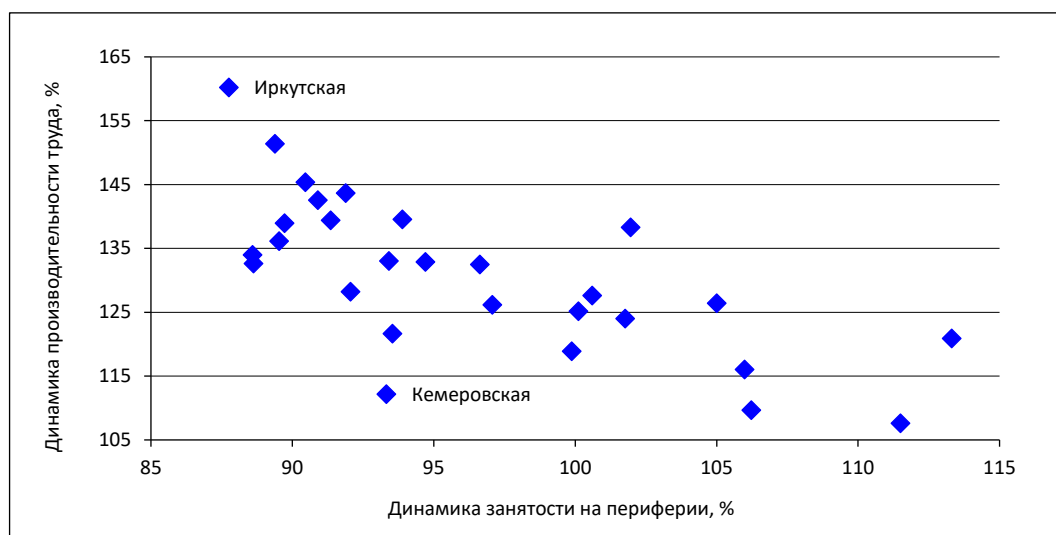

Рис. 4. Зависимость динамики ВРП на душу населения в макрорегионе «Восток» от изменения количества занятых на периферии регионов в 2009–2021 гг., 2009 г. – 100%

Рассчитано по: данные Росстата.

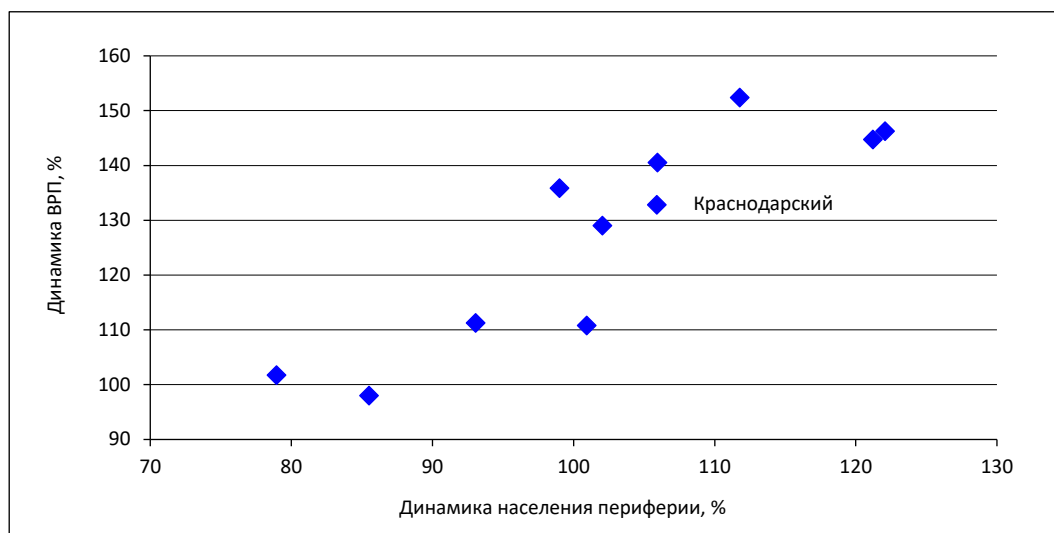

Рис. 5. Зависимость динамики ВРП в макрорегионе «Юг» от изменения численности населения периферии регионов в 2009–2021 гг., 2009 г. – 100%

Рассчитано по: данные Росстата.

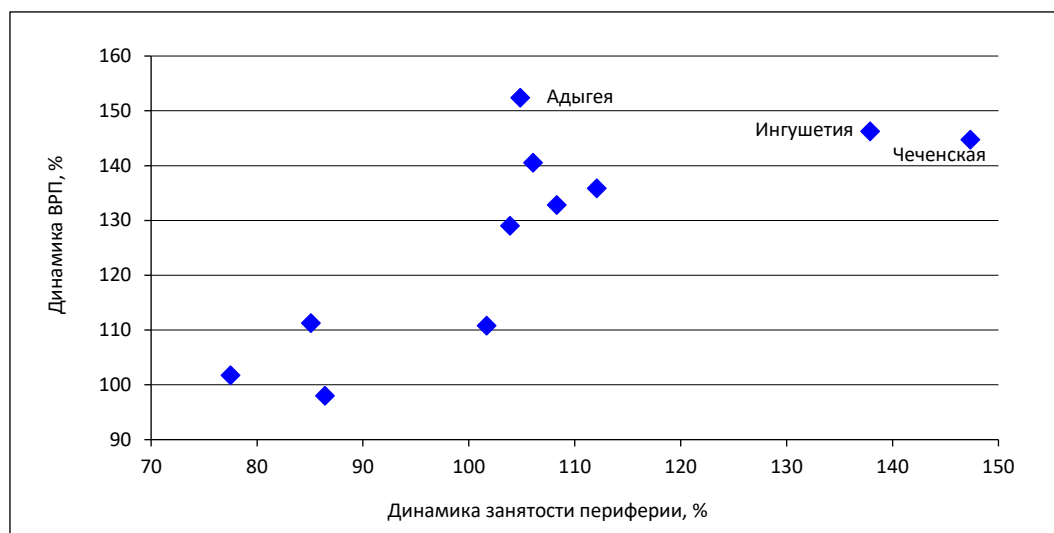

Рис. 6. Зависимость динамики ВРП в макрорегионе «Юг» от изменения количества занятых на периферии регионов в 2009–2021 гг., 2009 г. – 100%

Рассчитано по: данные Росстата и индексы изменения занятости.

Макрорегион «Юг» отличается быстрым ростом численности населения и в столице, и на периферии, соответственно, быстрым ростом занятости населения. Занятость в столицах практически не изменяется, прирост показателя занятости региона полностью определяется периферией. Следует отметить быстрый рост численности занятых в республиках Ингушетии и Чечне (при сравнении показателей за 2009 и 2021 гг. – в 2,8 и 2,1 раза и существенно меньше при

оценке через индексы, что ограничило возможности построения уравнения для производительности труда и занятости, *рис. 6*).

Расчеты оценки влияния факторов на рост экономики регионов по макрорегионам показали, что кроме динамики численности населения периферии на него влияют и другие факторы уравнений, хотя их значимость намного меньше. Однако эти факторы у трех макрорегионов разные (*табл. 2*).

Таблица 2. Результаты расчетов оценки влияния факторов на динамику развития экономики регионов за 2009–2021 гг.

Параметр	Значение параметров и статистических характеристик		
	Макрорегион Запад	Макрорегион Восток	Макрорегион Юг
ln A	30,24	235,8***	-10,9
Динамика населения периферии, %	1,090**	-1,253***	0,964***
Доля сельского хозяйства в ВРП, %	0,844	–	–
Сальдо миграции, тыс. чел.	0,075*	–	–
Население столицы, тыс. чел.	–	0,012**	–
Доля обрабатывающей промышленности и ДПИ в ВРП, %	–	-0,774***	–
Средняя зарплата, тыс. руб.	–	0,712***	–
Доля торговли в ВРП, %	–	–	1,072***
Отношение сальдо миграции к численности населения	–	–	0,602**
R ²	0,50	0,63	0,93
p	0,00011	0,00029	0,00020
*** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,1. Рассчитано по: данные Росстата.			

При расчетах регрессионных уравнений оказалось, что структура экономики значима для всех макрорегионов, миграция – для макрорегионов «Запад» и «Юг», численность населения столицы и уровень зарплаты – для макрорегиона «Восток».

Обсуждение

Московская и Санкт-Петербургская агломерации привлекательны для жителей всех столиц и периферии российских регионов, но активность миграции зависит от расстояния. В результате если в макрорегионе «Восток» население почти всех столиц регионов растет, то в макрорегионе «Запад» – только в половине. Периферия уже не восполняет миграционные потери столицы региона, прежде всего получившей образование молодежи (Морошкина, Поташева, 2025). Население периферии западных регионов убывает значительно быстрее, ускоряется сокращение населения отдаленных муниципальных образований, в них деградирует инфраструктура и расширяются «заброшенные территории», что сказывается на динамике развития региона в целом. Агломерационные процессы в макрорегионе «Запад» фактически замедляют

экономический рост регионов. К тому же и рост агломераций замедляется, а в части западных регионов начался обратный процесс. В макрорегионе «Восток» агломерационные процессы пока положительно влияют на экономику регионов.

Разрастание «заброшенных территорий» характерно для многих стран мира. Предлагались различные подходы для уменьшения внутрирегиональной дифференциации, в частности выявление и стимулирование развития муниципальных образований, имеющих потенциал для развития (Мельникова, 2024). Межмуниципальное сотрудничество может способствовать проникновению инноваций на периферию, значительную роль во взаимодействии центра и периферии могут сыграть цифровые технологии (Oppido et al., 2023). Для реализации данного варианта следует развивать образовательные учреждения на периферии, для инвестиционных проектов нужны квалифицированные кадры, и тогда может улучшаться материальное положение молодежи. Для удержания населения необходимо повышать качество городской среды, сделать доступными медицинские услуги, повысить их качество.

Проведенные исследования взаимосвязи формирования агломераций с инновационными и образовательными процессами показали, что большинство регионов макрорегиона «Запад» имеют отрицательное сальдо миграции и не получают значимого эффекта от университетов, поскольку выпускники провинциальных университетов стремятся переехать в более крупные города. В то же время для макрорегиона «Восток» высшее образование, видимо, является фактором, способствующим развитию периферии, которая в основном связана с добывающим сектором и переработкой сырья. Важная роль принадлежит крупным фирмам, продвигающим инновации в периферийные муниципалитеты, в которых расположены их подразделения (Кожевников, 2023; Освоение Арктики..., 2022).

Заключение

Таким образом, проведенные исследования показали, что развитие столиц регионов слабо влияет на динамику и эффективность развития экономики региона в целом, а основное влияние оказывает периферия, а именно как быстро она теряет население и вслед за этим другие ресурсы. Столицы регионов ограничены в своих возможностях и оказывают слабое влияние на развитие остальных муниципальных образований, которые опираются на свои ресурсы, если к ним не проявили интерес структуры феде-

рального уровня. В западных регионах уже происходит «опустынивание» территорий, через некоторое время подобные процессы могут начаться и в восточных регионах. Поэтому необходимо развивать системы взаимодействия региональных столиц с развивающимися муниципальными образованиями, создавать сеть образовательных учреждений на периферии, в первую очередь учреждения СПО и филиалы вузов, формировать благоприятные условия для жизни населения; способствовать межмуниципальному сотрудничеству, выделять перспективные территории, привлекать ресурсы для их развития и улучшать инфраструктуру.

В макрорегионе «Запад» именно отток населения из регионов ограничивает возможности экономического роста, причем университеты не способствуют уменьшению миграции населения, как это происходит, например, в Финляндии, поэтому для закрепления кадров необходимы ориентация вузов на взаимодействие с региональным бизнесом и установление горизонтальных связей вузов в округах, активизация инновационной деятельности и создание условий для привлечения выпускников вузов из двух мегаполисов.

В дальнейшем каждый макрорегион будет изучаться более детально за более длительный период, агломерации и периферия будут рассматриваться в соответствии с региональными документами.

ЛИТЕРАТУРА

- Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. (2021). Города в пространственном развитии российской экономики // Региональная экономика. Юг России. Т. 9. № 3. С. 4–15. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.3.1
- Дегтярев П.Я. (2018). Анклавный вектор пространственного развития России // Вестник Челябинского гос. ун-та. № 7 (417). С. 67–73.
- Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2023). «Ультраурбанизм и аглоцентризм» vs «единая система расселения»: актуальность дискуссии сорокалетней давности // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 1. С. 135–150.
- Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2024). Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения // Общественные науки и современность. № 4. С. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049924040094
- Дружинин П.В. (2023а). Оценка влияния факторов на динамику численности населения муниципалитетов регионов Европейского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3. С. 78–91. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.005

- Дружинин П.В. (2023b). Развитие экономики регионов Северо-Западного федерального округа в условиях миграции в Санкт-Петербургскую агломерацию // Балтийский регион. Т. 15. № 3. С. 100–116. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-3-6
- Дружинин П.В. (2025). Особенности развития регионов центра европейской части России после кризиса 2008–2009 гг. // Регионоведение. Т. 33. № 1. С. 104–119. DOI: 10.15507/2413-1407.033.202501
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2019). Развитие больших городов в России в 2000-х годах // Региональные исследования. № 1. С. 39–51. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-4
- Ижгузина Н.Р. (2016). Влияние крупных городских агломераций на пространственную трансформацию экономики региона (на примере Свердловской области) // Управленец. № 3 (61). С. 62–71.
- Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2021). Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4 (52). С. 162–180. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7
- Кожевников С.А. (2023). Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3. С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010
- Коломак Е.А. (2019). Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. Т. 15. № 4. С. 85–106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106
- Лачининский С.С., Сорокин И.С. (2023). К вопросу о функциональной структуре экономики крупнейших агломераций России в условиях возросших геоэкономических и геополитических рисков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. № 4. С. 63–76. DOI: 10.17308/geo/1609-0683/2023/4/63-76
- Мельникова Л.В. (2024). «Ядро – периферия» и периферийность в региональной науке // Пространственная экономика. Т. 20. № 1. С. 144–162. DOI: 10.14530/se.2024.1.144-162
- Морошкина М.В., Поташева О.В. (2025). Миграции молодых поколений в регионах Российской Арктики // Друкеровский вестник. № 2 (64). С. 267–279. DOI: 10.17213/2312-6469-2025-2-267-279
- Освоение Арктики 2.0: продолжение традиций советских исследований (2022) / под ред. А.Н. Пилясова. Москва: КРАСАНД. 432 с.
- Соколова Л.Г., Астахова А.Л. (2020). Критерии обоснования развития эффективного межмуниципального сотрудничества // Тенденции развития науки и образования. № 5. С. 75–78. DOI: 10.18411/lj-05-2020-104
- Тагаров Б.Ж. (2020). Анализ теоретических подходов к факторам концентрации промышленности и населения в системе «центр – периферия» // Экономика, предпринимательство и право. Т. 10. № 2. С. 471–486. DOI: 10.18334/erpp.10.2.100418
- Ускова Т.В., Кожевников С.А., Патракова С.С. (2024). Тенденции пространственного развития регионов Северо-Запада России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15
- Шмидт А.В., Антонюк В.С., Франчини А. (2016). Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. № 3. С. 776–789. DOI: 10.17059/2016-3-14
- Chen L., Yu L., Yin J., Xi M. (2023). Impact of population density on spatial differences in the economic growth of urban agglomerations: The case of Guanzhong Plain Urban Agglomeration, China. *Sustainability*, 15(19), 14601. DOI:10.3390/su151914601
- Etherington D., Jones M., Telford L. (2022). Challenges to levelling up: Post-COVID precarity in “left behind” Stoke-on-Trent. *Front. Polit. Sci.* 4, 1033525. DOI: 10.3389/fpos.2022.1033525
- Ehrenfried F., Fackler T.A., Lindlacher V. (2022). New region, new chances: Does moving regionally for university shape later job mobility? *Regional Studies*, 57(7), 1239–1253. DOI: 10.1080/00343404.2022.2119217

- Fiorentino S., Glasmeier A.K., Lobao L., Martin R., Tyler P. (2024). “Left behind places”: What are they and do they matter? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1), 1–16. DOI: 10.1093/cjres/rsad044
- Fu W., Luo C., He S. (2022). Does urban agglomeration promote the development of cities? An empirical analysis based on spatial econometrics. *Sustainability*, 14(21), 14512. DOI: 10.3390/su142114512
- Fujita M., Thisse J.F. (2002). *Economics of Agglomeration. Cities, Industrial Location, and Regional Growth*. New York: Cambridge University Press.
- Leishman C., Liang W. (2022). An alternative approach to estimating agglomeration and productivity using geography, demography and evidence from satellite imagery. *Regional Studies, Regional Science*, 9(1), 45–65. DOI: 10.1080/21681376.2021.2019609
- Ma H., Huang X. (2022). Visualizing the urban network constructed by the most innovative enterprises in China. *Regional Studies, Regional Science*, 9(1), 343–346. DOI: 10.1080/21681376.2022.2069510
- Moretti E. (2004). Workers’ education, spillovers, and productivity: Evidence from plant-level production functions. *American Economic Review*, 94(3), 656–690.
- Oppido S., Ragozino S., Esposito de Vita G. (2023). Peripheral, marginal, or non-core areas? Setting the context to deal with territorial inequalities through a systematic literature review. *Sustainability*, 15(13), 10401. DOI: 10.3390/su151310401
- Wu Zh., Su Ya. (2024). Spatiotemporal evolution of economic disparities among 23 cities in Guangdong province, Hong Kong, and Macau: A comprehensive. *Journal of the Urban Planning and Development Division*. 150(1). DOI: 10.1061/JUPDDM.UPENG-4687
- Yang Z., Ou X., Zhu H. (2023). Population dynamics and its driving forces in China from 2000 to 2020. *Sustainability*, 15(12), 9415. DOI: 10.3390/su15129415

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Васильевич Дружинин – доктор экономических наук, доцент, Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук (Российская Федерация, 185030, г. Петрозаводск, пр-т Невского, д. 50; e-mail: pdruzhinin@mail.ru)

Druzhinin P.V.

INFLUENCE OF POPULATION DYNAMICS IN THE REGIONS' PERIPHERY ON ECONOMIC GROWTH: SPATIAL FEATURES

The article examines the impact of agglomeration processes on the development of Russian regions in 2009–2022 and its features in the western and eastern regions. The aim of the study is to form macro regions with a close relationship between the indicators of the periphery and the growth of the region's economy and to construct equations explaining the features of their development. It has been revealed that the population growth in regional capitals has practically no effect on the dynamics and efficiency of the economy as a whole, and the impact of changes on the periphery of the regions is decisive. The western regions are influenced by the Moscow and Saint Petersburg agglomerations, and population migration from the periphery of half of the regions to the regional capital does not compensate for the outflow of population to the two megacities. As a result, the faster the population of the periphery of the western regions is declining, the slower their gross regional product is growing. The eastern regions are characterized by the absence of such centers of attraction, with cities of millions growing in several of them, but the positive migration balance is not comparable with the two megacities. Despite the movement to the west and south, the population of the periphery in the eastern regions is on average one and a half times larger than in the European part of the country,

and is declining more slowly. The efficiency of the economy of the capitals of most eastern regions is higher than that of the periphery, as migration from the periphery to the capital contributes to economic growth in the latter. Thus, the faster the population of the periphery of the eastern regions decreases, the faster the gross regional product per capita grows. The concentration of population and other resources in the Moscow and Saint Petersburg agglomerations leads to their shortage, which slows down the economic growth of the western regions and the country as a whole. At the same time, there are territories that can develop successfully, but they need support, primarily in vocational education and improving the urban environment.

Agglomeration, regional periphery, population, Moscow, Saint Petersburg, gross regional product, labor productivity.

REFERENCES

- Bukhvald E.M., Valentik O.N. (2021). Cities in the spatial development of the Russian economy. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii*, 9(3), 4–15. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.3.1 (in Russian).
- Chen L., Yu L., Yin J., Xi M. (2023). Impact of population density on spatial differences in the economic growth of urban agglomerations: The case of Guanzhong Plain Urban Agglomeration, China. *Sustainability*, 15(19), 14601. DOI:10.3390/su151914601
- Degtyarev P.Ya. (2018). Enclave vector of spatial development of Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta*, 7(417), 67–73 (in Russian).
- Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V. (2023). “Ultra-urbanism and aglocentrism” vs “unified settlement system”: The relevance of the forty-year-old discussion. *Nauchnye trudy. Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN=Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 1, 135–150 (in Russian).
- Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V. (2024). The problem of shrinkage of the active space in Russia and the possibilities of its' solution. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 4, 114–127. DOI: 10.31857/S0869049924040094 (in Russian).
- Druzhinin P.V. (2023a). Evaluating the impact of geographic and socio-economic factors on population dynamics in municipalities across the European North of Russia. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka*, 3, 78–91. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.005 (in Russian).
- Druzhinin P.V. (2023b). Economic development of Russia's north-western regions and migration to the St. Petersburg agglomeration. *Baltiiskii region=Baltic Region*, 15(3), 100–116. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-3-6 (in Russian).
- Druzhinin P.V. (2025). Features of the development of the central regions of the European part of Russia in 2009–2021. *Regionologiya= Russian Journal of Regional Studies*, 33(1), 104–119. DOI: 10.15507/2413-1407.033.202501 (in Russian).
- Ehrenfried F., Fackler T.A., Lindlacher V. (2022). New region, new chances: Does moving regionally for university shape later job mobility? *Regional Studies*, 57(7), 1239–1253. DOI: 10.1080/00343404.2022.2119217
- Etherington D., Jones M., Telford L. (2022). Challenges to levelling up: Post-COVID precarity in “left behind” Stoke-on-Trent. *Front. Polit. Sci.*, 4, 1033525. DOI: 10.3389/fpos.2022.1033525
- Fiorentino S., Glasmeier A.K., Lobao L., Martin R., Tyler P. (2024). “Left behind places”: What are they and do they matter? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1), 1–16. DOI: 10.1093/cjres/rsad044
- Fu W., Luo C., He S. (2022). Does urban agglomeration promote the development of cities? An empirical analysis based on spatial econometrics. *Sustainability*, 14(21), 14512. DOI: 10.3390/su142114512
- Fujita M., Thisse J.F. (2002). *Economics of Agglomeration. Cities, Industrial Location, and Regional Growth*. New York: Cambridge University Press.

- Izhguzina N.R. (2016). The influence of large urban agglomerations on the spatial transformation of the region's economy (using the example of the Sverdlovsk Region). *Upravlenets*, 3(61), 62–71 (in Russian).
- Kartseva M.A., Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2021). Interregional migration of youth in Russia and building life strategies. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 4(52), 162–180. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7 (in Russian).
- Kolomak E.A. (2019). Spatial development of Russia in the 21st century. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 15(4), 85–106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A. (2023). Modernization of the economy of small towns in the Russian North based on the intensification of inter-municipal economic ties. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka*, 3, 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010 (in Russian).
- Lachininsky C.C., Sorokin I.S. (2023). On the issue of the functional structure of the economy of the largest agglomerations of Russia in the context of increased geo-economic and geopolitical risks. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya. Geoekologiya*, 4, 63–76. DOI: 10.17308/geo/1609-0683/2023/4/63-76 (in Russian).
- Leishman C., Liang W. (2022). An alternative approach to estimating agglomeration and productivity using geography, demography and evidence from satellite imagery. *Regional Studies, Regional Science*, 9(1), 45–65. DOI: 10.1080/21681376.2021.2019609
- Ma H., Huang X. (2022). Visualizing the urban network constructed by the most innovative enterprises in China. *Regional Studies, Regional Science*, 9(1), 343–346. DOI: 10.1080/21681376.2022.2069510
- Melnikova L.V. (2024). “Core – periphery” and peripherality in regional science. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 20(1), 144–162. DOI: 10.14530/se.2024.1.144-162 (in Russian).
- Moretti E. (2004). Workers' education, spillovers, and productivity: Evidence from plant-level production functions. *American Economic Review*, 94(3), 656–690.
- Moroshkina M.V., Potasheva O.V. (2025). Migration of young generations in the Russian Arctic regions. *Drukerovskii vestnik*, 2(64), 267–279. DOI: 10.17213/2312-6469-2025-2-267-279 (in Russian).
- Oppido S., Ragozino S., Esposito de Vita G. (2023). Peripheral, marginal, or non-core areas? Setting the context to deal with territorial inequalities through a systematic literature review. *Sustainability*, 15(13), 10401. DOI: 10.3390/su151310401
- Pilyasov A.N. (Ed.). (2022). *Osvoenie Arktiki 2.0: prodolzhenie traditsii sovetskikh issledovaniy* [Arctic Exploration 2.0: Continuation of the Traditions of Soviet Research]. Moscow: KRASAND.
- Shmidt A.V., Antonyuk V.S., Franchini A. (2016). Urban agglomerations in regional development: Theoretical, methodological and applied aspects. *Ekonomika regiona*, 3, 776–789. DOI: 10.17059/2016-3-14 (in Russian).
- Sokolova L.G., Astakhova A.L. (2020). Criteria for substantiating the development of effective inter-municipal cooperation. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 5, 75–78. DOI: 10.18411/lj-05-2020-104 (in Russian).
- Tagarov B.Zh. (2020). Analysis of theoretical approaches to the factors of concentration of industry and population in the center–periphery system. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo*, 10(2), 471–486. DOI: 10.18334/epp.10.2.100418 (in Russian).
- Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. (2024). Trends in the spatial development of regions in the Northwest of Russia in the 21st century. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15 (in Russian).

- Wu Zh., Su Ya. (2024). Spatiotemporal evolution of economic disparities among 23 cities in Guangdong province, Hong Kong, and Macau: A comprehensive. *Journal of the Urban Planning and Development Division*, 150(1). DOI: 10.1061/JUPDDM.UPENG-4687
- Yang Z., Ou X., Zhu H. (2023). Population dynamics and its driving forces in China from 2000 to 2020. *Sustainability*, 15(12), 9415. DOI: 10.3390/su15129415
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2019). The development of large cities in Russia in the 2000s. *Regional'nye issledovaniya*, 1, 39–51. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-4 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel V. Druzhinin – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Institute of Economics, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (50, Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: pdruzhinin@mail.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: ИЮЛЬ 2025 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.11 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и СЗФО.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

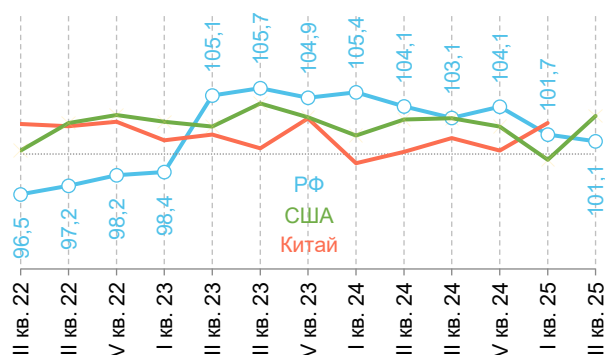

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему кварталу предыдущего года

Согласно данным Росстата, российская экономика во II квартале 2025 года продемонстрировала увеличение ВВП на 1,1% (годом ранее – на 4,1%; рис. 1). Минэкономразвития оценило прирост ВВП России в январе – июле 2025 года в 1,1%¹.

Описывая текущую ситуацию в экономике России в рамках обновленного среднесрочного макроэкономического прогноза, аналитики Института народнохозяйственного прогнозирования РАН отмечают, что экономика продолжает балансировать между стагнацией и спадом, а остановку роста уже можно считать статистическим фактом, в результате чего по итогу года теперь ожидается прирост ВВП на 1%. Замедление экономики в первой половине 2025 года, по оценкам аналитиков, связано с негативным действием на выпуск и спрос высоких процентных ставок и с сокращением экспортной выручки, укреплением рубля и ростом импорта. На фоне исчерпания действовавших ранее факторов экономического роста увеличение госрасходов упирается в растущий дефицит бюджета и уже не дает прежнего импульса экономике².

Для цитирования: Сидоров М.А., Лукин Е.В. (2025). Мониторинг экономики: июль 2025 года // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 194–209. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.11

For citation: Sidorov M.A., Lukin E.V. (2025). Monitoring of the economy: July of 2025. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 194–209. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.11

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь–июль 2025 года сопоставляется с январем–июлем 2024 года.

² ИНИП РАН: Квартальный прогноз ВВП. Выпуск №67. URL: <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-67> (дата обращения 19.09.2025).

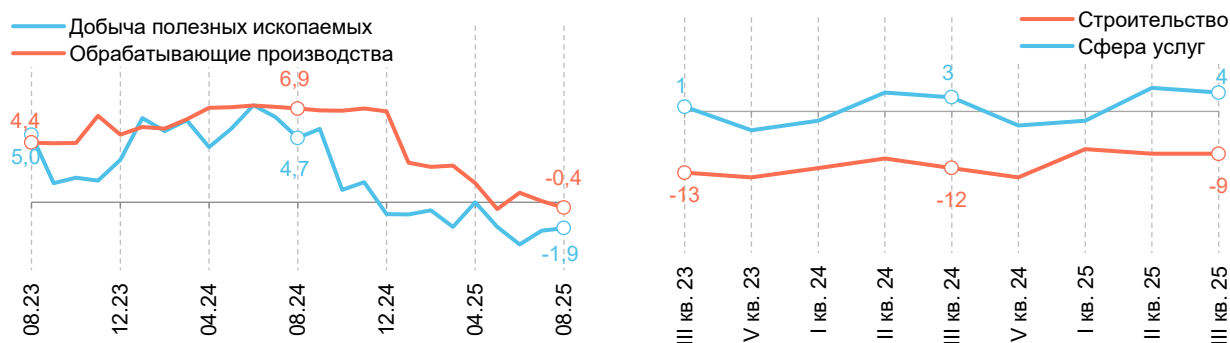

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

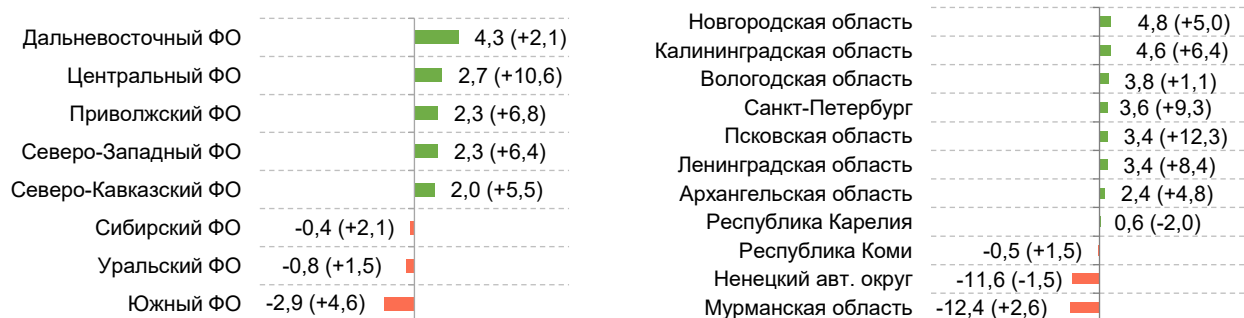

Рисунок 3. Прирост выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности* в январе – июле 2025 года по федеральным округам и регионам СЗФО, % к январю – июлю 2024 года

*В состав базовых видов экономической деятельности входят растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; транспорт.

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – июле 2024 года, % к январю – июлю 2023 года.

❖ Динамика индекса предпринимательской уверенности сигнализирует об ухудшении ожиданий промышленных предприятий страны: в августе 2025 года значение показателя по добывающей и обрабатывающей промышленности снизилось до -1,9 и -0,4 соответственно (годом ранее их значения были положительными и составляли 4,7 и 6,6 соответственно; рис. 2).

⬆ Индекс предпринимательской уверенности в сфере услуг и строительстве в III квартале 2025 года увеличился на 1 и 3 п. п. соответственно.

1. Производство валового продукта

Выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности увеличился в СЗФО на 2,3% (рис. 3). В большинстве регионов округа динамика выпуска товаров и услуг была положительной, лидерами по темпу прироста этого индикатора стали

Новгородская и Калининградская области (на 4,8 и 4,6% соответственно). В то же время отмечено резкое снижение выпуска товаров и услуг в Мурманской области и Ненецком автономном округе (на 12,4 и 11,6% соответственно).

⬆ Промышленность РФ и СЗФО продемонстрировала прирост выпуска продукции на 0,8 и 0,3% соответственно (табл. 1). При этом здесь Росстат и ЦМАКП расходятся в оценках: статистическое ведомство показывает, что во II квартале увеличение национального индекса промпроизводства составило 0,6%, тогда как аналитики ЦМАКП считают, что лишь 0,1%³.

❖ Добыча полезных ископаемых в целом по РФ сократилась на 2,3%. В СЗФО спад

³ О динамике промышленного производства в июле 2025 г. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/PROM/2025/PR-OTR_2025-08-29.pdf (дата обращения 18.09.2025).

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	7 мес. 2023 г.	7 мес. 2024 г.	7 мес. 2025 г.	р*
Промышленность в целом				
Российская Федерация	103,2	105,6	100,8	-
Северо-Западный ФО	104,0	107,6	100,3	4
Новгородская область	101,5	104,2	106,9	9
Санкт-Петербург	111,1	115,1	105,9	13
Вологодская область	105,7	101,0	103,6	22
Калининградская область	89,7	102,6	103,2	25
Псковская область	108,7	113,9	99,7	45
Архангельская область	97,8	107,4	97,9	55
Ленинградская область	111,0	109,2	97,9	55
Республика Коми	98,7	102,4	96,2	69
Республика Карелия	98,7	100,2	94,4	75
Ненецкий авт. округ	93,2	99,5	92,3	79
Мурманская область	94,7	104,6	89,4	82
Добыча полезных ископаемых				
Российская Федерация	98,7	99,7	97,7	-
Северо-Западный ФО	96,7	100,3	94,5	8
Ленинградская область	102,9	95,2	104,8	17
Республика Карелия	102,6	96,0	102,5	21
Мурманская область	104,5	92,7	102,3	22
Вологодская область	90,3	101,7	100,5	33
Республика Коми	98,8	102,8	95,1	56
Ненецкий авт. округ	93,0	99,2	92,2	61
Новгородская область	92,6	82,4	91,9	63
Калининградская область	92,1	102,7	90,1	70
Псковская область	101,3	102,8	84,2	79
Архангельская область	88,7	96,5	84,1	80
Санкт-Петербург	76,9	167,2	77,0	83
Обрабатывающие производства				
Российская Федерация	107,2	109,8	103,3	-
Северо-Западный ФО	107,6	109,9	102,5	3
Санкт-Петербург	113,7	116,4	107,5	11
Новгородская область	101,5	103,9	107,4	12
Калининградская область	89,9	101,9	104,3	21
Вологодская область	105,8	101,2	104,1	22
Псковская область	106,6	112,0	103,7	23
Республика Коми	98,5	101,2	100,9	37
Архангельская область	99,3	110,2	100,6	40
Ненецкий авт. округ	101,1	144,1	100,2	43
Ленинградская область	115,4	108,2	97,7	56
Республика Карелия	96,2	101,9	88,2	77
Мурманская область	89,8	109,9	82,6	82

*Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – июле 2025 года (если не оговорено иное), без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

был более существенным – на 5,5%, что стало худшим результатом среди остальных федеральных округов. Снижение добычи полезных ископаемых затронуло предприятия большинства субъектов округа, в наибольшей степени – Санкт-Петербурга, Архангельской и Псковской областей (на 23; 15,9 и 15,8% соответственно).

В то же время в ряде субъектов округа значение индикатора увеличилось, в особенности в Ленинградской области, Республике Карелии и Мурманской области (на 4,8; 2,5 и 2,3% соответственно).

Обрабатывающая промышленность РФ и СЗФО продолжила наращивать выпуск продукции (на 3,3 и 2,5% соответственно после увеличения годом ранее на 9,8 и 9,9% соответственно). Динамика этого показателя была позитивной в большинстве регионов округа, при этом в Санкт-Петербурге и Новгородской области прирост производства составил 7,5 и 7,4% соответственно.

В то же время в ряде субъектов округа выпуск продукции этой отрасли сократился, в частности в Мурманской области и Республике Карелии снижение составило 17,4 и 11,8% соответственно.

Внутриотраслевая динамика производства продукции обрабатывающей промышленности СЗФО была разнонаправленной.

Отрасли сектора обрабатывающей промышленности промежуточного спроса СЗФО продолжили увеличивать выпуск. Так, в сфере лекарственных средств и материалов производство продукции увеличилось на 1,8%, в химической и деревообрабатывающей индустрии – на 1,6 и 0,2% соответственно, производство металлопроката – на 1,7% (рис. 4).

На площадке трубопрофильного цеха Череповецкого металлургического комбината (ключевой актив компании «Северсталь») в поселке Шексна Вологодской области начала работу новая линия по производству свайной трубы (данная продукция востребована в строительной сфере, газовой и нефтяной промышленности). В рамках инвести-

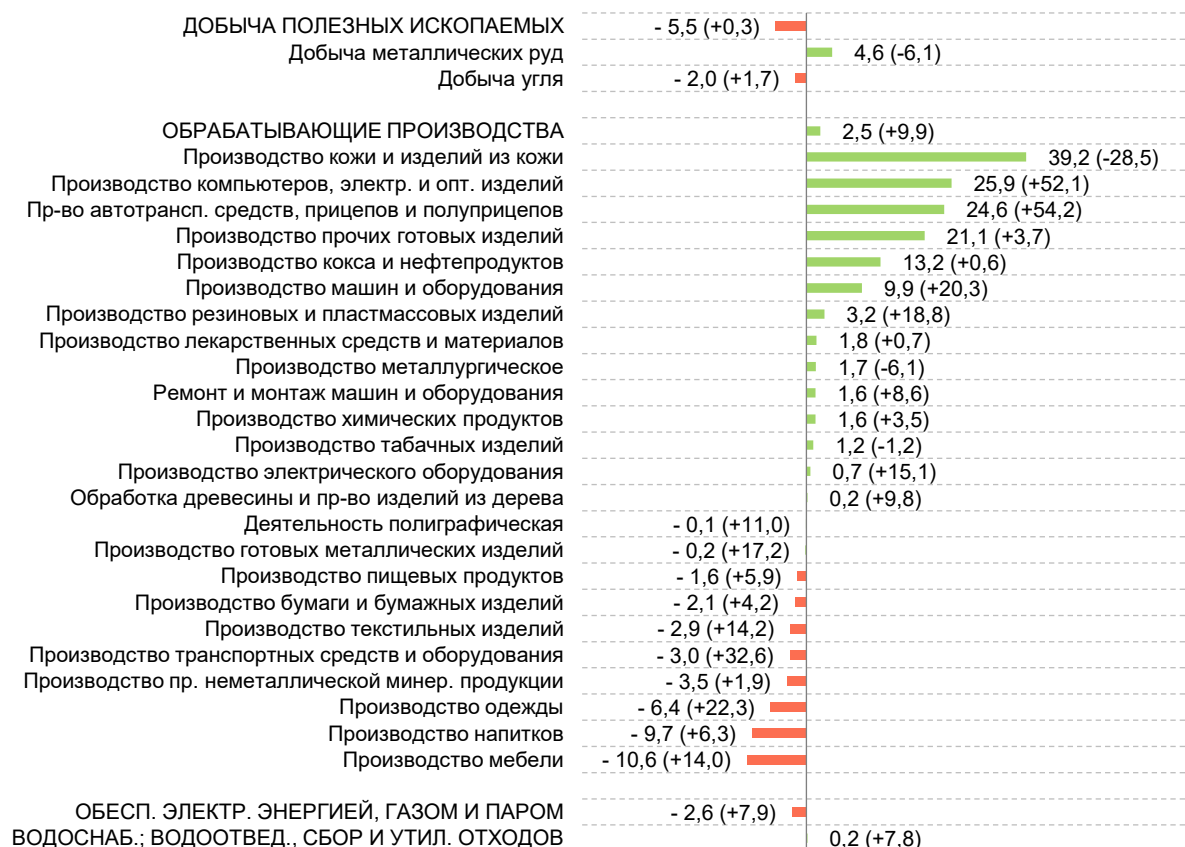

Рис. 4. Прирост объемов промышленного производства СЗФО в январе – июле 2025 года, % к январю – июлю 2024 года

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – июле 2024 года, % к январю – июлю 2023 года.

ционного проекта стоимостью 1 млрд рублей была построена линия для объемной термообработки продукции, а также модернизирован существующий трубоэлектросварочный агрегат. Все это в комплексе позволит добиться необходимых свойств для эксплуатации свайной трубы при низких температурах (до -40 градусов Цельсия)⁴.

При поддержке Правительства Республики Карелия в Петрозаводске реализован очередной этап масштабного инвестиционного проекта в деревоперерабатывающей отрасли. Завод по производству мебельного щита и лестничных элементов «Томицы-2» стал новым предприятием лесопромышленной

компании «Крона». Благодаря новым площадям производство выйдет на полный цикл – от обработки массива до сушки, склейки и упаковки. Общий объем инвестиций в завод «Кроны» составил 800 млн руб.⁵

➡ Ряд отраслей **сектора обрабатывающей промышленности конечного спроса** СЗФО также показал увеличение выпуска. В частности, существенно выросло производство кожи и изделий из кожи – на 39,2% (после снижения на 28,5% в предыдущем году), прочих готовых изделий – на 21,1%, резиновых и пластмассовых изделий – на 3,2%.
 ✔ В то же время в СЗФО сократился выпуск напитков и одежды на 9,7 и 6,4% соответственно.

⁴ «Северсталь»: в Шексне введена в строй линия по выпуску свайной трубы. URL: https://mc.ru/news/nw/news_id/16602 (дата обращения 17.09.2025).

⁵ «Крона» открывает импортозамещающее производство в Карелии. URL: <https://karelia.plus.rbc.ru/news/67e3f10f7a8aa97328eeb650> (дата обращения 17.09.2025).

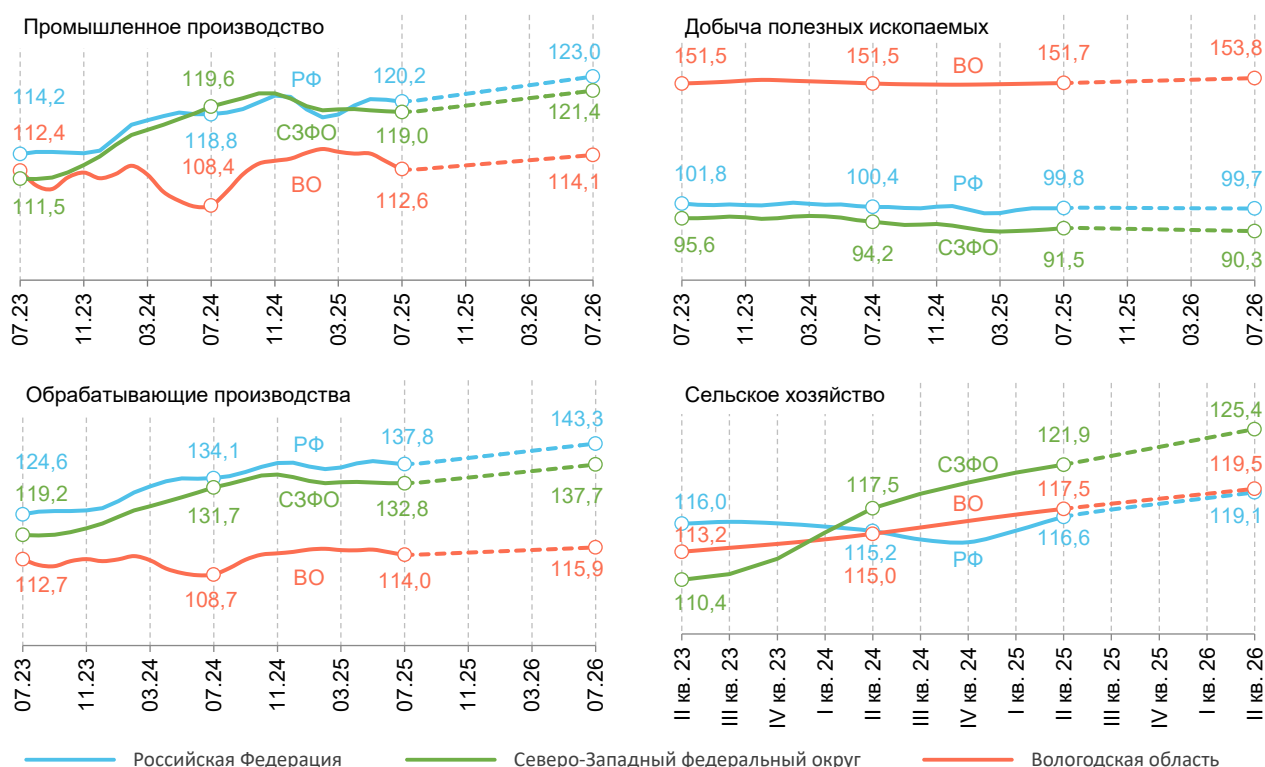
В большинстве отраслей **сектора обрабатывающей промышленности инвестиционного спроса** СЗФО выросло производство продукции. Позитивным явлением стали высокие темпы прироста выпуска компьютеров, электронных и оптических

изделий, а также автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (на 25,9 и 24,6% соответственно после прироста более чем на 50% годом ранее). Производство машин и оборудования также существенно увеличилось – на 9,9%.

На территории бизнес-инкубатора «Технопарк Санкт-Петербурга» компания ООО «Кравт» ввела в строй новый цех по серийному производству уникальных для России аккумуляторов собственной разработки. Ранее оборудование этой серии импортировалось из-за рубежа. В настоящий момент компания наладила серийное производство в том числе и так называемых «умных» батарей с BMS (Battery Management System). Эта система обеспечивает безопасную и эффективную работу батареи⁶.

Компания ООО «МЛМ Невский Лифт» ввела в строй новый цех по производству лифтового оборудования. Он будет специализироваться на изготовлении станций управления и приводов дверей кабины лифтов. Мощности нового цеха рассчитаны на производство до 1 тыс. комплектов лифтовых станций управления и приводов в год. При этом один из наиболее сложных узлов лифтового оборудования (привод дверей кабины) в ближайшее время планируется включить в реестр российской промышленной продукции, а станции управления работают на российском программном обеспечении⁷.

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2023–2026 гг., % к уровню 2018 года

⁶ В Петербурге стартовало новое серийное производство литиевых источников питания. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7909622> (дата обращения 17.09.2025).

⁷ Запуск нового производственного цеха по изготовлению станций управления и приводов дверей кабины. URL: <https://nevskylift.ru/zapusk-novogo-proizvodstvennogo-ceha-po-izgotovleniju-stancij-upravlenija-i-privodov-dverej-kabiny/> (дата обращения 17.09.2025).

❖ При этом индекс выпуска транспортных средств и оборудования ухудшился на 3%. Одной из причин данного снижения является высокий прирост выпуска продукции этой отрасли в предыдущем году (почти на треть). Кроме того, отмечено сокращение производства неметаллической минеральной продукции на 3,5%.

🟢 **Сельское хозяйство** РФ в I полугодии 2025 года увеличило выпуск продукции на 1,5% (табл. 2). В СЗФО значение этого индикатора выросло на 3,1%, что стало лучшим результатом среди остальных федеральных округов. В частности, существенно улучшился индекс производства сельскохозяйственной продукции в Новгородской, Псковской и Вологодской областях (на 11,5; 6,7 и 5,8% соответственно).

❖ В то же время в некоторых субъектах округа выпуск сельского хозяйства сократился, в наибольшей степени – в Мурманской области (на 20,1%).

Таблица 2. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	6 мес. 2025 г.	Р*
Российская Федерация	101,8	101,6	101,5	-
Северо-Западный ФО	103,7	107,5	103,1	1
Новгородская область	111,0	90,3	111,5	2
Псковская область	103,1	136,0	106,7	7
Вологодская область	105,4	98,7	105,8	11
Республика Коми	101,8	94,6	104,4	15
Ленинградская область	102,0	103,4	102,3	28
Архангельская область	104,2	103,7	100,7	39
Ненецкий авт. округ	100,9	106,1	97,8	64
Республика Карелия	103,9	97,5	96,1	68
Калининградская область	103,6	108,7	93,7	74
Мурманская область	119,1	102,4	79,9	84

*Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – июне 2025 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Индикаторы **рынка труда** продолжили улучшаться.

🟢 Уровень безработицы в мае – июле 2025 года в России и СЗФО снизился до 2,2 и 2,0% соответственно (табл. 3). Сокращение значе-

ния показателя зафиксировано в большинстве субъектов округа, исключением стали Архангельская область, в которой значение индикатора выросло с 2,1 до 2,9%, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область, где уровень безработицы остался на уровне прошлого года.

Таблица 3. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	Май – июль 2023 г.	Май – июль 2024 г.	Май – июль 2025 г.	Р*
Уровень безработицы, % от численности занятых				
Российская Федерация	3,3	2,6	2,2	-
Северо-Западный ФО	2,8	2,2	2,0	4
Новгородская область	2,9	1,5	1,1	6
Санкт-Петербург	1,6	1,5	1,5	18
Вологодская область	2,9	3,1	1,9	41
Псковская область	3,3	2,3	1,9	43
Калининградская область	3,0	2,7	2,0	53
Мурманская область	4,2	2,8	2,5	61
Республика Коми	4,6	3,6	2,7	64
Ленинградская область	2,8	2,8	2,8	66
Республика Карелия	5,4	4,2	2,8	68
Архангельская область	5,6	2,1	2,9	69
Ненецкий авт. округ	6,3	5,4	4,4	78
Территория	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	6 мес. 2025 г.	Р*
Потребность работодателей в работниках				
Российская Федерация	115,5	119,1	104,4	-
Северо-Западный ФО	115,9	114,3	106,1	4
Ненецкий авт. округ	120,4	104,9	113,8	16
Ленинградская область	123,1	126,1	113,5	17
Псковская область	106,5	118,1	112,3	19
Вологодская область	108,8	126,1	109,8	25
Санкт-Петербург	120,2	111,4	108,5	32
Калининградская область	112,1	114,9	104,5	45
Новгородская область	122,7	131,6	102,0	59
Республика Коми	107,8	110,5	99,5	71
Республика Карелия	111,2	111,6	99,0	73
Архангельская область	112,7	115,7	94,6	78
Мурманская область	100,1	102,6	88,6	83

*По индикатору «Уровень безработицы» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в мае – июле 2025 года, по индикатору «Потребность работодателей в работниках» – в январе – июне 2025 года без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

⬆ Объем заявленной в службы занятости страны потребности работодателей в работниках увеличился на 4,4%. В СЗФО отмечен прирост значения показателя на 6,1%. Существенное влияние на обобщающее изменение показателя по макрорегиону оказало его увеличение в Ленинградской области и Санкт-Петербурге, где количество зарегистрированных вакансий выросло на 13,5 и 8,5% соответственно.

⬇ В то же время сразу в ряде субъектов округа зафиксировано снижение числа зарегистрированных вакансий, в частности в Мурманской и Архангельской областях оно составило 11,4; 5,4% соответственно.

2. Образование доходов

Увеличение производства сопровождалось негативными изменениями на этапе образования доходов ряда экономических агентов.

⬆ **Реальные денежные доходы** населения РФ в I полугодии 2025 года увеличились на 7%, в СЗФО – на 7,1%, при этом улучшение отмечено во всех регионах округа. Драйверами роста динамики показателя по макрорегиону стали в первую очередь Ленинградская область, Ненецкий автономный округ и Санкт-Петербург, где изменение составило 10,2; 8,0 и 6,9% соответственно (табл. 4). Произошло это преимущественно за счет реальной начисленной заработной платы, которая за тот же период в целом по стране увеличилась на 4,1%. Зарплаты жителей СЗФО выросли на меньшую величину – на 3%. Этот прирост отчасти объясняется сохраняющимся «кадровым голодом» и распределяется неравномерно в силу своего источника, к тому же на фоне высокой ключевой ставки бюджетный импульс аккумулируется в ограниченном числе отраслей экономики.

Таблица 4. Динамика образования доходов населения, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	6 мес. 2025 г.	р*
Реальные денежные доходы населения				
Российская Федерация	105,2	107,2	107,0	-
Северо-Западный ФО	104,6	110,5	107,1	-
Ленинградская область	104,5	113,4	110,4	-
Санкт-Петербург	104,9	113,1	108,6	-
Псковская область	104,7	110,4	107,7	-
Новгородская область	104,9	109,0	107,4	-
Ненецкий авт. округ	102,2	103,9	104,7	-
Калининградская область	106,7	109,0	104,7	-
Республика Карелия	104,7	106,6	104,2	-
Архангельская область	105,2	106,6	103,7	-
Вологодская область	101,7	103,8	103,6	-
Республика Коми	105,1	107,7	102,2	-
Мурманская область	104,8	103,3	101,6	-
Реальная начисленная заработная плата				
Российская Федерация	106,8	109,4	104,1	-
Северо-Западный ФО	105,9	106,8	103,0	5
Псковская область	107,4	113,2	107,1	15
Ленинградская область	107,1	112,5	107,0	16
Новгородская область	108,9	110,5	105,4	28
Калининградская область	106,0	107,7	105,1	31
Архангельская область	106,4	103,9	103,0	54
Санкт-Петербург	106,0	105,4	102,8	56
Ненецкий авт. округ	101,7	106,4	101,6	70
Вологодская область	102,9	109,2	101,4	74
Республика Коми	108,2	104,7	101,3	75
Республика Карелия	106,5	106,5	99,3	83
Мурманская область	102,1	107,0	98,9	85

*Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – июне 2025 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

⬇ **Реальные доходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда** Российской Федерации сократились на 0,5% (табл. 5). В СЗФО снижение поступлений в казну было более существенным (на 3,7%), при этом оно затронуло почти все субъекты округа за исключением Ленинградской области, где отмечен прирост на 2,3%.

Таблица 5. Динамика образования предпринимательских и государственных доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	7 мес. 2023 г.	7 мес. 2024 г.	7 мес. 2025 г.
Доходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда			
Российская Федерация	104,1	100,0	100,5
Северо-Западный ФО	95,9	99,3	96,3
Ленинградская область	97,7	107,4	102,3
Мурманская область	121,1	97,8	99,2
Новгородская область	102,9	86,1	97,9
Архангельская область	65,8	122,5	93,2
Республика Карелия	103,3	89,3	92,4
Ненецкий авт. округ	87,8	102,2	91,6
Псковская область	103,4	86,0	91,5
Вологодская область	92,8	99,1	91,3
Санкт-Петербург	117,0	92,1	90,8
Республика Коми	94,4	95,5	88,1
Калининградская область	98,8	91,1	87,1
Территория	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	6 мес. 2025 г.
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ			
Российская Федерация	99,3	119,8	93,4
Северо-Западный ФО	119,3	90,9	89,8
Калининградская область	67,5	146,5	122,0
Мурманская область	189,1	36,4	111,5
Новгородская область	95,4	92,8	109,3
Архангельская область	86,8	106,7	100,1
Псковская область	124,1	112,1	97,7
Ленинградская область	148,2	82,7	94,5
Санкт-Петербург	148,0	94,1	89,0
Республика Карелия	100,7	123,3	88,1
Ненецкий авт. округ	37,6	150,4	84,2
Республика Коми	82,6	64,9	82,7
Вологодская область	135,5	83,6	59,1
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций			
Российская Федерация	84,6	87,2	85,5
Северо-Западный ФО	42,0	81,9	108,9
Калининградская область	66,0	61,7	480,8
Санкт-Петербург	31,2	73,1	154,2
Псковская область	138,2	112,1	90,1
Ленинградская область	77,1	134,5	84,2
Архангельская область	39,5	159,5	80,5
Республика Коми	46,1	144,0	77,7
Республика Карелия	26,7	190,4	44,7
Вологодская область	48,7	107,8	4,8
Ненецкий авт. округ	2,2	457,9	-
Новгородская область	54,3	-	-
Мурманская область	74,1	24,0	-

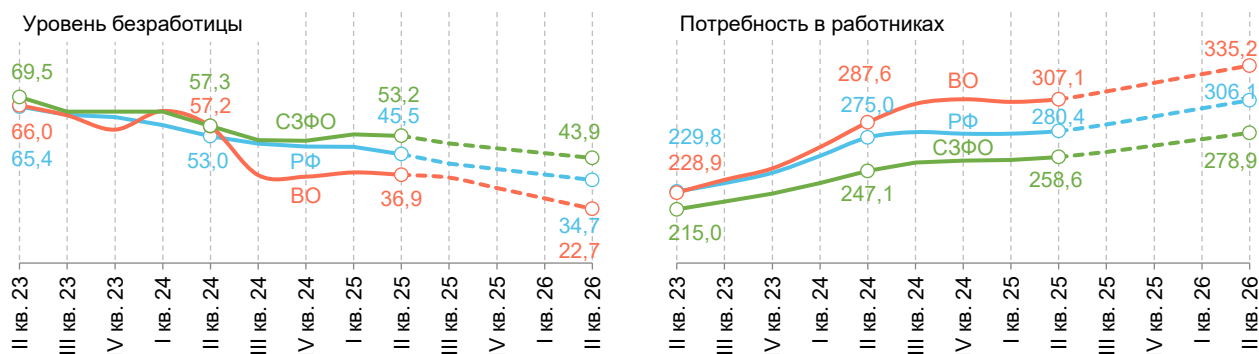
✔ **Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет** страны в I полугодии 2025 года снизилось в реальном выражении на 6,6% после увеличения почти на 20% в предыдущем году. В СЗФО поступления в консолидированный бюджет РФ сократились на 10,2% после спада на 9,1% годом ранее. Существенным фактором, обусловившим данное явление, стало снижение значения индикатора в Санкт-Петербурге на 11%, а также глубокий спад налоговых поступлений в Вологодской области (на 40,9%), одной из ключевых специализаций которой является производство металлопродукции. Налоги на доходы от предпринимательской деятельности в РФ и СЗФО снизились на 13 и 14,2% соответственно, ухудшилась также динамика поступлений от реализации подакцизных товаров: в РФ – на 1,6%, в СЗФО – на 5,2%.

✔ Объем поступлений от налогов на доходы физических лиц в целом по стране вырос на 6,2%, в макрорегионе – на 0,9%.

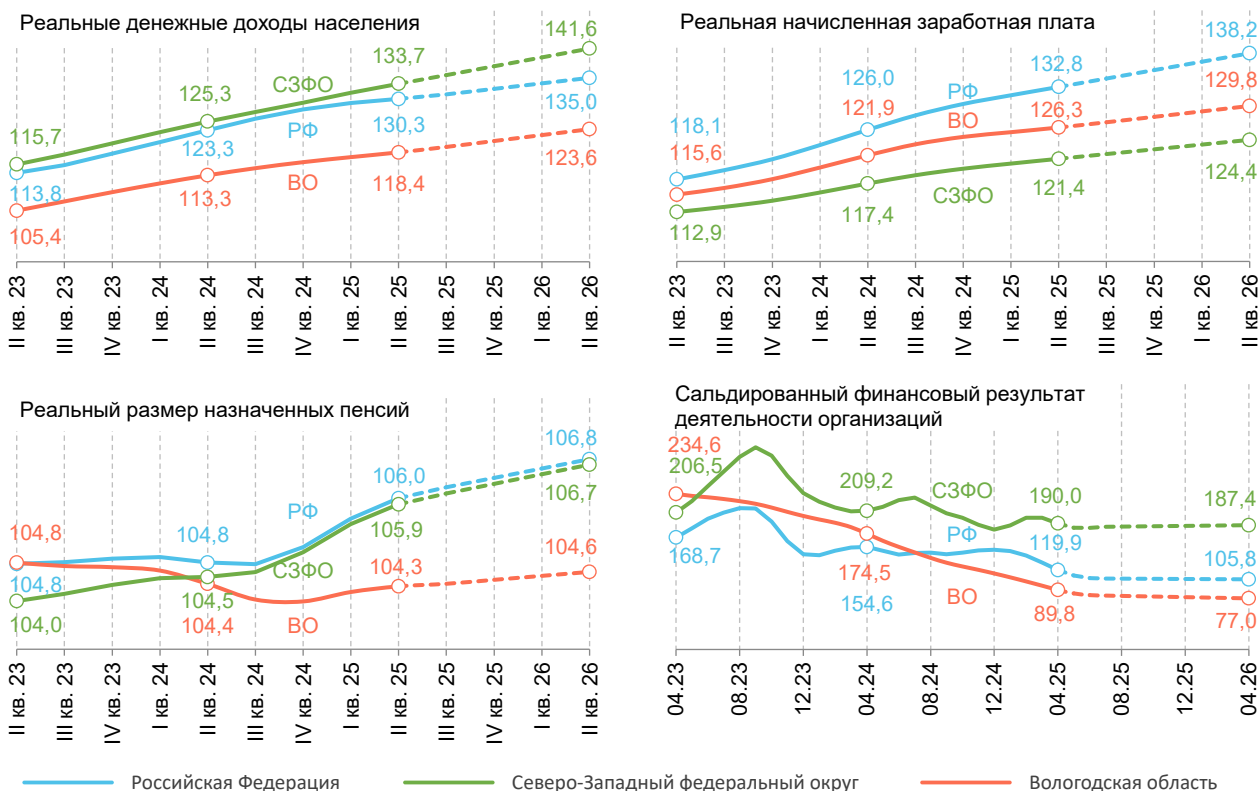
В частном секторе экономики все отчетливее наблюдается тенденция сокращения выпуска и ухудшения финансово-экономического положения предприятий.

✔ **Сальдированный финансовый результат** организаций РФ продолжил снижаться, при этом данная тенденция наблюдается уже третий год. В I полугодии 2025 года сокращение составило 14,5% в сопоставимых ценах, в том же периоде 2024 и 2023 гг. – 12,8 и 15,4% соответственно. В СЗФО увеличению значения показателя на 8,9% предшествовало снижение годом ранее на 18,1%. Данный прирост обусловлен ростом предпринимательских доходов всего в двух территориях – в Калининградской области и Санкт-Петербурге (в 4,8 и 1,5 раза соответственно). Во всех остальных субъектах округа предпринимательские доходы снизились. В частности, в Мурманской и Новгородской областях, а также Ненецком автономном округе сальдированный финансовый результат деятельности организаций был отрицательным, в Вологодской области значение показателя сократилось более чем в 20 раз, в Республике Карелии – более чем в 2 раза.

Тренды развития рынка труда в 2023–2026 гг., % к уровню 2018 года

Тренды образования доходов в экономике в 2023–2026 гг., % к уровню 2018 года

3. Конечное использование

Одним из стабилизирующих факторов экономической динамики стал растущий **потребительский спрос**.

📈 **Оборот розничной торговли** в России и СЗФО увеличился на 2,1 и 1% соответственно (табл. 6). В целом по стране расширение розничной торговли непродовольственными товарами составило 1,7%, продовольственными – 2,5%. В СЗФО оборот торговли непродовольственными товарами сократился на 0,7%, что во многом объясняется

снижением значения индикатора в Санкт-Петербурге на 5% на фоне прироста значения показателя на 4–8% более чем в половине субъектов округа. Оборот торговли продовольственными товарами в СЗФО вырос на 3,4%, что обусловлено увеличением значения индикатора в большинстве субъектов округа (на 0,3–5,9%) за исключением Вологодской и Мурманской областей, а также Республики Коми, где зафиксирован спад розничного оборота продовольственных товаров на 3,8; 2,1 и 0,5% соответственно.

Темпы роста выручки десяти крупнейших российских ритейлеров резко замедлились по итогам первого полугодия. Наиболее сильно спад ударил по непродовольственным сетям, которые столкнулись с настоящим кризисом. В «М.Видео – Эльдорадо» выручка упала на 15,2%, в DNS – на 2,3%, в «Леруа Мерлен» – на 7%. Среди ключевых причин эксперты называют спад на рынке новостроев, снижение продаж техники и массовые распродажи импортных товаров из-за укрепления рубля. Высокая ключевая ставка ЦБ также продолжает сдерживать спрос на дорогие товары, которые часто покупают в кредит.

В то же время продовольственный ритейл демонстрирует уверенный рост, оставаясь локомотивом рынка. У X5 Group («Пятерочка», «Перекресток») оборот увеличился на 21,2% (2,24 трлн руб.), у «Ленты» – на 24,3% (513,9 млрд руб.), у «Красное & Белое» и «Бристоль» – на 23,9% (795 млрд руб.), у «Магнита» – на 14,7% (1,7 трлн руб.)⁸.

Таблица 6. Динамика развития потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	7 мес. 2023 г.	7 мес. 2024 г.	7 мес. 2025 г.	Р
Оборот розничной торговли				
Российская Федерация	104,4	109,5	102,1	-
Северо-Западный ФО	108,3	108,3	101,0	7
Республика Карелия	109,1	103,7	106,1	12
Ленинградская область	109,2	108,8	104,8	18
Республика Коми	106,2	108,4	103,9	23
Калининградская область	103,2	113,4	103,9	23
Новгородская область	101,7	106,4	103,3	32
Псковская область	99,1	110,8	101,8	49
Вологодская область	100,2	106,7	101,5	55
Ненецкий авт. округ	101,8	103,6	99,7	77
Архангельская область	102,0	100,5	99,6	80
Санкт-Петербург	112,4	109,6	98,9	82
Мурманская область	100,5	102,3	98,3	84

Территория	7 мес. 2023 г.	7 мес. 2024 г.	7 мес. 2025 г.	Р
Объем платных услуг населению				
Российская Федерация	106,4	104,9	102,3	-
Северо-Западный ФО	110,2	103,3	102,9	4
Санкт-Петербург	115,6	101,3	104,7	12
Ленинградская область	109,8	111,6	103,6	23
Калининградская область	106,4	110,0	103,2	26
Ненецкий авт. округ	92,4	103,6	102,1	38
Псковская область	102,1	102,5	101,7	44
Республика Карелия	105,7	104,6	100,9	55
Новгородская область	100,3	100,5	100,4	58
Мурманская область	101,7	100,7	99,8	66
Архангельская область	105,2	106,9	99,0	72
Вологодская область	100,9	102,7	98,6	77
Республика Коми	97,5	102,8	96,8	80
Индекс потребительских цен (к декабрю предыдущего года)				
Российская Федерация	103,4	105,1	104,4	-
Северо-Западный ФО	103,4	104,6	104,6	6
Архангельская область	104,9	104,6	103,9	21
Санкт-Петербург	103,3	104,3	103,9	21
Республика Коми	103,9	105,6	104,6	43
Ненецкий авт. округ	101,8	104,5	104,6	43
Новгородская область	103,3	104,5	104,7	50
Вологодская область	103,2	104,2	105,2	69
Республика Карелия	104,3	104,8	105,4	75
Ленинградская область	103,4	105,2	105,5	78
Псковская область	102,4	104,8	105,5	78
Мурманская область	102,8	104,5	105,9	83
Калининградская область	103,2	106,1	106,1	85
Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)				
Российская Федерация	110,5	105,0	96,9	-
Северо-Западный ФО	107,1	104,7	100,9	6
Ненецкий авт. округ	125,1	96,5	73,3	1
Республика Коми	108,2	105,2	91,4	8
Мурманская область	109,8	98,8	100,2	38
Вологодская область	110,9	104,4	100,2	38
Калининградская область	101,2	102,2	101,5	46
Ленинградская область	106,2	106,3	101,5	46
Архангельская область	96,7	107,4	103,7	63
Новгородская область	100,7	103,1	103,8	66
Республика Карелия	116,1	109,2	106,5	76
Псковская область	103,3	106,3	107,9	79
Санкт-Петербург	104,4	105,0	112,2	82

⁸ Рост крупнейших сетей замедлился в пять раз. URL: <https://monocle.ru/2025/09/11/rost-krupneyshikh-setey-zamedlilsya-v-ryat-raz/> (дата обращения 18.09.2025).

▲ Объем **платных услуг**, оказанных населению страны и СЗФО, увеличился на 2,3 и 2,9% соответственно. Драйвером динамики показателя в макрорегионе стали Санкт-Петербург, где объем оказанных платных услуг населению вырос на 4,7%, а также Ленинградская и Калининградская области, значение индикатора в которых увеличилось на 3,6 и 3,2% соответственно.

▼ При этом в ряде северных регионов округа объем платных услуг населению сократился, в наибольшей степени – в Республике Коми (на 3,2%, что стало одним из худших результатов в стране).

▼ **Потребительская инфляция** в России и СЗФО составила 4,6 и 4,4% соответственно. Цены на продовольственные товары в целом по РФ и по федеральному округу увеличились на 3,9 и 4,1% соответственно. Цены на непродовольственные товары в целом по стране и по макрорегиону выросли в меньшей степени – на 0,8 и 1,2% соответственно. Тарифы ЖКХ в РФ и СЗФО в связи с массовым повышением тарифов с 1 июля увеличились на 11,1 и 11,3% соответственно.

Простой переход к смягчению денежно-кредитной политики уже не решает всех проблем российской экономики, потому что не устраняются фундаментальные причины ускорения инфляции. По мере смягчения монетарной политики вновь произойдет превышение спроса над предложением и очередной всплеск инфляции. Иными словами, «экономика предложения» так и не заработала, а повышение процентных ставок охладило не столько потребительский спрос, сколько предложение. В июле 2025 г. к июлю 2023 г. (начало ужесточения ДКП) рост потребительского спроса составил 8,8%, инвестиции выросли на 11,8%, а выпуск увеличился только на 5,7%⁹.

▲ В целом по России **цены производителей промышленных товаров** продемонстрировали снижение на 3,1%, по СЗФО выросли лишь на 0,9%. Зафиксировано глубокое снижение цен на продукцию промышленности Ненецкого автономного округа и Республики Коми (на 26,7 и 8,6% соответственно). Цены на продукцию промышленности Мурманской и Вологодской областей увеличились лишь на 0,2%.

▼ В остальных субъектах СЗФО цены производителей промышленных товаров выросли в большей степени, самым значительным стало подорожание продукции промышленности Санкт-Петербурга (на 12,2%).

▲ В **строительстве** России и СЗФО объем выполненных работ увеличился на 4,2 и 7,6% соответственно (значение показателя по макрорегиону стало лучшим среди остальных федеральных округов; табл. 7). Среди субъектов СЗФО наибольший прирост продемонстрировали Ленинградская область, а также республики Коми и Карелия (на 43,5; 19,5 и 18% соответственно).

▼ Замедляющее влияние на изменение показателя в целом по СЗФО оказало сокращение объема выполненных строительных работ в Мурманской, Калининградской и Архангельской областях (на 42,9; 10,1 и 7% соответственно).

▼ **Ввод жилья** в целом по РФ и в СЗФО замедлился на 4 и 2,8% соответственно. При этом субъекты округа продемонстрировали разнонаправленную динамику значения данного индикатора. В частности, в Псковской области отмечено снижение ввода жилых домов более чем на четверть, в Архангельской и Калининградской областях – на 12 и 11,4% соответственно, в Санкт-Петербурге – на 10%. В других регионах СЗФО уровень показателя вырос, при этом высокие значения Мурманской и Новгородской областей отчасти объясняются низким уровнем в предыдущих периодах. Существенным был прирост в Вологодской области и Республике Карелии (на 22,3 и 18% соответственно).

⁹ ИНП РАН: Квартальный прогноз ВВП. Выпуск 67. URL: <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyi-prognoz-vvp-vypusk-67/> (дата обращения 19.09.2025).

**Таблица 7. Динамика строительства,
% к соответствующему периоду
предыдущего года**

Территория	7 мес. 2023 г.	7 мес. 2024 г.	7 мес. 2025 г.	р
Объём работ по ВЭД «Строительство»				
Российская Федерация	112,4	102,0	104,2	-
Северо-Западный ФО	103,0	102,4	107,6	1
Ленинградская область	104,8	113,3	143,5	5
Республика Коми	126,0	100,7	119,5	18
Республика Карелия	106,8	65,2	118,0	20
Санкт-Петербург	111,7	97,8	104,3	33
Вологодская область	98,2	123,5	103,2	37
Псковская область	88,9	108,7	102,2	40
Новгородская область	114,7	111,8	96,4	53
Архангельская область	100,4	83,3	93,0	60
Калининградская область	122,5	116,8	89,9	67
Ненецкий авт. округ	68,1	81,9	68,8	79
Мурманская область	64,9	96,4	57,1	82
Ввод жилых домов				
Российская Федерация	99,0	103,4	96,0	-
Северо-Западный ФО	96,5	95,0	97,2	4
Мурманская область	20,7	153,3	146,2	3
Новгородская область	110,5	83,5	127,3	7
Вологодская область	108,5	107,2	122,3	11
Республика Карелия	92,1	101,4	118,0	13
Ненецкий авт. округ	60,5	141,0	104,8	27
Ленинградская область	98,7	107,8	97,6	40
Республика Коми	96,5	101,2	96,9	41
Санкт-Петербург	102,4	72,5	90,0	55
Калининградская область	80,7	100,3	88,6	59
Архангельская область	115,4	112,9	88,0	61
Псковская область	81,9	120,6	74,1	75
Объём выданных ипотечных кредитов				
Российская Федерация	159,5	80,0	53,1	-
Северо-Западный ФО	133,7	84,2	54,5	3
Ненецкий авт. округ	151,6	72,3	66,6	4
Ленинградская область	144,7	75,4	59,9	13
Архангельская область	150,5	97,1	59,1	17
Калининградская область	170,1	96,0	56,6	26
Псковская область	160,9	81,6	55,0	35
Санкт-Петербург	117,7	87,9	53,8	39
Республика Коми	154,7	67,9	53,8	41
Мурманская область	153,5	77,9	52,8	49
Новгородская область	156,5	79,3	49,6	59
Вологодская область	156,6	77,8	47,7	69
Республика Карелия	164,7	73,0	47,2	73

✓ **Объём выданных ипотечных кредитов** существенно сократился как в целом по стране, так и в СЗФО – на 46,9 и 45,5% соответственно. Данное явление затронуло все регионы округа, проявившись в снижении ипотечного кредитования на 33,4–52,8%. Отметим, что этому также предшествовало снижение значения показателя в предыдущем году. Согласно данным Банка России, в июле 2025 года около 84% выдач ипотечных жилищных кредитов приходилось на программы господдержки, их выдача сократилась к июлю 2024 года на 0,2%, а выдача на рыночных условиях увеличилась на 26,5% на фоне снижения процентных ставок¹⁰.

↗ **Реальные расходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда** в целом по РФ и в СЗФО увеличились на 9,6 и 2,9% соответственно (табл. 8). Часть субъектов округа продемонстрировала рост расходов бюджета: в Ленинградской области – на 11,4%, в Калининградской области, Ненецком автономном округе и Республике Коми – на 7,4; 5,2 и 4,1% соответственно.

**Таблица 8. Динамика государственных
расходов, % к соответствующему периоду
предыдущего года**

Территория	7 мес. 2023 г.	7 мес. 2024 г.	7 мес. 2025 г.
Расходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда			
Российская Федерация	106,9	99,8	109,6
Северо-Западный ФО	110,2	104,2	102,9
Ленинградская область	101,6	109,8	111,4
Калининградская область	105,1	93,4	107,4
Ненецкий авт. округ	91,7	86,9	105,2
Республика Коми	102,0	98,9	104,1
Санкт-Петербург	120,5	108,2	104,1
Республика Карелия	106,4	84,7	101,4
Архангельская область	106,6	99,9	99,5
Вологодская область	104,3	107,5	98,8
Псковская область	107,3	92,0	96,2
Мурманская область	92,4	108,7	95,1
Новгородская область	120,0	99,9	89,3

¹⁰ Банк России: Обзор рынка ипотечного жилищного кредитования. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/Indicator_mortgage/0325/ (дата обращения 16.07.2025).

В то же время в ряде субъектов макро-региона значение показателя сократилось, наиболее выражено – в Новгородской, Мурманской и Псковской областях (на 10,7; 4,9 и 3,8% соответственно). При этом в бюджете страны и СЗФО расходы на социальную политику выросли на 15,8 и 9,7% соответственно (годом ранее по этой статье было зафиксировано сокращение расходов на 3,6 и 1,5% соответственно). Расходы на здравоохранение в целом по РФ выросли на 7,8%, в СЗФО – снизились на 0,9%.

Происходящие в экономике модернизационные процессы находят отражение в росте объема инвестиций в основной капитал.

↗ Индекс объема инвестиций в основной капитал страны в I полугодии 2025 года увеличился на 4,3% (табл. 9). СЗФО в свою очередь продемонстрировал самый высокий среди остальных федеральных округов индекс объема инвестиций (117%), при этом сразу несколько субъектов макрорегиона

вошли в число лучших в стране по данному индикатору, наибольшим стал прирост объема инвестиций в основной капитал Ленинградской и Вологодской областей (на 56,5 и 45,9%)¹¹.

✓ В то же время в Новгородской области, Республике Коми и Калининградской области произошло выраженное замедление инвестиционной активности (на 17,6; 9,7 и 7,3% соответственно).

Происходит существенное замедление инвестиционной активности, что связано со снижением прибыли нефинансового сектора, сокращением выпуска в гражданском секторе и ожиданиями бизнеса по дальнейшему охлаждению экономики. Динамика косвенных индикаторов инвестиционной активности предполагает высокую вероятность отрицательной динамики инвестиций во 2 половине текущего года¹².

Таблица 9. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	6 мес. 2025 г.	Р*
Российская Федерация	108,0	111,2	104,3	-
Северо-Западный ФО	106,7	113,3	117,0	1
Ленинградская область	113,7	128,4	156,5	3
Вологодская область	74,6	113,3	145,9	4
Республика Карелия	82,1	100,7	120,5	10
Псковская область	95,9	125,6	106,3	32
Мурманская область	72,5	105,6	101,8	48
Санкт-Петербург	122,5	115,4	99,2	54
Ненецкий авт. округ	93,3	113,3	99,1	55
Архангельская область	96,5	64,1	96,3	61
Калининградская область	135,0	98,1	92,7	70
Республика Коми	99,3	103,5	90,3	73
Новгородская область	127,7	100,5	82,4	79
*Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – июне 2025 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.				

✓ Согласно данным Федеральной таможенной службы, общий объем экспорта России в стоимостном выражении сократился на 4,7%. Импорт за то же время вырос на 0,8%, на что не в последнюю очередь влияет укрепившийся рубль. Экспорт в Европу продемонстрировал снижение на 13,1%, в Азию – на 2,1%, в Африку – на 16,8%. В то же время импорт из Европы сократился на 2,9%, из Азии и Африки – увеличился на 1 и 37,9% соответственно. Экспорт продовольственных товаров уменьшился на 14,2%, импорт этой группы товаров вырос на 15,1%. Также на 15% сократился стоимостной объем экспорта минеральных продуктов (их доля составила 56,1%), импорт минеральных продуктов снизился на 13,4%. Экспорт машин и оборудования увеличился на 33,9%, в то же время импорт этой категории товаров снизился на 5,2%, при этом их доля составила немногим менее половины от общего объема импорта.

¹¹ Важное место в причинах этого события занимает реализация обновленной стратегии ПАО «Северсталь», согласно которой компания в 2025 году планирует инвестировать 169 млрд руб. Для сравнения: в 2024 году общий объем инвестиций в регионе составил 250 млрд руб.

¹² Квартальный прогноз ВВП. Выпуск 67. URL: <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-67/> (дата обращения 19.09.2025).

❖ **Цены на мировых рынках** на металлопрокат в I полугодии 2025 года снизились на 16,3%, на нефть – на 14,7%, на фосфорсодержащие удобрения – на 12,5% (табл. 10).

Таблица 10. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	6 мес. 2025 г.
Нефть	75,3	105,5	85,3
Газ	43,8	66,7	140,0
Металлопрокат (Мет.)	70,4	95,5	83,7
Фосфатные удобрения (ФУ)	56,4	134,9	87,5

⬆ В то же время природный газ подорожал на 40%.

Мировые цены на металлопродукцию демонстрируют разнонаправленные изменения: среди «плоского» проката отмечено увеличение цен на лист оцинкованный на 0,6% и снижение цен на горячекатаный и холоднокатанный лист на 6,5 и 4,3% соответственно (табл. 11, 12). Из «длинного» проката зафиксировано подорожание арматурной стали на 0,8%, тогда как конструкционные профили и сортовой прокат подешевели на 1%. На внутреннем рынке цены снижались: на «плоский» прокат – на 19,6–9,8%, на «длинный» металлопрокат – на 24,8–7,9%.

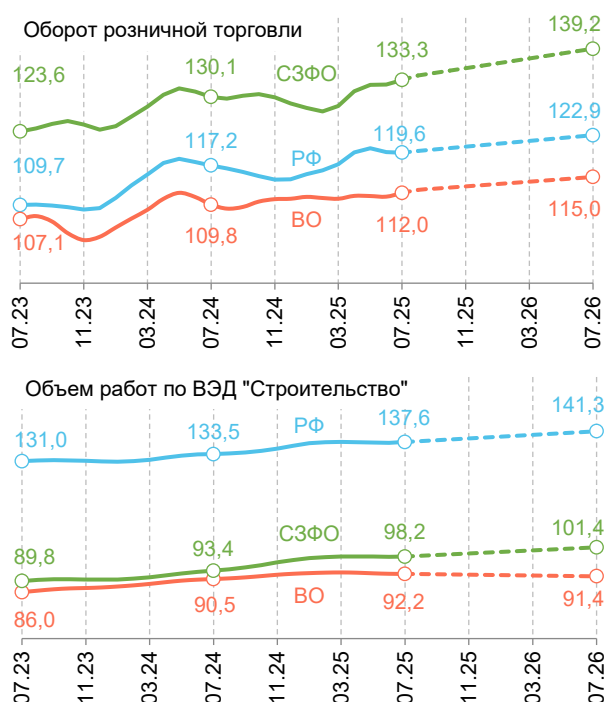
Таблица 11. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало августа соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г., % к	
					2024 г.	2023 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Долл. США	855	753	720	95,7	84,2
Лист оцинкованный	Долл. США	900	830	835	100,6	92,8
Лист горячекатаный	Долл. США	705	655	613	93,5	86,9
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	Долл. США	793	653	658	100,8	83,0
Конструкционные профили	Долл. США	955	720	713	99,0	74,6
Сортовой прокат	Долл. США	895	720	713	99,0	79,6

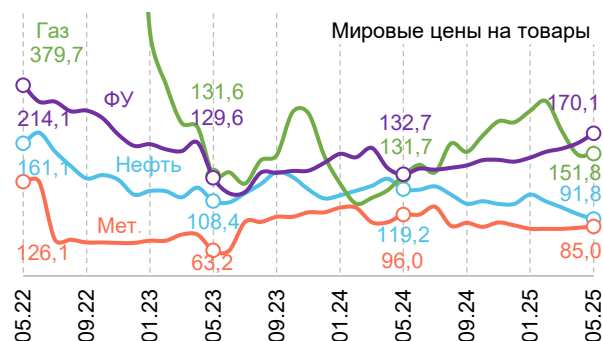
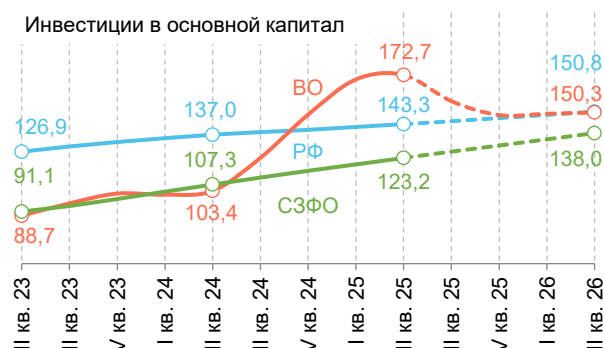
Таблица 12. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало сентября соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г., % к	
					2024 г.	2023 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Руб.	75883	87625	78375	89,4	103,3
Лист оцинкованный	Руб.	102000	118125	96200	81,4	94,3
Лист горячекатаный	Руб.	70929	65850	59400	90,2	83,7
«Длинный» прокат						
Арматура	Руб.	65772	64800	50208	77,5	76,3
Балка и швеллер	Руб.	80272	84806	78131	92,1	97,3
Круг	Руб.	62200	63833	48000	75,2	77,2
Уголок	Руб.	65371	65317	56433	86,4	86,3

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2023–2026 гг., % к уровню 2018 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2022–2026 гг., % к уровню 2018 года

— Российская Федерация
— Северо-Западный федеральный округ
— Вологодская область

— Нефть
— Газ
— Металлопрокат
— Фосфатные удобрения

Подводя итог, отметим, что в январе – июле 2025 года экономика как страны в целом, так и СЗФО продолжила расти. Сохраняющийся рост доходов населения и государственных расходов смягчили снижение предпринимательских доходов. В макрорегионе выросли объемы промышленного производства и строительства, инвестиций в основной капитал, а также бюджетные расходы на социальную политику. В то же время ситуация осложняется рядом таких явлений, как обострение дефицита кадров, сокращение бюджетных доходов и темпов ипотечного кредитования на фоне сохранения высокой ключевой ставки, а также сочетание снизившихся цен на ключевые экспортные товары и укрепившегося рубля. Ранее Минэкономразвития прогнозировало на 2025 год годовой прирост ВВП на уровне 2,5%, однако этот прогноз в скором времени ожидает пересмотр в сторону понижения¹³. По мнению аналитиков, рост промышленности и ВВП, даже если это будут весьма скромные 1,5%, обеспечит практически исключительно оборонная сфера¹⁴. В сложившихся условиях повышается важность активизации

усилий по ускоренной модернизации обрабатывающей промышленности, укреплению предпринимательского сектора и развитию потребительского спроса. В качестве примера уже реализованных мер можно привести расширение поддержки промышленных проектов¹⁵, поддержку аграриев¹⁶, малого и среднего предпринимательства¹⁷, а также инфраструктурных проектов в регионах¹⁸.

Источники: Росстат, Министерство экономического развития, Банк России, Федеральная таможенная служба, Правительство России, metalinfo.ru, metaltorg.ru, divercitytimes.com

Материал подготовили:

М.А. Сидоров
научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.В. Лукин
кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

¹³ Решетников: экономика РФ охлаждается быстрее ожиданий. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/09/04/1136580-ohlazhdaetsya-bistree> (дата обращения 18.09.2025).

¹⁴ Эксперты – о состоянии российской экономики: «Ее сжатие скрывать уже невозможно». URL: <https://newizv.ru/news/2025-09-02/eksperty-o-sostoyanii-rossiyskoy-ekonomiki-ee-szhatie-skryvat-uzhe-nevozmozhno-437784> (дата обращения 18.09.2025); О динамике промышленного производства в июле 2025 г. / ЦМАКП. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/PROM/2025/PR-OTR_2025-08-29.pdf (дата обращения 19.09.2025); ИНИП РАН: Квартальный прогноз ВВП. Выпуск 67. URL: <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-67/> (дата обращения 19.09.2025).

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ № 2267-р от 21.08.2025 о выделении 0,5 млрд руб. на обновление общественного транспорта в Калининградской области; Распоряжение Правительства РФ № 1926-р от 17.07.2025 о выделении около 4 млрд руб. на поддержку инвестпроектов в моногородах и особых экономических зонах.

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ № 2411-р от 01.09.2025 о выделении более 1,3 млрд руб. дополнительного финансирования на подготовку кадров для АПК в ряде регионов; Распоряжение Правительства РФ № 2248-р от 19.08.2025 о направлении 2 млрд руб. на субсидирование программы льготного кредитования аграриев.

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ № 2396-р от 30.09.2025 о направлении 1 млрд руб. на обеспечение работы центров «Мой бизнес» во всех регионах; Распоряжение Правительства РФ № 2537-р от 16.09.2025 о выделении 1,5 млрд руб. на работу региональных центров поддержки экспорта.

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ № 2122-р от 07.08.2025 о списании задолженности по бюджетным кредитам регионам, реализовавшим инфраструктурные проекты.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
О.В. Лебедева

Дата выхода в свет 30.09.2025.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 24,73. Тираж 500 экз. Заказ № 35.
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru